С. М. Штеменко

Генеральный штаб в годы войны

X 9R mo

X

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

С большим волнением заканчиваю рукопись о днях минувших... Возможно, каждый автор испытывает то же самое. Не знаю. Я волнуюсь прежде всего потому, что это моя первая в таком жанре, а может быть, и последняя книга. Как отнесется к ней строгий читатель?

Другие авторы военных мемуаров в годы Великой Отечественной войны командовали фронтами и армиями, флотами и флотилиями, водили в бой дивизии, полки, корабли, руководили партизанской борьбой и подпольной партийной работой в тылу врага. У меня судьба сложилась иначе: я нес тогда службу в Генеральном штабе.

В литературе Генштабу не повезло. О нем, как и о Ставке Верховного Главнокомандования, почти ничего не написано. А если в каких-то книгах и заходит о них речь, то преимущественно в смысле отрицательном: дескать, сидели там в шикарных кабинетах люди, совершенно оторванные от жизни, и пытались управлять войной по глобусу.

К счастью, на самом деле все было не так. Ставка Верховного Главнокомандования и ее рабочий орган — Генеральный штаб — твердо держали в своих руках и планирование кампаний войны, и руководство операциями, распоряжались резервами, тщательнейшим образом следили за развитием событий на огромных пространствах, охваченных войной. Ни один поворот фронта или армий не проходил без их ведома. Ни на минуту не утрачивались здесь живые контакты с войсками. Представители Ставки и Генерального штаба все время находились на решающих участках в действующей армии, контролировали исполнение директив и приказов Верховного Главнокомандующего, вносили свои предложения по ходу боев.

О том, что Ставка и Генеральный штаб успешно справлялись со своими задачами, свидетельствуют итоги Великой Отечественной войны. В соревновании воли, знаний и искусства управления

войсками они одержали верх над высшим военным руководством пресловутого третьего рейха.

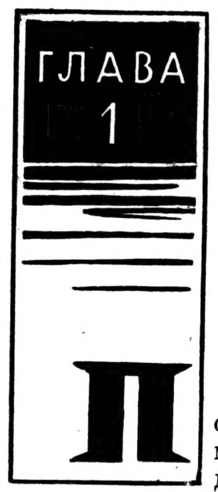
Каким же образом достигнуто это? Как жил и работал в годы войны коллектив Генерального штаба, прежде всего генералы и офицеры — операторы, я и хочу рассказать в своей книге. Речь пойдет главным образом именно о коллективе, потому что только коллективный разум и коллективный опыт в состоянии были охватить с должной полнотой явления войны и найти пути правильного решения труднейших задач, возникавших перед Вооруженными Силами. Но поскольку всякий коллектив слагается из отдельных лиц — руководителей и исполнителей,— я не считаю себя вправе обойти молчанием персональную работу тех, с кем ближе всего соприкасался тогда.

Заранее должен оговориться, что название книги не следует понимать буквально. Это не всестороннее и детальное описание поистине всеобъемлющей деятельности Генерального штаба. Автор не ставил перед собой такой обширной задачи. Еще в меньшей степени отражена здесь многогранная работа Ставки. Нет в книге и хронологически последовательного описания хода вооруженной борьбы советского народа с гитлеровской Германией и ее сателлитами, хотя Великая Отечественная война и составляет основу моих воспоминаний. По роду своих служебных обязанностей автор был в курсе всех событий на фронтах, но на первый раз он решил поделиться с читателями лишь тем, что запало в душу.

Память человеческая, даже самая ясная, не всегда способна воспроизвести былое с абсолютной точностью. Поэтому, работая над книгой, мне пришлось частенько обращаться к документальным источникам. Эти источники дороги мне еще и потому, что большая часть их родилась когда-то в совместном труде с товарищами по нелегкой службе в Генеральном штабе, а многие даже написаны рукой автора.

Молоды ли вы, читатель, или немало жизненных бурь уже прошумело над вашей головой, я равно буду благодарен вам за любые пожелания и критические замечания.

АВТОР

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Дорога, которой я не выбирал.— Мои наставники и однокашники по Академии Генштаба.— Освободительный поход в Западную Украину.— Стажировка в Оперативном управлении.— Назначение в Генеральный штаб.—Май—июнь 1941 года.— Роковая ночь.— Размышления о степени нашей готовности к войне.— Состояние механизированных войск.— Авиация.— Флот.— Вопросы, часто не получающие ответа.

После окончания Академии моторизации и механизации РККА я второй год командовал в Харькове, а затем под Житомиром отдельным учебным тяжелым танковым батальоном. Мы гордились своими сухопутными броненосцами Т-35 и Т-28, с которыми ежегодно бывали на парадах в Москве в составе тяжелой танковой бригады РВГК.

Танк Т-35 был пятибашенным. На вооружении имел три пушки и пять пулеметов. Весил 50 тонн. Экипаж его состоял из одиннадцати человек, в том числе два средних командира — лейтенант и танковый техник. А всего в батальоне насчитывалось около ста человек командного состава — дружный, спаянный коллектив.

Я был очень доволен службой, с рвением отдавался ей и мечтал только об одном — подольше покомандовать этой полюбившейся мне частью. А тут вдруг телеграмма из округа о зачислении меня и начальника штаба бригады (моего однокашника по академии) майора Н. Н. Радкевича слушателями Академии Генерального штаба. Ни он, ни особенно я не имели ни малейшего желания так скоро снова ехать на учебу и потому сразу же стали искать обходные пути.

Мне повезло. Работая председателем окружной комиссии по выпуску одногодичников в соседнем учебном полку, я должен был доложить результаты начальнику бронетанковых и механизированных войск Киевского военного округа комбригу Я. Н. Федоренко. Выбрал при этом удобный момент и попросил Якова Николаевича послать в академию вместо меня кого-нибудь другого. Против

ожидания, он сразу же одобрил мое решение и твердо заявил:

— Работайте спокойно. Никуда не поедете.

Это было в августе 1938 года. А в сентябре, когда я выполнял обязанности посредника на полевых учениях в бригаде М. Е. Катукова, меня срочно отозвали к месту службы и приказали сдавать батальон: из Москвы поступило категорическое требование о немедленном выезде на учебу. Через три дня вместе с Радкевичем мы тронулись в путь.

Как оказалось, среди отобранных в академию настроения, подобные нашим, были не таким уж исключительным явлением. На мандатной комиссии несколько человек заявили самоотвод, опасаясь, что после учебы не придется уже командовать. Лица с образованием в объеме Академии Генштаба в то время исчислялись единицами, и мы полагали, что путь отсюда лежит только в штабы.

Всем отказали. Добился своего лишь полковник С. С. Бирюзов. Не без содействия со стороны замнаркома Е. А. Щаденко он уехал все-таки и впоследствии командовал дивизией.

К тому времени Академия Генерального штаба уже прочно встала на ноги. Создание этого высшего военно-учебного заведения было велением времени. Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела еще в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав оперативного звена готовился только на одногодичном факультете Академии имени М. В. Фрунзе. До поры до времени это было хорошо. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих военных кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени М. В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла.

В Академию Генерального штаба собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела. Среди них — В. А. Меликов, Д. М. Карбышев, Н. Н. Шварц, А. И. Готовцев, Г. С. Иссерсон, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский, П. П. Ионов.

Особой, как мне кажется, популярностью пользовался в нашей слушательской среде Дмитрий Михайлович Карбышев, ученый-инженер, умевший преподнести свой, казалось бы, «сухой предмет» очень остроумно, оригинальными и простыми методами помогавший нам запоминать сложные технические расчеты. На всю жизнь запала в память его практическая формула для расчета сил и средств оборудования позиций заграждениями из колючей проволоки: один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд. Шутники-острословы переиначили ее: один сапер, один топор, один день, один пень. Шутка дошла до Карбышева и нисколько не обидела его. Он и сам при случае не упускал возможности пошутить. Пожалуй, ни одна из его лекций не обходилась без этого.

Более строгими по тону, я бы сказал, более «академичными», но столь же глубокими, содержательными были лекции Г. С. Иссерсона по оперативному искусству и стратегии, а также лекции по тактике высших соединений, которые читал А. В. Голубев. Добрую память оставили о себе и такие талантливые преподаватели, как А. В. Кирпичников, В. К. Мордвинов, Е. А. Шиловский, С. Н. Красильников. Все они отлично знали предмет и были великолепными методистами.

Очень сильным оказался в академии и состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. Особенно выделялся в этом отношении В. А. Меликов, читавший историю первой мировой войны и буквально влюбленный в нее. Иногда он увлекался настолько, что сядет, бывало, лицом к схемам, развешанным на стойках, и ведет свой интересный красочный рассказ, повернувшись спиной к слушателям. Звенел звонок на перерыв, а лекция все продолжалась. И даже завзятые курильщики не покидали своих мест. Только когда в классе появлялся другой преподаватель, мы отрывались наконец от битвы на Марне или драматических событий в Августовских лесах.

С таким же жаром читалась русско-японская война профессором Н. А. Левицким. Он так же свободно излагал материал и так же покорял слушателей подробностями и перипетиями сражения или боя, воссоздавая зримую картину борьбы воли и ума военачальников.

Среди преподавателей встречались и наши сверстники, равные с нами в званиях. Например, майор И. С. Глебов преподавал артиллерию, подполковник К. Ф. Скоробогаткин — химдело. Оба они окончили эту же академию в том же 1938 году. А начальниками групп и нашими руководителями по тактике были полковники И. Х. Баграмян, В. В. Курасов, А. И. Гастилович. И надо сказать, что уже в то время чувствовалась незаурядность этих людей. Среди слушателей они пользовались всеобщим уважением, во-первых, за свои знания, а во-вторых, за разумное сочетание высокой требовательности с товарищеским отношением к нам.

В самом конце августа 1939 года прямо с занятий большую группу слушателей, в том числе и меня, вызвали к начальнику курса полковнику В. Я. Семенову. Недоумевая, что бы это могло означать, мы явились в его кабинет и тут узнали, что на следующий день должны быть все в Оперативном управлении Генштаба. Зачем и для чего, Семенов не объяснил. Возможно, он и сам не знал этого.

Время тогда стояло тревожное. Возмущенное человечество не успело еще привыкнуть к факту удушения фашизмом Республиканской Испании, не опомнилось от грубого насилия Муссолини над слабой Абиссинией, как Гитлер захватил Австрию, Чехословакию, Клайпедскую область Литвы, превратив последнюю в базу нападения на Польшу. Народы протестовали против этих неслыханных актов произвола, но мюнхенские умиротворители, по существу, поощряли главарей фашизма на новые злодеяния. Неспокойно было и на восточных рубежах страны, где нам уже дважды пришлось скрестить оружие с японскими милитаристами: сначала у озера Хасан, затем на Халхин-Голе. Чувство настороженности вызывал провал переговоров между военными миссиями Англии, Франции и СССР, заранее подстроенный нашими недоброжелателями. Словом, в воздухе пахло грозой, и мы прибыли в Генеральный штаб готовыми ко всему.

Принял нас помощник начальника Оперативного управления комбриг А. Ф. Анисов. Он сообщил, что в Киевском Особом военном округе скоро начнутся большие маневры и нам предстоит принять в них участие.

— Делу будет польза и вам стажировка,— заявил напоследок Анисов.

Вернувшись в академию, узнали, что такие же маневры проводятся и в Белорусском Особом военном округе, куда тоже едет группа слушателей нашей академии.

Как всегда, в своем кругу обсуждая происходящее, мы искали связь между ним и нашей собственной жизнью, нашими ближайшими перспективами. Складывалась уже привычка анализировать события, в том числе и мировые. Ведь бок о бок с нами находились люди, успевшие понюхать пороху в Испании и на Дальнем Востоке.

Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, мы твердо помнили о капиталистическом окружении. Каждый, конечно, понимал, что все наши пятилетки, имевшие своей целью построение коммунизма в СССР, были направлены и на то, чтобы экономически обеспечить победу, если придется воевать. Страна создала новые и передовые отрасли промышленности — автомобильную, тракторную, авиационную. У нас очень развились нефтедобыча и нефтеперерабатывающее производство. Улучшалось качество и росло количество вооружения и техники для Красной Армии. Нам было известно, что новейшие образцы советских танков — КВ и Т-34 — превосходны и войска получат их в ближайшие годы. Лучше становились и отечественные самолеты, советские корабли, особенно подводные лодки. Решительно совершенствовались артиллерия и средства связи. Уже к 1939 году наш танковый парк вырос по сравнению с 1930 годом в 43 раза, самолетов стало больше в 6,5 раза, артиллерии — почти в 7 раз.

А разве не знали мы об увеличении общей численности армии, особенно технических родов войск! За те же восемь-девять лет стрелковые войска удвоились, а численность танковых и механизированных войск возросла в 12 раз.

Менялся порядок комплектования Вооруженных Сил. От территориальных формирований отказались. На очереди был Закон о всеобщей воинской обязанности. Кадровый принцип строительства армии и флота становился, таким образом, единственным и безраздельным. Одновременно удлинялись сроки действительной военной службы. Партия и правительство делали все для того, чтобы отстоять Отчизну в грозный час.

С чувством твердой уверенности в нашей силе выез-

жали мы на маневры. Неожиданная командировка пришлась нам по душе. Она сулила интересную практику в применении знаний, приобретенных за год учебы. В поезд на Киев садились все в приподнятом настроении.

Но пока ехали, случилось то, что не могло не омрачить нас: утром 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Из местных газет, которые мы хватали на станциях, ничего нельзя было понять как следует. Однако сам факт вторжения и необычно высокие темпы немецкого продвижения по территории Польши заставляли призадуматься об очень серьезных последствиях.

В те годы командиры Советской Армии внимательно изучали и достаточно хорошо знали состояние польских вооруженных сил. И по техническому оснащению, и по подготовке личного состава армия панской Польши стояла далеко от уровня, который можно было назвать современным. Многое в ее войсках носило показной характер. Однако мы не склонны были слишком переоценивать возможности германской армии: ведь до тех пор она еще не вела настоящих боевых действий.

Под стук колес хорошо думалось. Большие маневры у западных границ страны невольно ассоциировались с Хасаном и Халхин-Голом. В этом свете становилось понятнее, почему нас послали в Киевский и Белорусский Особые военные округа.

В Киеве мы представились начальнику штаба округа Н. Ф. Ватутину и тотчас же были распределены по отделам. Меня, как танкиста, назначили в распоряжение начальника бронетанковых войск округа Я. Н. Федоренко.

С новой обстановкой и новыми людьми освоились быстро. От нас не скрывали, что развитие военных действий в Польше принимает крайне неблагоприятный характер. Говорили, что если так пойдет дальше, то не исключена угроза для нашей страны и от Советской Армии могут потребоваться «особые меры».

В Москве с 1 сентября работала внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Она уже приняла Закон о всеобщей воинской обязанности.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, а в округ пришла телеграмма Наркома обороны, предлагавшая задержать увольнение красноармейцев, отслуживших свой срок. Отпуска командному составу тоже прекращались. В шести военных округах — Ленинград-

ском, Калининском, Московском, Харьковском, а также в Киевском и Белорусском Особых — все части и соединения, вся система связи приводились в боевую готовность.

Вступление в войну Англии и Франции должно было, конечно, подстегнуть Гитлера и ускорить развязку с Польшей. А что дальше? Перебросит ли Германия свои войска на запад, или... Шли-то они на восток!

Еще через два дня можно было уже уверенно сказать, что главные силы армии буржуазной Польши на южном фланге польско-германского фронта разбиты и немецко-фашистские танковые соединения нацелились на Варшаву. В штаб Киевского военного округа поступило указание поднять войска и военные учреждения на большие учебные сборы с призывом из запаса военнообязанных. Первым днем сбора назначалось 7 сентября.

А польский фронт продолжал рушиться. Панское правительство Мосьцицкого разбежалось. 7 сентября бросил Варшаву главнокомандующий польской армией Рыдз Смиглы. В конце следующего дня стало известно, что немецкие танки завязали сражение у стен польской столицы. Варшава стойко оборонялась трудящимися, но в других районах страны обстановка была удручающей. Еще больше усложнилось и без того сложное положение проживавших в Польше украинцев и белорусов.

Нарком обороны предупредил командующего войсками округа о подготовке к походу в Западную Украину. Киевский военный округ развертывался в Украинский фронт под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Соседний Белорусский округ во главе с М. П. Ковалевым тоже преобразовывался во фронт.

С этого момента мы уже не ведали покоя ни днем, ни ночью: контролировали развертывание войск, оснащение их вооружением и техникой, стягивание в исходные районы. В районе Перга, Олевск, Белокоровичи сосредоточивался 15-й отдельный стрелковый корпус; в районе Новоград-Волынский, Славута, Шепетовка — 5-я армия; в районе Купель, Сотанов, Проскуров — 6-я армия; в районе Гусятин, Каменец-Подольский, Новая Ушица, Ярмолинцы — 12-я армия. На румынском участке границы располагалась 13-я армия. Штаб фронта перебрался в Проскуров. Меня к этому времени перевели в распоряжение начальника оперативного отдела генерала В. М. Злобина.

Стало известно, что правительство Польши нашло приют в боярской Румынии. Это вносило новые поправки в обстановку — теперь не оставалось никаких надежд на сколько-нибудь серьезное сопротивление в Польше наступающим с запада гитлеровским войскам. Буржуазное польское государство и его армия не могли обеспечить безопасность своему народу.

В столь ответственный момент Советское правительство приняло решение взять под свою защиту мирную жизнь населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Об этом было объявлено всему миру. Заявлялось также, что с нашей стороны будет сделано все возможное, чтобы вызволить из злополучной войны весь польский народ.

Решение Советского правительства обеспечивалось военными мерами. Украинский фронт получил директиву: к исходу 16 сентября войскам быть готовыми к решительному наступлению, а 17 сентября перейти госграницу. Шепетовской группе под командованием И. Г. Советникова предписывалось наступать на Ровно, Луцк и к исходу второго дня овладеть Луцком. Волочисская группа во главе с Ф. И. Голиковым нацеливалась на Тернополь, Львов и к исходу 18 сентября должна была овладеть Буском, Перемышлянами, то есть вплотную подойти ко Львову. Каменец-Подольской группе, которой командовал И. В. Тюленев, предстояло двигаться на Чертков и на второй день овладеть Станиславом.

С польской границы докладывали: по шоссе Львов — Тернополь сплошным потоком отходили на восток и в сторону Румынии разбитые польские части, в сохранившихся войсках утрачено управление, оружия не хватает; немцы подошли ко Львову и угрожают городу с юга, а севернее его ведут бои на Западном Буге. Однако по всему чувствовалось, что и в этих условиях принимались меры на случай наших активных действий. Вблизи границы СССР появились польские гусарские части. На подволочисской стражнице устанавливались пулеметы.

В ночь на 17 сентября я находился на НП 6-й армии. Здесь, как обычно на пороге больших событий, воцарилась деловая напряженность. Поминутно звонили телефоны, один за другим появлялись и исчезали связные из дивизий. И все-таки казалось, что время тянется невыразимо медленно.

Наконец обусловленный приказом срок перехода границы настал. Ровно в 5 часов была подана команда, и войска пошли. Первые тревожные запросы. Первые донесения уже с польской территории:

— Организованного сопротивления нигде оказано не было...

— Войска продвигаются успешно. В Подволочисске в помещении вокзала захвачено много солдат и офицеров польской армии, пулеметы и другое вооружение...

— Повсюду — толпы беженцев, и в их числе военные...

Вскоре двинулся вперед и штаб 6-й армии. А я к исходу дня возвратился с докладом об обстановке в штаб фронта.

Не успел поужинать, как Злобин вызывает к себе.

— Надо несколько изменить задачу Шепетовской группе войск.

Показал по карте, в чем состояло это изменение. Сообщил, что штаб группы находится в Ровно. Вручил запечатанный пакет с письменным распоряжением. Напоследок напомнил:

— Изучите хорошенько маршрут. Возьмите на пограничной заставе надежного проводника и охрану. На месте надо быть к утру.

Выехал я на фордике и вскоре прибыл в Славуту, в погранотряд. Оттуда меня сопроводили до заставы, а там в мое распоряжение был выделен в качестве проводника старшина с пулеметом. Второй ручной пулемет дали мне самому и вдобавок еще наделили каждого тремя гранатами. Предосторожность не лишняя! По дорогам бродили разрозненные группы гусаров, а то и просто бандиты.

Старшина, не теряя времени, приладил впереди пулемет и уселся рядом с шофером. Я со своим пулеметом устроился сзади. Границу проехали уже в темноте, и тут выяснилось, что мой проводник знает дорогу только на 3—4 километра за рекой Горынь. Дальше ехали по карте и вскоре заблудились. Я помнил маршрут наизусть. Однако на местности дорог оказалось вдвое больше, чем на карте. К тому же — ночь. Выберешь, кажется, верный путь, едешь-едешь и вдруг упираешься в какой-нибудь темный и будто бы обезлюдевший хутор. Кругом ни души.

Времени у меня оставалось в обрез. Положение складывалось неприятное: можно было запоздать с доставкой пакета. Мы привыкли у себя в СССР к большим дерев-

ням, где всегда найдешь знающего дороги человека. А здесь — ни деревень, ни людей.

Решил все-таки отыскать кого-нибудь на хуторах и расспросить, как добраться до Ровно. Подъехали к одному хутору. На наши крики и стуки никто не ответил. Поехали ко второму, заметив в окне тусклый огонек. Но, едва мы приблизились, огонек погас. Перед нами — высокий забор, громадные ворота, рубленый дом, как крепость, с одним только окном на улицу.

Постучали. Молчок. Еще раз стукнули. Ответа нет.

— Лезем в окно,— приказал я старшине.

Окно открыли. Осветил комнату фонариком, в ней никого нет. Стали звать. Опять молчок.

— Лезем,— повторил я.

Но влезть в окно мы не успели: на пороге комнаты появился старый дед и молча поднял вверх трясущиеся руки.

Польский язык я знал плохо — только одну зиму посещал кружок при Доме Красной Армии 3-й кавалерийской дивизии имени Котовского. Да и было это давненько — в 1931 году. Попытался собрать в памяти полузабытые польские слова. Как нарочно, вспоминались не те, что требовались. С грехом пополам все же объяснил деду, что мы ищем шлях на Ровно.

Дед немного успокоился. Заговорил быстро-быстро, мешая украинскую речь с польской, размахивая руками. Он не понимал карты, я не понимал деда, а время шло.

Попросил деда поехать с нами. Тот полез почему-то в окно. Мы со старшиной подхватили его под руки, усадили в машину и минут через сорок, после замысловатых петель по лесу, выехали все-таки на Ровенское шоссе. Деда высадили. Он принялся кланяться и благодарить нас, а мы его.

Часа через два достигли Ровно. Штаб я разыскал в здании бывшей гимназии. Задание удалось выполнить в срок.

В обратный путь отправились с восходом солнца. Как хорошо ехать днем! Все было яснее ясного. И карта оказалась хорошей, и дорог стало вроде бы меньше. К полудню я был уже в штабе фронта.

Отдыхать, однако, не пришлось. Меня вместе с полковником Вармашкиным — заместителем начальника бронетанковых войск — опять вызвал начальник оперативно-

го отдела. Надо было ехать в Тернополь и организовать там дозаправку танков, прибывающих на усиление группы. Кроме того, мы получили приказ не давать оседать в городе тыловым частям и учреждениям.

В Тернополь приехали, когда его только что прошли передовые части. За ними следовала 5-я кавалерийская дивизия под командованием широко известного в то время Я. С. Шарабурко. Мы его дивизию в город не пускали. Произошел скандал. Комдив наскакивал на нас. Вармашкин тыкал ему в нос наш мандат. Но и с мандатом мы чувствовали свое бессилие перед напористым конником. Только упоминание имени С. К. Тимошенко несколько охладило его пыл, и дивизия направилась в обход города.

Тем временем подошли танки, а цистерн с горючим мы еще не отыскали. Теперь танковый командир величал нас по-всякому, требуя горючего. Наконец появился капитан, возглавлявший колонну цистерн. Оказывается, по пути он попал в пробку и потому опоздал с доставкой горючего на два часа.

Танки заправились, и мы приступили к выполнению своей второй задачи — очищению города от тылов. Дело это было очень трудным. Наступала ночь, и мало кто изъявлял желание покидать город до рассвета.

Неожиданно с костела, расположенного в центре города, полоснул по улице плотный пулеметный огонь. Заржали кони, забегали люди. Поднялась ответная стрельба. Прекратить ее нельзя было до самого рассвета. Время от времени она вспыхивала то в одном, то в другом конце города. В костеле мы обнаружили утром груды пустых гильз, но того, кто вел огонь по улице, задержать не удалось. Говорили, что это — ксендз, успевший улизнуть потайным ходом.

В Тернополе мы пробыли еще сутки и вернулись в штаб фронта, который вскоре перебрался во Львов. Там он разместился в здании бывшего кадетского корпуса.

Город был опрятен и по-своему наряден. Вдоль широких улиц высились богатые особняки. А в сельской местности, всего в 10—12 километрах от Львова, начиналось царство бедности, если не сказать больше — нищеты. Деревенские мальчишки, попривыкнув к нам — а это случилось уже через два-три дня, — стали, как и везде, общительными, доверчивыми. Они глазели на проходившие вой-

ска, потом вдруг становились на голову и так стояли вдоль дороги столбиками. Сначала мы недоумевали: что сие значит? Потом нам разъяснили, что таким образом они просят подарить им карандаш. И тут наш комсостав пустил в ход «Тактику», а также все другие запасы карандашей. Дело дошло до того, что в некоторых штабах нечем стало наносить на карты обстановку.

Продвижение наших войск по территории тогдашней Польши было приостановлено на рубеже Ковель, Владимир-Волынский, Львов, Тышковница, река Стрый, Долина. В оперативном отделе спешно подготавливался отчет о действиях войск Украинского фронта по освобождению Западной Украины. Когда эта работа закончилась, меня вызвал Н. Ф. Ватутин и приказал доставить отчет в Генеральный штаб.

— До Киева полетите на самолете, — сказал он, — а дальше поедете поездом. За портфель с документами и картами отвечаете головой. В Генштабе все сдадите лично комбригу Василевскому.

Когда я прибыл на аэродром, меня уже поджидал там самолет По-2. Вести его должен был молоденький летчик в звании лейтенанта.

— Маршрут знаете? — спросил я.

— Знаю, — твердо ответил он.

На всякий случай проверил его карту. Там все было в полном порядке: прочерчен маршрут, проставлены километраж и расчетное время. Можно лететь.

Через полчаса наш самолет попал в туман. Стали выбираться, поднялись на высоту до тысячи метров. Там было ясно, но земля не просматривалась.

— Правильно ли летим? — забеспокоился я.

— Точно по курсу! — доложил летчик.

Минут через двадцать под нами открылась земля, но железной дороги, вдоль которой мы летели раньше, не оказалось. Куда-то пропала.

— Она — севернее километрах в двадцати, — успокоил меня летчик.

— Давай к ней...

Но севернее мы ничего не обнаружили и повернули круто на юг. Там тоже дороги не было. Я забеспокоился: как бы не попасть к немцам за демаркационную линию.

Наконец исчезнувшую железнодорожную линию уда-

лось обнаружить. Пошли вдоль нее до первой станции. Снизились и прочитали: «Наркевичи». Значит, находимся между Тернополем и Проскуровом. Здесь немцев нет.

Дальше все шло хорошо. Заправились горючим в Проскурове и благополучно долетели до Киева. На следующий день я уже был в Москве и вручил портфель с документами А. М. Василевскому. От него узнал, что в штаб фронта возвращаться не следует: все слушатели Академии Генерального штаба отзываются из войск для продолжения учебы.

Проучились мы еще несколько месяцев, и снова вызов в Генштаб. Началась финская кампания.

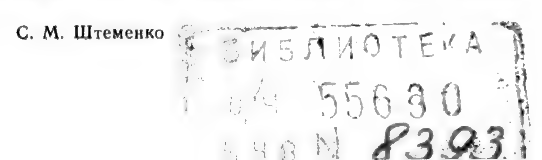
Большую группу слушателей академии взяли на усиление Оперативного управления Генерального штаба. В их числе оказался и я.

В нашу задачу входило собирать данные по обстановке, анализировать их, вести карты боевых действий, составлять оперативные сводки, передавать в войска различные директивы и распоряжения. Короче, мы приобщались к оперативной работе во всей ее широте и многообразии. На мою долю выпала сначала 9-я армия, которая вела бои на суомуссалминском направлении, а затем к ней добавилась еще и 14-я армия с петсамского направления. Оба эти направления были, как известно, второстепенными. Основные же события развертывались на Карельском перешейке и в районе Ладожского озера.

Так как работа велась непрерывно, все мы были разбиты на две смены. Смена работала круглые сутки. Сменялись в 19.00 и сразу шли спать. Тогда слова «спать» не боялись и не заменяли его более деликатным «отдыхать».

Весь следующий день, как правило, занимались в академии, а вечером опять на сутки заступали дежурить в Генштабе. Доставалось крепко, но мы не роптали: дело интересное и к тому же война! Мы же были молоды, полны сил, и все казалось нам нипочем.

Зима 1940 года отличалась суровостью. Стояли сильные морозы. Маневренные действия войск сильно ограничивал глубокий снежный покров. 9-я и 14-я армии растянулись вдоль дорог и медленно продвигались вперед, отбивая атаки выходивших на их тылы финских лыж-

БИБЛИОТЕКА
55630
8393

ных батальонов. Сплошной фронт был лишь на Карельском перешейке, где вела бои 7-я армия под командованием К. А. Мерецкова.

Надо прямо сказать, что в то время наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях финского театра. Леса и озера, бездорожье и снега были для них серьезным препятствием. Очень тяжело пришлось, в частности, 44-й стрелковой дивизии, которая прибыла с Украины и сразу же под Суомуссалми попала в окружение. Командовал этой дивизией А. И. Виноградов.

Для расследования обстоятельств дела и оказания помощи окруженным по указанию И. В. Сталина в 9-ю армию был послан Л. З. Мехлис. Донесения его часто проходили через мои руки и всегда оставляли в душе горький осадок: они были черны как ночь. Пользуясь предоставленными ему большими правами, снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой. Для комдива Виноградова потребовал расстрела за потерю управления дивизией. Тот был арестован, но до расстрела все же дело не дошло. Позже мне не раз приходилось встречаться с Мехлисом, и тут я окончательно убедился, что человек этот всегда был склонен к самым крайним мерам.

После финской войны — 12 марта 1940 года слушатели Академии Генштаба опять вернулись к нормальной учебе. Наш курс на месяц выехал в Винницу, где на местности отрабатывались различные оперативные и тактические задачи, а также вождение колонн. В последнем случае слушателю задавался определенный маршрут, как правило, по проселочным дорогам, и он обязан был провести воображаемую колонну, фактически обозначенную только одной машиной. Ездили обычно ночью. Ведущий сидел с шофером в кабине, а остальные — в кузове автомашины, готовые в любой момент к смене ведущего.

Это были интересные и поучительные поездки, хотя не обходилось без курьезов. Иногда кто-нибудь заводил нас в такие дебри, из которых потом мы все сообща выбирались только с рассветом.

На академии заметно стали сказываться выводы, сделанные высшим командованием из опыта только что за-

кончившейся войны. Была значительно поднята дисциплина. Из учебного процесса изымалось все отжившее, устаревшее. Особый упор делался на полевую выучку, на разработку сложных форм операции и боя. Воспитательная работа перестраивалась таким образом, чтобы формировать из нас командиров, готовых к любым испытаниям.

Пришлось подтягиваться до уровня новых требований. Все мы понимали, что это необходимо и очень поможет в нашей последующей службе в войсках, где вся система боевой и политической подготовки пересматривалась и приспосабливалась к тому, что нужно на войне.

Осенью сдали государственные экзамены. Перед выпуском нас опрашивали, кто на какую работу желает пойти. Я просился на командную. В какой военный округ назначат — особой роли не играло. Территорию, как говорится, мы не выбирали.

На выпускном вечере от Генштаба присутствовал А. М. Василевский. Он поздравил нас и объявил, что те, кто работал в финскую кампанию в Генштабе, очевидно, будут туда и назначены. На другой день я и мой друг по двум академиям Николай Антосенков подали по команде рапорты с просьбой не назначать нас в Генштаб, а послать в механизированные корпуса, которые в то время начали формироваться. Просьбу Антосенкова удовлетворили, а я вместе с А. А. Грызловым, С. М. Енюковым, В. Д. Уткиным, Г. В. Ивановым и некоторыми другими был направлен в Оперативное управление Генштаба к генерал-лейтенанту В. М. Злобину.

Вскоре Злобина сменил генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, который пробыл в этой должности несколько месяцев, после чего был назначен заместителем начальника Генштаба. На его место пришел генерал-лейтенант Г. К. Маландин, остававшийся во главе Оперативного управления до первых дней войны. Такая поспешность в подборе и перемещении столь ответственных должностных лиц едва ли была полезна.

Моим непосредственным начальником оказался генерал-майор М. Н. Шарохин. Я был назначен к нему старшим помощником. Уведомленный, очевидно, о моем нежелании служить в Генштабе, он сразу же предупредил, что с этими настроениями надо кончить и по-настоящему браться за дело. Поняв, что плетью обуха не перешибешь, я решил последовать его благому совету и

временно посвятить себя штабной работе. Тогда я не мог представить себе, что она станет моей пожизненной профессией.

Осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Средне-Азиатском военных округах, намеченных на май.

В апреле генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин проводил командно-штабное учение в Ленинградском военном округе, и я ездил к нему с докладом. Доклад прошел гладко: Николай Федорович утвердил наши разработки почти без замечаний и отпустил меня, сказав, что учение в ЗакВО будет проводить либо начальник Генштаба, либо он — Ватутин.

В конце мая основной состав нашего отдела отправился в Тбилиси. Нас усилили за счет других отделов. С нами выехали полковник С. И. Гунеев, подполковник Г. В. Иванов, майоры В. Д. Уткин и М. А. Красковец. Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба, ни его заместитель выехать не могут и учениями будут руководить командующие войсками: в ЗакВО — Д. Т. Козлов, в САВО — С. Г. Трофименко. Однако уже на другой день после нашего приезда в Тбилиси генерал-лейтенанта Козлова срочно вызвали в Москву. Чувствовалось, что в Москве происходит нечто не совсем обычное.

Руководить учением стал генерал-майор М. Н. Шарохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант П. И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф. И. Толбухин.

После разбора учений в ЗакВО пароходом направились из Баку в Красноводск, а оттуда поездом в Мары, где нас уже поджидали генерал-лейтенант С. Г. Трофименко и его начальник штаба генерал-майор М. И. Казаков. Во время игры мне удалось, с целью изучения театра, проехать по границе от Серахса до Ашхабада и далее через Кизыл-Атрек до Гасан-Кули.

Возвращались в Москву с легким сердцем. Учения прошли хорошо.

21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казан-

ского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М. Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье — 22 и понедельник — 23 июня.

Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе.

Война началась.

Теперь, когда от той роковой ночи нас отделяют десятилетия, появилось множество самых разных оценок тогдашнего состояния наших Вооруженных Сил.

Иные говорят, что мы совсем не были готовы к отражению нападения противника, что армия наша воспитывалась в расчете на легкую победу. И хотя подобного рода высказывания принадлежат, как правило, людям невоенным, вокруг них громоздится обычно непроницаемый частокол мудреной специальной терминологии. Утверждается, например, что из-за неверного якобы понимания характера и содержания начального периода войны у нас неправильно обучались войска боевым действиям именно в этот период.

Утверждение столь же смелое, сколь и невежественное. Ведь понятие «начальный период войны» — категория оперативно-стратегическая, никогда не оказывавшая сколько-нибудь существенного влияния на обучение солдата, роты, полка, даже дивизии. И солдат, и рота, и полк, и дивизия действуют в общем-то одинаково в любом периоде войны. Они должны решительно наступать, упорно обороняться и умело маневрировать во всех случаях, независимо от того, когда ведется бой: в начале войны или в конце ее. В уставах на сей счет никогда не было никаких разграничений. Нет их и сейчас.

Довольно часты разговоры о том, что у нас-де недооценивалась опасность войны с Германией. В защиту этого неверного соображения выдвигаются подчас совсем смешные доводы о неудачной будто бы дислокации войск в военных округах, на которые возлагалось прикрытие и оборона западных границ. Почему неудачной? А потому, видите ли, что крупные силы, входившие в состав приграничных округов, были расположены не на границе, а на

удалении от нее. Между тем и практикой, и теорией давно доказано, что в любом виде боевых действий главные силы обязательно эшелонируются в глубину. Где больше должно быть сил и как глубоко надлежит их эшелонировать — вопрос очень сложный. Здесь все зависит от обстановки и замысла военачальника.

Элементарной неосведомленностью в военном деле объясняется, видимо, и то, что некоторые товарищи объявляют ошибочным известное положение довоенных уставов Советской Армии о подчиненной роли обороны по отношению к наступлению. Таким приходится напомнить, что это положение действительно и поныне.

Одним словом, в ряде случаев люди, рассуждающие о войне, пошли, на наш взгляд, по неправильному пути, не дав себе труда как следует изучить суть дела, которое берутся критиковать. В итоге же похвальное их стремление разобраться в причинах неудач, постигших нас в 1941 году, перерастает в свою противоположность, порождает вредную путаницу. Отождествляются совсем не тождественные понятия и явления: скажем, готовность авиации к боевым вылетам, артиллерии к открытию огня, пехоты к отражению атак противника с готовностью страны и армии в целом к ведению войны с сильным противником.

В этой связи мне хотелось бы высказать свою точку зрения, не претендуя, разумеется, на полноту и оригинальность суждений, а руководствуясь лишь общеизвестными историческими фактами, здравым смыслом и опытом работы в Генеральном штабе.

Была ли у нашей страны потенциальная возможность воевать против сильного противника? Да, была. Кто, кроме недругов, может отрицать, что к началу сороковых годов Советский Союз из страны экономически отсталой стал поистине могучей социалистической державой?

В результате осуществления пятилетних планов развития народного хозяйства у нас имелись все необходимые материально-технические предпосылки для разгрома любого врага, и война подтвердила это. Мы построили свою мощную по тем временам металлургию и вплотную подошли к Германии по производству стали и чугуна. В 1940 году стали выплавлялось в СССР более 18 миллионов тонн, а в Германии — 19 миллионов с небольшим; чугуна мы получили около 15 миллионов тонн, а Герма-

ния — лишь 14 миллионов. Третий рейх несколько превосходил нас в производстве электроэнергии (около 63 миллионов киловатт-часов у них, 48 миллионов у нас), но зато далеко отстал по сравнению с нами в добыче нефти. Выросла и наша нефтеперерабатывающая промышленность, без которой были бы мертвы советские танки и самолеты. Созданы были отечественное машиностроение, авиастроение, тракторостроение, приборостроение. Подверглось коренной перестройке на основе сплошной коллективизации сельское хозяйство. Чрезвычайно велики были культурные завоевания советского строя, что позволило нам вырастить изумившие весь мир кадры ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих и, конечно, воинов — от солдата до маршала.

В предвоенные годы развернулось бурное строительство многомиллионной кадровой армии. Только такая армия была способна надлежащим образом встретить врага. Одновременно проводилось ее перевооружение. То же самое происходило на флоте и в авиации. Все Советские Вооруженные Силы приводились в соответствие с требованиями современной войны как в организационном, так и техническом отношении.

Все более сильными становились, в частности, наши танковые войска. Подтвердить это можно хотя бы тем, что в 1940 году было сформировано 9 механизированных корпусов. В феврале — марте 1941 года началось формирование еще 20 мехкорпусов (по две танковых и одной механизированной дивизии в каждом). Набирало темпы производство танков. В 1941 году промышленность могла дать их 5500 единиц. Однако к началу войны мы еще значительно уступали противнику в численности современных танков, не успели закончить перевооружение войск на новую технику, насытить мощными КВ и Т-34 уже сформированные и еще формируемые механизированные корпуса даже в наиболее ответственных приграничных округах — Прибалтийском, Западном и Киевском Особых, Одесском. Эти округа, принявшие на себя главный удар фашистской Германии, располагали весьма небольшим количеством современных танков. Старые же системы не могли оказать решающего влияния на ход предстоящих операций, да и их не хватало здесь до штата наполовину. В том, что войска имели мало КВ и Т-34, заключалась наша беда. Но если говорить о возможно-

стях СССР по развитию танковых войск, то они оказались достаточными для того, чтобы в ходе Отечественной войны превзойти врага.

А теперь рассмотрим, как обстояло дело с авиацией. В 1938 году в СССР было произведено 5469 самолетов, в 1939 году — 10 382, в 1940 году — 10 565. Германия в те же годы производила соответственно 5235, 8295 и 10 826 самолетов всех типов.

Начиная с 1939 года в СССР принимались, можно сказать, чрезвычайные меры по укреплению производственной базы авиационной промышленности, расширению конструкторских организаций, по созданию новых боевых самолетов всех типов и налаживанию их массового производства. Положение с авиацией накануне войны в какой-то степени напоминало положение с танками: промышленность давала большое количество самолетов, но по своим тактико-техническим данным они, как справедливо утверждает, например, прославленный советский авиаконструктор А. С. Яковлев[1], были отчасти устаревшими, отчасти не такими, каких требовала война. Излишнее предпочтение оказывалось у нас тихоходным бомбардировщикам, с недостаточной дальностью полета, и, по существу, беззащитным против истребителей.

Обладая главным — хорошей по тем временам авиационной промышленностью, — Советское государство вынуждено было в короткий срок обновить самолетный парк. Беда наша состояла опять-таки в том, что времени на это недостало, хотя темп мы взяли исключительно высокий. В 1940 году удалось выпустить лишь 64 истребителя Як-1 и 20 истребителей МиГ-3, пикирующих бомбардировщиков Пе-2 имелось только 2. За первую же половину 1941 года суммарный выпуск новейших истребителей Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3 достиг 1946 единиц, бомбардировщиков Пе-2 было выпущено 458, штурмовиков Ил-2 — 249, а всего свыше 2650 самолетов.

25 февраля 1941 года Центральный Комитет партии и Совнарком СССР приняли важное постановление «О реорганизации авиационных сил Красной Армии». Оно определило план перевооружения авиачастей, формирования новых авиаполков, зон противовоздушной обороны, поря-

---

[1] См. А. Яковлев. Цель жизни. Госполитиздат, 1967, стр. 179.

док обучения летчиков управлению новой техникой. Этот документ, несомненно, ускорил подготовку ВВС к войне.

Задолго до войны в Советской стране были созданы массовые воздушнодесантные войска, которых не имелось еще ни в одной из армий мира. Наши достижения в этой области демонстрировались на Киевских маневрах в 1935 году, а затем в Белоруссии и немало удивили иностранных наблюдателей. К 1940 году численность воздушнодесантных войск увеличилась вдвое.

Огромный шаг вперед сделал Военно-Морской Флот. В течение двух пятилеток на отечественных судостроительных заводах для него было построено свыше 500 кораблей разных классов. Особенно быстрый рост боевого состава флота наблюдался накануне войны. К моменту нападения на нас гитлеровской Германии в строю находилось 3 линкора, 7 крейсеров, 59 лидеров и эсминцев, 218 подводных лодок, 269 торпедных катеров и более 2500 самолетов.

Существовавшая на Севере с 25 июля 1933 года военная флотилия к 11 мая 1937 года переформировалась в Северный флот. В результате ускоренного судостроительства к началу Великой Отечественной войны этот самый молодой из наших военных флотов имел внушительный боевой состав подводных лодок и надводных кораблей, хорошо развитую береговую оборону и авиацию.

Росли и совершенствовались старые наши флоты, в частности Краснознаменный Балтийский флот. Он получил новые базы — Таллин, Ханко и другие, каждая из которых сыграла свою положительную роль в ходе вооруженной борьбы на этом морском театре.

Советские Вооруженные Силы опирались на передовую военную науку. У нас раньше других стран была разработана теория глубокой операции с использованием крупных масс танков, авиации, артиллерии, воздушных десантов. Корни этой теории восходят к самому началу тридцатых годов. Передовой являлась и наша военная доктрина, направленная на защиту социалистического Отечества и предусматривавшая ведение войны с решительными целями объединенными усилиями всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Роль тех и других, равно как и принципы их боевого использования, определялась в основном правильно.

Правда, в ходе Великой Отечественной войны кое-что

подверглось уточнению, от некоторых положений и вовсе пришлось отказаться, но на то и практика, всегда подправляющая теорию. В целом же наша военная доктрина и наша военная наука остались незыблемыми и послужили хорошей основой для подготовки военных кадров, которые сумели превзойти своим искусством немецко-фашистский генералитет, гитлеровское офицерство.

Конечно, большим несчастьем для нашей армии и страны в целом было то, что накануне Великой Отечественной войны мы лишились многих опытных военачальников. Молодым пришлось трудно. Они обретали необходимый опыт уже в ходе боев и нередко расплачивались за это слишком дорогой ценой. Но как бы то ни было, в конечном счете молодые кадры тоже научились бить врага, и победа оказалась на нашей стороне.

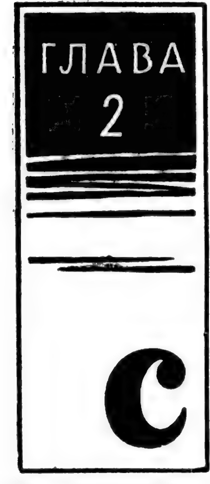
Наконец, еще один вопрос из тех, которые часто ставятся перед нами, военными, и от ответа на которые мы почему-то предпочитаем уклоняться: допускалась ли нами сама возможность нападения на нас Германии в 1941 году и делалось ли что-либо практически для отражения этого нападения? Да, допускалась! Да, делалось!

Перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска. Из глубины страны на запад перебрасывалось пять армий: 22-я под командованием генерала Ф. А. Ершакова, 20-я под командованием Ф. Н. Ремезова, 21-я под командованием В. Ф. Герасименко, 19-я под командованием И. С. Конева и 16-я армия под командованием М. Ф. Лукина. Из Московского военного округа в Винницу отправилась оперативная группа, развернувшаяся там в управление Южного фронта. Наркомат Военно-Морского Флота своим распоряжением усилил на флотах разведку и охранение, перебазировал часть сил Краснознаменного Балтийского флота из Либавы и Таллина в более безопасные места. А в самый канун войны Балтийский, Северный и Черноморский флоты были приведены в состояние повышенной готовности.

Как же можно забывать о всем этом? Как можно сбрасывать со счетов всю ту огромную работу, какая проводилась партией и правительством накануне войны по подготовке страны и армии к отпору врагу? Другой вопрос, что из-за недостатка времени нам не удалось в полном объеме решить вставшие перед нами задачи.

Сыграли, конечно, известную роль и просчеты в оценке готовности немецко-фашистских войск к нападению на СССР. Они, бесспорно, осложнили наше положение при вступлении в единоборство с колоссальной милитаристской машиной гитлеровской Германии, опиравшейся на экономические и военные ресурсы многих стран Европы. Но при всем том фашистская армия сразу стала нести огромный урон, а через полгода отборные ее корпуса и дивизии были наголову разбиты под Москвой. Здесь начался коренной поворот в ходе войны. В конечном же итоге наше государство осталось несокрушимым, а фашизм оказался поверженным в прах.

Таковы уроки истории, и о них всегда следует помнить.

В ДНИ ОГОРЧЕНИЙ И НАДЕЖД

В Генштабе — спокойная деловитость.— Не вина, а беда операторов.— Юго-Западное направление.— Первые удары по Москве с воздуха.— Оперативное управление перебирается в метро.— Один из труднейших месяцев войны.— Вклад Вязьмы и Тулы в оборону столицы.— Традиционный октябрьский парад.— Итоги первого военного полугодия.— Мои встречи с Б. М. Шапошниковым.

С первых минут войны обстановка в Генеральном штабе приобрела хоть и тревожный, но деловой характер. Никто из нас не сомневался, что расчеты Гитлера на внезапность могут дать ему только временный военный выигрыш. И начальники, и подчиненные действовали с обычной уверенностью. Товарищи из Северо-Западного, Западного и Юго-Западного отделов передавали распоряжения войскам, связывались по Бодо со штабами округов, которые теперь становились фронтовыми управлениями. Остальные отделы пытались заниматься своей повседневной работой, однако война отодвигала ее куда-то на задний план. Да и людей здесь стало меньше: некоторых офицеров сразу же перебросили отсюда на помощь активным отделам.

События развивались с молниеносной быстротой. Враг свирепо атаковал наши войска с воздуха, на стыках фронтов сосредоточил усилия мощных танковых групп. С Северо-Западного фронта доносили о крайне тяжелом положении левофланговой 11-й армии, которой командовал генерал В. И. Морозов, и соседней с ней 8-й армии П. П. Собенникова. Последняя, оказавшись под угрозой окружения, вынуждена была отходить к Риге. Не легче пришлось и 4-й армии А. А. Коробкова, оборонявшейся на левом фланге Западного фронта. Она тоже приняла на себя главный удар танковой группы противника, была смята и продолжала сопротивление, не имея сплошного фронта. На Юго-Западном фронте шел тяжелый бой в районе Перемышля, но Перемышль держался. Немецкие

дивизии, сосредоточенные в Финляндии и Румынии, пока что стояли на исходных рубежах.

Узким местом в нашей работе оказалась связь с фронтами, в первую очередь с Западным. Она была очень неустойчивой. Из-за частых нарушений связи мы не всегда знали обстановку с необходимыми подробностями. На неудовлетворительное состояние связи жаловались и штабы фронтов.

За трудами и заботами, поглотившими каждого из нас без остатка, не заметили, как прошел первый день войны. На картах появились многочисленные синие стрелы, угрожающе нацеленные в самое сердце страны.

23 июня стало известно, что Советом Народных Комиссаров и ЦК партии принято решение о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР. В состав ее вошли Нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов. При Ставке образован институт постоянных советников в составе Б. М. Шапошникова, К. А. Мерецкова, Н. Ф. Ватутина, Н. Н. Воронова, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, А. А. Жданова и других.

У нас в Оперативном управлении люди тоже расставлены по-новому. Теперь уже почти все мы работаем фактически по направлениям: Западному, Северо-Западному и Юго-Западному. Для удобства общения друг с другом перебрались в зал заседаний. Вдоль стен зала расставили рабочие столы. Телеграф — рядом. Здесь же вблизи — кабинеты наркома и начальника Генштаба. В зале вместе с нами и машинистки. Тесно, шумно, но все трудятся сосредоточенно.

Почти безотлучно находятся в Генштабе начальник артиллерии Н. Н. Воронов, помощник командующего войсками Московского военного округа по ПВО М. С. Громадин, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник Управления связи Н. И. Гапич, начальник военных сообщений Н. И. Трубецкой. Нам, операторам, приходится поддерживать контакты с аппаратом каждого из них, в особенности с органами военных сообщений, поскольку передвижение войск из внутренних округов к линии фронта нуждается в неослабном контроле.

Эшелоны с войсками идут на запад и юго-запад сплошным потоком. То одного, то другого из нас направляют на станции выгрузки. Сложность и переменчивость обстановки нередко вынуждала прекращать выгрузку и направлять эшелоны на какую-то иную станцию. Случалось, что командование и штаб дивизии выгружались в одном месте, а полки в другом или даже в нескольких местах на значительном удалении. Распоряжения и директивы, адресованные войскам, иногда устаревали, не достигнув адресата. За всем этим оператор обязан следить и своевременно принимать надлежащие меры. Мы вели карты обстановки, передавали в войска дополнительные указания, принимали оттуда новую информацию, писали справки и донесения. Офицеры, возглавлявшиеся полковником В. В. Курасовым, обобщали все эти материалы и готовили доклады в Ставку.

Довольно часты командировки и в действующую армию. Главным образом для уточнения истинного начертания переднего края обороны наших войск, для установления фактов захвата противником того или иного населенного пункта. В этих случаях оператор садился, как правило, на самолет СБ и отправлялся по назначению.

Чаще всего такие полеты совершались на Западный фронт. Положение там все усложнялось, а связь не налаживалась. 28 июня пал Минск, и одиннадцать наших дивизий, оказавшихся западнее его, вынуждены были продолжать борьбу уже в тылу противника. Генштаб узнал об этом не сразу.

Первые дни войны вскрыли несовершенство организационной структуры во многих звеньях Генерального штаба. Теперь годилось далеко не все из того, что казалось достаточно хорошим в мирное время. Перестраивались на ходу.

Я уже упоминал, как с самого начала боевых действий мы встали перед необходимостью подкрепить за счет других Северо-Западный, Западный и Юго-Западный отделы. В дальнейшем же выяснилось, что с системой отделов вообще следует распроститься. Они вроде бы отвечали своему назначению только до тех пор, пока на каждом из стратегических направлений не развернулось по нескольку фронтов. С этого момента окончательно выявилась прак-

тическая непригодность старой организации. Потребовалось выделить на каждый фронт специальную группу операторов во главе с опытным начальником. Работать стало лучше, и в августе 1941 года отделы были упразднены. Но пока дошли до этого, несовершенная организация создавала для нас дополнительные трудности.

Были и другие осложнения. В один из дней стало известно, что на Западном фронте за потерю управления войсками сняты со своих постов командующий Д. Г. Павлов, начальник штаба В. Е. Климовских, начальник Оперативного управления генерал-майор В. Я. Семенов. Потом началась перестановка кадров и у нас. Г. К. Маландин получил назначение на место В. Е. Климовских — стал начальником штаба Западного фронта. Начальника Генерального штаба Г. К. Жукова назначили командующим фронтом. В Генштаб вернулся маршал Б. М. Шапошников. Начальником Оперативного управления выдвинули В. М. Злобина. Комиссар Генштаба Н. И. Гусев был заменен Ф. Е. Боковым.

Эти замены и перемещения начальников в первые же дни войны были абсолютно необъяснимы. О них громко не говорили, но они нас нервировали и вызывали чувство внутреннего протеста.

Очевидно, под влиянием наших временных неудач на фронте некоторые командиры прониклись излишней подозрительностью. В какой-то мере это болезненное явление коснулось и Генштаба. Как-то один из вновь прибывших командиров, наблюдая работу полковника А. А. Грызлова над картой, обвинил его в преувеличении мощи противника. К счастью, наша партийная организация оказалась достаточно зрелой и отвергла нелепые домыслы. Не последнюю роль при этом сыграл только что избранный секретарем партбюро полковник М. Н. Березин. Человек умный и смелый, сам опытный оператор, он умел сплотить коммунистов на решение главных задач.

Не виной, а бедой нашей являлось то, что не всегда мы располагали достаточно подробными данными о положении своих войск. Впрочем, не легче доставались и данные о противнике. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать! Помню, однажды нам никак не удавалось установить положение сторон на одном из участков Западного фронта. Линии боевой связи оказались повреж-

денными. Тогда кто-то из операторов решил позвонить по обычному телефону в один из сельсоветов интересующего нас района. На его звонок отозвался председатель сельсовета. Спрашиваем: есть ли в селе наши войска? Отвечает, что нет. А немцы? Оказывается, и немцев нет, но они заняли ближние деревни — председатель назвал какие именно. В итоге на оперативных картах появилось вполне достоверное, как потом подтвердилось, положение сторон в данном районе.

Мы и в последующем, когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию.

Вспоминая первые месяцы войны, не могу не сказать здесь также о многократных наших попытках добиться перевода в действующую армию. Само по себе это стремление было очень благородным. В основе его лежали самые высокие чувства. Но требовалось же кому-то работать и в Генеральном штабе. Партийной организации пришлось и тут воздействовать на людей всей силой своего авторитета — убеждать, разъяснять, доказывать. И все же наиболее настойчивые иногда достигали цели. Удалось это, например, А. А. Гречко. Он проработал вместе с нами всего недели две, обратился лично к начальнику Генштаба и был назначен командиром 34-й кавалерийской дивизии. Сам сформировал ее, а затем увел на фронт.

Меня же перебросили на усиление Юго-Западного отдела. На этом направлении шли тогда упорные бои. В районе Луцк, Броды, Ровно дрались три механизированных корпуса: 9-й под командованием К. К. Рокоссовского, 8-й под командованием Д. И. Рябышева и 19-й под командованием Н. В. Фекленко. Неподалеку от них действовал 7-й мехкорпус. А 5-я армия, возглавлявшаяся генерал-майором М. И. Потаповым, прочно удерживала Полесье и стала, что называется, бельмом на глазу гитлеровских генералов. Она оказала врагу сильнейшее сопротивление и нанесла значительный урон. Немецко-фашистским войскам не удалось здесь быстро прорвать фронт. Дивизии Потапова сбили их с дороги Луцк — Ровно —

 Зак. 1017

Б. М. Шапошников

М. И. Потапов

И. В. Тюленев

П. И. Бодин

На Военно-Грузинской дороге

Житомир и вынудили отказаться от немедленного удара на Киев.

Сохранились любопытные признания противника. 19 июля в директиве № 33 Гитлер констатировал, что продвижение северного фланга группы армий «Юг» задержано укреплениями Киева и действиями 5-й советской армии. 30 июля из Берлина последовало категорическое приказание: «5-ю армию красных, ведущую бой в болотистой местности северо-западнее Киева, вынудить принять бой западнее Днепра, в ходе которого она должна быть уничтожена. Своевременно предотвратить опасность прорыва ее через Припять на север...» И далее еще раз: «С перехватом путей подхода к Овруч и Мозырь должна быть полностью уничтожена 5-я русская армия».

Вопреки всем этим замыслам противника, войска М. И. Потапова продолжали героически бороться. Гитлер был взбешен. 21 августа за его подписью появляется новый документ, обязывающий главнокомандующего сухопутными войсками обеспечить ввод в действие таких сил группы армий «Центр», которые смогли бы уничтожить 5-ю русскую армию.

5-я армия держалась до второй половины сентября 1941 года. На ее долю выпали тяжкие бои к востоку от Киева. И жертвы, понесенные в этих боях, тоже оказались не напрасными. Здесь была положена одна из первых прочных плит в основание наших последующих побед.

22 июля вражеские самолеты провели первую бомбежку Москвы. Мы вышли на улицу и смотрели, как сотни прожекторов бороздили небо и в его глубинах вспыхивали огни разрывов зенитной артиллерии.

В подвале здания Генштаба оборудовали бомбоубежище и обязали всех свободных от работы во время воздушных налетов находиться там.

Из Москвы начали эвакуировать семьи военнослужащих. Я тоже после первой бомбежки отправил жену с матерью и двумя детьми в Новосибирск. Без всякого адреса, к кому — неизвестно.

На Казанском вокзале было темно. Столпились тысячи людей. Еле втиснул своих в вагон. Дочку подал через окно, так как в дверь пробиться было уже невозможно.

Жене дал письмо к генерал-лейтенанту В. М. Злоби-

ну — бывшему моему сослуживцу, а теперь заместителю командующего войсками Сибирского военного округа. Но, как выяснилось позднее, на прием к Злобину попасть она не смогла. Спасибо женоргу горкома партии — эта помогла всем, что было в ее возможностях. Главное — устроила мое семейство на квартиру.

А на фронтах — все тяжелее. Да и на всю страну война легла непомерным бременем. 30 июня был создан Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным. В руках ГКО сосредоточилась вся полнота власти. 10 июля он постановил образовать три главных командования по направлениям: Северо-Западное с К. Е. Ворошиловым в качестве главнокомандующего, Западное — во главе с С. К. Тимошенко и Юго-Западное, которое возглавил С. М. Буденный. Ставка Главного Командования преобразована в Ставку Верховного Командования, а несколько позже, 8 августа, в Ставку Верховного Главнокомандования. И. В. Сталин стал Верховным Главнокомандующим.

Наши взоры и помыслы в те дни были устремлены к Смоленску. В этот район удалось подтянуть значительные резервы советских войск и задержать здесь врага, закрыть ему ворота на Москву, нанося чувствительные контрудары. Хотя сам Смоленск пал 16 июля, восточнее его битва кипела на широком фронте еще целый месяц. Здесь впервые с успехом были применены наши прославившиеся впоследствии «катюши».

Бомбежки Москвы усилились. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Иногда бомбы падали недалеко от Генштаба. Оборудованное в подвале бомбоубежище теперь приходилось использовать и для работы, а оно оказалось совершенно неприспособленным к этому.

Вскоре последовало решение: на ночь Генштабу перебираться в помещение станции метро «Белорусская». Там были оборудованы командный пункт и узел связи.

Теперь мы каждый вечер забирали документы в чемоданы и ехали к Белорусскому вокзалу. В течение всей ночи на одной половине метрополитеновского перрона функционировал центральный командный пункт, тогда как другая половина, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы, в основном женщинами и детьми. Так же, как и мы, они являлись сюда, не ожидая

сигнала тревоги, и располагались на ночевку. Работать в таких условиях было, конечно, не очень удобно, а самое главное — при ежедневных сборах и переездах терялось много драгоценного времени, нарушался рабочий ритм.

Вскоре мы отказались от этого и перебрались в здание на улице им. С. М. Кирова. Станция метро «Кировская» тоже была полностью в нашем распоряжении. Поезда здесь уже не останавливались. Перрон, на котором мы расположились, отгораживался от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу — узел связи, в другом — кабинет для Сталина, а в середине — шеренги столиков, за которыми работали мы. Место начальника Генштаба — рядом с кабинетом Верховного.

Надвигалась осень. Нажим противника был очень сильным. И под Москвой, и под Ленинградом, и на Украине. По всему фронту!

Сейчас подтверждено документально, что немецко-фашистское командование не могло осуществить захват Москвы без предварительного овладения Ленинградом и создания на севере общего фронта с финнами, а на юге — без разгрома нашей группировки в районе Киева. Помимо чисто военных соображений захват Украины имел для фашистской Германии большое экономическое значение. Еще 4 августа 1941 года Гитлер собирал в Борисове командующих армиями группы «Центр», и там все сошлись на таком именно варианте последующих наступательных действий. Об этом же шла речь на совещании у Гитлера 23 августа. Таким образом, исход борьбы на главном, Западном направлении в большей, чем когда бы то ни было, степени зависел в тот момент от стойкости ленинградцев и киевлян.

Сентябрь 1941 года оказался для нас одним из труднейших военных месяцев. Население Москвы заметно уменьшилось. Мужчины ушли в армию и народное ополчение. Женщины и дети либо эвакуировались, либо встали к станкам вместо мужчин. Очень многие были заняты строительством укреплений на подступах к столице. Да и в самом городе, прямо на улицах, появились надолбы, противотанковые ежи, противопехотные заграждения. Часть правительства переехала в Куйбышев. Члены

Государственного Комитета Обороны и Ставка остались в Москве.

Поступление информации о боевой обстановке опять ухудшилось. Мы снова рыскали на самолетах СБ и По-2 в поисках колонн войск, мест расположения штабов. Во время одного из таких полетов был ранен мой земляк с Дона и однокашник по двум академиям подполковник Г. В. Иванов.

Немецко-фашистские войска прорвались к Ленинграду. Но личный состав Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и жители города поклялись не отдавать в руки врага колыбель революции и с честью сдержали эту клятву. Город устоял, хотя и был стиснут в блокадном кольце. План противника установить здесь общий немецко-финский фронт провалился. 4-я танковая группа немцев, составлявшая основу их тарана, нацеленного на Ленинград, потерпела поражение и была серьезно ослаблена. А это оказало прямое влияние на последующее развитие борьбы, поскольку враг намеревался после взятия Ленинграда перебросить отсюда танки под Москву.

Своеобразная обстановка сложилась на юге. Чтобы обеспечить южное, правое крыло своей центральной группировки, предназначенной в будущем для захвата Москвы, Гитлер вынужден был временно перенацелить 2-ю танковую группу Гудериана с московского на киевское направление. В сентябре она совместно с танковой группой Клейста, 2, 6 и 17-й армиями противника, а также многочисленной авиацией участвовала в походе на столицу Украины. Однако и здесь было оказано упорное сопротивление. На подготовленном киевлянами оборонительном рубеже по реке Ирпень отошедшие сюда советские войска вместе с вновь созданной 37-й армией и народным ополчением стояли насмерть 70 дней.

Враг вынужден был избегать фронтальных ударов, маневрировать, искать разрывы в расположении наших войск. Только 15 сентября танки Гудериана и Клейста, обходившие Киев с севера и юга, соединились наконец в районе Лохвицы. На обширном пространстве восточнее Киева подверглась окружению примерно одна треть сил 5, 37, 26-й и отчасти войска 21-й и 38-й армий. Тяжелую судьбу окруженных сполна разделило и командование Юго-Западного фронта. Боролись до конца. Командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос погиб. Началь-

ник штаба фронта генерал-лейтенант В. И. Туликов и член Военного совета дивизионный комиссар Е. П. Рыков тоже были убиты. Израненный командующий армией М. И. Потапов и некоторые командиры соединений попали в плен. Уцелевших работников штаба фронта вывел из окружения начальник Оперативного управления генерал-майор И. Х. Баграмян.

Сражение в районе Киева, так же как и стойкая оборона ленинградцев, сыграло свою положительную роль. В результате его и 2-я танковая группа немцев, предназначенная для генерального наступления на Москву, понесла значительные потери. Кроме того, киевское сражение затормозило темп распространения лавины вражеских войск на самом Юго-Западном направлении и позволило нам выиграть время для подготовки обороны на новых рубежах.

С этим же периодом совпала у нас новая реорганизация управления войсками. Опыт создания главных командований по направлениям себя не оправдал. Они оказались лишним промежуточным звеном между Ставкой и фронтами. Не имея полноценных штабов, не обладая средствами связи, не располагая резервами, главкомы не могли реально влиять на ход и исход операций, а потому уже в августе — сентябре были упразднены. Несколько позже некоторые из главных командований временно восстанавливались (например, Западное — с 1 февраля по 5 мая 1942 года и Юго-Западное — с 24 декабря 1941 года по 23 июня 1942), даже возникали вновь (Северо-Кавказское — с 26 апреля по 20 мая 1942 года), но затем боевая практика совершенно отвергла их.

К концу сентября 1941 года общая оперативно-стратегическая обстановка сложилась не в нашу пользу. Так или иначе немецко-фашистские войска вплотную придвинулись к Ленинграду, на Западном направлении захватили Витебск и Смоленск, на юге достигли линии Мелитополь, Запорожье, Красноград. К нам непрерывно стекались сведения о перегруппировке сил противника и сосредоточении их в районах Духовщины, Ярцева, Смоленска, Рославля, Шостки, Глухова. Не оставалось никаких сомнений в том, что подготавливается наступление непосредственно на Москву. Генштабу было известно, что Гитлер предназначил для этого группу армий «Центр» под командованием фельдмаршала Бока численностью более миллиона

человек с 1700 танками и штурмовыми орудиями при сильной авиационной поддержке. Эти данные в последующем подтвердились.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования приняли соответствующие контрмеры. Основные силы созданного еще в июле Резервного фронта под командованием С. М. Буденного расположили за Западным, увеличив таким образом глубину обороны. Для действий на дальних подступах к столице привлекались некоторые дивизии московского народного ополчения, сформированного из добровольцев еще в июле. В строжайшей тайне в глубине страны проводилось формирование и обучение резервных армий, о существовании которых знали только члены Ставки и отдельные связанные с этим лица из Генштаба. Готовились к переброске на запад несколько хорошо подготовленных дивизий из Забайкалья и с Дальнего Востока. Ускоренно шло строительство Вяземского и Можайского укрепленных районов. Создавалась так называемая Московская зона обороны, рубежи которой вкруговую опоясывали столицу на ближайших подступах, в пригородах и, наконец, в самом городе до Бульварного кольца включительно.

Ставка посылала своих представителей в войска, чтобы они на месте разобрались во всех деталях обстановки, посоветовались с командованием соединений и оперативных объединений, как лучше решить коренные вопросы обороны Москвы. От Генштаба на Западный фронт в составе комиссии Ставки выезжал в октябре А. М. Василевский.

Партийные организации Москвы, Тулы и многих других городов, примыкавших к столице на вероятных направлениях ударов противника, поднимали на помощь войскам население. Все больше и больше добровольцев вступало в народное ополчение, истребительные отряды, пожарные дружины и другие военизированные формирования. Промышленность перестраивалась на производство боеприпасов и иной военной продукции.

На фоне повсеместного, действительно массового героизма, охватившего тогда всех советских людей от мала до велика, мне как-то особо запомнился героический поступок красноармейца Тетерина Алексея Васильевича. Этот симпатичный паренек из деревни Харино, Рязанской

области, только весною призванный в армию, проходил службу в батальоне охраны Наркомата обороны. С тех пор как противник усилил ночные бомбардировки Москвы, на весь личный состав батальона легла дополнительная задача — борьба с пожарами от зажигательных бомб. В ночь на 21 сентября зажигалка, пробив крышу здания Генштаба, попала на чердак. Тетерин накрыл ее каской, однако брызги термита продолжали лететь во все стороны, угрожая пожаром. Тогда Тетерин навалился на бомбу собственным телом и все же потушил ее. Он умер от ожогов, но охраняемый им объект был спасен.

В конце сентября у нас в Оперативном управлении состоялось очередное партийное собрание. Несмотря на чрезвычайную занятость, пришли почти все, в том числе и начальник Генштаба Б. М. Шапошников. Обсуждался единственный вопрос — «Текущий момент и задачи коммунистов». Докладчиком был А. М. Василевский.

Александр Михайлович не приукрашивал положения. Он прямо заявил, что обстановка создалась архитяжелая, требующая от каждого отдачи всех сил, а может быть, и жизни. Дальше будет, возможно, еще труднее. Но для уныния оснований нет. Ленинград стойко держится, враг там не прошел. Это позволяет думать, что никаких новых фронтов севернее Москвы не возникнет и наши резервы, припасенные про черный день, останутся в сохранности.

Каждое слово доклада было проникнуто глубокой верой в конечную нашу победу, в мудрость партии и Советского правительства. Это собрание — одна из ярчайших страниц моей жизни. И мне и всем моим товарищам по службе оно дало тогда мощный заряд бодрости и мужества.

А 30 сентября враг начал свое генеральное наступление на Москву. Развернулось гигантское кровопролитное сражение. Ударным группировкам немецко-фашистских войск уже в начале октября удалось на нескольких направлениях глубоко вклиниться в нашу оборону. 3 октября вражеские танки ворвались в Орел. 6 октября пал Брянск, 12 октября — Калуга. Большая часть сил 19, 20, 24 и 32-й армий, а также некоторые другие войска Западного, Резервного и Брянского фронтов оказались окруженными под Вязьмой и в районе Трубчевска. Но и в

окружении они дрались с ожесточением и почти на две недели оттянули на себя 28 дивизий противника.

Самоотверженная борьба советских войск под Вязьмой имела важное значение и в другом плане: она помогла нам выиграть минимально необходимое время для того, чтобы посадить войска на два можайских рубежа обороны и закончить последние приготовления к отпору на прочих подступах к столице.

Так же бесценен вклад, внесенный Тулой. Передовые части танковой армии Гудериана прорвались сюда в конце октября. Но все их попытки завладеть городом были отбиты. Вместе с войсками Красной Армии на защиту Тулы поднялось население. Был создан Тульский рабочий полк. Его возглавили А. П. Горшков (командир) и Г. А. Агеев (комиссар).

Гитлеровцы держали город под артиллерийским и минометным огнем. Были дни, когда положение становилось отчаянным. Однако стойкость и мужество защитников Тулы оказались крепче немецкой брони.

В первых числах ноября противника удалось остановить на всех направлениях. Первое генеральное наступление немцев на Москву было отбито.

Чтобы при любых обстоятельствах обеспечить надежное управление войсками, Ставка Верховного Главнокомандования решила разделить Генеральный штаб на два эшелона и первый из них оставить в Москве, а второй разместить за ее пределами. Во главе второго эшелона был поставлен маршал Б. М. Шапошников. Я следовал с ним в качестве начальника эшелона.

С утра 17 октября началась погрузка в вагоны сейфов. Отправление поезда назначалось на 19 часов. Доступ к эшелону осуществлялся только по пропускам. Однако на перроне народу собралось предостаточно. Один гражданин, обратившись ко мне за содействием, неожиданно отрекомендовался:

— Немецкий писатель-антифашист Вилли Бредель.

Я не мог разместить его в эшелоне Генерального штаба, но постарался устроить в санитарный поезд, который отправился в тыл страны с этого же вокзала.

К месту назначения мы прибыли 18 октября, а утром

19-го я поспешил в обратный путь. По расчету мне надлежало остаться в Москве с группой А. М. Василевского.

Возвращался уже не поездом, а на автомашине. К Москве подъезжал ночью в самый разгар налета вражеской авиации. Суровой и величественной предстала передо мной столица в ореоле разноцветных огней. Десятки прожекторов, словно голубыми кинжалами, пронзали тьму. Вспыхивали и мгновенно гасли красноватые разрывы зенитных снарядов. Колыхали край неба багряные всполохи на боевых позициях артиллерии.

Жизнь в оперативной группе, как называли первый эшелон Генштаба, отличалась исключительной напряженностью. Понятия дня и ночи у нас полностью стерлись. Круглые сутки приходилось быть на своих рабочих местах. Но так как без сна обойтись все-таки нельзя, то на станцию метрополитена нам подавали для этого поезд. Вначале спали сидя, поскольку в вагонах метро старой конструкции лечь было негде. Потом нам стали подавать классные железнодорожные вагоны, где мы устраивались по-настоящему.

Многие опытные генштабисты получили назначения в войска. Начальники отделов — М. Н. Шарохин, В. В. Курасов, П. И. Кокорев — пошли начальниками штабов фронтов и армий. Нас — молодежь — ставили вместо них. Меня назначили начальником Ближневосточного отдела.

И. В. Сталин в свой подземный кабинет ни разу не спускался, но изредка бывал в отведенном ему флигельке во дворе занятого под Генштаб большого дома на улице Кирова. Там он работал и принимал доклады.

А бомбежки Москвы все усиливались. Одиночные самолеты противника прорывались к столице не только ночью, но и днем. В ночь на 29 октября фугасная бомба угодила во двор нашего здания. Было уничтожено несколько машин, убито три шофера и ранено 15 командиров. Некоторые тяжело. Дежурившего по Генштабу подполковника И. И. Ильченко взрывной волной выбросило из помещения. При падении он изуродовал лицо. Остальные пострадали главным образом от осколков оконного стекла и ударов вырванных рам. В числе пострадавших оказался и Александр Михайлович Василевский, но он продолжал работать.

Я в момент взрыва шел по коридору. Когда понял, что

случилось, опасность уже миновала. Здание сильно тряхнуло, как при землетрясении (я его испытал в 1927 году в Крыму). Послышался звон стекла. Впереди и позади меня захлопали двери. Те из них, что были на запорах, сорвались с петель. Потом на какое-то мгновение воцарилась тишина, показавшаяся мне особенно глубокой. Затем мой слух стал различать хлопки зениток и хруст стеклянной крошки под ногами окровавленных людей, выходивших из комнат.

После этого случая мы совсем перебрались в метро. На пять дней лишились горячего питания: наши столовая и кухня были сильно повреждены взрывом. Пока их восстанавливали, пришлось обходиться бутербродами. По личному распоряжению Верховного Главнокомандующего они нам доставлялись полными корзинами три раза в день. Каждый получал по три бутерброда.

Так мы жили, так трудились в самые, пожалуй, критические дни войны, в дни больших огорчений и великих надежд. Горько было оттого, что немецко-фашистские танки и автоматчики достигли уже тех заветных мест, куда перед войной москвичи выезжали на воскресные прогулки. Но нас не оставляла уверенность, что это пиррова победа. Враг идет уже на последнем дыхании, захлебываясь собственной кровью. И все мы надеялись, что именно здесь он будет наконец разбит.

Обстановка отличалась исключительной сложностью, противоречивостью, но собирать данные о ней стало теперь куда проще. По крайней мере на главном направлении. Обычно рано утром несколько офицеров-операторов садились в машины и отправлялись в Перхушково, где разместился штаб Западного фронта, объезжали штабы армий, располагавшиеся на удалении всего 20—30 километров от Москвы. И на рабочей карте начальника Управления уточнялось все до мельчайших подробностей.

6 ноября в Москве, как всегда, проходило торжественное собрание трудящихся. Только не в Большом театре, а на перроне станции метро «Маяковская». Утром 7 ноября состоялся традиционный парад войск на Красной площади. Готовился он в строжайшей тайне. Даже участникам парада не объявлялось заранее, для чего их тренируют. Предположения высказывались разные, но большинство

сходилось на том, что это просто «сколачиваются подразделения» перед отправкой на фронт. Командовал парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев, занимавший в то время пост командующего войсками Московского военного округа и возглавлявший Московскую зону обороны.

На этом беспримерном в истории параде Верховный Главнокомандующий напутствовал войска словами:

— На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!

А заканчивалась его речь пожеланием:

— Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Сталин говорил от имени партии, от имени Советского правительства, и эти призывы набатом прозвучали над страной.

Ровно через неделю после того гитлеровцы предприняли новое наступление на Москву. На сей раз главный удар наносился в полосе 30-й армии Калининского и 16-й армии Западного фронтов. Бои затянулись до декабря. Однако враг не достиг сколько-нибудь значительных успехов. Своим правым флангом он продвинулся лишь до Каширы, а левым вышел на канал Москва — Волга в районе Яхромы. В одном месте ему удалось даже форсировать канал, но ненадолго. На рубеже Конаково, Дмитров, Дедовск, Кубинка, Серпухов, Тула, Серебряные Пруды немецко-фашистские войска были окончательно истощены и остановлены. Так провалилось второе наступление гитлеровцев на Москву.

А тем временем тщательно сберегаемые резервы Ставки подтягивались к столице. К северу от нее появились 1-я ударная и 20-я армии, юго-восточнее — 10-я, 61-я, а также 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Несколько свежих армий тогда же были выдвинуты на другие участки советско-германского фронта, где враг продолжал еще нажимать.

Счастье боевое служить уж начинало нам. Планы вырисовывались следующие: используя успех под Москвой, перейти в контрнаступление по всему фронту от Ленинграда до Ростова, сосредоточив основные усилия на Западном направлении. Во исполнение этого плана 26 ноября войска Южного фронта освободили Ростов. А 5—6 декабря перешли в контрнаступление наши главные силы под Москвой.

Противник не ожидал ничего подобного. Как выяснилось позже, он не обнаружил сосредоточения двух новых армий севернее Москвы. И конечно, заплатил за это чрезвычайно дорого.

Ход и исход нашего победоносного контрнаступления зимой 1941/42 года описан достаточно подробно, и нет нужды еще раз возвращаться к этому. Позволю себе задержать внимание читателя лишь на некоторых, самых общих выводах, которые мы сделали для себя по истечении первого военного полугодия.

Во-первых, Красная Армия устояла против натиска самой сильной армии капиталистического мира.

Во-вторых, она развеяла в прах миф о непобедимости гитлеровцев, делом доказала, что их можно бить и в конечном счете разбить.

В-третьих, мы похоронили надежды Гитлера на молниеносную победу; в ходе войны произошел поворот в нашу пользу; борьба предстояла долгая и изнурительная, в перспективе проигрышная для противника.

В-четвертых, положение нашей страны оставалось пока тяжелым: враг захватил сотни городов, тысячи сел, под пятой оккупантов оказались многие экономически важные районы — Прибалтика, Белоруссия, большая часть Украины и Донбасса; немецкими войсками занят Крым, блокирован Ленинград, осажден Севастополь; потенциальные возможности противника для ведения войны еще очень велики, и от нас потребуются немалые усилия, чтобы окончательно разгромить его.

В-пятых, наши возможности тоже далеко не исчерпаны. Наоборот, с каждым месяцем они увеличивались: эвакуированная на восток промышленность прочно становилась на ноги, в глубине страны успешно накапливались многочисленные резервы, в тылу врага все шире разворачивалось партизанское движение.

В-шестых, войска наши получили закалку и некото-

рый боевой опыт, стали действовать организованней и увереннней; налаживалось надежное управление ими.

События этого полугодия, особенно битва под Москвой, еще раз наглядно показали, сколь огромна организующая и вдохновляющая сила Коммунистической партии, как умеет она в критические моменты поднимать весь народ на защиту Отечества.

Велик был и международный резонанс подмосковной нашей победы. Она перечеркнула все расчеты гитлеровцев на изоляцию СССР. 1 января 1942 года 26 государств подписали с нами декларацию о сотрудничестве в войне против фашистской Германии.

А изменилось ли что в самом Генеральном штабе? Да, конечно. Еще в декабре вернулся второй эшелон. На месте его прежней работы остался лишь запасный узел связи с минимальным числом операторов.

В работе нашего управления и Генштаба в целом установился более четкий ритм. Б. М. Шапошников и А. М. Василевский получили возможность сосредоточиться на крупных вопросах, глубже анализировать обстановку. Ежедневно один-два раза они ездили с докладами в Ставку.

Все остальное с успехом выполнялось в отделах. В частности, наш отдел нес основное бремя забот, связанных с пребыванием советских войск в Иране.

Бремя это было отнюдь не легким. В Иране одно время находились три наши армии: 53-я Отдельная Среднеазиатская, 47-я и 44-я. Ввели мы их туда в конце августа 1941 года на основании договора, заключенного между Ираном и Советской Россией в 1921 году. Договором предусматривалась возможность такой акции в случае возникновения опасности использования иранской территории каким-то другим государством в ущерб интересам СССР. Гитлер же, как известно, делал серьезную ставку на Иран, намереваясь ударить оттуда по Советскому Закавказью, а в дальнейшем воспользоваться Ираном как своего рода трамплином для прыжка немецких дивизий с Балкан на Индию. Тут уж затрагивались интересы нашего союзника — Великобритании, и она тоже ввела войска в южные районы Ирана. Это прибавило хлопот Генштабу: потребовалась увязка многих вопросов с Наркоматом иностранных дел.

За обстановкой в Иране пристально следил Верховный

Главнокомандующий, и на мне лежала обязанность систематически докладывать о ней Б. М. Шапошникову. Борис Михайлович был обаятельным человеком и к таким, как я, молодым тогда полковникам относился с истинно отеческой теплотой. Если что получалось у нас не так, он не бранился, даже не повышал голоса, а лишь спрашивал с укоризной:

— Что же это вы, голубчик?

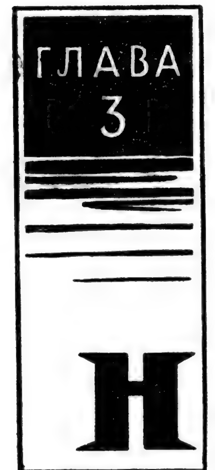
От такого вопроса мы готовы были провалиться сквозь землю, ошибки свои запоминали надолго и уже никогда не повторяли их.

Как-то я был вызван к Шапошникову далеко за полночь. Борис Михайлович сидел за столом в белой рубашке, с подтяжками на плечах. Китель висел на стуле.

— Садитесь, голубчик, — пригласил он совсем по-домашнему.

Мы относительно быстро покончили с делами, но начальник Генерального штаба не спешил отпускать меня. Настроение у него было в тот раз особенно хорошим, и, просматривая карту, он стал вдруг вспоминать, как сам служил когда-то в Средней Азии. Борис Михайлович на память знал особенности здешних операционных направлений, отлично помнил местность. Я тоже наизусть знал театр. Получилась увлекательная беседа.

В последующем такие беседы возникали у нас неоднократно, и я черпал из них очень много полезного для работы своего отдела и для себя лично.

ГОД 1942-й

Стабилизация фронта.— Неудачный эксперимент.— События в Крыму.— Обмен телеграммами между Сталиным и Мехлисом.— Чрезвычайно тяжелое положение под Харьковом.— Угроза Кавказу.— Мой первый доклад в Ставке.— Командировка в Закавказье.—Северная группа войск.— Бакинское направление.— Ежедневно девяносто тысяч.— Прочно закрыть перевалы.— Щит на Черноморском побережье.— Враг остановлен.

Новый, 1942 год мы не праздновали, но на душе у всех было празднично — радовали успехи наших войск под Москвой. Настроение поднялось еще выше 23 февраля. Причиной тому был приказ Народного комиссара обороны по случаю 24-й годовщины Красной Армии. В нем И. В. Сталин всенародно объявил, что недалек день, когда Красная Армия разгромит врага и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена. Однако к весне фронт стабилизировался и на 1 апреля проходил от Ленинграда по реке Волхов, восточнее Старой Руссы, огибал с востока район Демянска, далее следовал на Холм, Велиж, Демидов, Белый, образовывал ржевско-вяземский выступ, все еще удерживаемый противником, захватывал Киров, Сухиничи, Белев, подступал к Мценску, оставлял по нашу сторону Новосиль, Тим, Волчанск, создавал выступ в сторону врага в районе Балаклея, Лозовая, Барвенково, отсекал Красный Лиман, Дебальцево, Куйбышево и спускался к югу по реке Миус.

В это именно время у нас в Генштабе предприняли очередной эксперимент. Нам вдруг объявили, что начальниками направлений будут назначены люди, командовавшие фронтами и армиями, или, по крайней мере, бывшие начальниками армейских штабов. Предполагалось, что они при своем авторитете и опыте сумеют лучше влиять на события, более оперативно осуществлять связь с действующей армией. Им же предоставлялось право лично докладывать в Ставке. До того мы, начальники направлений, с докладами в Ставку не ездили.

Решено так решено. Для новых начальников направлений начали устраивать кабинеты. Так как мы кабинетов не имели, а работали в одном помещении со своими подчиненными, пришлось потесниться. Но ведь надо было разместить еще где-то и адъютантов начальников направлений — пришлось потесниться побольше.

Вскоре новые начальники прибыли и начали «входить в курс дела». Это был не очень-то легкий процесс. Ведь многие из них в штабах не служили, а те, что и служили, успели отвыкнуть от черновой штабной работы. И новая затея умерла, едва успев родиться.

Выяснилось, что в результате «реформы» страшно много времени расходуется впустую. Удлинились сроки прохождения данных обстановки до начальника Генштаба. В былые времена мы обычно сами принимали эти данные на телеграфе, тут же наносили их на карту и шли немедленно с докладом к начальнику Генштаба или лицу, исполняющему его обязанности. А теперь появилось промежуточное звено: с телеграфа информацию принимали «замы», то есть мы — бывшие начальники направлений, затем она докладывалась новому начальнику направления, тот изучал ее и лишь после этого направлялся с докладом к начальнику Генштаба. Такая многоступенчатость в работе, естественно, повлекла за собой не повышение, а понижение оперативности. Каких-то особенных выводов и предложений по обстановке, которых ждали от новых начальников, тоже не последовало. В Ставку они съездили, по-моему, всего раз. Ну, может быть, два раза. А потом было признано, что старая система работы лучше, и примерно через месяц опять вернулись к ней.

С мая начались события, изменившие обстановку на советско-германском фронте не в нашу пользу. Они очень памятны мне, так как происходили главным образом на моем направлении. Прежде всего потерпел тяжелую неудачу Крымский фронт. Он был сформирован в начале 1942 года с целью освобождения Крыма и к маю оборонял Керченский полуостров в самой узкой его части на так называемых ак-монайских позициях. В состав фронта входили 44, 51 и 47-я армии со средствами усиления. Командующим был генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, чле-

ном Военного совета — дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальником штаба — генерал-майор Ф. И. Толбухин.

В феврале — апреле Крымский фронт при поддержке Черноморского флота трижды пытался прорвать оборону немцев, но задачи не выполнил и вынужден был перейти к обороне. Еще в марте Ставка направила туда в качестве своего представителя Л. З. Мехлиса. Из Генштаба с ним поехал генерал-майор П. П. Вечный. Они должны были помочь командованию фронта подготовить и провести операцию по деблокированию Севастополя. Мехлис остался верен своим привычкам: вместо помощи он стал перетасовывать руководящие кадры. Первым его шагом была замена начальника штаба фронта Толбухина генерал-майором Вечным.

Оперативное построение фронта между тем не отвечало задачам обороны. Группировка войск оставалась наступательной. Левый фланг, примыкавший к Черному морю, оказался слабым. Командующий войсками мотивировал это тем, что после некоторого улучшения исходных позиций фронт непременно будет наступать. Но наступление все откладывалось, а оборона вопреки указаниям Генштаба не укреплялась. Мехлис же занимался лишь препирательством с командующим.

А противник не дремал. Он со своей стороны готовил наступление, намереваясь сбросить советские войска с Керченского полуострова, чтобы всецело сосредоточиться затем на ударе против героически оборонявшегося Севастополя. Ему удалось безошибочно определить слабое место на приморском фланге 44-й армии. Сюда были нацелены крупные силы танков и авиации. Здесь же подготавливалась высадка морского десанта. Прорыв нашей обороны в этом месте с последующим развитием наступления на север и северо-восток позволял врагу выйти в тыл армиям Крымского фронта.

Приготовления немцев к наступлению не укрылись от наших разведчиков. Фронтовая разведка точно установила даже день перехода противника к активным действиям. Об этом накануне было сообщено войскам. Однако ни представитель Ставки, ни командующий фронтом не предприняли надлежащих мер к отражению удара.

И 8 мая немцы нанесли удар по слабому приморскому участку фронта, прорвали наши позиции и быстро

стали развивать успех. Оборона Крымского фронта, не имевшего резервов в глубине, была дезорганизована, управление войсками потеряно, отход на восток проходил беспорядочно. После двенадцати дней боев в таких условиях, несмотря на героизм войск, Крымский фронт потерпел очень тяжелое поражение. А это резко ухудшило условия сопротивления для Севастополя и всей последующей борьбы за Крым. 4 июля 1942 года с падением севастопольской твердыни Крымский полуостров оказался полностью в руках врага.

В анналах истории Великой Отечественной войны сохранились два красноречивых документа. Один из них — телеграмма Л. З. Мехлиса от 8 мая, адресованная Верховному Главнокомандующему. Мехлис писал:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10—15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

От Верховного не укрылась попытка представителя Ставки уйти от ответственности. И в ответ на это последовала другая, не менее примечательная телеграмма:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра про-

тивник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Сколь мне известно, эта телеграмма являлась первым документом, определявшим обязанности представителя Ставки и меру его ответственности. К слову сказать, Мехлис сразу же понес серьезное наказание за поражение Крымфронта: был освобожден от должности заместителя Наркома обороны, снижен в воинском звании. И больше уже никогда не посылался в войска в качестве представителя Ставки.

Генерал Козлов и другие должностные лица, повинные в поражении под Керчью, также были сняты со своих постов и снижены в званиях. А оставшиеся войска трех армий с трудом преодолели пролив и оказались на Таманском полуострове. После этого 47-я армия была поставлена здесь в оборону, 51-я, пополнившись, вошла в состав Южного фронта, 44-ю вывели для укомплектования в район Махачкалы. На базе управления Крымского фронта 20 мая 1942 года и был сформирован Северо-Кавказский фронт под командованием С. М. Буденного. Он имел задачу оборонять восточный берег Азовского моря, Керченский пролив и побережье Черного моря до Лазаревской. В оперативном отношении С. М. Буденному были подчинены весь Черноморский флот и Азовская флотилия.

·

Пока шли бои на Керченском полуострове, армии Юго-Западного фронта перешли в наступление под Харьковом. Генштаб с большим опасением следил за развитием этой операции, предпринятой по инициативе фронтового командования. Ставка предупреждала фронт, что не мо-

жет обеспечить операцию дополнительными войсками, боеприпасами, горючим, поскольку в то время готовых резервов и достаточных материальных средств в запасе не имелось. Но Военный совет Юго-Западного фронта и без того ручался за успех.

Развитие событий пошло здесь, однако, в непредвиденном направлении. Когда наши войска уже двинулись вперед, противник сам начал активные действия, бросил в сражение сильные танковые группировки и нанес поражение трем армиям Юго-Западного фронта.

Положение фронта становилось все более и более трудным и наконец стало чрезвычайно тяжелым. На просьбы Военного совета о помощи Верховный Главнокомандующий вынужден был ответить:

«...У Ставки нет готовых к бою новых дивизий... Наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты... Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране. Учтите все это, если вы хотите когда-либо победить врага».

Ситуация, сложившаяся на Юго-Западном фронте, усугублялась тем, что ослабленный боями Южный фронт не был теперь в состоянии удержать оставшуюся в наших руках часть Донбасса, а Брянский не мог преградить путь врагу на Воронеж и к Волге. Вырисовывалась перспектива обхода Южного фронта на Нижнем Дону при одновременном наступлении немцев через Донбасс. А там было рукой подать и до Кавказа. Мы не сомневались в том, что враг непременно предпримет попытки захватить Кавказ с его нефтью, хлебом и другими ресурсами (откуда гитлеровская агрессия могла расшириться дальше в Азию), а потому уже с конца мая прикидывали возможные варианты оборонительных действий на подступах к этому очень важному району, наиболее выгодные рубежи развертывания войск, мобилизационные возможности и все иное, что относилось к организации здесь отпора врагу.

К сожалению, действительность превзошла самые худшие предположения. Летом 1942 года противнику удалось ворваться в Воронеж, осесть на Среднем Дону, подойти к Сталинграду. Южному фронту во избежание окружения Ставка приказала оставить Ростов и отойти за Дон. 25 июля его войска были уже на левом берегу

реки. А потом из-за значительного превосходства противника в танках, авиации, артиллерии им пришлось покинуть и этот рубеж, с тяжелыми боями отходить в предгорья Кавказа.

Далеко не лучшим было это время и для Генерального штаба. В июне 1942 года Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников из-за крайнего нездоровья оказался вынужденным покинуть пост начальника Генштаба и перейти на более спокойную работу в Высшую военную академию. На его место получил назначение генерал-полковник А. М. Василевский, ранее возглавлявший Оперативное управление.

Уход Василевского чрезвычайно тяжело сказался на работе этого ведущего управления. В течение полугода здесь сменилось несколько начальников. Эту должность поочередно занимали П. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними обязанности начальника управления временно исполняли П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный, Ш. Н. Гениатуллин.

К тому же А. М. Василевский по распоряжению Верховного Главнокомандующего большую часть времени проводил на фронтах, а в его отсутствие во главе Генштаба оставался комиссар Ф. Е. Боков — прекрасный человек, хороший партийный работник, но для выполнения чисто оперативных функций не подготовленный.

Длительные разъезды по фронтам начальника Генерального штаба и частая смена начальников Оперативного управления создали у нас атмосферу нервозности, из-за чего нередко нарушалась четкость в работе. За один-два месяца пребывания во главе управления никто не успевал как следует войти в курс дела, врасти в обстановку, а значит, и не мог уверенно чувствовать себя при выезде в Ставку с докладом. Приходилось «на всякий случай» держать возле себя начальников направлений — вдруг понадобится какая-либо справка. В «предбаннике», как мы называли приемную начальника Оперативного управления, всегда было полно народу. Некоторые и здесь пытались что-то сделать, сидели склонившись над какими-то документами, а большинство теряло время попусту, протирая диваны. Иногда из Ставки звонили по телефону, кто-нибудь из офицеров отвечал на поставленный вопрос, и потом опять все погружались в ожидание.

Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники. Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 года никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с Советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий.

Советско-турецкую границу приходилось держать на прочном замке, обеспечивая ее от всяких неожиданностей силами 45-й армии. На случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе. Там стоял теперь наш 15-й кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой.

Должен заметить, что план прикрытия Закавказья существовал и в мирное время. В 1941 году, после ввода наших войск в Иран, он был уточнен, однако должного значения ему не придавалось. К концу же 1941 года, когда немцы захватили Ростов и впервые пытались проникнуть на Кавказ, потребовалась коренная переработка этого плана с учетом необходимости прочно прикрыть Закавказье не только со стороны Турции, а и с севера. Причем северное направление в создавшихся условиях приобретало значение главного.

Закавказский фронт, созданный еще в 1941 году, первоначально имел в своем составе 45-ю, 46-ю армии и войска, находившиеся в Иране. В июне 1942 года в него вошла также 44-я армия, доукомплектованная в районе Махачкалы. Прикрывалось Закавказье и войсками другого фронта — Северо-Кавказского. Но всех этих сил было явно недостаточно. По предложению Генерального штаба началась спешная переброска сюда войск из Средней Азии и иных мест.

23 июня Военный совет Закавказского фронта представил в Москву план обороны Закавказья уже в новом, переработанном виде. И тут-то еще отчетливее зазияли все прорехи. Недостаток сил, естественно, сказался и на плане их использования. Совершенно правильно укрепляя бакинское направление выдвижением на реку Терек 44-й

армии, командование фронта оставляло почти беззащитным весь Главный Кавказский хребет. Эта задача возлагалась на малочисленную 46-ю армию. В результате на Марухском перевале, например, оборону занимала всего одна стрелковая рота с минометным взводом и взводом саперов, а Клухор прикрывался двумя стрелковыми ротами и саперным взводом.

Такими силами удержать перевалы было, конечно, немыслимо. Указав командующему фронтом на эти изъяны плана, Генеральный штаб тут же занялся изысканием резервов, за счет которых можно было бы подкрепить оборону Закавказья. В течение августа туда были переброшены дополнительно 10-й и 11-й гвардейские стрелковые корпуса, а также одиннадцать отдельных стрелковых бригад.

Для удобства управления войска, оборонявшиеся по рекам Урух и Терек, были сведены в так называемую Северную группу под командованием И. И. Масленникова. Сюда вошли 44-я армия, группа войск генерала В. Н. Курдюмова, влившаяся в 9-ю армию, а затем и 37-я армия, отошедшая из Донбасса и с Дона. Генералу Масленникову ставилась задача прочно прикрыть бакинское направление и основной проход через Кавказский хребет — Военно-Грузинскую дорогу.

Большие организационные мероприятия проводились на Северо-Кавказском фронте. Еще 28 июля в его состав влились армии отошедшего сюда и подвергшегося расформированию Южного фронта. Здесь были созданы две оперативные группы — Донская под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и Приморская под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко.

В конце июля и в течение всей первой половины августа шли тяжелые оборонительные бои на полях Кубани. Советские войска дрались героически, но противник тем не менее шаг за шагом продвигался вперед и в двадцатых числах августа вышел на Терек. Здесь вступила в бой уже Северная группа войск Закавказского фронта. Ахиллесовой ее пятой была слабая вооруженность. Например, 417-я стрелковая дивизия по состоянию на 10 августа имела всего 500 винтовок. 151-я дивизия была вооружена только наполовину, да и то винтовками иностранных марок. Одна из стрелковых бригад оказалась во-

оруженной такими же винтовками лишь на 30 процентов и совсем не располагала пулеметами и артиллерией.

Все это внушало большую тревогу. И не напрасно. Клухорский перевал противнику удалось взять коротким внезапным ударом. В штабе 46-й армии узнали об этом только на третий день.

С обороной Закавказья у меня тесно связаны воспоминания о первой поездке с докладом в Ставку. Было это так.

Однажды ночью из Кремля позвонил Ф. Е. Боков и приказал полковнику К. Ф. Васильченко и мне явиться туда же со своими рабочими картами. Поехали на присланной за нами машине. В Кремле нас встретил незнакомый мне подполковник и провел на второй этаж в приемную Сталина. Оба мы волновались, понимая, что будут спрашивать о положении дел на наших направлениях. Через несколько минут последовал вызов в кабинет Верховного Главнокомандующего. Там, за большим столом у стены, сидели Молотов, Маленков, Микоян. С противоположной стороны стола находились Ф. Е. Боков, только что назначенный начальником Оперуправления П. И. Бодин и Я. Н. Федоренко. Сталин ходил по комнате. Мы представились.

— Можете доложить обстановку под Сталинградом и на юге? — спросил нас Сталин.

— Так точно, — ответили мы дуэтом.

Первым начал свой доклад по Сталинграду К. Ф. Васильченко. Верховный Главнокомандующий интересовался положением и состоянием войск, кто на какой рубеж отходит, кому переподчиняются отходящие войска, где расположены вторые эшелоны, где резервы, каково материальное обеспечение. Васильченко все знал и доложил блестяще.

Затем дошла очередь до меня. Я развернул свою карту и доложил, какие войска занимают оборону по Тереку, что можно посадить туда еще, как прикрыть направление на Баку и Военно-Грузинскую дорогу. Не умолчал о слабом прикрытии перевалов через Главный Кавказский хребет, об опасности на новороссийском и туапсинском направлениях, о необходимости ускорить строительство оборонительных рубежей.

Сталин выслушал меня не перебивая. Вопросы начались лишь после того, как я смолк.

— Какие еще есть войска в Закавказье?

Я доложил.

— Можно ли что перебросить из Средней Азии?

— Восемьдесят третью горнострелковую дивизию под командованием генерал-майора Лучинского, — ответил я и тут же добавил: — Ее лучше поставить на туапсинское направление. Можно взять и еще одну дивизию.

— Что можно взять из Ирана? — спросил Верховный.

— Не больше одной-двух дивизий, — и я пояснил почему.

— Обратите особое внимание на бакинское направление, — сказал Сталин, обращаясь к П. И. Бодину.

Верховный Главнокомандующий держал себя очень просто. Первоначальная скованность постепенно оставила нас. Под конец доклада и Васильченко, и я чувствовали себя вполне свободно.

— Этих полковников надо будет взять с собой, когда поедете, — сказал Верховный, ни к кому не обращаясь.

На том все и кончилось: нас отпустили. Лишь через несколько дней после вызова в Ставку, а именно 21 августа, П. И. Бодин объявил мне:

— Подготовьтесь, завтра в 4 часа поедете со мной на аэродром. Возьмите шифровальщика и нескольких направленцев.

Мне тогда готовиться почти не требовалось. Все данные по своему направлению я знал наизусть, а жили мы тут же, где и работали, на Кировской. Утром в назначенное время поехали в машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину представился командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, пошли через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и прямо с аэродрома направились в штаб фронта. Город еще не спал. Многие улицы были ярко освещены и полны людей.

П. И. Бодин немедленно заслушал доклад начальника штаба фронта А. И. Субботина и объяснил, с какими задачами мы прибыли. Их было немало: уточнить на месте обстановку, наметить дополнительные меры по усилению

обороны Закавказья и провести их в жизнь, создать резервы из войск, отошедших и отходящих в Закавказье с севера, а также за счет мобилизации новых контингентов из местного населения и, наконец, ускорить подготовку оборонительных рубежей, прежде всего на бакинском направлении. В заключение Бодин обратился к командующему фронтом:

— Известно ли Вам, что союзники пытаются использовать наше тяжелое положение на фронтах и вырвать согласие на ввод английских войск в Закавказье? Этого, конечно, допустить нельзя. Государственный Комитет Обороны считает защиту Закавказья важнейшей государственной задачей, и мы обязаны принять все меры, чтобы отразить натиск врага, обескровить его, а затем и разгромить. Надежды Гитлера и вожделения союзников надо похоронить...

Практическая наша деятельность здесь началась с того, что уже 24 августа в Закавказье было введено военное положение. Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. А те части и соединения, которые оказались обескровленными в предшествовавших боях, утеряли органы управления или вооружение, отводились в тыл. На главном, бакинском направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус.

После того как мы тщательно разобрались с обстановкой, было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский. Начальники их получили права заместителей командующих армий, оборонявших подступы к этим районам.

На оборону Военно-Грузинской дороги целиком была поставлена стрелковая дивизия. Главные силы ее запирали вход в районе Орджоникидзе. Туда же перебрасывалась еще одна дивизия из Гори.

Много хлопот доставило бакинское направление. При выезде на место мы установили, что строительство оборонительных рубежей идет там очень медленно. Сил для этого явно не хватало. 16 сентября Государственный Комитет Обороны по представлению военных принял специ-

альное постановление о мобилизации на оборонное строительство в районах Махачкалы, Дербента и Баку по 90 тысяч местных жителей ежедневно. После этого дело пошло полным ходом. Днем и ночью строились окопы, противотанковые рвы, устанавливались надолбы. Помимо того, 29 сентября Ставка приказала осуществить здесь еще ряд мер по упрочению обороны и направила сюда целевым назначением 100 танков.

Большое внимание уделялось также обороне другого важного направления — туапсинского. С начала августа оно все время было в поле зрения Генштаба. В случае прорыва к Туапсе противник выходил с севера на тылы войск, оборонявших Закавказье, и получал наиболее доступный путь в Сочи и Сухуми вдоль морского побережья. Замысел врага отличался решительностью, но ему не суждено было сбыться. 5 августа Ставка издала по этому поводу специальную директиву, и в последующем в результате десятидневных тяжелых боев врага удалось остановить на северных склонах Главного Кавказского хребта в 50 километрах от Туапсе. Однако и после этого положение здесь оставалось напряженным до крайности.

Не менее тяжелая обстановка сложилась на Таманском полуострове и в Новороссийске, где располагались базы нашего флота. Отсюда враг намеревался содействовать удару на Туапсе, и здесь его успехи оказались серьезнее. В конце августа — начале сентября он отвоевал полуостров и захватил большую часть Новороссийска. Для 47-й армии и частей флота, оборонявших этот крупнейший порт Черноморского побережья, создалось критическое положение. Исход борьбы решали стойкость войск, искусство и мужество командования, целесообразность принимаемых решений и твердость проведения их в жизнь. Мы считали, что в этом районе прежде всего следует организовать надежное управление войсками. 1 сентября на базе Северо-Кавказского фронта там была создана Черноморская группа войск, подчиненная Закавказскому фронту. Через несколько дней в командование этой группой вступил генерал-лейтенант И. Е. Петров. Командующим 47-й армией и всем Новороссийским оборонительным районом Военный совет фронта предложил назначить генерал-майора А. А. Гречко, а руководителем обороны самого города Новороссийска — контр-адмирала

С. Г. Горшкова. Это предложение Ставка утвердила. Результаты сказались немедленно. 10 сентября советские войска остановили врага в восточной части Новороссийска между цементными заводами и заставили его перейти к обороне.

Главный Кавказский хребет не входил в зону действий ни Черноморской, ни Северной групп. Оборонявшая его 46-я армия по идее должна была находиться в непосредственном подчинении командования фронта. Но потом при штабе фронта появился особый орган, именовавшийся «штабом войск обороны Кавказского хребта». Возглавил его генерал Г. Л. Петров из НКВД. Надо прямо сказать, что это была совершенно ненужная, надуманная промежуточная инстанция. Фактически этот штаб подменял управление 46-й армии.

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создалась бы угроза выхода немцев на юг, к Черному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы из кадровых войск. В районе Красной Поляны и к востоку от нее занял оборону крупный отряд полковника Пияшева, преградив противнику путь к морю. В горы выдвигались также вооруженные рабочие отряды. Против врага поднялась вся многонациональная семья народов Кавказа. На боевых рубежах и в тылу противника шла гибельная для непрошенных гостей борьба. Братство народов выдержало все испытания. Расчеты оккупантов на его слабость полностью провалились.

Именно к этому времени относятся события в районе Марухского перевала. В очень трудных условиях его героические защитники отбили все попытки немецких горных отрядов захватить перевал и прорваться здесь через Главный Кавказский хребет. Они выполнили свой солдатский долг до конца.

Ожесточенные бои шли на Тереке. Там наступали 1-я танковая армия и несколько армейских корпусов противника. Удар наносился с расчетом вырваться одновремен-

но на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там, ни тут немецкие войска не получили успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями. Сколько враг ни бился, до грозненской и бакинской нефти добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток.

Не вышло дело и на черноморском направлении, хотя там немцы проявляли исключительную активность, особенно под Туапсе. С конца сентября, после основательной перегруппировки, они вторично повели атаки с явным намерением окружить и уничтожить основные силы 18-й армии. Вновь нависла угроза над морским побережьем. В этих условиях Ставка и Военный совет фронта укрепили войска армии свежими силами, а в середине октября командовать ею направили генерала А. А. Гречко. Активизировалась и политическая работа. В ходе тяжелых боев советские войска зацепились за последнюю горную гряду на подступах к Туапсе, но врага не пропустили. Последующими контрударами он был отброшен за реку Пшиш. На этом важном для нас рубеже силы сторон сначала уравновесились, а затем мы приобрели даже некоторое превосходство. Поэтому в середине ноября, когда гитлеровцы в третий раз сделали попытку прорваться к Туапсе, все их усилия оказались тщетны. Мало того, часть атакующих войск противника была окружена и полностью уничтожена.

Более на туапсинском направлении немецко-фашистские войска в наступление не переходили. Не преодолели они и Кавказский хребет, хотя здесь действовал хорошо обученный горнострелковый корпус. В районе Эльбруса враг захватил только «Приют одиннадцати», но далее не продвинулся.

Работая в Закавказье, мы все время прочно опирались на офицеров Генштаба, прикомандированных к войскам. Они были рядом с нами в многочисленных разъездах, помогали обрабатывать данные обстановки, готовить для представления в Ставку ежедневное донесение, активно участвовали в наших организационных мероприятиях. Добром вспоминаю я, в частности, товарищей Н. Д. Салтыкова, А. Н. Тамразова и многих других.

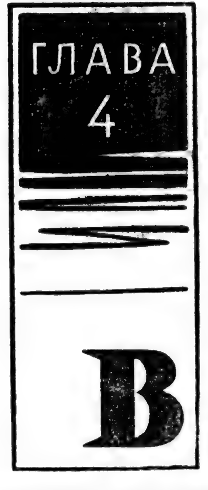
Через месяц мы возвратились в Москву. Вопреки хвастливым заявлениям командования немецкой группы армий «А» о том, что сопротивление советских войск скоро будет сломлено, положение в Закавказье стабилизировалось. С нами не было лишь генерал-лейтенанта П. И. Бодина — его назначили начальником штаба фронта. Но недолго пришлось ему занимать этот высокий пост. 1 ноября Бодин погиб: попал в районе Орджоникидзе под бомбежку немецкой авиации, не захотел для безопасности лечь на землю и расплатился за это жизнью.

Уже по приезде в Москву мы познакомились с пьесой А. Е. Корнейчука «Фронт». Неожиданно она появилась на страницах «Правды» и взволновала весь офицерский состав армии. И хотя у нас в Генштабе каждая минута была тогда на счету, пьесу прочли даже самые занятые. Всей душой мы были на стороне молодого Огнева и высказывались против Горлова.

Но нет, говорят, правил без исключения. И в Генштабе, и за его пределами, даже среди очень заслуженных военных руководителей нашлись такие, которые восприняли пьесу «Фронт» как своеобразную диверсию против Красной Армии. В Ставку поступило несколько телеграмм с требованием прекратить печатание пьесы в «Правде» и запретить ее постановку в театрах как вещь «абсолютно вредную». На одну из таких телеграмм последовал ответ Верховного Главнокомандующего:

«В оценке пьесы вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это — единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии».

Мы, генштабовская молодежь, если можно так сказать о людях среднего руководящего звена и еще не старых по возрасту, восприняли «Фронт» как выражение политики партии, как ее призыв к повышению уровня нашего военного искусства и методов руководства войсками.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Предвестники наступления на Северном Кавказе.— Внимание Верховного Главнокомандующего приковано к Черноморской группе.— А не создать ли конармию? — Директивы фронту под диктовку Сталина.— План «Горы» и план «Море».— Для чего противнику таманский плацдарм? — Два десанта под Новороссийском.— Маршал Г. К. Жуков на Кубани.— Кубанское небо: в воздухе сотни самолетов.— Голубая линия и ее крах.

Величайшей гордостью советского народа и его Вооруженных Сил является славная победа под Сталинградом. Как известно, главная группировка гитлеровских войск, окруженная там 23 ноября 1942 года, к 2 февраля 1943 года была полностью разгромлена. В результате тяжелейших для обеих сторон оборонительных и наступательных операций гитлеровская Германия потеряла под Сталинградом более полутора миллионов человек, громадное количество боевой техники, и, как показали последующие события, это был важнейший этап на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне. В истории нет пока другого примера, чтобы менее чем за три месяца перестала бы существовать такая многочисленная армия, да еще при отсутствии у ее победителя общего превосходства в силах и средствах.

Ближайшим следствием победы под Сталинградом являлось освобождение Северного Кавказа, к чему по долгу тогдашней своей службы в Генштабе я имел непосредственное отношение. Об этом и пойдет речь ниже.

Сталинград надолго приковал к себе А. М. Василевского. В конце 1942 года и начале 1943 года Александр Михайлович почти безвыездно находился на этом главном тогда участке советско-германского фронта.

А поскольку не было на месте начальника Генштаба, Верховный Главнокомандующий частенько звонил прямо в Оперативное управление, справлялся об обстановке,

диктовал свои распоряжения. Приходилось все время быть начеку, дневать и ночевать на рабочем месте. Тем более мне, исполнявшему в тот период обязанности заместителя начальника Оперативного управления [1].

Враг еще рвался вперед, советские войска напрягали все силы, чтобы остановить его, а в Ставке и Генеральном штабе обдумывались уже планы будущего наступления, закладывался фундамент решающих операций по разгрому противника и под Сталинградом, и на Северном Кавказе. Мне памятна директива Верховного Главнокомандующего от 15 октября 1942 года. В разгар оборонительных боев на Тереке она обращала внимание командования Закавказского фронта на Черноморскую группу войск:

«Из ваших наиболее частых посещений войск Северной группы и из того, что вами значительно большая часть войск направлена в состав этой группы, Ставка усматривает недооценку вами значения Черноморской группы и оперативно-стратегической роли Черноморского побережья».

Как непосредственный исполнитель документа, из которого взята приведенная выше выдержка, я достаточно хорошо знаю, что в основе его лежала забота о будущем наступлении. А в двадцатых числах того же месяца мне представился случай убедиться, что в эти заботы Ставка погружается все глубже. Однажды ночью Ф. Е. Боков вызвал меня к себе и приказал доложить соображения относительно создания на Северном Кавказе конной армии.

— Интересуется Сталин, — добавил он.

Предложение о преобразовании 4-го гвардейского кавкорпуса в конную армию исходило от командующего Закавказским фронтом И. В. Тюленева. Организационно объединить в ней предполагалось семь кавалерийских дивизий: 9-ю и 10-ю Кубанские гвардейские, 11-ю и 12-ю Донские гвардейские, 30, 63 и 110-ю.

Сталин отнесся к этому с повышенным вниманием.

— А и в самом деле, не создать ли нам конармию? — спросил он Бокова и тут же приказал проанализировать вопрос в Генштабе.

Кроме того, Верховный лично запросил мнение коман-

[1] 2 апреля 1943 года С. М. Штеменко был утвержден в этой должности.— *Прим. ред.*

За 15 минут до нападения на СССР. Командующий немецкой танковой группы Гудериан с офицерами своего штаба на берегу Западного Буга в районе Бреста

В ставке Гитлера. Обсуждается план летнего наступления 1942 года

В освобожденном Новороссийске. Слева направо: Г. Н. Холостяков, К. Н. Леселидзе, Н. Е. Басистый, Л. А. Владимирский, И. Е. Петров, В. В. Ермаченков, Н. М. Кулаков

В плавнях Кубани

дира 4-го гвардейского кавкорпуса генерала Н. Я. Кириченко.

Идея была очень соблазнительной. На Северном Кавказе имелось, казалось бы, все для ее осуществления: и кони, и отличные кавалеристы из кубанских и донских казаков, и пространства, обеспечивающие свободный маневр большим массам конницы. К тому же все мы воспитывались на глубоком уважении к героическому прошлому красной кавалерии. Однако условия Отечественной войны существенно отличались от условий войны гражданской, и над этим следовало задуматься.

О роли конницы в современной войне, ее организации и способах применения имелось несколько точек зрения. Одни считали, что конница изжила себя, что она уже не способна к лихим атакам и глубоким рейдам из-за уязвимости от огня автоматического оружия, наличия у противника большого количества танков, трудностей снабжения фуражом и по многим другим причинам. Указывалось и на то, что в современной войне часты случаи перехода к обороне, а конница без пехоты, танков и артиллерии прочной обороны создать не может. Следовательно, ее потребуется усилить другими родами войск, но при этом она неизбежно утратит самое сильное свое качество — подвижность. А раз так, то нет смысла иметь кавалерию вообще.

Другие склонялись к тому, что конницу надо использовать в комбинации с танками и механизированными войсками, в виде временных конно-механизированных объединений при достаточной авиационной поддержке. Такое решение вопроса о коннице, по мнению Генштаба, являлось наиболее правильным. Оно давало простор для сочетания различных родов войск в пропорциях, наиболее отвечающих обстановке.

Были, наконец, и сторонники существования конницы «в чистом виде». Эти взгляды вступали в противоречие с уже имевшимся опытом, который, как известно, всегда является критерием истины. При использовании конницы без средств усиления она несла слишком большие потери, достигая весьма ограниченных результатов своими поистине героическими рейдами. В некоторых случаях ее приходилось просто выручать, вплоть до подачи овса на самолетах в тыл противнику, откуда кавалерийские соединения не могли выйти самостоятельно.

Все это было взвешено при рассмотрении вопроса о создании конной армии. И в конце концов Генеральный штаб дал на сей счет отрицательное заключение, полагая, что эта громоздкая организация будет чрезвычайно уязвима с земли и с воздуха и не оправдает возлагаемых на нее надежд. Верховный Главнокомандующий с нашими соображениями согласился.

В декабре 1942 года, после разгрома Манштейна, обстановка на Северном Кавказе решительно менялась в нашу пользу. Теперь создавалась непосредственная возможность выхода Южного (бывшего Сталинградского) фронта в тыл немецкой группы армий «А», засевшей на Тереке, в Кавказских горах и у Новороссийска, и перехвата путей наиболее вероятного ее отступления через Дон в Донбасс. 29 декабря был освобожден населенный пункт Котельниковский, откуда степные зимние дороги вели прямо на Батайск и Ростов. Подошло время начать широкие наступательные операции и на Закавказском фронте.

В предвидении этих событий Генштаб предложил, чтобы Южный фронт, сосредоточивая главные усилия на ростовском направлении, предусмотрел действия частью сил на Тихорецкую. Захват Тихорецкой отрезал бы кавказскую группировку противника от Ростова и вывел советские войска на тылы 1-й танковой армии немцев. Ставка приняла это предложение. В ночь под новый, 1943 год план дальнейших действий войск Южного фронта был утвержден.

В то же время принимались меры, не допускавшие отхода противника с Северного Кавказа на Таманский полуостров, где существовала переправа в Крым. Этому должна была воспрепятствовать Черноморская группа войск Закавказского фронта своим ударом на Краснодар, Тихорецкую, с выходом навстречу войскам Южного фронта. Северной группе отводилась более скромная роль: ей предстояло связать противника боями на занимаемых им рубежах, не позволить ему оторваться, препятствовать маневрированию.

Таким образом, к началу 1943 года в Ставке окончательно оформился замысел изоляции противника на Северном Кавказе с целью его последующего уничтожения. Действия здесь составляли лишь одно из звеньев в длинной цепи наступательных операций Советских Вооружен-

ных Сил от Воронежа до Моздока. Сталинградская победа раскрывала широкие перспективы и перед другими фронтами. Воронежскому предстоял удар на Харьков, Юго-Западному — на Лисичанск, Красноармейское, Мариуполь, Южному — на Шахты в обход Ростова. Такое направление согласованных по времени ударов должно было взломать фронт противника на многих участках, создать угрозу тылу его основных группировок, заставить немецко-фашистское командование разбрасывать свои силы и действовать растопыренными пальцами.

Исполняя решение Ставки, Закавказский фронт разработал планы Краснодарской и Новороссийской операций Черноморской группы. Первая осуществлялась в основном силами 56-й армии, вторая — 47-й армией и флотом. Волнений при этом было множество. В Генштаб поступили данные о том, что противник узнал о подготовке операции под Новороссийском. Ему якобы стало известно даже направление главного удара через Неберджаевский перевал с одновременной высадкой морского десанта. Если это действительно так, требовалось срочно менять планы. Расследование, однако, не подтвердило утечки данных о наших замыслах, и подготовка операции продолжалась.

Но противник не ждал, когда мы проведем наши планы в жизнь. В то самое время, когда Ставка дала директиву относительно удара на Тихорецкую, немецко-фашистское командование приступило к отводу 1-й танковой армии с Терека на северо-запад, поскольку над ее тылом уже нависала неотвратимая угроза со стороны Южного фронта. Чтобы понять, куда развиваются события, не требовалось большой полководческой прозорливости.

1-я танковая армия стремилась сомкнуться флангом с 4-й танковой армией из группы Манштейна и таким образом приостановить наступление войск Южного фронта в Манычской впадине, не дать нам вырваться к Ростову. Практически враг создавал бронированный барьер из двух танковых армий. А танки, как известно, в условиях степей могут легко маневрировать, в короткое время образовывать сильные подвижные группировки и наносить мощные удары. К тому же именно здесь противник располагал тогда, кроме частей 1-й танковой армии, еще и соединением специальной организации, особо подготовлен-

ным для войны в пустынях и степях так называемым корпусом «Ф» [1]. В состав этого корпуса входили три моторизованных, танковый и саперный батальоны, подразделения штурмовых орудий и авиаотряд. У нас же танков было относительно мало, и приходилось сочетать их с конницей, чтобы хоть в какой-то мере ослабить преимущество врага.

Главным силам 1-й танковой армии удалось оторваться от нашей Северной группы войск. Преследование отходящего противника началось недостаточно организованно и с опозданием. Средства связи оказались неподготовленными к управлению наступательными действиями. В итоге уже в первый день преследования части перемешались. Штабы не знали точного положения и состояния своих войск. 58-я армия отстала от соседей и оказалась как бы во втором эшелоне. 5-й гвардейский Донской кавкорпус и танки не смогли опередить пехоту. Командование фронта пыталось навести порядок, но без особого успеха.

Перед Черноморской группой отхода, однако, не наблюдалось. Там противник сопротивлялся упорно, всячески старался удержать занимаемые рубежи. Он понимал, чем грозит ему прорыв советских войск на Краснодар — Тихорецкую и на Таманский полуостров.

Командование же Закавказского фронта не вполне точно оценивало обстановку. Главное внимание оно по-прежнему уделяло действиям Северной группы войск, хотя стало уже очевидным, что ее фронтальным преследованием противник только выталкивается. Значительно большие перспективы рисовались в полосе Черноморской группы войск. Но как раз здесь-то командование фронта ничего существенного не предпринимало.

4 января в 13 часов 30 минут в Генштаб позвонил Сталин.

— Запишите и передайте во фронт, — сказал он мне и стал диктовать директиву. Говорил медленно, обдумывая, видимо, формулировки:

— «**Первое.** Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую

[1] Корпус «Ф» формировался генералом Фельми. Первая буква фамилии этого генерала и стала наименованием корпуса.— *Прим. ред.*

задачу легкого преследования. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу.

Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия.

Вторая и главная задача ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северо-кавказскую группу противника с целью взять его в плен или уничтожить. В этом деле вам будет помогать левый фланг Южного фронта Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова...»

Тут Сталин сделал довольно значительную паузу, а затем продолжал:

— «**Третье**. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен перестроиться на наступательный лад, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом».

Под конец Верховный добавил пункт, требовавший немедленного выезда командования фронта в район действий Черноморской группы. Таким образом, вторично было подтверждено, что главные усилия Закавказского фронта должны концентрироваться именно здесь. Теперь уже не прогнозы, а сама обстановка подсказывала этот наиболее разумный способ действий.

Перемещение центра тяжести операций в полосу Черноморской группы не допускало, однако, ослабления ак-

тивности Северной группы войск. Как бы то ни было, она уже вела преследование противника, и ее положение позволяло надеяться на значительный оперативный результат.

Своим правым флангом Северная группа продвинулась на 20 километров и находилась на рубеже Согулякин. Здесь нашему 4-му гвардейскому кавкорпусу противостоял корпус «Ф». 44-я армия, сбивая части прикрытия 3-й и 13-й танковых дивизий немцев, выдвинулась на 20 километров к западу от Сунженского. В ее полосе действовали также 5-й гвардейский кавкорпус и танковая группа генерала Г. П. Лобанова (три танковые бригады, танковый полк, отдельный танковый батальон, два истребительно-противотанковых полка, а всего 106 танков и 24 бронемашины). В центре 58-я армия сбила части 111-й и 50-й пехотных дивизий немцев, овладела 3 января Моздоком и медленно продвигалась в направлении Прохладного. Левее 9-я армия отбросила прикрытие 370-й пехотной и 5-й авиаполевой дивизий противника и продвинулась за сутки более чем на 30 километров. В полосе этой армии находилась танковая группа подполковника В. И. Филиппова (три танковые бригады и два танковых батальона — всего 123 танка, а также стрелковая бригада и два истребительно-противотанковых полка). На левом фланге 37-я армия, преследуя части корпусной группы Штейнбауэра, овладела Нальчиком и наступала в северо-западном направлении.

Перед правым флангом Северной группы лежала степь, где успешно могли действовать подвижные войска. А в центре и на левом фланге, по мнению Генштаба, можно было подсечь противника ударом 37-й армии в направлении Пятигорска, в сочетании с наступлением 9-й армии на Георгиевск. Таким образом, достигался бы разгром основных сил вражеского прикрытия и, следовательно, ускорялись темпы последующих наступательных действий. С выходом же к Невинномысску для Северной группы открывалась возможность ударить в тыл немецким войскам, находившимся в горах Главного Кавказского хребта.

В то же время мы понимали, что Северная группа не в состоянии охватить своими подвижными войсками фланг противника, а тем более выйти на тылы его главных сил. Наши конные корпуса были очень ослаблены.

В 10-й гвардейской кавдивизии, например, к началу преследования в строю насчитывалось: людей — менее двух тысяч, орудий 76-мм калибра — два, 45-мм калибра — четыре, станковых пулеметов — четыре. 9-я гвардейская кавдивизия имела в строю 2317 человек, орудий разных — семь, станковых пулеметов — восемь. Чуть лучше выглядели в этом отношении и другие дивизии. А конский состав везде был истощен настолько, что не выдерживал переходов более 20—25 километров в сутки. Без танков и авиации такие дивизии не могли, конечно, сыграть серьезной роли в борьбе против 1-й танковой армии противника и его корпуса «Ф».

Вместе с тем очень хотелось принять такие меры, которые привели бы если не к полному разгрому, то хотя бы к частичному поражению противника и захвату его техники. Надо было создать какой-то ударный кулак на правом фланге. Генштаб предложил усилить кавкорпуса танками и использовать их на путях отхода противника.

Соображения Генерального штаба направили Военному совету фронта, так сказать, для консультации, в порядке поиска наиболее целесообразного решения. Однако там эти соображения в должной мере учтены не были. Оперативная директива Северной группы войск, представленная в Ставку 6 января, с которой, видимо, согласилось и командование фронта, имела ряд существенных недостатков. В целом она продолжала прежнюю линию на выталкивание противника, вела к распылению усилий войск, особенно кавкорпусов и танков, характеризовалась слишком сложным маневром, тормозящим их движение вперед.

Такой план действий Ставка, разумеется, не утвердила. Генштабу было приказано подробно проанализировать действия Северной группы и послать этот анализ ее командующему и командующему Закавказским фронтом. Мы это сделали. В записке Генштаба от 7 января отмечалось, что войскам группы ставятся нереальные задачи по глубине: например, Кубанскому кавкорпусу предлагалось к 9 января овладеть Ворошиловском, находившимся на удалении 200 километров от места расположения корпуса; 58-й армии ставилась задача преодолеть с боем свыше 100 километров за два дня. Нереальными были и задачи 44-й армии. В то же время 9-я армия, имевшая наибольшее продвижение, преднамеренно задерживалась на месте в течение трех дней и выводилась в резерв.

Генштаб предложил: продолжать наступление 9-й армии на Георгиевск, Минеральные Воды, имея впереди три танковые бригады; основные силы подвижных войск вести на правом фланге и использовать их на путях отхода противника в районе Невинномысска или еще глубже; на левом фланге иметь минимальные силы с тем, чтобы не выталкивать противника из предгорий Главного Кавказского хребта и избежать излишних перегруппировок в дальнейшем; 58-ю армию вести во втором эшелоне. При этом подчеркивалась необходимость спланировать операцию, исходя из реальных возможностей, наладить бесперебойное управление войсками и снабжение их.

Следует заметить, что как раз в день отправки наших рекомендаций на правом фланге Северной группы опять нарушилась связь с танковыми и кавалерийскими частями. Точного их положения штабы не знали.

Прочитав итоговое боевое донесение за 7 января по Закавказскому фронту, Сталин в 3 часа 55 минут 8 января опять продиктовал для передачи И. И. Масленникову и в копии И. В. Тюленеву гневную телеграмму:

«...Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окружение...

Такое положение нетерпимо.

Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно, два раза в день, сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте.

Личная ответственность за вами...»

В последующие дни управление войсками Северной группы несколько улучшилось и преследование проводилось более планомерно, в основном вдоль железной дороги на Армавир. Однако решительного перелома в ходе операции достигнуто не было: противник не допустил охвата его фланга или прорыва наших подвижных войск на тылы группы армий «А». Правда, остановить наше наступление ему тоже не удалось. Бои велись с исключительной ожесточенностью.

Пришлось решительно перестраиваться и командованию Черноморской группы, ставшей теперь точкой приложения главных усилий фронта. Дело в том, что примерно с середины ноября 1942 года здесь подготавливалась так называемая Майкопская операция. В свое время она

была целесообразна, и Ставка ее санкционировала. На майкопском направлении развернулась работа по развитию дорог, созданию запасов, сосредоточению войск. Но к январю 1943 года необходимость в этой операции отпала. Изменившаяся обстановка требовала наступления на краснодарском и новороссийском направлениях. Приходилось все менять, причем в самом срочном порядке.

Командование фронта, прибывшее по указанию Сталина на КП Черноморской группы в Молодежное (под Туапсе), занялось вместе с И. Е. Петровым разработкой замысла двух новых операций, под условными наименованиями «Горы» и «Море»[1]. В то же время на краснодарское и новороссийское направления стали стягиваться войска, в частности артиллерия. Сосредоточение их по горным дорогам было сопряжено с большими трудностями.

Планы этих двух операций Черноморской группы были представлены в Ставку и уже 8 января рассмотрены там.

По плану «Горы» главная роль отводилась 56-й армии, командование которой вручалось генералу А. А. Гречко. Он уже отлично зарекомендовал себя как командующий Новороссийским оборонительным районом, а затем 18-й армией под Туапсе, где враг был остановлен в критические дни обороны Кавказа. В состав 56-й армии включались значительные силы: пять стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, танки и другие средства усиления.

Операция имела два четко выраженных этапа. На первом этапе (14—18 января) предполагалось разгромить вражеские войска, противостоящие 56-й армии, овладеть Краснодаром и захватить переправы через Кубань. На втором этапе (19—30 января) планировалось наступление из района Краснодара на Тихорецкую и овладение рубежом Тихорецкая, Каневская. О дальнейшем движении на Батайск в плане даже не упоминалось.

«Будет надир», — подумали мы, хотя, говоря откровенно, у нас самих не было уверенности в том, что Черноморской группе удастся вырваться на Тихорецкую, а не

[1] Эти наименования предложил Верховный Главнокомандующий. Операция «Горы» должна была развиваться в направлении Краснодара и далее на Тихорецкую. Операция «Море» имела целью овладение Новороссийском.— *Прим. автора.*

только на Батайск: отходящий перед Северной группой противник попадал туда, безусловно, раньше наших войск. Но Верховный назвал Батайск как конечную цель удара, а он о своих указаниях никогда не забывал и не позволял забывать другим.

Операция «Море», проводившаяся во взаимодействии с Черноморским флотом, распадалась на три этапа. На первом из них (12—15 января) 47-я армия генерал-лейтенанта Ф. В. Камкова должна была прорвать оборону противника в районе Абинской и захватить станицу Крымскую, создав тем самым выгодные условия для овладения Новороссийском с суши и развития наступления в глубину Таманского полуострова. На втором этапе (16—25 января) предстояло освободить порт и город Новороссийск ударом 47-й армии с суши и морского десанта из района Южная Озерейка. Третий этап составляло освобождение Таманского полуострова, и рассчитан он был до 1 февраля.

Если план «Море» Ставка утвердила без замечаний, то с другим планом, «Горы», возникли осложнения. Как мы и предполагали, Верховный высказал недоумение по поводу обойденного молчанием наступления на Батайск. В 14 часов 8 января от Сталина снова последовал звонок в Генштаб, и я записал следующее распоряжение для передачи командованию Закавказского фронта и Черноморской группы:

«**Первое.** Ваш план операции получен. Он отражает только два этапа операции: первый этап — выход на рубеж Краснодар, второй этап — выход на рубеж Тихорецкая. Но в вашем плане не отражен третий этап операции, предусмотренный моими указаниями, а именно — выход на Батайск.

Прошу сообщить, по каким мотивам вы отсекли 3-й этап операции.

Вполне вероятно, что в связи с наступлением Южного и Юго-Западного фронтов может создаться благоприятная обстановка для выхода части черноморских войск на Батайск. Если вы теперь же не подготовитесь к этому делу, обстоятельства могут застать вас врасплох.

В связи с этим прошу вас сообщить в Генеральный штаб о тех силах, которые вы намерены выделить для осуществления 3-го этапа операции.

Второе. Ваш план операции по 1-му и 2-му этапам утверждается».

Затем, вспомнив, видимо, продиктованную ночью телеграмму И. И. Масленникову относительно потери управления войсками, Сталин приказал прибавить только для Военного совета фронта третий пункт:

«Обратите внимание на Масленникова, который оторвался от своих частей и не руководит ими, а плавает в беспорядке».

Недостающая часть плана «Горы» вскоре была представлена, и 11 января Ставка утвердила его в целом.

Все перегруппировки и сосредоточение войск в полосе Черноморской группы проводились в чрезвычайной спешке. К этому вынуждал не только продолжающийся отход 1-й танковой армии противника, но и начавшееся 5 января отступление немцев с перевалов Главного Кавказского хребта.

Принимались все возможные меры, чтобы закончить подготовку операции в сроки, обусловленные планами, но достигнуть этого не удалось. Погода вконец испортилась, шли дожди и снег. Войска и грузы задержались в пути. Особенно плохо было с артиллерией. Командование фронта доложило об этом. Сталин на сей раз проявил терпимость. 13 января в 11 часов 50 минут он передал через оперативного дежурного по Генштабу генерала С. С. Броневского следующий ответ командующему фронтом:

«Сроки начала и проведения операции не следует понимать как абсолютные и неизменные величины. Если погода плохая, можете начать операцию «Горы» или операцию «Море» на один-два дня позже срока».

На основании этой телеграммы наступление 56-й и 47-й армий было начато 16 января, но опять-таки при далеко не полном сосредоточении войск. Дальнейшие отсрочки оказались невозможными из-за несколько неожиданного изменения обстановки перед фронтом Черноморской группы и ее соседей справа — 46-й и 18-й армий. Дело в том, что 46-я армия начала наступление еще 11 января. Перед ней стояла скромная задача: отвлечь внимание противника от главных направлений, нанося удары на Нефтегорск, Апшеронский и Майкоп. Однако действия ее оказались настолько энергичными, что она вынудила к отходу в северном направлении противостоящие ей вражеские войска и создала угрозу для противника, оборо-

нявшегося перед расположенной левее 18-й армией. Там тоже начался отход. 18-я армия перешла в преследование, поворачивая фронт на северо-запад. А это в свою очередь благоприятствовало наступлению 56-й армии. 16 января она атаковала противника и за семь дней тяжелых боев прорвала его оборону на краснодарском направлении, вышла на подступы к Краснодару и к реке Кубань.

47-я армия, наносившая главный удар на Крымскую, успеха не имела. Да и в полосе 56-й сопротивление противника все возрастало и вскоре стало непреодолимым. Соотношение сил уравнялось и даже имело тенденцию к изменению в пользу противника.

Тут заявили о себе неотвратимые законы диалектики войны: ухудшение общего положения немецко-фашистских войск, особенно под Батайском и Ростовом, заставило их командование использовать все возможности для укрепления обороны на краснодарском и новороссийском направлениях, любой ценой сохранить за собою пути отхода в Донбасс и Крым. Ведь в то время, когда Черноморская группа вела бои на подступах к Краснодару, 2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии Южного фронта находились уже в восьми километрах от Батайска, а войска Северной группы Закавказского фронта выходили в район Песчанокопское, Кропоткин, Армавир. Создавалась, таким образом, ситуация, чреватая для противника новым «Сталинградом». Он, конечно, всячески старался избежать этого и принимал контрмеры.

23 января особой директивой советское Верховное Главнокомандование указало Южному фронту на его главную роль в окружении противника на Северном Кавказе.

«Захват Батайска нашими войсками, — говорилось в директиве, — имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта в свою

очередь закроют выход этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе».

Ставка приказывала Южному фронту немедленно двинуть на Батайск основные силы, расположенные в районе Маныча и южнее Дона, захватить Батайск и Азов. Приказ этот был принят к исполнению. Однако неоднократные атаки наших войск в районе Батайска были отражены в основном танками и авиацией. Сил Южного фронта для разгрома батайской группировки и перехвата путей отхода противника на Ростов явно не хватало.

К этому же времени относятся важные изменения в обстановке на Закавказском фронте. Подвижные части его Северной группы соединились с левофланговой 28-й армией Южного фронта и достигли рубежа Средне-Егорлык, Песчанокопское, а 44, 58, 9 и 37-я армии выходили на дальние подступы к Тихорецкой. Теперь уже незачем было направлять сюда усилия Черноморской группы. Эта задача, поставленная ей ранее, явно изжила себя. Требовались какие-то новые решения. И они последовали. 23 января Черноморская группа получила указание:

«1) Выдвинуться в район Краснодара, прочно оседлать р. Кубань, распространиться по обоим ее берегам, а главные силы направить на захват Новороссийска и Таманского полуострова с тем, чтобы закрыть выход противнику на Таманский полуостров так же, как Южный фронт закрывает выход противнику у Батайска и Азова.

2) В дальнейшем основной задачей Черноморской группы войск иметь захват Керченского полуострова».

В тот же день, 23 января, по вызову Ставки в Москву прибыл А. М. Василевский. По его докладу о положении на фронтах, действия которых он координировал, и сообразуясь с обстановкой на Северном Кавказе, Ставка приняла решение о преобразовании Северной группы Закавказского фронта в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. В состав его вошли 9, 37, 44 и 58-я армии, Кубанский и Донской гвардейские кавкорпуса, а также все другие соединения, части и учреждения, входившие ранее в Северную группу. Командующим остался И. И. Маслен-

ников. Директивой Ставки от 24 января ему предписывалось:

«...1. Подвижную КМГ генерал-лейтенанта Кириченко направить на Батайск для удара в тыл ростовско-батайской группе противника с задачей во взаимодействии с левым крылом Южного фронта разгромить противника и овладеть Батайском, Азовом, Ростовом.

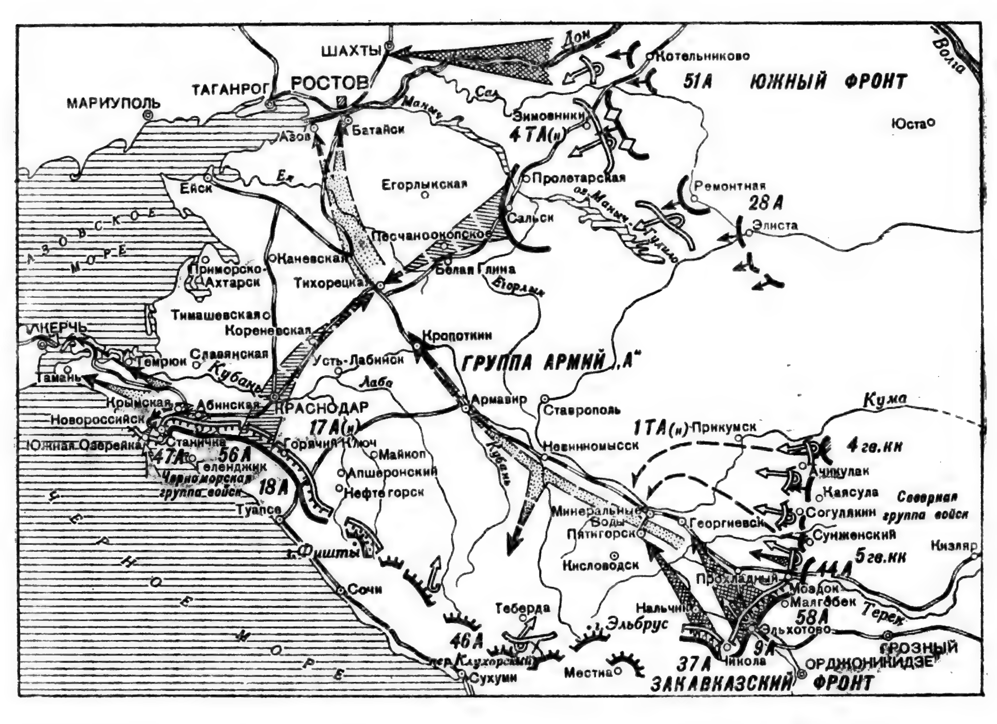
2. 44-й и 58-й армиям, наступая в направлении Тихорецкая, Кущевская, поставить задачу разгромить отступающие части 1-й танковой армии противника, выйти на рубеж Батайск, Азов, Ейск. В дальнейшем иметь в виду форсирование Таганрогского залива и выход на северный берег в район Кривая Коса, Буденовка.

3. 9-й армии нанести удар на Тимашевская, 37-й армии — на Краснодар с задачей во взаимодействии с Черноморской группой Закавказского фронта окружить, разгромить противника или пленить его».

В первых числах февраля в полосе Северо-Кавказского фронта противник был выбит из степей северо-западнее и западнее Тихорецкой и с побережья Азовского моря от Азова до Приморско-Ахтарской. Наши войска овладели районом Чепегинской и выдвинулись к Кореневской. Однако захватить Батайск не удалось. Здесь на подступах к Ростову по-прежнему стоял своеобразный броневой щит.

Не было успеха и под Новороссийском. Наступление 47-й армии в направлении станиц Абинская и Крымская оказалось неподготовленным: достаточных для этого сил здесь не накопили, прорыв должным образом не организовали, и атаки очень скоро захлебнулись. Что же касается высадки десанта в районе Южной Озерейки, то она сорвалась из-за штормовой погоды.

Несколько лучше обстояло дело в правофланговых армиях Черноморской группы: они успешно преследовали противника и наносили ему большой урон. 46-я армия, форсировав Кубань, овладела станицей Усть-Лабинской. 18-я армия отбросила врага к Кубани. 56-я вела упорные бои на подступах к Краснодару, а затем по приказу Ставки пришла на помощь 47-й армии, нанесла фланговый удар в направлении Нового Бжегоная, Львовской, Крымской. Через два дня этот удар был усилен еще и 18-й армией. Но тщетно. На правом фланге Черноморской группы намеченная цель тоже осталась недостигнутой. Сказались опять-таки и недостаточность материальных

Замысел Ставки по изоляции противника на Северном Кавказе

средств, и ограниченность времени на подготовку наступления. Но главная причина состояла в том, что немцы бросили сюда основные силы своей 17-й армии и сумели создать здесь заранее особо прочную оборону. В результате к февралю 1943 года образовался так называемый таманский плацдарм противника, с которым впоследствии пришлось изрядно повозиться.

Мы в Генштабе не раз задавали себе вопрос — чем обусловлено положение этого плацдарма? Вынужденная эта мера или преднамеренный акт? Конечно, войска 17-й армии, не сумевшие отойти за Дон и связанные нашими ударами, вынуждены были отступать на Таманский полуостров. Но с другой стороны, немцы не могли не оценить оперативного значения Таманского полуострова. Укрепившись здесь, они угрожали тылам наших войск на Нижнем Дону и Кавказе, затрудняли действия советского флота в Азовском море. Наконец, таманский плацдарм прикрывал с востока Крым от морских десантов. Если рассматривать дело в таком аспекте, то выходило, что противник обосновался на Тамани преднамеренно. Во всяком случае, мы больше склонялись к последнему и делали вывод, что таманский плацдарм будет обороняться упорно, ликвидировать его не так-то просто.

В ходе предшествовавших боевых действий Северо-Кавказский и Закавказский фронты сомкнулись флангами и главные силы нацелили на таманский плацдарм. Оставлять их войска под руководством двух фронтовых управлений, но с одной общей задачей не было смысла. Поэтому с 5 февраля Ставка передала Черноморскую группу Северо-Кавказскому фронту и ему же подчинила в оперативном отношении Черноморский флот. Зато от него отошли 44-я армия и подвижная группа Кириченко, тяготевшие оперативно и территориально к Южному фронту.

Таким образом, все внимание Северо-Кавказского фронта переключалось на разгром таманской группировки противника. Закавказский же фронт получил прежнюю оборонительную задачу в пределах Закавказья.

Но накануне реорганизации была повторно проведена Новороссийская операция. Замысел ее в основном оставался без изменений: окружение и разгром противника в

районе Новороссийска согласованными действиями 47-й армии и морских десантов. Сухопутные войска направлялись в обход города с северо-запада, а десанты высаживались в двух местах: основной — в районе Южная Озерейка и вспомогательный — в районе Станички. Время высадки десантов ставилось в зависимость от действий 47-й армии: десантирование должно было осуществляться после того, как сухопутные войска прорвут оборону противника к северу от Новороссийска и овладеют перевалом Маркотх.

1 февраля 47-я армия перешла в наступление, но успеха не имела. Тем не менее командующий Закавказским фронтом приказал высаживать морской десант. Попытка эта была предпринята 4 февраля без надлежащей подготовки. Плохо организованное взаимодействие между кораблями флота и десантом, а главное то, что огневые средства противника не были подавлены корабельной артиллерией, привели к плачевным результатам. В районе Южная Озерейка высадилась лишь небольшая часть основного десанта — около 1400 человек. Удержать плацдарм они, конечно, не смогли и впоследствии с большими потерями вынуждены были пробиваться к вспомогательному десанту в район Станички. Несколько десятков человек из состава этой группы удалось снять с берега катерами.

Вспомогательный десант в количестве почти 900 человек под командованием майора Ц. Л. Куникова высадился полностью. Действовал он дерзко и умело. Десантникам удалось захватить и удержать небольшой плацдарм, на который затем переправились несколько стрелковых и морских бригад, а также управление 16-го стрелкового корпуса. Они расширили территорию плацдарма до горы Мысхако, привлекли на себя силы почти пяти дивизий противника, прославили советское оружие, но Новороссийск и на сей раз взят не был.

Почти одновременно с этим, 9—22 февраля, проводилась другая наступательная операция в районе Краснодара. На правом фланге здесь действовали 58-я и 9-я армии, в центре — 37-я и 46-я, а левое крыло, севернее Новороссийска, составляла все та же 47-я армия. Удары наносились по сходящимся направлениям на станицу Варениковскую. 18-я и 56-я армии, находившиеся непосредственно перед Краснодаром, наступали с целью окруже-

ния и разгрома противника, оборонявшегося в самом городе.

Местность не благоприятствовала нам. 47-й армии предстояло преодолеть горный хребет, а 58, 9 и 37-я — наступали через лиманы, плавни, озера и ерики, переполненные в это время года водой. О дорогах даже вспомнить страшно: это были потоки непролазной грязи, буквально засасывавшие и пехоту, и артиллерию, и в особенности тылы. А противник сидел на господствующих высотах, используя каждый час для того, чтобы поглубже зарыться в землю и прибавить к многочисленным естественным препятствиям, вставшим на нашем пути, еще и искусственные, в частности минные поля.

Командование фронта стояло перед дилеммой: либо подготовиться к прорыву по всем правилам, но потерять время, за которое противник успеет еще более укрепиться, либо наступать без существенной паузы, не давая врагу возможности усилить оборону. Избрали второй вариант: на подготовку операции отвели всего пять суток.

9 февраля с рубежа рек Бейсуг и Кубань войска Северо-Кавказского фронта нанесли удар, прорвали оборону немцев в районе Кореневской, и наша 37-я армия за два дня боев углубилась на запад до 25—30 километров. На правом фланге 18-й армии в районе Пашковской тоже была форсирована Кубань и имелось некоторое продвижение. Опираясь на успех соседей, пошла вперед и 46-я армия. Совместными усилиями 12 февраля они выбили врага из Краснодара и весь следующий день продолжали преследование его на глубину до 50 километров. Под влиянием этого несколько выправилось положение на правом фланге и юго-западнее Краснодара. А вот в районе Новороссийска все удары 47-й армии и героев Мысхако были отбиты.

В течение второй половины февраля, в марте и первой половине апреля наступательные бои продолжались без крупных успехов. Противника оттеснили на линию рек Курка и Кубань до Прикубанского, на реку Адагум до Красного, на высоты у станиц Крымская, Неберджаевская, но решительного поражения он не понес. Объяснялось это многими обстоятельствами, и в частности недостатками в руководстве нашими войсками. Напрашивалась необходимость дополнительных организационных мер.

Уже 16 марта Ставкой было ликвидировано управление Черноморской группы и за счет его усилен штаб Северо-Кавказского фронта. Несколькими днями ранее управление 18-й армии передислоцировалось в район Новороссийска и объединило войска, действовавшие на полуострове Мысхако и у горы Долгой. Дивизии же, оставшиеся в районе Краснодара, влились в 46-ю и 56-ю армии.

Противник между тем сам стал проявлять повышенную активность и на сухопутье, и в воздухе, и на море. В апреле он усилил свои войска в районе Новороссийска и нанес сильнейшие контрудары по защитникам Малой земли, а также восточнее города. Не оставалось никаких сомнений, что немцы собираются ликвидировать наш плацдарм.

Удары были и по другим нашим армиям. С 15 апреля враг предпринял контратаки на главном направлении против 56-й армии. Немецкая авиация летала сюда не только с таманских, но и с крымских, даже с украинских аэродромов. Она стремилась захватить господство в воздухе. Над Кубанью шли многочисленные воздушные бои, в которых участвовали новейшие немецкие истребители Ме-109Г-2 и Ме-109Г-4.

Боевая активность нашей авиации была заметно ниже. 9 апреля, например, враг сделал свыше 750 самолето-вылетов, мы — 307; 12 апреля он — 862, мы — 300; 15 апреля он — 1560, мы — 447; 17 апреля немцы — 1560, мы — 538. На море противник блокировал Геленджикскую бухту.

Положение, таким образом, складывалось для нас неблагоприятно. Ставка позаботилась об усилении Северо-Кавказского фронта. Сюда перебрасывались новые авиационные части, гвардейские минометы, направлялись дополнительные эшелоны с боеприпасами и горючим. В резерв фронта вывели 47-ю армию, два стрелковых корпуса и дивизию. Создавались резервы в армиях. Упорядочивалась работа тылов.

Детально разобравшись в обстановке, сложившейся на Северном Кавказе, Генеральный штаб 17 апреля доложил свои выводы Верховному Главнокомандующему вместе с планом возможного использования сил и средств, имеющихся на Северо-Кавказском фронте и прибывающих туда в ближайшее время. И. В. Сталин посоветовался с Г. К. Жуковым, недавно прибывшим из-под Белгорода.

Тот не исключал намерений немецкого командования использовать 17-ю армию, засевшую на Тамани, в наступательных операциях весной и летом 1943 года. Он считал целесообразным поскорее ликвидировать таманский плацдарм, отбросив противника в Крым.

Поразмыслив над этим, Верховный сказал Жукову:

— Неплохо бы вам лично разобраться во всем на месте. Последнее время у Масленникова что-то не ладится. Усилия фронта ощутимых результатов не дают... Возьмите с собой от Генштаба Штеменко и побывайте там сами...

Тогда же Верховный разрешил использовать в боях на Тамани особую дивизию НКВД из резерва Ставки. Командовал ею уже знакомый читателю полковник Пияшев. Это соединение имело в то время наибольшую укомплектованность — до 11 тысяч человек.

На следующее утро, 18 апреля, мы вылетели в Краснодар. Г. К. Жуков пригласил в эту командировку командующего ВВС А. А. Новикова и Наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова.

В Ростове дозаправились и оттуда до Краснодара шли на бреющем полете — над Кубанью свирепствовала авиация противника, шло ожесточенное воздушное сражение. Страшно болтало. А внизу цвели сады, ярко зеленели поля.

На Краснодарском аэродроме нас встретил Масленников и повез в свой штаб, куда уже были вызваны командующие 58, 9 и 37-й армиями. Войска этих армий уткнулись в плавни, простиравшиеся на шесть и более километров. Узенькие тропы через плавни прочно прикрывались противником. Действовать здесь способны были лишь относительно небольшие, специально оснащенные отряды.

Выслушав командармов, Жуков сказал:

— Будем искать решения задачи южнее Кубани. Завтра же выедем на место.

Обстановка южнее Кубани выглядела так. На основном направлении наступала 56-я армия. Главный удар наносился в обход Крымской с юга, вспомогательный — в обход с севера. Враг бросил в бой свежие силы пехоты и танков, большие массы авиации. В результате 56-я армия только подошла к Крымской, но овладеть ею не смогла. В наступающих дивизиях остро ощущался недостаток боеприпасов. Не хватало артиллерии и танков. Тяжело приходилось и 18-й армии. Она второй день отражала сильнейшие атаки противника в районе Мысхако.

Утром 19 апреля мы прибыли на командный пункт 56-й армии, располагавшийся за станицей Абинской. Командарм А. А. Гречко, докладывая обстановку, прямо заявил, что очередное наступление, назначенное на завтрашний день, не подготовлено. Г. К. Жуков согласился с этим мнением и отсрочил наступление армии на пять дней, то есть до 25 апреля. К этому времени ожидались боеприпасы, горючее, подход артиллерии РВГК и, самое главное, становилось возможным использовать всю авиацию, в том числе и вновь прибывшую, что позволяло захватить господство в воздухе. К тому же сроку должна была подойти дивизия НКВД. Предполагалось также усилить 56-ю армию за счет переброски сюда артиллерии, в том числе гвардейских минометов, с пассивных участков фронта. А кроме всего прочего, Жукову хотелось до начала наступления лично побывать в корпусах и дивизиях, посмотреть все своими глазами.

Тут же он отдал распоряжение отрыть в районе КП 56-й армии несколько землянок для нас с тем, чтобы мы были поближе к войскам, действующим на главном направлении, и не тратили бы напрасно время на поездки в Краснодар. Георгий Константинович и Масленникову предложил иметь свой НП в этой армии.

Последующие дни мы провели главным образом в войсках, знакомились с командирами корпусов и дивизий, изучали все детали обстановки, организовали на местности взаимодействие. С НП командарма, который был километрах в двух от переднего края, наметили, где и как будем вводить в бой особую дивизию НКВД.

Одновременно с подготовкой наступления 56-й армии представитель Ставки проявил большую заботу об упрочении обороны десантной группы 18-й армии на Мысхако, обеспечении ее устойчивости и бесперебойном питании всем необходимым. Уже 20 апреля перед фронтом десантной группы по войскам противника было произведено два массированных авиационных удара. Каждый удар наносили 200 самолетов, после чего противник сразу приостановил свое наступление и стал зарываться в землю. По указанию Г. К. Жукова флот выделил дополнительные средства для перевозок на Малую землю, была усилена артиллерия 18-й армии в районе Цемесской бухты, улучшена система артиллерийского огня.

В ночь на 21 апреля объединенными усилиями авиа-

ции дальнего действия, Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота производились удары по аэродромам противника в Анапе, по захваченной им части Новороссийска и опять-таки по боевым порядкам немецко-фашистских войск. Налеты эти тоже оказались очень эффективными.

Из чисто организационных мероприятий, осуществленных в те же дни, достойны упоминания здесь, пожалуй, только два: перемещение на побережье Азовского моря управления 58-й армии с одновременной передачей ее дивизий в состав 9-й армии и сведение трех гвардейских стрелковых дивизий 56-й армии в 11-й гвардейский стрелковый корпус.

Однажды уже поздно ночью, закончив очередное донесение в Москву, я понес его на подпись Жукову. Георгий Константинович сидел в своей землянке, глубоко задумавшись над развернутой картой. Подписал почти без поправок и по привычке спросил:

— Что намереваетесь делать теперь?

— Отправлю донесение и лягу спать, — ответил я, прикинув, что до рассвета остается не так уж много времени.

— Пожалуй, правильно...

На том мы и расстались.

Отправка донесения — дело недолгое. Через полчаса я вернулся к себе и только было собрался прилечь, как услышал приглушенные звуки баяна. Кто-то мягко выводил грустную, всем тогда знакомую мелодию. Я выглянул в дверь и увидел Георгия Константиновича. Он медленно растягивал мехи баяна, присев на порог землянки. За первой мелодией последовали вторая, третья, такие же сердечные. Все это были добрые наши фронтовые песни. Мастерства у музыканта не хватало, но играл он с подкупающим усердием. Я долго стоял у двери не шелохнувшись.

С утра 21 апреля мы были в 18-й армии, оборонявшейся в районе Новороссийска. Выслушали доклад командарма К. Н. Леселидзе, вникли в его просьбы. Обещали помочь армии авиацией, о работе которой Леселидзе отзывался с большой похвалой. Там же я впервые познакомился с Л. И. Брежневым, который был в этой армии начальником политотдела.

К вечеру, возвращаясь обратно, заехали на наблюдательный пункт командира 3-го стрелкового корпуса А. А. Лучинского. Этот корпус располагался на левом фланге 56-й армии. С НП Лучинского отчетливо была видна укрепленная врагом Неберджаевская. Немецкая авиация бомбила наши позиции, а затем ударила и по НП. Переждав бомбежку, занялись уточнением плана действий корпуса. Его решено было использовать для разгрома противника в районе Неберджаевской и обеспечения всей наступательной операции со стороны Новороссийска.

22 апреля представитель Ставки работал с командирами дивизий 56-й армии. Им было разъяснено, что армия действует на главном направлении фронта, имея ближайшей своей задачей прорыв обороны противника в районе Крымской и овладение этим узлом сопротивления, а в последующем наступление пойдет на Гладковскую и Верхне-Баканский в тыл новороссийской группировке немецко-фашистских войск. Здесь же намечалось применить основные силы авиации. Сюда в первую очередь направлялись боеприпасы.

Определились задачи и других армий. Составлявшая правый фланг фронта 9-я армия под командованием К. А. Коротеева, действуя из района северо-восточнее Шапорского, должна была форсировать Кубань и овладеть Варениковской, а в последующем развивать успех в глубь Таманского полуострова на Джигинское и частью сил на Темрюк. 37-й армии генерала П. М. Козлова предстояло нанести удары из Прикубанского и Ремеховского прямо на запад, тоже в общем направлении на Варениковскую. А 18-й армии следовало восстановить свое положение на Мысхако, ранее нарушенное противником.

Ставка утвердила этот план операции без поправок. Но жизнь внесла свои коррективы: наступление пришлось перенести еще на несколько дней — до 29 апреля. Только к этому сроку все силы и средства могли быть приведены в полную готовность.

Дни стояли солнечные, теплые. С утра до поздней ночи мы пропадали в дивизиях и полках, скрупулезно вникали во все мелочи, старались не упустить ничего. К себе возвращались уже за полночь. Я, как обычно, сразу же после ужина садился писать донесение в Ставку, а Георгий Константинович, дожидаясь его, вел телефонные пере-

говоры с командующими армиями. На сон грядущий частенько брался за баян. Играл он, только покончив со всеми делами и оставшись совершенно один.

Наконец настало 29 апреля. Мы расположились на НП командующего 56-й армией. В 7 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. 100 минут вся артиллерия фронта вместе с авиацией долбила оборону противника.

Но вот огонь перенесли в глубину, и пехота пошла в атаку, охватывая с севера и юга хорошо видную с НП Крымскую. Это был главный узел сопротивления. Враг оборонялся отчаянно. Наряду с наземным побоищем развернулись динамичные воздушные бои. В воздухе одновременно было до сотни самолетов. Здесь дрались тогда наши лучшие асы: А. И. Покрышкин, Г. А. Речкалов, братья Дмитрий и Борис Глинки.

Противник, видимо, засек наблюдательный пункт А. А. Гречко и обрушил на него огонь своей артиллерии. Некоторые автомашины, стоявшие в 600—700 метрах от блиндажа, где все мы находились, были разбиты вдребезги, но блиндаж уцелел и даже остался без повреждений. Здесь мы провели безотлучно более суток и встретили 1 Мая. А затем к 14.00 переехали на армейский командный пункт, где Андрей Антонович устроил хотя и скромный, но все же праздничный обед.

Ожесточенные бои в полосе 56-й армии продолжались несколько дней. Противник часто и упорно контратаковал, особенно на правом фланге. Там ежедневно приходилось отбивать по шесть — восемь контратак. Среднесуточное продвижение войск не превышало полутора-двух километров.

На пятый день операции решено было ввести в бой особую дивизию Пияшева. Г. К. Жуков возлагал на нее большие надежды, приказал иметь с Пияшевым надежную прямую телефонную связь и поручил мне лично вести с ним переговоры по ходу боя.

Дивизию вывели в первый эшелон армии ночью. Атаковала она с утра южнее Крымской и сразу же попала под сильный удар неприятельской авиации. Полки залегли, произошла заминка.

Г. К. Жуков, присутствие которого в 56-й армии скры-

валось под условной фамилией Константинова, передал мне:

— Пияшеву наступать! Почему залегли?

Я позвонил по телефону командиру дивизии:

— Константинов требует не приостанавливать наступления.

Результат оказался самым неожиданным. Пияшев возмутился:

— Это еще кто такой? Все будут командовать — ничего не получится. Пошли его... — и уточнил, куда именно послать.

А Жуков спрашивает:

— Что говорит Пияшев?

Отвечаю ему так, чтобы слышал командир дивизии:

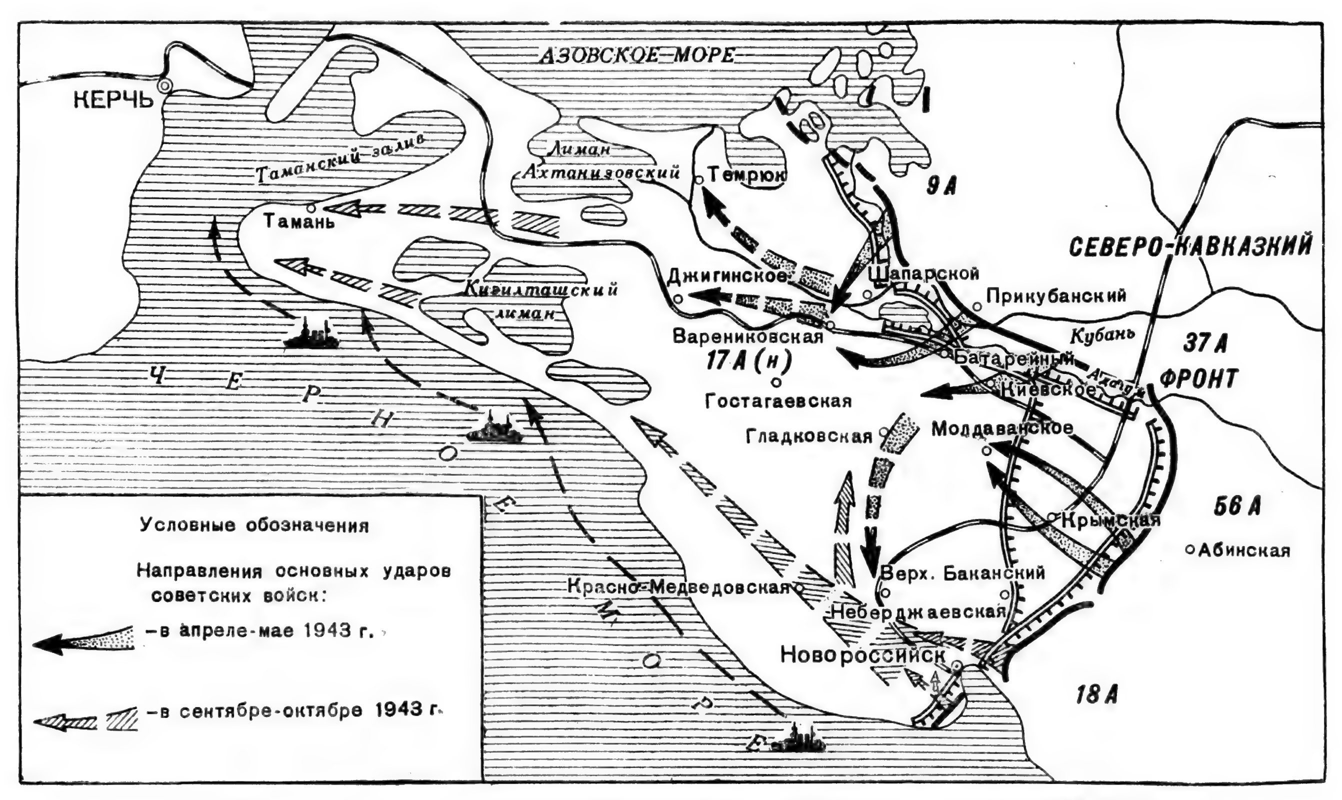
— Товарищ маршал, Пияшев принимает меры.

Этого оказалось достаточно. Полковник понял, кто такой Константинов, и дальше уже безоговорочно выполнял все его распоряжения.

К исходу 4 мая в результате двойного охвата противник все-таки был выбит из Крымской. Мы тотчас же поехали туда посмотреть оборону немцев. Это был действительно узел, который не так-то просто развязать. Помимо густой сети траншей, ходов сообщения, блиндажей и более легких убежищ здесь с помощью новороссийского цемента были превращены в доты подвалы всех каменных зданий. Кроме того, подступы к станице прикрывались вкопанными в землю танками.

В последующие дни наступление протекало столь же трудно. Особенно тяжело пришлось нашим войскам в районах Киевского и Молдаванского. Овладеть этими пунктами так и не удалось. На рубеже рек Курка и Кубань, Киевское, Молдаванское и Неберджаевская все остановилось. Разведка донесла, что перед нами новая сильно укрепленная полоса, на которую сели отошедшие войска и подтянулись резервы противника. Это и была так называемая Голубая линия. Попытки прорвать ее с ходу к успеху не привели. Дальнейшее упорство с нашей стороны не имело смысла, и 15 мая операцию прекратили. Для прорыва новой оборонительной полосы следовало организовать другую операцию, а для этого требовались время и средства.

Представителю Ставки делать здесь было нечего. Г. К. Жуков, а с ним и все мы отбыли в Москву. Возвра-

Соображения по разгрому таманской группировки противника в апреле 1943 года

щались с нехорошим настроением. Задача — очистить Таманский полуостров — осталась невыполненной. Мы наперед знали, что Сталину это не понравится, и готовились к его упрекам. Но все обошлось относительно благополучно. Верховный ограничился лишь заменой командующего фронтом: вместо И. И. Масленникова был назначен И. Е. Петров, под руководством которого по истечении пяти месяцев советские войска очистили Таманский полуостров от врага.

Подготовка Северо-Кавказского фронта к разгрому противника на Голубой линии заняла весь август и начало сентября 1943 года. На этот раз Ставку представлял здесь С. К. Тимошенко.

Голубая линия имела сложное начертание. Это был ряд последовательно пересекающих Таманский полуостров дугообразных укрепленных рубежей, опиравшихся на господствующие высоты и другие естественные препятствия — реки, лиманы, плавни. Район Новороссийска являлся, пожалуй, ключевым пунктом всей обороны. Овладение им давало нашим войскам возможность выйти на фланги и в тыл нескольким таким рубежам и узлам сопротивления, оборудованным в населенных пунктах Киевское, Молдаванское, Неберджаевская, Верхне-Баканский, где находились главные силы противника.

План новой наступательной операции предусматривал уничтожение новороссийской группировки противника соединенными усилиями 18-й армии, Черноморского флота и авиации с последующим развитием успеха в тыл немецко-фашистским войскам, располагавшимся в Варениковской, Киевском и Молдаванском. В то же время 9-й и 56-й армиям надлежало наступать с востока прямо в лоб главным силам врага, дробя их, связывая боем и уничтожая по частям. Удары всех трех армий в конечном счете должны были сойтись у Тамани.

Осуществление этого плана началось в ночь на 10 сентября 1943 года интенсивными действиями авиации и артиллерии по местам высадки морских десантов. Затем последовали до дерзости смелые действия Черноморского флота и 18-й армии в районе Новороссийска. Моряки при поддержке авиации с воздуха и артиллерии с суши проложили себе путь через заграждения, на кораблях прорвались в Цемесскую бухту, высадили там десант, овла-

дели ее побережьем и пошли на штурм городских кварталов. 18-я армия поддержала их своим наступлением к северу от города со стороны Туапсинского шоссе и с Малой земли.

На сутки позже перешла в наступление правофланговая в ударной группировке фронта 9-я армия. Она привлекла на себя резервы противника, предотвратив возможность использования их на других участках.

14 сентября нанесла удар 56-я армия. Он пришелся прямо по узлам сопротивления противника в Киевском и Молдаванском. Передовые наши части вклинились здесь в оборону немецко-фашистских войск.

Разнесенные по времени и пространству, хорошо согласованные между собой атаки сухопутных войск Северо-Кавказского фронта, кораблей Черноморского флота и авиации были настолько сильными и стремительными, что не позволили немцам парировать их поодиночке.

16 сентября дивизии генерала Леселидзе во взаимодействии с флотом сломили врага в Новороссийске, полностью освободили город и завязали бои за перевал Неберджаевский, а также в восьми — десяти километрах к северо-западу от порта. Это была уже явная угроза с тыла главным силам противника, обороняющимся перед 9-й и 56-й армиями. Она вынудила немецко-фашистское командование начать отвод своих войск с Голубой линии. Северо-Кавказский фронт перешел в преследование, преодолевая постепенно слабеющее сопротивление врага на промежуточных рубежах. В неприятельском тылу высаживались новые морские десанты, лишая отступающие части баз эвакуации. В воздухе безраздельно господствовали советские летчики, нанося большой урон не только немецким войскам, но и кораблям, на которых остатки разбитой 17-й армии пытались переправиться в Крым.

9 октября 1943 года на Таманском полуострове стихли последние залпы. За месяц ожесточенных боев противник потерял здесь только пленными около 4 тысяч человек. В качестве трофеев наши войска захватили почти 1300 артиллерийских орудий и минометов, 92 танка.

Кинжал, готовый ударить в спину нашим основным фронтам, выдвинувшимся к Днепру, был выбит из рук врага. Генеральный штаб начал обдумывать, как перенести боевые действия на территорию Крыма.

ВТОРАЯ ВОЕННАЯ ЗИМА

Сокрушительное поражение 2-й немецкой армии.— Операция «Звезда».— Заботы о резервах.— Расчеты и просчеты.— Перемены на центральном направлении.— Конец ржевско-вяземского выступа.— Образование северного фаса Курской дуги.— Новые осложнения на Воронежском фронте.— Образование южного фаса.— Итоги зимней кампании 1943 года.

Память снова и снова возвращает меня к зимним событиям переломного года войны. Развитие боевых действий Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов во многом осложнялось тогда трудностями подвоза материальных средств. Потоки грузов для этих фронтов продолжали идти по тем же каналам, что и в период подготовки контрнаступления под Сталинградом. А войска-то продвинулись далеко на запад, оторвавшись от рокадных железных дорог на 250—300, а в некоторых случаях и на 350 километров.

Повернуть грузы вслед за войсками по железной дороге, идущей от Сталинграда на Каменск и далее через Донбасс, мешала окруженная армия Паулюса; она седлала эту дорогу у Сталинграда. Вполне подходила для той же цели железная дорога Воронеж — Миллерово, но на участке Лиски — Кантемировка она тоже оставалась в руках противника. У нас в Генштабе все больше укреплялось мнение, что без овладения этой дорогой нельзя осуществить новые крупные наступательные операции на юге.

К такой же мысли склонялась, по-видимому, и Ставка Верховного Главнокомандования, всегда относившаяся с особым вниманием к питанию действующих фронтов всем необходимым для жизни и боя. Еще 21 декабря 1942 года Сталин приказал готовить операцию в полосе Воронежского фронта с целью разгрома острогожско-россошанской группировки противника и восстановления свободного движения по железной дороге Лиски — Кантемировка.

Операция разрабатывалась с участием командующего

Воронежским фронтом генерала Ф. И. Голикова. Замысел ее Ставка одобрила, план утвердила и с начала января 1943 года взяла эту операцию под свой непосредственный контроль. На Воронежский фронт выехали Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Замысел был очень решительным — предстояло захлестнуть и окружить основные силы 2-й венгерской армии в районе Острогожск, Алексеевка, Россошь. Нащупали наиболее слабое место в обороне врага — район Кантемировки, где после нашего прошлого наступления не было еще создано достаточно прочных укреплений. Здесь наносила удар 3-я танковая армия, а южнее Воронежа — 40-я армия.

Воронежский фронт, не имевший над противником общего превосходства в силах, смело пошел на ослабление своих пассивных участков в интересах массирования войск и технических средств на главных направлениях. При этом учли опыт борьбы с окруженной группировкой врага в районе Сталинграда. Чтобы сократить сроки ликвидации подготовляемого котла, заранее спланировали рассекающий удар силами 18-го отдельного стрелкового корпуса, впоследствии четко реализованный.

Зима в 1943 году выдалась на редкость холодной, метельной и многоснежной. Но ведь это была уже вторая военная зима! Погодные условия никого не смущали.

Начало операции намечалось на 15 января. Однако фактически она развернулась раньше. За два дня до планового срока на направлениях намеченных ударов началась разведка боем. В полосе 40-й армии разведывательные подразделения действовали столь энергично, что противник был сбит со своих позиций и стал отходить. Вовремя заметив это, командование армии бросило в наступление главные силы, и к исходу дня они вклинились в неприятельскую оборону на 7 километров. С утра следующего дня успех удалось развить. События складывались очень благоприятно для нас. Не прошло и недели, как основная группировка вражеских сил была рассечена и окружена в двух районах — под Россошью и в районе Алексеевки. Советские войска не давали противнику закрепиться, упорно наседая на него, и уже к 25 января пятнадцать вражеских дивизий прекратили свое существование, а шесть понесли тяжелое поражение. Участок железной дороги, соединяющий Лиски с Кантемировкой,

перешел в наши руки. Чтобы возобновить здесь движение поездов, требовались относительно небольшие восстановительные работы.

Блестящие результаты Острогожско-Россошанской операции потянули за собой цепь новых событий, которые трудно было предвидеть полностью и достоверно. Разгром противника произошел с такой быстротой, что немецко-фашистское командование не сумело принять должных мер по обеспечению южного фланга прикованной к Воронежу 2-й немецкой армии. С потерей рубежа Архангельское, Репьевка эта армия оказалась глубоко охваченной войсками Брянского и Воронежского фронтов, причем на южном фасе ее выступа оборона была занята поспешно и в инженерном отношении подготовлена слабо. Враг не располагал к тому же и достаточными резервами.

Появилась мысль немедленно использовать эту благоприятно сложившуюся для нас обстановку, подготовить и провести новую операцию, не ожидая, пока поднимет руки вверх последний солдат противника из окруженных под Россошью. Так и поступили.

В новой, Воронежско-Касторненской операции участвовали силы двух фронтов: Брянского, от которого выделялась левофланговая 13-я армия, и Воронежского, наносившего главный удар силами 60-й и 40-й армий. 24 января они двинулись в наступление, а к 29-му числу того же месяца уже определилось, что и 2-я немецкая армия потерпела сокрушительное поражение: оборона ее была прорвана на нескольких направлениях, часть дивизий попала в большой котел под Касторным, часть — в малые котлы по другим районам. Уничтожение окруженного противника проходило в очень напряженной борьбе и закончилось только к середине февраля. Лишь жалкие остатки некогда грозной 2-й немецкой армии сумели избежать общей участи и, вырвавшись из окружения, поспешно отходили на запад.

В итоге этих двух январских операций фронт противника был серьезно ослаблен на значительном протяжении. А в Ставке и Генеральном штабе к тому времени уже созрели соображения относительно дальнейшего наступления. Мыслилось использовать резкое ослабление противника на рубеже Касторное, Старобельск для стремительного овладения Курском, Белгородом, Харьковом и так необходимым стране Донбассом.

В сочетании с операциями войск Южного и Северо-Кавказского фронтов на Нижнем Дону и в предгорьях Кавказа развитие наступления Воронежского фронта на Курск, Харьков и Юго-Западного в Донбассе, по общему тогда мнению, неизбежно должно было привести к разгрому всего южного крыла противника. «Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, закавказской и черноморской группировок противника», — писала тогда Ставка. Вместе с тем открывались большие возможности и на центральном направлении: Верховное Командование намеревалось ввести там в дело Донской фронт, заканчивавший ликвидацию противника под Сталинградом.

Чтобы сегодняшний молодой читатель лучше понял ход военных событий в январе — марте 1943 года, я позволю себе напомнить, как Ставка оценивала в то время уже достигнутые результаты. Она считала, что на Волге, на Дону и Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера Советская Армия разбила сто две дивизии противника. Только в плен мы захватили более 200 тысяч неприятельских солдат и офицеров, а среди боевых трофеев насчитывалось до 13 тысяч одних лишь артиллерийских орудий. В то же время из фашистской неволи были вырваны миллионы соотечественников и избавлена от оккупации огромная территория родной советской земли. Наши войска продвинулись вперед до 400 километров.

На основе этих очень внушительных данных, обнародованных в приказе Верховного Главнокомандующего от 25 января 1943 года, делался важнейший вывод: вражеская оборона взломана на широком фронте, в ней образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются лишь отдельными отрядами и боевыми группами, резервы противника истощены и остатки их он вводит в бой разрозненно, с ходу.

Общее поведение немецко-фашистских войск к югу от Воронежа и до Черного моря многими командующими фронтов и Ставкой оценивалось в то время как вынужденный отход за Днепр с намерением закрепиться на западном берегу этой серьезной водной преграды. Признавалось бесспорным, что инициатива, захваченная нами под Сталинградом, удерживается прочно и для перехвата ее у противника возможностей пока нет. Больше того, счи-

Командиры и политработники Генерального штаба, которым М. И. Калинин вручил в Кремле награды 26 мая 1942 года. Первый ряд (слева направо): С. А. Красноярский, Я. А. Куцев, А. П. Чуянов, Ф. Т. Перегудов, И. Н. Рыжков, С. М. Штеменко, П. Н. Калиновский, П. Г. Тихомиров, А. К. Звездин, А. А. Житник, И. Н. Титов, М. Н. Костин. Второй ряд: Ф. Я. Герасимов, А. Г. Карпоносов, П. Н. Белюсов, Ф. И. Шевченко, А. М. Василевский, М. И. Калинин, Ф. Е. Боков, Ш. Н. Гениатулин, А. И. Шимонаев, И. П. Бойков. Третий ряд: Г. Е. Новиков, В. Д. Уткин, М. Н. Кочергин, А. Г. Королев, Д. А. Михайлов, А. Г. Замков, В. Д. Карпухин, М. К. Кудрявцев, С. П. Платонов, С. И. Тетешкин, И. В. Будилев, Н. Е. Соколов, В. И. Чернышев, С. Н. Лебедев, К. И. Храмцовский, Г. Н. Сафронов, В. Г. Степанов, К. К. Федоров, А. А. Васьковский, М. Г. Незадоров, И. И. Ильченко

Группа генералов Генерального штаба на Красной площади

А. А. Грызлов

Н. А. Ломов

талось маловероятным, чтобы гитлеровская армия предприняла в ближайшее время сколько-нибудь значительные контрдействия на Левобережной Украине или в центре стратегического фронта.

Из такой оценки обстановки вытекало и решение: наступать без пауз, поскольку любая потеря времени с нашей стороны дает противнику возможность прочнее осесть на занимаемых рубежах. Воронежский фронт по указанию Ставки срочно разработал план овладения Харьковским промышленным районом. Эта операция получила условное наименование «Звезда». В полночь 23 января Сталин утвердил ее и лично продиктовал Бокову обычную в таких случаях директиву.

А тем временем с Воронежского фронта в Москву вернулся Г. К. Жуков. В свете его доклада в Ставке Генеральный штаб прикинул возможности удара на другом направлении — курском. И через три дня, 26 января, Воронежский фронт получил дополнительную задачу: правым флангом наступать в общем направлении Касторное, Курск, уничтожить противостоящего противника и овладеть районом Курска.

В Ставке и Генеральном штабе понимали, конечно, что наступление одного фронта на двух операционных направлениях — дело нелегкое. Можно было предвидеть, что Курска и Харькова противник не отдаст без серьезного сопротивления. Обстановка, однако, благоприятствовала нам, и задачу оставили в таком виде.

Дальнейшие события показали, что мы, к сожалению, переоценили раскрывшиеся перед нами перспективы, не все учли.

Начало операции «Звезда» намечалось на 1 февраля. Глубина ее измерялась почти 250 километрами. По тогдашним нашим взглядам, выполнение такой задачи, требующей от войск фронта не только больших, но и все нарастающих усилий, должно было осуществляться в глубоком оперативном построении. Между тем Воронежский фронт наступал, имея армии в линию и почти без резервов.

Такое же положение наблюдалось и у Ватутина на Юго-Западном фронте. Понятно, что развитие успеха, парирование каких-либо неожиданностей в подобной ситуации являлись проблемой весьма сложной. Она волновала Генеральный штаб. Ставке было доложено о необходимо-

сти упорядочить дело с резервами, и не только стратегического, но и оперативного назначения. Учитывая перспективу развития событий, им надлежало быть достаточно крупными, включать все рода войск и особенно танки.

Ставка согласилась с доводами Генштаба. Этому делу придали необходимую организационную форму. 29 января 1943 года на фронты пошла директива:

«1. С февраля месяца текущего года приступить к выводу в резерв фронтов стрелковых дивизий и стрелковых бригад для доукомплектования и отдыха с последующим вводом их в бой и вывода в резерв на их место других наиболее ослабленных соединений.

2. Количество выводимых одновременно стрелковых дивизий и бригад и сроки их доукомплектования определять решением командующих фронтов, исходя из оперативной обстановки и наличия ресурсов, необходимых для доукомплектования выводимых соединений...»

Днем раньше ГКО вынес постановление о сформировании 1-й танковой армии, которая должна была составить резерв Верховного Главнокомандования. А 13 марта был создан специальный Резервный фронт под командованием генерала М. А. Рейтера.

Планомерно проводимая в последующем работа по созданию и наращиванию стратегических и оперативных резервов, формирование резервных армий, соединений и частей, в том числе танковых, механизированных, артиллерийских, была одним из непременных условий достижения нами исторических побед.

Но вернемся к событиям на Воронежском фронте. Первоначально операция «Звезда» развивалась чрезвычайно успешно. 60-я армия под командованием молодого и энергичного генерала И. Д. Черняховского 8 февраля освободила Курск. К этому же времени главные силы фронта с боями выходили на подступы к Харькову, где им сопротивлялся танковый корпус СС, переброшенный из Западной Европы.

В ходе наступления наши войска понесли потери. Чем дальше, тем все сильнее ощущалась нехватка боеприпасов и горючего, поскольку тылы отстали. Не успевала перебазироваться за общевойсковыми армиями и авиация.

К середине февраля, когда войска Воронежского фронта подошли к Харькову, наступление замедлилось, но

командующий фронтом Ф. И. Голиков ежедневно докладывал в Ставку, что противник крупными силами отходит на запад. Аналогичные вести поступали и с Юго-Западного фронта, развернувшего широкие боевые действия южнее Харькова против вражеской группировки в Донбассе. Н. Ф. Ватутин тоже оценивал характер действий противника как бегство за Днепр.

В действительности же немецкое командование отводить войска за Днепр не собиралось. Отступая и обороняясь, оно готовило контрудар. Поражение под Котельниковом заставило его лишь временно отказаться от активных действий крупного масштаба. Противник не оставил мысли о реванше за Сталинград и надежд вернуть себе стратегическую инициативу. Напротив, тяжелое поражение, понесенное им в донских степях, разгром группы армий «Б» под Воронежем, как и вытекающие отсюда последствия, понуждали гитлеровских военачальников к чрезвычайным мерам.

Не имея в ближайшем тылу резервов, достаточных для развертывания наступательных действий большого масштаба, враг попытался создать ударные силы путем перегруппировок и переброски войск из Западной Европы. На это требовалось время. Чтобы выиграть его, удержать Донбасс и обеспечить себе выгодные для контрнаступления исходные рубежи, немцы перешли к обороне с передовыми позициями по Северному Донцу и нижнему течению Дона. Главное поле боя, как называли гитлеровские генералы место сосредоточения наибольших оборонительных усилий, опиралось на реку Миус. Посаженные на этот рубеж войска под командованием Манштейна входили в группу армий «Дон»[1]. Основой здесь являлись силы, находившиеся ранее на сталинградском направлении и отчасти на Северном Кавказе. Сюда были отведены, в частности, 4-я и 1-я танковые армии, составившие мощный маневренный кулак противника. В распоряжении Манштейна имелось также большое количество авиации, удобно размещенной на аэродромах и вполне обеспеченной бензином.

Переход группы армий «Дон» к обороне тоже не был вскрыт своевременно, движение колонн противника при перегруппировках по-прежнему оценивалось как бегство,

[1] С 12 февраля 1943 года она была переименована в группу армий «Юг».

стремление уклониться от борьбы в Донбассе и поскорее убраться на Правобережную Украину. Командование Юго-Западного фронта твердо держалось этой ошибочной точки зрения, хотя уже выявлялись факты, обязывавшие его насторожиться.

Личное мнение Н. Ф. Ватутина высоко котировалось в Генштабе и, конечно, оказало большое влияние на формирование здесь замысла операции советских войск в Донбассе. Все ведь мы хорошо знали Николая Федоровича и не без оснований считали его одаренным в военном отношении, своеобразным оператором-романтиком. Он всегда был полон энергии и желания трудиться в поте лица. Я и сейчас помню, как еще летом 1942 года, будучи заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку, Н. Ф. Ватутин целыми ночами колдовал над картами других операционных направлений, разрабатывая различные варианты действий наших войск на советско-германском фронте. Мы с удовольствием брали его разработки и использовали, что было можно. Однажды, будучи в Ставке, где А. М. Василевский докладывал о необходимости разделения Воронежского фронта, Ватутин попросил направить его в действующую армию и доверить командование фронтом. Просьбу удовлетворили, и 14 июля 1942 года, когда под Воронежем создалась очень сложная обстановка, Николай Федорович возглавил Воронежский фронт. Три месяца спустя он получил назначение на пост командующего Юго-Западным фронтом. Под его руководством войска этого фронта во взаимодействии со Сталинградским и Донским фронтами взяли в окружение ударную группировку противника на Волге. Затем они наголову разбили 8-ю итальянскую армию на Среднем Дону и вырвались южнее Харькова, а также на Северный Донец.

С выходом наших войск в район Старобельска, Лисичанска, Ворошиловграда Н. Ф. Ватутин был захвачен идеей использования их нависающего положения над Донбассом и слабости старобельского участка неприятельского фронта. Через Старобельск он намеревался бросить сильную подвижную группу в направлении Мариуполя, отсекая врагу все пути отхода из Донбасса, а на других направлениях продолжать преследование.

Свои соображения Ватутин доложил в Ставку, и 19 января, когда определилось, что группировка немецко-фа-

шистских войск, окруженная в районе Россоши, обречена на уничтожение, ему дали разрешение проводить по своему замыслу наступательную операцию в Донбассе. Она именовалась «Скачок». Задача и способы ее выполнения формулировались следующим образом:

«Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артемовск и далее в направлении Сталино, Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из района юго-западнее Каменск в направлении Сталино, отрезают всю группировку противника, находящегося на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы то ни было имущества».

В район Мариуполя предполагалось выйти уже на 7-й день наступления. Одновременно намечалось силами подвижных фронтовых резервов захватить основные переправы через Днепр. Операция проводилась во взаимодействии с Южным фронтом, который должен был наступать вдоль побережья Азовского моря.

Этот замысел, возникший на основе неправильной оценки действий противника, имел только видимость соответствия реальной обстановке. Однако в то время и фронт, и Генеральный штаб, и Ставка были убеждены в истинности своих оценок и расчетов. Конечно, это непростительно, но это факт. Победные реляции с фронтов усыпили бдительность и Ставки, и Генштаба, хотя, истины ради, следует сказать, что у нас сомнения были и мы делились ими с Ватутиным, а потом доложили их и Верховному Главнокомандующему в присутствии маршала Г. К. Жукова. Однако доклад этот явно запоздал.

Состояние войск Юго-Западного фронта далеко не отвечало требованиям столь сложной операции, результатом которой должно было стать окружение в Донбассе еще более крупной, чем под Сталинградом, вражеской группировки. К тому же враг, отходя в Донбасс, приближался к своим тыловым базам, а наш Юго-Западный фронт все больше и больше отрывался от баз. Разрыв между войсками и станциями снабжения в некоторых случаях превосходил 300 километров. Подвозить грузы приходилось автотранспортом, а он был сильно изношен да и малочислен. В наличии имелось только 1300 бортовых автомашин и 380 автоцистерн, которые могли под-

нять лишь 900 тонн горючего вместо 2000 тонн, необходимых войскам. А ведь кроме горючего фронт нуждался и в боеприпасах, и в продовольствии, и в фураже.

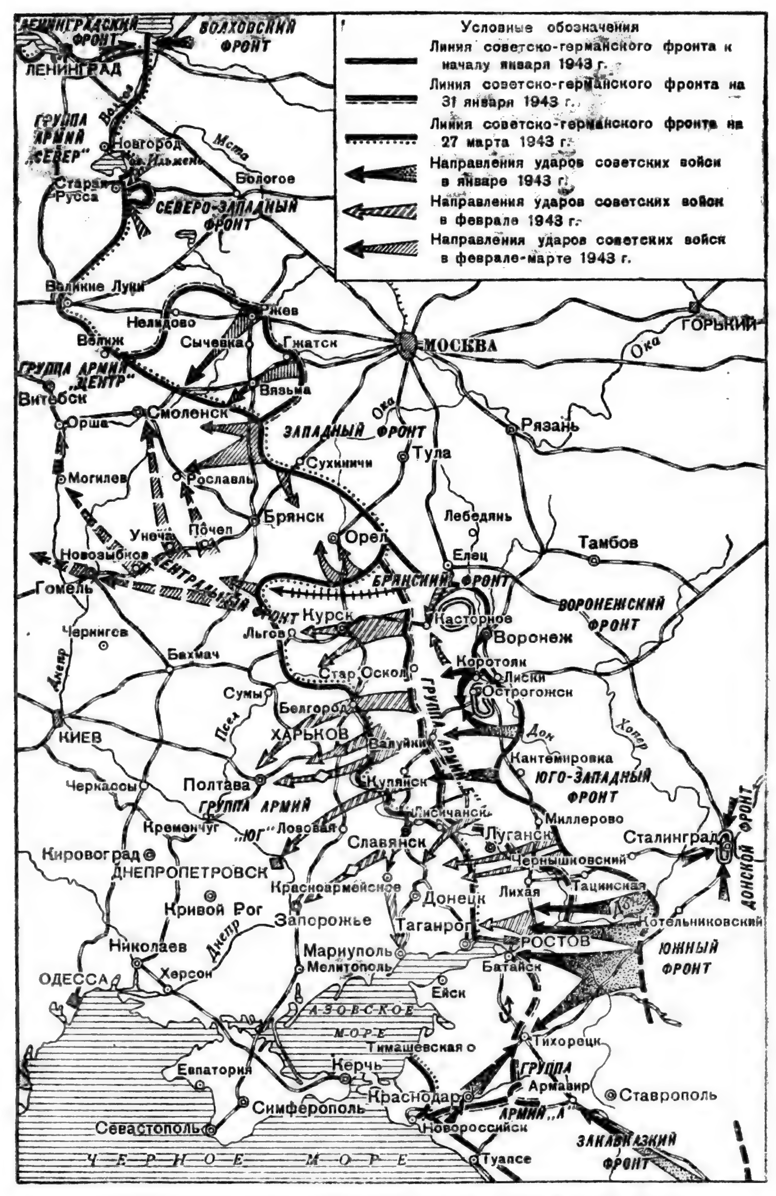
Так как по всем предположениям предстояло лишь преследовать противника, существенных перегруппировок войск не производилось: армии продолжали действовать в прежних своих полосах, в прежнем оперативном построении, преимущественно линейном. Второго эшелона не имел и фронт, его резерв составляли только два танковых корпуса, сосредоточивавшиеся за правым флангом. Плохо было с авиацией: она летала мало и с очень удаленных аэродромов. Конечно, при таком положении дел прорыв серьезной обороны противника неизбежно обрекался на неудачу.

Для нанесения глубокого удара на Мариуполь создавали подвижную группу во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом М. М. Поповым. Штаб этой группы наспех оснащался разнокалиберными радиостанциями и другими средствами управления. Сформировали его 27 января, а через два дня уже началась операция.

В состав подвижной группы входили четыре танковых корпуса (3-й, 4-й гвардейские, 10-й, 18-й и три стрелковые дивизии — 57-я гвардейская, 38-я и 52-я). Всего здесь имелось около 180 танков, обеспеченных в среднем одной заправкой горючего и одним-двумя комплектами боеприпасов. В стрелковых же дивизиях обеспеченность боеприпасами и горючим была еще хуже. Командующий фронтом надеялся поправить это в ходе операции, однако надежды его не сбылись.

Как и следовало ожидать, операция, план которой разрабатывался на основе предвзятой оценки обстановки, развивалась неблагоприятно. Подвижная группа на деле оказалась малоподвижной. Танковые корпуса, утопая в снегу, шли по разобщенным маршрутам, на значительном удалении друг от друга. Они часто подвергались ударам господствовавшей в воздухе авиации противника и контратакам его наземных войск. Временами танки останавливались из-за нехватки горючего.

Очень ограниченный успех имели и общевойсковые армии, поскольку им пришлось столкнуться с прочной, хорошо подготовленной обороной врага. Наши солдаты, офицеры и генералы проявляли высокий героизм, но этого было недостаточно. На ряде направлений некоторым

Боевые действия советских войск зимой 1943 года

советским дивизиям и корпусам, вклинившимся в оборону противника, пришлось вести бой в окружении. В такое незавидное положение попали, в частности, 9-я гвардейская танковая бригада и 4-й гвардейский кантемировский танковый корпус. 11 февраля они захватили важный узел железных и шоссейных дорог Красноармейское, перерезали коммуникации противника. А тот в свою очередь прервал их сообщения с тылом и заставил танкистов вести бой при остром недостатке горючего, боеприпасов, продовольствия.

Из всех армий Юго-Западного фронта только 6-я, наступавшая на правом фланге южнее Харькова, продолжала выдвигаться вперед. Объяснялось это тем, что немцы потерпели здесь неудачу от Воронежского фронта, который на последнем дыхании 16 февраля овладел Харьковом. Но Ватутин полагал иначе. Он явно переоценивал ограниченные успехи 6-й армии. Его доклады в Ставку по-прежнему дышали оптимизмом, подогретым еще больше выходом танкистов к Красноармейскому. Командующий Юго-Западным фронтом считал, что сопротивление врага скоро будет сломлено окончательно. В таком же роковом заблуждении находился и Ф. И. Голиков. А от командующих фронтами это передавалось в Генштаб, из Генштаба — в Ставку. В Москве тоже полагали, что предпринятые наступательные операции развиваются в общем-то планомерно. И еще 8 февраля Юго-Западному фронту была дана директива: не допустить отхода противника на Днепропетровск, Запорожье, загнать его донецкую группировку в Крым. Воронежский же фронт, не проявлявший особого беспокойства по поводу истощения своих сил, получил задачу: развивать наступление правым флангом на Льгов, Глухов, Чернигов и левым — на Полтаву, Кременчуг.

Выполняя указания Ставки, Ватутин бросил к переправам через Днепр 6-ю армию и весь свой резерв — 25-й и 1-й гвардейский танковые корпуса. 18—19 февраля передовые их части достигли Днепропетровска и Запорожья, готовились уже к форсированию реки, но выполнить задачу до конца не смогли: не хватило горючего и главное — неожиданно для них 19 февраля началось контрнаступление противника.

В данном случае, правда, утверждение о неожиданности не точно отражает истинное положение дел. Коман-

дование Юго-Западного фронта знало о возможности столкновения с сильными неприятельскими резервами в районе Днепропетровска и даже предупреждало об этом нижестоящие штабы, но по-своему толковало и новые данные о возрастающем сопротивлении противника, и сообщения из 6-й армии о появлении перед нею свежих частей. Фронтовое руководство все это втискивало в рамки полюбившейся ему версии об отходе немецко-фашистских войск. Оно не изменило этой версии даже 21 февраля, когда стало совершенно очевидным наступление нескольких дивизий СС. В указаниях, переданных в тот день командующему подвижной группой М. М. Попову, недвусмысленно говорилось: «Создавшаяся обстановка, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр, требует решительных действий».

До сих пор остается загадкой, как это Ватутин — человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было еще очень далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы. Они делали все, чтобы вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную под Сталинградом.

На реке Миус наши войска были остановлены. Одновременно враг успел перегруппировать свои силы югозападнее Харькова и к 19 февраля создал два ударных кулака: один — в районе Краснограда из войск СС в составе танковых дивизий «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», моторизованной дивизии «Рейх», и второй — южнее и юго-западнее Красноармейское, в основном из дивизий 4-й и отчасти 1-й танковых армий.

Удары семи танковых и моторизованных дивизий противника во фланги и тыл 6-й армии и группы М. М. Попова вынудили их отходить с тяжелыми боями к югу от Харькова и на Барвенково, а затем и за Северный Донец. Ставка потребовала от Воронежского фронта оказания помощи соседу. Очень ослабевшие 69-я общевойсковая и 3-я танковая армии были повернуты на юг. Однако и они оказались не в состоянии противостоять сосредоточенному удару врага. К 4 марта противник снова перегруппиро-

вался и начал осуществление глубокого удара на Харьков, Белгород. Обстановка день ото дня становилась все тяжелее и наконец приняла зловещий характер.

К этому же времени относятся важные изменения на центральном направлении.

Центральный участок советско-германского фронта всегда привлекал к себе повышенное внимание и Генерального штаба, и Ставки. Здесь нам противостояла наиболее сильная из группировок противника — группа армий «Центр». Она опиралась на хорошо подготовленные оборонительные позиции. Враг все еще продолжал угрожать Москве с выдвинутого далеко на восток ржевско-вяземского выступа, который был удобен и для ударов по нашим войскам к северу от Ржева.

Опыт многочисленных боев и безуспешных частных операций Западного фронта показал, что выступ этот немцы держат крепко, и для ликвидации его придется организовать крупную операцию с привлечением сил нескольких фронтов.

Неприятен был и второй, так называемый орловский, выступ. Противник удерживал его также прочно.

Длительное время Генеральный штаб лишен был возможности предложить радикальное решение относительно этих двух выступов. Для прорыва прочной обороны противника в лоб требовалось слишком много сил и средств. Но с разгромом противника под Воронежем и Курском дело существенно менялось. Севернее Курска у противника на большом протяжении обнажился фланг, ранее обеспечивавшийся группой армий «Б». С тех пор как эта группа перестала существовать, уже не исключался охват фланга и выход советских войск на тылы орловской и брянской группировок немцев, а при благоприятном развитии событий — и на коммуникации группы армий «Центр» где-то в районе Смоленска, Витебска, Орши.

Выполнить такую большую оперативно-стратегическую задачу можно было только последовательно: сначала разгромить врага в районе Орла, а затем, опираясь на захваченные здесь рубежи, развивать удар в глубину. Силы, необходимые для начального этапа, были под руками: войска Западного, Брянского и Воронежского фрон-

тов. Но для последующих действий требовались резервы, которых в готовом виде пока не имелось. Только 2 февраля произошла капитуляция врага на Волге и возникла реальная возможность полностью перебросить на центральное направление Донской фронт.

В ночь на 6 февраля Ставка поставила К. К. Рокоссовскому задачу перебазироваться в район севернее Курска, развернуть свои войска между Брянским и Воронежским фронтами и с 15-го числа наступать в направлении Рославль, Смоленск. К этому моменту, по замыслу операции, разработанному заместителем начальника Оперативного управления Генштаба С. И. Тетешкиным, оборону группы армий «Центр» уже должны были прорвать Западный и Брянский фронты. Опираясь на их успехи, войскам К. К. Рокоссовского предстояло рвануться вперед, захватить Рославль, Смоленск и частью сил Оршу, создавая для противника обстановку, близкую к окружению. А чтобы Центральный фронт наверняка справился с таким делом, ему переподчинялись 2-я танковая армия и несколько конных соединений.

И. В. Сталин лично контролировал подготовку операции. И когда командующий Брянским фронтом заикнулся было относительно отсрочки начала боевых действий на один день, Верховный резко отчитал его.

С Рокоссовским он был милостивее. Может быть, потому, что сам видел, с какими трудностями сопряжена переброска войск из-под Сталинграда. Железные дороги явно подводили Константина Константиновича, и он просил Ставку отложить начало наступления Центрального фронта с 15 на 24 февраля. Ставка согласилась.

Между тем потеря драгоценных дней не проходила бесследно. Противник снимал и срочно перебрасывал под Орел и Брянск дивизии с ржевско-вяземского выступа, где мы пока не наступали. Сюда же подтягивались силы и из Западной Европы.

Но после того как из районов Вязьмы и Ржева было выведено до 16 неприятельских дивизий, командованию группы армий «Центр» волей-неволей пришлось отказаться от дальнейшего удержания этого важного плацдарма. 2 марта враг начал оставлять ржевско-вяземские позиции. Войска Западного и Калининского фронтов тотчас же перешли к преследованию. В течение 20 дней они

продвинулись здесь на 150 километров, взяли большое количество пленных и богатые трофеи. А затем 22 марта были остановлены противником на рубеже Рибшево, Сафоново, Милятино.

В это же время Брянский фронт вел тяжелое наступление под Орлом. Ему удалось отбросить противника лишь на несколько километров. Наконец закончилось сосредоточение войск Центрального фронта, и 26 февраля он тоже начал наступление на брянском направлении. Как и следовало ожидать, противник оказал упорное и организованное сопротивление. 65-я общевойсковая и 2-я танковая армии добились ограниченного успеха. Зато конно-стрелковая группа, наступавшая на левом фланге фронта в направлении Стародуб, Новозыбков, Могилев, вырвалась вперед на 100—120 километров и вышла к Десне севернее Новгород-Северского. Создалась реальная угроза для коммуникаций группы армий «Центр». К сожалению, ни развить, ни закрепить этот успех было нечем.

Прорыв советской конницы, действовавшей со свойственной ей лихостью, сильно обеспокоил врага. Против конно-стрелковой группы, имевшей в своем составе всего две кавалерийские дивизии и три лыжные бригады, было двинуто девять неприятельских дивизий. Завязались яростные бои, в результате которых наши кавалеристы и лыжники к 20 марта были отброшены в район Севска, а 21-го числа весь Центральный фронт перешел к обороне по линии Мценск, Новосиль, Севск, Рыльск, образовав северный фас знаменитой Курской дуги.

Таким образом, надежды на разгром группы армий «Центр» пока не оправдались. Однако в результате наших действий противник понес большой урон и довольно значительные территориальные потери. Нам удалось сократить фронт почти на 300 километров. Но немецко-фашистские войска сохранили за собой выгодное положение под Орлом.

А как сложилась обстановка в полосах Юго-Западного и Воронежского фронтов?

Наши 3-я танковая и 69-я армии, действовавшие в районе Харькова, были до крайности истощены непрерывными боями. Они не смогли отразить удары танковых дивизий СС, в составе которых впервые появились

тогда батальоны танков нового образца, получившие затем наименование «тигров». В неравных боях советские танкисты понесли новые потери и были вынуждены 16 марта оставить Харьков. Противник вырвался на Белгородское шоссе и устремился на север.

С проникновением немцев в район Белгорода положение Воронежского фронта стало еще более трудным и возникла угроза выхода вражеских войск на тылы Центрального фронта. Для предотвращения новых бед пришлось принимать срочные меры.

Еще 13 марта из состава Центрального фронта была изъята 21-я армия и двинута навстречу врагу. Ей надлежало перехватить магистральное Обоянское шоссе и прикрыть с юга направление на Курск. Одновременно она обеспечивала сосредоточение к юго-востоку от Курска нашей 1-й танковой армии, которая получила задачу разгромить совместно с нею противника, рвущегося на север.

20 марта 21-я армия заняла назначенный ей рубеж. А противник был уже в Белгороде. Он полностью овладел городом к вечеру 18 марта.

В эти дни самого острого развития событий на Воронежском фронте оказалось невозможным составить объективную картину по докладам Ф. И. Голикова. Ставка командировала туда своих представителей Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Они должны были точно установить положение сторон, определить тенденцию развития событий и на месте предпринять все необходимое для пресечения дальнейших успехов противника.

Весь день 19 марта представители Ставки провели на линии непосредственного соприкосновения с противником севернее Тамаровки. Им удалось не только вскрыть, но и частично исправить крупные недостатки в управлении нашими войсками. Штабу фронта они приказали перебазироваться в район Обояни, а главное — помогли ему сделать правильный вывод о дальнейших намерениях врага. По мнению Г. К. Жукова и А. М. Василевского, доложенному в ту же ночь Верховному Главнокомандующему, на направлении Белгород — Курск следовало ожидать наступления одной из сильнейших ударных группировок немецко-фашистских войск с большим количеством танков.

Представители Ставки изучили также обстановку на другом опасном направлении — стыке Западного и Центрального фронтов. Здесь тоже выявились основания для

серьезной тревоги. Дело в том, что незадолго перед этим в интересах централизации управления войсками, действовавшими против орловской группировки врага, был ликвидирован Брянский фронт. Когда же возникли осложнения и нам пришлось от наступательных действий перейти к обороне, определилось, что направление Орел — Тула должно быть обеспечено особо прочно. Но поскольку оно находилось на отдаленных флангах и у Западного и у Центрального фронтов, то ни В. Д. Соколовский, ни К. К. Рокоссовский должного внимания уделить ему не могли. Представители Ставки полагали необходимым воссоздать на этом направлении самостоятельный фронт. Командующим они рекомендовали назначить Ф. И. Голикова, а на его место вернуть Н. Ф. Ватутина.

Новый фронт первоначально называли Курским. Но уже 25 марта он был переименован в Орловский. А в последующем опять вернулись к старому наименованию — Брянский. Это не являлось простой сменой вывесок. Тут отразились в какой-то мере колебания в оценке обстановки и определении вероятных действий противника: нанесет ли он удар со стороны Орла на восток или на Курск навстречу другому удару от Белгорода. В зависимости от этого старались заранее нацелить войска на определенное направление и привязывали к нему наименование фронта.

Переброска под Обоянь 21-й армии, сосредоточение юго-восточнее Курска 1-й танковой армии, другие перегруппировки войск, наконец, укрепление руководства Воронежским фронтом и практическая помощь ему на месте силами двух таких опытных представителей Ставки, как Г. К. Жуков и А. М. Василевский, — все это в конечном счете позволило сначала задержать, а к 27 марта полностью остановить противника на рубеже Гапоново, Трефиловка, Белгород, Волчанск. Так образовался южный фас Курской дуги.

Итоги зимней кампании 1943 года, несмотря на некоторые просчеты и несбывшиеся надежды, были для Советских Вооруженных Сил чрезвычайно значительными. Под Сталинградом закончилась ликвидация окруженной там трехсоттысячной армии Паулюса. Наголову разбитыми оказались посланные на восточный фронт войска

итальянских союзников Гитлера. Тяжелое поражение понесли и другие сателлиты фашистской Германии.

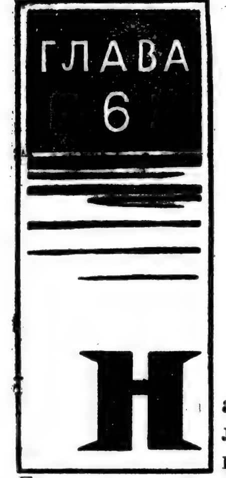
Эта зима ознаменовалась также прорывом блокады Ленинграда, установлением связи города-героя с Большой землей по суше. Противник был выбит из района Демянска, из-под Вязьмы и Ржева, далеко отброшен на южном фланге. Советские войска освободили от оккупантов 480 000 квадратных километров родной земли и на некоторых участках продвинулись вперед до 600—700 километров. Как засвидетельствовал позднее сам противник, только Германия потеряла за ту зиму в России около 1 200 000 солдат и офицеров, а вместе с армиями-сателлитами потери врага составили до 1 700 000 человек. Громадными цифрами исчислялся неприятельский урон и в боевой технике: 24 000 орудий, 7400 танков, 4300 самолетов.

Вероятно, наши успехи могли бы оказаться еще более значительными, если бы не имели места те неудачи, о которых сказано выше. В чем коренились причины этих неудач? Думается, что на фоне крупных побед, одержанных нашими войсками под Москвой и Сталинградом, у отдельных военачальников, в том числе и в Ставке, и в Генштабе, возникла известная недооценка возможностей противника. Это отрицательно сказалось на подготовке некоторых операций, повлекло за собой огульность нашего наступления на харьковском направлении, к Днепропетровску и Мариуполю. Очевидно, было бы благоразумнее еще в январе приостановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, перейти временно к обороне, подтянуть тылы, пополнить дивизии людьми и создать необходимые запасы материальных средств.

Заключительный этап наступления этих двух фронтов зимою 1943 года характеризовался разбросанностью сил. Мощные ударные группировки на главных направлениях фактически отсутствовали.

Наконец, нас очень подвела разведка, и мы жестоко ошиблись, определяя намерения противника.

Таковы, на мой взгляд, основные причины некоторых наших неудач и несбывшихся надежд зимой 1943 года. Хотя, еще раз подчеркиваю, в целом итоги зимней кампании были для нас успешными. Наступательная сила Советской Армии возросла.

ДЕЛА И ЛЮДИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

От «авралов» к планомерности.— А. М. Василевский и А. И. Антонов.— Мои сослуживцы.— Рабочее ядро Оперативного управления.— Суточный рабочий цикл.— Утренний доклад Верховному Главнокомандующему.— Вечерний доклад.— Ночные поездки в Ставку.— Корпус офицеров Генерального штаба.— О тех, кто возглавлял штабы фронтов.

На предшествующих страницах мною делались попытки рассмотреть некоторые военные события с позиций работника Генерального штаба. Но внутренняя жизнь самого Генштаба почти не затрагивалась, о его людях упоминалось лишь мимоходом. Между тем это очень интересный предмет для исследования.

Сейчас мне хотелось бы рассказать, как мы жили и трудились в годы войны, а главное — вспомнить дорогих моему сердцу товарищей и сослуживцев, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть многогранной и в общем-то неблагодарной работы в Генштабе военного времени. Неблагодарной потому, что по какой-то давно обветшавшей, стародедовской привычке на штабного офицера смотрят обычно как на некую разновидность канцеляриста. Во всяком случае, мало кто поставит на одну ступень равных по званию и должностному положению штабного работника и командира из войск.

Однако не станем углубляться в этот деликатный вопрос и переключимся на воспоминания.

Как уже отмечалось раньше, буквально с первого дня войны обнаружилось несовершенство структуры Генштаба. Кое-что оказалось лишним, совершенно ненужным, а иного, крайне необходимого, не имелось совсем. Война все поставила на свое место: ненужное было отброшено, необходимое создано. Примерно ко второй половине 1942 года организационные формы Генерального штаба пришли в соответствие с содержанием его работы. К этому же времени устоялся и личный состав. Канули в про-

шлое «авралы». Установилась планомерность, позволявшая глубоко обдумывать обстановку и вытекающие из нее задачи, все рассчитать во времени и пространстве, каждое оперативное мероприятие, любое предложение должным образом обосновать.

Генеральный штаб являлся рабочим органом Ставки и подчинялся только Верховному Главнокомандующему. Даже первый заместитель Верховного не имел прав в отношении Генштаба.

Деятельность Ставки, а следовательно, и Генерального штаба носила очень напряженный характер и не замыкалась в четырех стенах. Здесь всегда чувствовалось биение пульса действующей армии. С нею мы были связаны не только тонкой нитью телеграфного или телефонного провода. У нас не прерывались живые связи, личное общение с войсками, их штабами, командованием фронтов.

После упразднения главных командований по направлениям необходимость живой связи Ставки и Генштаба с фронтами возросла еще более. Координация боевых действий фронтов, контроль за исполнением директив Верховного Главнокомандования, помощь им в планировании, подготовке и осуществлении операций с решительными целями — все это требовало систематических выездов на место ответственных лиц, способных самостоятельно принимать важные решения и давать соответствующие указания. Тогда-то, собственно, и возник уже известный читателю институт представителей Ставки.

Наиболее часто Ставку представляли на местах первый заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Некоторые из тогдашних командующих фронтами позже утверждали, что постоянное пребывание рядом с ними Жукова или Василевского отрицательно сказывалось на руководстве войсками. В этой критике (главным образом послевоенной), возможно, и есть какая-то доля истины. Но в целом, нам думается, деятельность представителей Ставки себя оправдала. Обстановка требовала присутствия на фронтах лиц, которые обладали бы опытом и властью, позволяющими быстро решать важнейшие вопросы, нередко выходившие за рамки компетенции командующего фронтом. Продолжительная работа непосредственно в действующей армии, на главных на-

правлениях Г. К. Жукова предопределялась прежде всего его положением первого заместителя Верховного Главнокомандующего. Что же касается А. М. Василевского, то он, конечно, должен был больше находиться в Генеральном штабе. Но Верховный Главнокомандующий по этому поводу ни с кем не советовался. Считая, видимо, такое положение нормальным, И. В. Сталин почти всегда уже при первой встрече с Василевским и Жуковым по возвращении их с фронта спрашивал, а как скоро они думают снова выехать на фронт.

Служба в Генеральном штабе никогда не была легкой, тем более в военное время. Главное место в ней занимали, естественно, сбор и оценка разведывательных данных и текущей обстановки на фронтах, разработка вытекающих отсюда практических предложений и распоряжений, замыслов и планов предстоящих операций, планирование, обеспечение фронтов вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами, создание резервов. Все это было очень сложно и не всегда осуществлялось так, как хотелось бы.

И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17—18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5—6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18—19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10—11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16—17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1 : 200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка. Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы все равно перед каждой поездкой 2—3 часа тщательно

разбирались в обстановке, связывались с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточняли с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовались и проверяли через них правильность своих предположений, рассматривали просьбы и заявки фронтов, а в последний час редактировали подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки.

Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам. В красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь; это в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди; обычно в нее шли различного рода просьбы. Содержимое же зеленой папки составляли представления к званиям и наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей они извлекались выборочно «по мере возможности», но, как правило, ежедневно. Зеленая папка докладывалась только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось раскрывать ее по три-четыре дня. Мы старались правильно определить ситуацию, позволявшую доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибались. Вскоре Сталин раскусил нашу нехитрую механику. Иногда он сам предупреждал:

— Сегодня рассмотрим только важные документы.

А в другой раз говорил:

— Ну, а теперь давайте и вашу зеленую...

Справедливости ради должен заметить, что И. В. Сталин очень высоко ценил работников Генерального штаба и направлял их на самые ответственные посты в действующую армию. Уже в первые месяцы войны тогдашний начальник Генерального штаба Г. К. Жуков вступил в командование фронтом. Его заместитель Н. Ф. Ватутин стал начальником штаба, а затем и командующим фронтом. Начальники управлений Г. К. Маландин и А. Ф. Анисов, начальники отделов В. В. Курасов, М. Н. Шарохин, П. И. Кокорев, Ф. И. Шевченко и дру-

гие были назначены начальниками штабов фронтов и армий, а впоследствии некоторые из них успешно командовали армиями. Кое-кто, например В. Д. Карпухин, получил под свое командование дивизию.

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведет и на командной работе, но для того чтобы быть полноценным штабным работником, надо знать жизнь войск. А потому всех нас без исключения командировали на фронты очень часто и порой на продолжительное время. Такая практика в некоторых случаях заметно ослабляла состав Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счет существовала своя, твердо установившаяся точка зрения: он полагал, и, очевидно, не без основания, что «на месте Генштаб всегда как-нибудь выкрутится», а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому из нас.

В то же время мы всегда чувствовали его заботу об авторитете Генштаба. При докладах в Ставке командующих фронтами И. В. Сталин непременно спрашивал: «Каково мнение Генштаба?» или: «Рассматривал ли этот вопрос Генштаб?» И Генштаб всегда излагал свое мнение. Во многих случаях оно не отличалось от мнения командующих фронтами, но, коль его спрашивали, надо было докладывать.

Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Хорошо помню, как в ноябре 1943 года был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что не донес о захвате противником одного важного населенного пункта в надежде, что его удастся вернуть.

Естественно, что при докладах в Ставке мы очень следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировала фраза: «Войска **ворвались** в пункт Н» или «Наши войска **удерживают** окраину пункта X». Верховному в таких случаях докладывалось: «Наши войска **ведут бои** за пункт Н или пункт X».

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой

строгий порядок. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на «Ближнюю» — кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем мы развертывали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте.

За торцом стола, в углу, стоял большой глобус. Должен заметить, однако, что за сотни раз посещения этого кабинета мне никогда не довелось видеть, чтобы им пользовались при рассмотрении оперативных вопросов. Разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу совершенно беспочвенны.

Кроме Верховного Главнокомандующего на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев и другие. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцоговина Флор», разрывал и на-

бивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина.

Доклад наш начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии — по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому и в Генштабе придерживались такой же системы.

Затем докладывались проекты директив, которые надо было отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его первый заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой «По поручению Ставки», и дальше следовала подпись либо А. М. Василевского, либо А. И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке. Сталин диктовал, я записывал. Потом он заставлял читать текст вслух и при этом вносил поправки. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты.

Тем временем мы извлекали нашу синюю папку и начинали докладывать просьбы фронтов. Они касались главным образом пополнения войск живой силой, поставок вооружения, техники, горючего. Конечно, предварительно все эти просьбы рассматривались в Генштабе с участием командующих видами вооруженных сил и родов войск.

С доклада мы возвращались лишь в 3—4 часа утра. Иногда приходилось бывать в Ставке и по два раза на протяжении одних суток.

Установленный Сталиным жесткий порядок работы Генштаба никто не мог изменить. Огромный объем этой работы, ее неотложность делали службу здесь крайне изнурительной. Работали на износ, наперед зная, что даже за малейшую ошибку с тебя будет строго взыскано. Не каждый мог выдержать такое напряжение. Некоторые из моих товарищей длительное время страдали впоследствии истощением нервной системы, сердечными заболевания-

ми. Многие сразу же после войны, не дослужив до возрастного срока, ушли в запас.

Должен заметить, что режим военного времени оставался в Генштабе почти неизменным вплоть до смерти Сталина: мы по-прежнему заканчивали свой трудовой день в 3—4 часа утра, а к 10—11 часам дня обязаны были опять являться на службу.

Как-то уж повелось, что, говоря о людях интеллектуального творческого труда, имеют в виду работников искусства, литературы, реже техников и почти никогда — военных.

Между тем военное дело тоже требует и творческого вдохновения и высокоразвитого интеллекта. Подчас военным людям приходится обращаться с неизмеримо большим, чем другим специалистам, количеством исходных элементов и слагаемых, осмысление которых позволяет сделать определенные выводы и на основе их прийти к наилучшему решению.

В первую очередь все это относится, конечно, к руководящим военным кадрам. Военный руководитель должен хорошо знать не только военные вопросы и видеть перспективы их развития. Он обязан уметь ориентироваться в сложном переплетении политических, экономических, технических проблем, правильно понимать их и предвидеть возможное их влияние на военную теорию и практику, на войну в целом, на операцию и бой.

Особенно необходимы такие качества начальнику Генерального штаба. Диапазон его деятельности поистине огромен. На нем лежит громадная ответственность за подготовку Вооруженных Сил в мирное время и за правильное использование их в ходе войны. Кому-кому, а уж ему-то всегда полагается заглядывать далеко вперед.

Но каким бы талантливым ни был начальник Генерального штаба, один он в поле не воин. Помимо всего прочего от него требуется умение опираться на коллектив, особым образом подобранный, подготовленный и организованный. Ему не обойтись без опытных заместителей и помощников, которые несли бы на себе часть руководства работой этого коллектива и тоже обладали бы твор-

ческим пытливым умом, незаурядными организаторскими способностями.

Описывая работу Генерального штаба в годы войны, я, конечно, обязан более или менее подробно рассказать о двух выдающихся его руководителях — А. М. Василевском и А. И. Антонове. Первый был начальником Генерального штаба с середины 1942 до февраля 1945 года. Второй вступил на этот высокий пост уже в конце войны, но еще задолго до того, будучи заместителем начальника Генштаба, в связи с частым и длительным пребыванием А. М. Василевского на фронтах, успешно исполнял его обязанности.

Итак, сначала об Александре Михайловиче Василевском.

Мне пришлось работать с ним около 12 лет, в разной степени подчиненности и на разных ступенях, если можно так выразиться, служебной иерархической лестницы. В 1940 году он был заместителем начальника Оперативного управления, а я — старшим помощником начальника отдела. Затем он стал начальником Оперативного управления, а я — начальником направления. Некоторое время спустя А. М. Василевского назначили начальником Генерального штаба, а мне довелось исполнять его прежнюю должность в Оперативном управлении. Наконец, уже после войны около четырех лет я был начальником Генерального штаба, а Василевский занимал пост военного министра. Такое близкое и довольно длительное соприкосновение по службе позволило мне очень хорошо изучить личные качества Александра Михайловича. И чем лучше я узнавал его, тем больше укреплялось у меня чувство глубокого уважения к этому по-солдатски простому и неизменно скромному, душевному человеку, военачальнику с большой буквы.

В последующих главах, так или иначе, еще не раз придется касаться работы А. М. Василевского и в Генштабе, и на фронтах то в качестве представителя Ставки, то командующего фронтом, то Главнокомандующего, как это было на Дальнем Востоке. Здесь же речь пойдет лишь о некоторых его чертах.

Прежде всего — о глубоком знании им военного дела.

За плечами у Александра Михайловича — первая мировая война, организаторская работа по формированию

первых регулярных частей Красной Армии и служба на фронтах гражданской войны. После того как была разгромлена внутренняя контрреволюция и изгнаны с советской земли интервенты, он семь лет командовал полком. Все это время упорно учился и уже тогда зарекомендовал себя как командир с широким кругозором, вдумчивый, инициативный. Старшие начальники отмечали также скромность и выдержку Александра Михайловича.

Он был замечен видным советским военным теоретиком В. К. Триандафилловым, являвшимся в ту пору заместителем начальника штаба РККА. По рекомендации последнего А. М. Василевского переводят в Управление боевой подготовки Красной Армии, где перед вчерашним командиром полка раскрываются новые горизонты. Александр Михайлович принимает участие в разработке оперативных вопросов, в составлении руководящих документов по тактике так называемого «глубокого боя», выступает на страницах военной печати.

В 1936 году, после недолгой службы в Приволжском военном округе, А. М. Василевский зачисляется в Академию Генерального штаба. Его знания и умение работать над оперативными вопросами здесь возросли, навыки отшлифовались, творческие возможности увеличились. И по окончании академии Александр Михайлович, в звании комбрига, получил назначение в Генеральный штаб. Сначала исполнял там должность помощника начальника оперативного отдела, а с середины 1939 года, когда создалось Оперативное управление, стал помощником, затем заместителем начальника управления по западу. На этом посту оперативное дарование А. М. Василевского упрочилось еще больше. Он стал ведущим лицом при разработке наиболее ответственных планов советского командования.

Началась Великая Отечественная война. 25 августа 1941 года генерал-майор А. М. Василевский назначается начальником Оперативного управления и одновременно становится заместителем начальника Генерального штаба. Принимает непосредственное участие в планировании операций по отражению вражеских ударов и разгрому немецко-фашистских войск на подступах к Москве.

Что это было за время, сказано выше, и можно себе представить, как тяжело было тогда А. М. Василевскому. Но все возникавшие трудности преодолевались им с за-

видным спокойствием, с изумительной выдержкой. Глубокое знание природы войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений очень скоро выдвинули А. М. Василевского в первый ряд советских военных руководителей.

Отличительной чертой Александра Михайловича всегда было доверие к подчиненным, глубокое уважение к людям, бережное отношение к их достоинству. Он тонко понимал, как трудно сохранять организованность и четкость в критической обстановке неблагоприятно развивавшегося для нас начального периода войны, и старался сплотить коллектив, создать такую рабочую обстановку, когда совсем не чувствовалось бы давления власти, а лишь ощущалось крепкое плечо старшего, более опытного товарища, на которое в случае необходимости можно опереться. За его теплоту, задушевность, искренность мы все платили ему тем же. Василевский пользовался в Генштабе не только высочайшим авторитетом, но и всеобщей любовью.

С первых месяцев войны Александру Михайловичу пришлось близко общаться со Сталиным, который, как уже отмечалось, не терпел ответов приблизительных, наугад, часто требовал личного уточнения обстановки на месте. Не один раз работа Василевского в действующей армии была сопряжена с большим риском для жизни, но всегда выполнялась в срок и с безупречной точностью, а доклады его в Ставке отличались исчерпывающей полнотой и ясностью. Эти его качества Верховный Главнокомандующий оценил в полной мере и все чаще стал посылать Александра Михайловича на фронт, когда возникала необходимость поглубже проанализировать тот или иной вопрос и выработать наиболее верное решение, сформулированное в виде готовых предложений.

Природа наделила А. М. Василевского редким даром буквально на ходу схватывать главное, делать правильные выводы и как-то особенно ясно предвидеть, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие событий. Однако он никогда не выставляет этого напоказ. Наоборот, всегда с подчеркнутым вниманием выслушивает мнения и соображения других, не имеет привычки обрывать собеседника, даже если не согласен с ним, а терпеливо убеждает его, доказывает и в конечном счете обычно привлекает оппонента на свою сторону. В то же время Алек-

сандр Михайлович умел постоять за собственную точку зрения перед Верховным Главнокомандующим. Делал это тактично, но достаточно твердо.

Для оперативного почерка А. М. Василевского характерна решительность замысла, стремление окружить противника, отсечь ему пути отхода или расколоть его группировку таким образом, чтобы по мере развития операции угроза изоляции нависала бы над ним все более и более. Таковы типичные черты Острогожско-Россошанской, Сталинградской, Белорусской, Мемельской и многих других операций, подготовка и проведение которых осуществлялись при личном участии Александра Михайловича. Печать решительности лежит и на Восточно-Прусской операции, во время которой А. М. Василевский командовал 3-м Белорусским фронтом, заменив погибшего в феврале 1945 года И. Д. Черняховского. За свои действия он всегда был готов безоговорочно держать ответ перед Родиной, а это, как известно, является высшим проявлением мужества военачальника. Успехами не кичился. Враг всякого приукрашательства, Василевский никогда в таких случаях не акцентировал внимание на собственной персоне, хотя роль его была подчас решающей.

Отлично понимая, сколь отрицательно сказывается на работе Генштаба частое отсутствие на месте начальника, Александр Михайлович настойчиво искал себе достойного заместителя. И такой человек был найден. 11 декабря 1942 года мы узнали, что по рекомендации А. М. Василевского на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов, занимавший до того пост начальника штаба на Закавказском фронте.

Многие его знали и одобрительно отзывались о нем. Однако нашлись и скептики, считавшие, что судить о пригодности Антонова к работе в Генштабе можно будет лишь после двух-трех поездок в Ставку — как-то он там справится! Ведь почти все его предшественники освобождались от должности после нескольких докладов Верховному Главнокомандующему.

А. И. Антонов повел себя очень умно. Он детально знакомился с людьми управления, тщательно изучал оперативную обстановку и никак не спешил с докладом в Ставку. Алексей Иннокентьевич отправился туда лишь

дней через шесть, когда уже вполне свободно ориентировался и в делах Генштаба, и в положении на фронтах. Все обошлось благополучно. И тогда даже скептики поняли, что новый начальник Оперативного управления представляет собой именно то, что нужно. Постепенно у нас прекратились бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на годы. При этом сам Алексей Иннокентьевич делил с нами все тяготы службы.

Не прошло и месяца с момента назначения Антонова в Генштаб, как он уже получил чрезвычайно ответственное задание — в качестве представителя Ставки разобраться в обстановке на Воронежском, Брянском, а несколько позже и на Центральном фронтах с тем, чтобы внести конкретные предложения о дальнейшем использовании их сил. Командировка продолжалась с 10 января по 27 марта 1943 года. Как все мы понимали, это был для нового начальника Оперативного управления экзамен на зрелость. Верховное Главнокомандование желало окончательно убедиться, правильно ли оно поступило, назначив Алексея Иннокентьевича на один из самых ответственных военных постов.

10 января 1943 года Антонов выехал. Войска Воронежского и Брянского фронтов переживали в тот момент своего рода кризис наступления в трудных зимних условиях. Одержав ряд славных побед, они заметно выдохлись и в конце концов вынуждены были прекратить наступательные действия. Антонову довелось работать здесь под руководством А. М. Василевского. Этим, конечно, облегчалось порученное ему дело. Но и Александр Михайлович получил в его лице надежного и квалифицированного помощника. Совместными усилиями и, разумеется, при активном участии командования фронтов они очень правильно оценили перспективы дальнейшего развития событий на важнейшем в то время орловско-курском направлении.

Отличная теоретическая подготовка, высокие организаторские способности, ясный ум и большая выдержка наряду с выдающимся оперативным дарованием А. И. Антонова предвещали, казалось, длительное пребывание его у кормила Оперативного управления. Но в отсутствие

А. М. Василевского, а оно становилось все чаще и длительнее, на плечи Алексея Иннокентьевича ложился непомерный груз обязанностей начальника Генерального штаба. Исполнять одновременно две такие тяжелые должности, да еще во время войны, было не под силу даже Антонову. Убедившись в этом, Ставка освободила его от непосредственного руководства Оперативным управлением, что позволило Алексею Иннокентьевичу практически возглавить Генеральный штаб, конечно поддерживая самый тесный контакт с А. М. Василевским, постоянно информируя его о всем существенном и получая взамен соответствующие указания, советы, поддержку.

Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии. За счет своей богатейшей эрудиции и тогда еще молодых сил он справлялся с этим безупречно. Представители Ставки, направляя свои доклады Верховному Главнокомандующему, непременно адресовали их копию «товарищу Антонову». Каждый знал, что Антонов предпримет по этим докладам все необходимое точно и в срок.

Высокая общая и особенно военная культура Алексея Иннокентьевича проявлялась в широте и глубине его подхода ко всем решительно вопросам работы Генштаба, в речах, в личном поведении, отношении к людям. За шесть лет совместной службы мне ни разу не приходилось видеть его «вышедшим из себя», вспылившим, ругающим кого-то. Он обладал удивительно уравновешенным характером, ничего, однако, общего не имевшим с мягкотелостью. Уравновешенность у Антонова сочеталась с редкой твердостью и, я бы сказал, с некоторой сухостью, даже суровостью в официальных отношениях. Кое-кто называл его педантом. Но это был хороший педантизм. Люди более дальновидные очень скоро проникались благодарностью к А. И. Антонову за его принципиальность и последовательную требовательность, совершенно необходимую на военной службе, да еще в дни тяжелой войны. Алексей Иннокентьевич не терпел верхоглядства, спешки, недоделок, формального отношения к должностным обязанностям. На поощрения был скуп, и заслужить их могли лишь люди думающие, инициативные, точные в работе. Весьма ценил время и тща-

тельно его планировал. Видимо, поэтому даже строй его речи отличался лаконичностью и ясностью. Противник всякого пустозвонства, он отнюдь не злоупотреблял совещаниями, проводил их только в самых необходимых случаях и всегда коротко.

У Верховного Главнокомандующего А. И. Антонов пользовался непререкаемым авторитетом. И я полагаю, что тут не последнюю роль сыграла мужественная прямота Алексея Иннокентьевича, правдивость его докладов, в которых всегда и все строго соответствовало истине, как бы горька она ни была. При необходимости Антонов осмеливался возражать Сталину и уж во всяком случае высказывал свое мнение.

Внешне далеко не одинаковые, А. М. Василевский и А. И. Антонов, по существу, имели очень много общего. Они достойно представляли советский Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны, многое сделали для нашей победы над врагом, и мы, их соратники, ближайшие помощники и ученики, всегда будем гордиться ими.

А теперь об основном рабочем ядре Генерального штаба — органе, ведавшем планированием всех операций, сбором и анализом данных по обстановке на фронтах, контролем за выполнением директив Верховного Главнокомандования, — Оперативном управлении. Помимо тех обязанностей, о которых уже сказано, в компетенцию этого управления входило и много других дел, в том числе разработка приказов в честь побед, одержанных войсками того или иного фронта.

Остальные органы Генштаба действовали в тесном контакте с Оперативным управлением, выполняя его просьбы и получая от него исходные данные для своей работы.

На доклад в Ставку вместе с начальником Генерального штаба ездил только начальник Оперативного управления или его заместитель. А это обязывало последних знать все, что делается в Генеральном штабе и чем он располагает. Тут и данные о противнике, и данные о ходе оперативных перевозок, и укомплектованность фронтов, и состояние резервов. Без этого не обойтись при разработке оперативных предложений.

Органы разведки, добывавшие сведения о противнике, в разное время войны возглавляли генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов, генерал-лейтенант И. И. Ильичев и генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. С каждым из них начальник Оперативного управления имел ежедневный личный контакт. А еще теснее мы контактировались с неутомимым Леонидом Васильевичем Оняновым. В его обязанность входили анализ и обработка всех данных о составе, действиях и намерениях немецко-фашистских войск. Сам он и подчиненные ему офицеры строго следили за правильностью отображения данных о противнике на оперативных картах. Через них же мы ставили задачи на разведку особо интересующих нас объектов противника.

Вопросами организационной структуры всех родов войск ведал генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Он же планировал укомплектование фронтов, контролировал готовность резервов и наличие обученного маршевого пополнения. Кроме того, в руках его аппарата были дислокация и учет численности войск в военных округах, учет потерь на фронтах. Ему же подчинялись отделы военно-учебных заведений и оперативных перевозок. Через последний ставились задачи ВОСО на переброску войск при подготовке операций и в ходе их.

К слову сказать, органы военных сообщений часто переподчинялись то одному, то другому начальнику, но от Генерального штаба никак уйти не могли. В начале войны управление ВОСО организационно входило в состав Генштаба. Потом некоторое время оно было самостоятельным, и его начальник являлся Наркомом путей сообщения. Затем это управление переподчинили начальнику тыла, который стал по совместительству и Наркомом путей сообщения. А в конце войны ВОСО опять вернулись в Генштаб. Опыт подтвердил одну непреложную истину: кому бы органы военных сообщений ни подчинялись, в отрыве от Генштаба они работать не могут. Поскольку в военное время оперативные перевозки идут непрерывно и от них в немалой степени зависит судьба операций, Генштаб должен планировать и контролировать их ежедневно, а в иных случаях и ежечасно, давать ВОСО конкретные указания, неослабно следя за исполнением.

Устройством тыла и планированием материальных средств ведал аппарат, возглавляемый А. И. Шимонае-

вым, а затем Н. П. Михайловым. Здесь прежде всего изучались и готовились вопросы обеспечения фронта вооружением и техникой, учитывались ресурсы страны, которые можно мобилизовать для нужд войны, концентрировались все данные о продукции, выпускаемой военной промышленностью. В этом аппарате были крупные знатоки отечественной экономики, такие, например, как Н. И. Потапов, которого по справедливости называли «живой энциклопедией». Он проработал в Генштабе много лет и только в 1963 году ушел на заслуженный отдых. Огромной эрудицией обладал и другой ветеран этой службы генерал Д. А. Нэлип. Он проработал в Генеральном штабе еще дольше — вплоть до 1964 года.

Выдающуюся роль в организации военной связи сыграл И. Т. Пересыпкин — бессменный в течение всей войны начальник связи Советской Армии. Добрым словом хочется помянуть здесь и ближайших его помощников генералов Н. А. Найденова, Н. А. Борзова и особенно начальника узла связи Генштаба М. Т. Беликова. Их заботами было обеспечено бесперебойное общение с действующей армией в любое время суток и на протяжении всей войны, включая самые трудные месяцы 1941 года. О возможностях нашей службы связи свидетельствует хотя бы такой факт. В период Тегеранской конференции глав трех союзных держав — СССР, Америки и Англии — автор этих строк находился в столице Ирана и должен был оттуда держать связь с фронтами и Генштабом, дважды в сутки собирая для Верховного Главнокомандующего данные по обстановке. И не было случая, чтобы средства связи подвели.

Картографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток этого дела генерал М. К. Кудрявцев. Карт самого различного назначения и разных масштабов требовалось чрезвычайно много. А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись. Мы располагали вполне современными топографическими картами лишь до рубежа Петрозаводска, Витебска, Киева, Одессы. Когда же противник потеснил нас за этот рубеж, ко всем прочим бедам прибавилось еще и отсутствие карт. Пришлось срочно формировать новые топографические части, создавать новые военно-картографические фабрики, мобилизовывать возможности гражданских ве-

домств. Работа кипела днем и ночью. Только за первые полгода войны вновь составленными картами разных масштабов была освещена площадь, превышающая полтора миллиона квадратных километров.

Размеры военно-топографических съемок и производства карт оставались чрезвычайно большими и в последующее время. Всего за годы войны съемками и рекогносцировками была охвачена территория в пять с половиной миллионов квадратных километров, составлено и издано различных военно-географических справочников и описаний на площадь свыше семи миллионов квадратных километров.

Особую роль в производстве карт для действующей армии играла фабрика имени Дунаева. Ее сплоченный коллектив выполнял самые срочные и самые сложные задания Генштаба.

Служба скрытого управления войсками находилась в надежных руках генерал-лейтенанта П. Н. Белюсова и его многоопытного помощника полковника И. В. Будилева. А очень тонкую работу по поддержанию контактов с Министерством иностранных дел по связям Генштаба с союзниками вел со своим немногочисленным, но очень квалифицированным аппаратом скромнейший, кристальной души человек генерал-лейтенант Н. В. Славин. Он являлся в то время неизменным участником переговоров с военными представителями США и Англии, а также с главами союзных держав, присутствовал на многих международных конференциях. После же войны, до конца дней своих, Н. В. Славин достойно представлял Советский Союз в Дании.

Наконец, не могу не познакомить читателя с наиболее близкими и дорогими мне людьми Оперативного управления. За редким исключением, это были отличные генералы и офицеры. Коллектив наш в целом отличался спаянностью, сколоченностью, весьма высокой работоспособностью. Никто здесь не щадил себя ради общего дела.

Заместителями начальника управления у нас были: генерал-лейтенант А. А. Грызлов и генерал-лейтенант Н. А. Ломов. Первый отличался способностью быстро и точно схватить самую суть дела, обладал, казалось, неисчерпаемой энергией, хорошо владел пером, мастерски в течение буквально нескольких минут мог нанести обстановку на карту. Жизнерадостность и постоянный опти-

мизм Грызлова всегда создавали вокруг него атмосферу какой-то приподнятости. Ломов — по характеру более спокойный, уравновешенный, работал несколько медленней, но всегда солидно и глубоко. Взаимно они как бы дополняли друг друга. По сей день в моем сердце живет великая благодарность им за неоценимую помощь и большой вклад в работу Оперативного управления в годы войны.

Заместителем начальника управления по политической части являлся генерал-майор И. Н. Рыжков. Он буквально вкладывал всю душу в воспитание личного состава и своей простотой, общительностью, чуткостью к каждому снискал у всех нас самое доброе к себе отношение. В нем мы видели не столько должностное лицо, сколько истинно партийного наставника.

До сих пор как бы стоят перед моими глазами операторы, люди, вынесшие на себе всю тяжесть черновой работы управления: сбора обстановки, ее анализа, неизбежных уточнений, проверок и перепроверок данных. Особенно это было сложно в первые дни войны.

Вот генерал-майор Михаил Алексеевич Красковец — горячий, нетерпеливый, в меру честолюбивый. При случае он мог и возразить начальству, но за отданное ему приказание беспокоиться не приходилось. Красковец всегда выполнял приказания точно.

Полная противоположность ему — генерал-майор Сергей Иванович Гунеев: спокойный, уравновешенный, иногда даже не по обстоятельствам. Он неоднократно бывал в блокированном Ленинграде.

Прекрасный оператор генерал-майор Чумаков Григорий Миронович всегда казался мне немного капризным. Безусловно, знал себе цену, но еще лучше знал обстановку на своем участке и всегда был готов доложить свои взгляды и предложения.

По-своему оригинален генерал-майор Владимир Дмитриевич Уткин. Любил пофилософствовать. Писал стихи и многие из них сам положил на музыку. Товарищи в шутку величали его «оперативным композитором». Но это не мешало Владимиру Дмитриевичу оставаться хорошим оператором.

Генерал-майоры Василий Федорович Мернов и Семен Михайлович Енюков несомненно выделялись своей общей эрудицией и широким оперативным кругозором.

А Николай Евгеньевич Соколов и Николай Васильевич Постников запомнились мне прежде всего как великие труженики.

Одним из лучших операторов по праву считался генерал-майор Васильченко Константин Федорович. После войны он стал хорошим начальником штаба военного округа.

Генерал-майор Яков Афанасьевич Куцев отличался вдумчивостью. Аналитический склад мышления позволял ему видеть многое из того, что ускользало из поля зрения других. После войны он по заслугам был выдвинут на должность заместителя начальника Оперативного управления Генштаба.

Генерал-майор Михаил Никифорович Кочергин был у нас лучшим знатоком Дальнего Востока и Забайкалья. А Степан Адамович Петровский так же отлично знал Ближний Восток и пользовался репутацией очень умелого воспитателя своих подчиненных. Со временем это подтвердилось уже тем, что почти все офицеры, работавшие под его началом,— А. П. Чумакин, Г. Г. Елисеев, Н. Ф. Янин, А. С. Башнагян — стали генералами.

Самые добрые воспоминания сохранились у меня о генерал-лейтенанте С. П. Платонове. Он держал в своих цепких руках всех операторов. Многие из них не без оснований считали, что Семену Павловичу докладывать труднее, нежели самому начальнику Генштаба. Платонов был точен до придирчивости. Правда, зная, что все операторы перегружены текущей работой, он никогда не дожидался готового материала, а сам ходил с рабочей тетрадью от одного к другому, смотрел рабочие карты, слушал устные доклады и к концу каждого такого обхода у него уже было, по существу, готовое боевое донесение.

Особо ценным качеством С. П. Платонова являлась удивительная мобильность, умение работать очень быстро. При необходимости он мог лично собрать данные и написать боевое донесение за все фронты в течение одного часа. В этом ему помогало безукоризненное знание обстановки в полном ее объеме.

Обычно боевые донесения готовились три раза в сутки. Но бывали еще и экстренные сообщения. А затем все это аккумулировалось в ежедневной оперативной сводке, которая представляла собой объемистый документ до 20,

а иногда и более страниц убористого машинописного текста. Сводка освещала ход боевых действий на всех фронтах до дивизии включительно, а, как известно, число дивизий в составе действующей армии и резерве Ставки достигало 488.

Офицеры, работавшие под руководством С. П. Платонова, проделали громадный труд, неоценимый для истории. В Архиве Министерства обороны тщательно хранятся тысячи написанных ими страниц, воспроизводящих подлинную картину борьбы наших Вооруженных Сил против гитлеровской военной машины.

Кроме боевых донесений и оперативной сводки генералом Платоновым ежедневно готовились еще сообщения для печати и радио «От Советского информбюро». Эти материалы докладывались лично А. С. Щербакову, совмещавшему в годы войны работу на нескольких ответственных постах: оставаясь секретарем МК и ЦК партии, он возглавлял одновременно Главное политическое управление Советской Армии и ведал делами Совинформбюро — организации очень большой и хлопотной. Мне часто приходилось встречаться с ним, и, кажется, каждый раз я мысленно спрашивал себя: как этот тяжело больной человек успевает справляться с такой уймой дел, откуда берутся у него силы и каким образом удается ему сохранить при том теплоту отношений с людьми, человечность?

Под стать С. П. Платонову были и другие начальники. Моряков возглавлял сначала контр-адмирал В. И. Сумин, а затем контр-адмирал В. А. Касатонов — блестящий знаток всех морских театров, теории и практики военно-морского искусства, выдвинувшийся впоследствии в число видных советских флотоводцев.

Генерал-майор Н. М. Масленников — рассеянный, милый человек, никого в жизни не обидевший — ведал артиллерией и всей противовоздушной обороной в целом.

Бывший морской летчик Н. Г. Колесников занимался авиационными вопросами. Горячий, иногда чрезмерно, он очень нуждался в своеобразном противовесе. И таким противовесом являлся его хороший заместитель, впоследствии ставший начальником отдела генерал-майор авиации Н. В. Воронов.

Бронетанковые войска хорошо знал генерал-майор танковых войск П. И. Калиниченко, выдвинутый затем на должность начальника штаба танковой армии. Его сме-

нили вначале генерал-майор В. Н. Баскаков, а затем генерал-майор Л. М. Китаев.

Связью руководил генерал-майор К. И. Николаев, а инженерными войсками — генерал-майор В. А. Болятко, талантливый знаток своего дела, выросший впоследствии до генерал-полковника.

У меня нет возможности дать здесь хотя бы самую краткую характеристику каждому из офицеров Оперативного управления. Одно могу сказать: лучших работников я не искал. Да и трудно было искать. Ведь для Генштаба и без того из хорошего выбрали лучшее.

Я горжусь, что мне выпала честь работать в таком прекрасном коллективе!

Суточный цикл в Оперативном управлении, как и во всем Генеральном штабе, начинался с семи утра. В этот час начальники направлений приступали к сбору обстановки за прошедшую ночь. К каждому из них являлся представитель разведки и уточнял на карте данные о противнике. Одновременно обобщались сведения о положении и состоянии своих войск. В этом начальникам направлений помогали все другие органы Генштаба, каждый по роду своей деятельности.

А у начальника Оперативного управления не смолкали телефонные звонки. Он вел переговоры с начальниками штабов фронтов, лично уточняя обстановку. Они обязательно звонили сами, если в течение ночи был достигнут серьезный успех, занят важный пункт. При неудачах со звонками не спешили. Но, когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе: в этом случае мы сами вызывали на провод «запоздавшего», и истина прояснялась.

По мере готовности материалов появлялись с докладами начальники направлений. Само собой разумеется, что доклады эти не были длинными. Мы все детально знали обстановку, и поэтому часто докладчик не произносил ни слова, а просто сверял свою карту с картой начальника управления, разложенной на столе. Если обнаруживались какие-то расхождения, он обращал на них внимание начальника, говорил, что надо дополнить. В иных случаях у начальника Оперативного управления были более свежие данные, полученные в результате

переговоров со штабом фронта. При таком стечении обстоятельств начальник направления вносил исправления на свою карту. И лишь изредка, когда расхождения оказывались слишком уж значительными или по каким-то другим причинам возникали сомнения относительно истинного положения войск, тут же еще раз вызывали по ВЧ штаб фронта для нового уточнения обстановки.

Четкость ведения карт была, можно сказать, идеальной. В управлении применялись единые условные цвета и знаки для определенного времени и любого вида боевых действий. Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты любого направления без пояснений. В высшей мере добросовестное отношение офицеров и генералов ко всем «мелочам» службы избавляло нас от многих непроизводительных потерь времени, и главное — ограждало от ошибок. Никакое, кажется, наставление не смогло бы предусмотреть наших генштабовских тонкостей.

Примерно в 9.00 к начальнику Оперативного управления приходил генерал-лейтенант Онянов с обобщенными данными о противнике. В это же время из ВОСО приносили график перевозок; по нему нетрудно было проследить, что́ на какой фронт подается и где в данный момент находится. Затем просматривались справки о состоянии резервов и начиналось редактирование утреннего боевого донесения.

В 10 часов донесение подписывалось, и начальник Оперативного управления был готов к докладу Верховному Главнокомандующему. На двух больших ярко освещенных наклонных столах раскладывались двухсоттысячные карты по каждому фронту и одна сводная миллионного масштаба, отображавшая положение на всех фронтах сразу. Тут же, что называется под рукой, находились три справки: о состоянии резервов всех видов, график перевозок и книга боевого состава действующей армии до полка с фамилиями командующих и командиров до дивизии включительно. Все остальные данные имелись на картах.

Оперативное управление было связано с Верховным Главнокомандующим особым прямым телефоном. Когда-то такого телефона не было, и Сталин звонил по общему.

Но случилось так, что однажды он не получил немедленного ответа — номер оказался занятым. Через несколько минут начальник управления выслушал соответствующее внушение и получил приказание: «Сказать кому следует, чтобы поставили особый телефон». Так у нас появился еще один аппарат со шнуром почти в 10 метров длиной; это было очень удобно при докладах обстановки по картам.

Между 10 и 11 часами, редко чуть позже, Верховный сам звонил к нам. Иногда здоровался, а чаще прямо спрашивал:

— Что нового?

Начальник Оперативного управления докладывал обстановку, переходя от стола к столу с телефонной трубкой у уха. Во всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили наиболее напряженный характер, и, как правило, с самого острого участка. Обстановка излагалась последовательно, за каждый фронт в отдельности в произвольной форме.

Если нашим войскам сопутствовали успехи, доклад обычно не прерывался. По телефону были слышны лишь редкое покашливание да чмоканье губами, характерное для курильщика, сосущего трубку.

Пропускать в докладе какую-либо армию, если даже в ее полосе за ночь не произошло ничего важного, Сталин не позволял. Он тотчас же перебивал докладчика вопросом:

— А у Казакова что?

Иногда в ходе доклада Верховный Главнокомандующий давал какое-то указание для передачи на фронт. Оно повторялось вслух, и один из заместителей начальника управления тут же записывал все дословно, а затем оформлял в виде распоряжения или директивы.

Около полудня начальник Оперативного управления шел к начальнику Генерального штаба. В кабинете последнего имелся такой же, как у нас, комплект карт, и к этому времени на них была нанесена самая полная и новейшая обстановка. Оставалось только сообщить, как прошел доклад Верховному, какие от него получены указания и представить на подпись подготовленные распоряжения войскам.

Такой несколько необычный порядок докладов — сна-

чала Верховному Главнокомандующему, а затем уже начальнику Генерального штаба — был определен лично Сталиным. Делалось так, потому что по распорядку нашей работы в 10—11 часов начальник Генштаба еще отдыхал.

После утреннего доклада Оперативного управления он принимал начальников других управлений, начальников родов войск и служб, разговаривал по телефону с командующими фронтами, читал донесения представителей Ставки.

Важнейшей частью работы начальника Генерального штаба являлся анализ обстановки на фронтах. Обычно в процессе этого рождались оперативные предположения, которые затем обосновывались тщательными расчетами и вносились на рассмотрение Ставки.

Когда в Москву приезжали командующие фронтами, начальник Генерального штаба принимал их обязательно в присутствии начальника Оперативного управления и представителя соответствующего направления. Мы вместе рассматривали все предложения фронтового командования и готовили по ним заключения. Если командующий соглашался с нами, его исправленные предложения вносились в Ставку совместно. Если единства мнений не было, то Ставке докладывались расхождения.

Расхождения возникали обычно не по замыслу операции или порядку ее проведения, а по составу войск и их обеспечению. Понятно, что каждый командующий стремился получить побольше резервов Ставки, иметь в достатке танки, артиллерию, боеприпасы. Мы никогда никому из них не говорили, чем конкретно располагает Ставка, но командующие и помимо нас, одним им известными путями, узнавали об этом. У Генштаба они требовали, в Ставке просили.

Надо прямо сказать, что те фронты, на которых находились представители Ставки, обеспечивались обычно лучше. Во-первых, потому, что Ставка посылала своих представителей на наиболее важные направления. А во-вторых, по той причине, что каждый представитель Ставки сам имел власть, особенно маршал Г. К. Жуков. В иных случаях он ставил Генштаб в очень трудное положение: и дать нельзя, и попробуй откажи первому заместителю Верховного Главнокомандующего...

К 15 часам в Оперативном управлении заканчивалась обработка данных за первую половину дня. Они докладывались начальнику Генерального штаба моим заместителем генерал-лейтенантом А. А. Грызловым. Сам я в это время отдыхал. Часто вместе с Грызловым шел и начальник того направления, где в данный момент обстановка была особенно острой. Начальник Генштаба сам расспрашивал его, затем уточнял все по ВЧ и около 16 часов докладывал обстановку Верховному. Одновременно в Ставку и всем членам правительства по особому списку рассылалось второе боевое донесение.

К 21 часу опять собирались и обобщались данные по обстановке, и мы готовились к поездке в Ставку с итоговым докладом за сутки в целом. Вызов туда следовал, как правило, после 23 часов.

Когда на фронтах дела шли хорошо, доклад обычно проходил быстрее, но после него Сталин иногда приглашал нас посмотреть кинокартину, преимущественно фронтовую хронику. Нам было не до того. В управлении ожидала работа без конца и края. Но отказываться не осмеливались. Я сидел в кресле, обнимая портфель с оперативными картами. Особенно долго засиживались, если у Сталина были какие-нибудь иностранные гости. Им-то он обязательно показывал кинокадры о событиях на фронтах, причем и те, которые мы успели просмотреть раньше.

На исходе суток помимо нашего итогового доклада в Ставку представлялись еще и боевые донесения за каждый фронт в отдельности. Их подписывали военные советы фронтов, а Генштабом они только принимались по телеграфному аппарату Бодо, перепечатывались на машинке и в заверенных копиях рассылались по списку.

Таким образом, в течение суток Ставка получала три боевых донесения, два из которых рождались в Генштабе и одно — непосредственно на фронтах. Кроме того, для Сталина лично мы готовили двухсоттысячные карты по каждому фронту и одну сводную масштаба два с половиной миллиона. Меняли карты по мере необходимости: двухсотки примерно через два-три дня, а сводную — раз в пять-шесть дней. Отвечал за это лично С. П. Платонов.

Так день за днем протекала работа Оперативного управления вплоть до окончания войны. В других управлениях Генштаба порядок был тот же, но содержание работы, конечно, другое.

Не могу не вспомнить и о так называемом корпусе офицеров Генерального штаба. Он начал свое существование в 1941 году и первоначально был довольно многочисленным.

В самом начале своей книги я уже рассказывал, что в первые тяжелые месяцы войны до Генштаба доходили порой самые скудные и противоречивые данные о положении на фронтах. Нередко мы знали о противнике гораздо лучше, чем о своих войсках. И чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, операторы сами летали выяснять, где проходит передний край нашей обороны, куда переместились штабы фронтов и армий. При этом одни погибали, другие надолго выходили из строя по ранению, многих командующие фронтами просто не отпускали обратно, а назначали своей властью на различные должности в войска.

Убыль квалифицированных кадров операторов была настолько значительна, что руководству Генштаба пришлось в конце концов принять решение о создании специальной группы командиров для связи с войсками. Сначала она числилась при Оперативном управлении, а потом, по предложению Б. М. Шапошникова, ее изъяли от нас и сделали самостоятельной. Ставка назвала эту группу корпусом офицеров Генерального штаба. За всю историю Красной Армии слово «офицер» было применено здесь впервые. Тем самым как бы подчеркивался специфический характер работы и подчиненности: в то время как все другие должностные лица кадрового состава наших Вооруженных Сил назывались либо командирами, либо начальниками, люди, представлявшие в войсках Генштаб, именовались офицерами Генерального штаба.

Во главе корпуса офицеров Генштаба был поставлен человек исключительной честности и трудолюбия — генерал-майор Н. И. Дубинин. Впоследствии его заменил другой ветеран Оперативного управления генерал-майор Ш. Н. Гениатулин. А заместителем по политической ча-

сти и у первого и у второго являлся генерал-майор Ф. Т. Перегудов.

Вначале офицеры Генштаба, выполнив задачу в действующей армии, возвращались обратно в Москву. Но некоторое время спустя было признано более рациональным постоянно держать офицеров Генштаба при фронтах и армиях, а на некоторых направлениях — даже при корпусах и дивизиях. Одновременно устанавливалась строгая система руководства и подчинения: старшему офицеру Генштаба, работающему при фронтовом управлении, подчинялись офицеры Генштаба в армиях, а последним — их коллеги в корпусах и дивизиях.

Круг обязанностей офицеров Генштаба был достаточно широк. Они проверяли положение и состояние войск, их обеспеченность всем необходимым для жизни и боя, докладывая результаты прямо в Генштаб.

Особое внимание обращалось на достоверность докладов. Офицер Генштаба имел право докладывать только о том, что видел собственными глазами, а не со слов других лиц или по штабным документам. После того как прошла сумятица первых месяцев войны, текущую обстановку он уже не докладывал.

Многие из офицеров Генерального штаба неоднократно попадали в сложные боевые переделки и проявляли при этом истинный героизм. Хорошо помню случай с капитаном В. А. Блюдовым и подполковником А. Д. Марковым. Находясь при 2-м танковом корпусе 3-й танковой армии, 24 марта 1943 года у села Кицевки, западнее Купянска, они взяли на себя командование попавшими в тяжелое положение несколькими артиллерийскими подразделениями. Вскоре Блюдов был ранен, но его удалось спасти. Марков же продолжал поорудийно отводить артиллерию из-под вражеских ударов, пока не был убит прямым выстрелом из танка. За свой подвиг он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

При разных обстоятельствах, но так же геройски погибли на боевых постах капитаны С. В. Березкин, С. Ф. Сафонов, Н. М. Шихалев; майоры В. М. Ткачев, К. Н. Никулин, Е. С. Кухарь, М. Я. Дышленко, А. Т. Шиян, П. М. Заргарян; подполковники И. М. Бурлак, В. Н. Венедиктов, В. Ф. Лыскин, А. А. Поздняков. А из тех офицеров Генштаба, которые пережили войну, я лич-

но отдаю дань особого уважения полковнику А. В. Писареву, впоследствии ставшему начальником одного из направлений, полковнику М. Н. Костину и полковнику А. И. Харитонову. Они по праву считались лучшими нашими представителями при штабах фронтов, смотрели далеко вперед, ставили перед Генеральным штабом крупные вопросы.

Важные решения принимались по докладам и других офицеров Генштаба. Например, подполковник Н. В. Резников, работавший на Западном фронте, неоднократно доносил, что 33-я армия бесполезно растрачивает силы на так называемые «частные операции» по захвату отдельных высот и давно не существующих населенных пунктов. В связи с этим на Западный фронт выехала специальная комиссия Государственного Комитета Обороны. Выводы Н. В. Резникова полностью подтвердились, и тут же последовал ряд серьезных мер. В частности, было укреплено руководство 33-й армии: командовавшего ею генерал-лейтенанта В. Н. Гордова за допущенные ошибки отстранили от должности.

На боевой работе люди росли быстро. Из корпуса офицеров Генштаба все время шел отбор лучших для службы в центральном аппарате, в частности в Оперативном управлении. А взамен их в войска посылались другие. Таким образом, корпус офицеров Генштаба был своего рода неиссякаемым источником пополнения аппарата кадрами, понюхавшими порох. В то же время он всегда являлся надежной опорой представителей Ставки.

К середине 1943 года деятельность корпуса офицеров Генштаба несколько сократилась. К этому времени командующие крупными войсковыми объединениями и командиры соединений, а также штабы всех степеней накопили большой боевой опыт, научились работать слаженно и четко, хорошо анализируя обстановку. В постоянном наблюдении за положением дел в действующей армии с помощью офицеров Генштаба нужды почти не стало, и они вошли организационно в состав Оперативного управления.

Значительную роль сыграли офицеры Генштаба при формировании и вступлении в боевые действия новых национальных армий — чешской, польской, румынской. В частности, очень помог нам и командованию на месте

старший офицер Генштаба при Войске Польском генерал-майор Н. М. Молотков.

Оглядываясь на пройденный путь, не стоит, пожалуй, замалчивать, что иногда офицеры Генштаба сталкивались на местах с явным недружелюбием. Иные командиры и начальники пренебрежительно называли их соглядатаями. Однако я не помню случая, когда бы офицер Генштаба был изобличен в неблаговидном поведении, необъективности, превышении власти. Наоборот, тысячами фактов доказано, что гибкий механизм контроля и проверки исполнения, существовавший в Генеральном штабе в годы минувшей войны, действовал с исключительной добросовестностью.

Школу Генштаба прошли многие начальники фронтовых штабов, и уже только поэтому я не могу не сказать здесь хотя бы о некоторых из них.

Всего за время войны на всех фронтах начальниками штабов перебывали 44 человека. Из этого числа следует, пожалуй, выделить 12 генералов: С. С. Бирюзова, А. Н. Боголюбова, Д. Н. Гусева, М. В. Захарова, С. П. Иванова, Ф. К. Корженевича, В. В. Курасова, Г. К. Маландина, М. С. Малинина, А. П. Покровского, Л. М. Сандалова и В. Д. Соколовского. Каждый из них, кроме Г. К. Маландина, возглавлял штабы фронтов более двух лет, а двое — М. В. Захаров и Л. М. Сандалов — провели на этом посту почти всю войну.

Не рискуя впасть в преувеличение, я могу твердо заявить, что все они вместе и каждый в отдельности — люди выдающиеся. Не случайно трое из этой могучей кучки — Бирюзов, Захаров и Соколовский — удостоились звания Маршалов Советского Союза и уже после войны поочередно возглавляли Генеральный штаб. А еще трое — Иванов, Маландин и Малинин — стали впоследствии заместителями начальника Генерального штаба.

Имя С. С. Бирюзова как штабного работника крупного масштаба стало известно в дни Сталинградской битвы, когда он руководил штабом 2-й гвардейской армии. В последующем Сергей Семенович стоял во главе штабов Южного, 3-го и 4-го Украинских фронтов. Им вложено много творческой мысли в операции по освобождению Ростова, северного Приазовья и Крыма. Бирюзов был

очень требовательным, даже суровым человеком, не терпящим возражений. Не любил засиживаться в четырех стенах, много времени проводил в войсках. Его стремление централизовать в своих руках управление действиями последних доходило иногда до чрезмерности. Но при всем том Бирюзов хорошо подбирал и организовывал штабной коллектив, развивал и всемерно поддерживал у своих подчиненных высокую штабную культуру и сам подавал пример в этом, отлично владея искусством разработки оперативных документов.

А. Н. Боголюбов был начальником штаба Северо-Западного, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. Он отличался вспыльчивостью и чрезвычайно неуживчивым характером, в результате чего дважды покидал Генеральный штаб и многократно переводился из одного штаба фронта в другой. В то же время Александр Николаевич являлся глубоким знатоком штабной службы. И за это его ценили.

М. В. Захаров на протяжении всей войны пользовался репутацией самого опытного из начальников фронтовых штабов. И это вполне закономерно. Ведь Матвей Васильевич свою судьбу связал с вооруженной борьбой за дело революции со штурма Зимнего дворца и прошел как по ступенькам почти все командные и штабные должности, начиная с самого низа. Еще до войны (с 1 июля 1938 по 19 июля 1940 года) он занимал пост помощника начальника Генштаба по организационно-мобилизационным вопросам и устройству тыла, а затем возглавил штаб Одесского военного округа.

В начале войны М. В. Захаров стал начальником штаба Северо-Западного направления, принимал непосредственное участие в разработке планов действий Калининского фронта в период контрнаступления под Москвой. С его именем связано руководство действиями Степного фронта в Курской битве и на Днепре, 2-го Украинского фронта при разгроме противника на Правобережной Украине и в Ясско-Кишиневской операции, под Будапештом, Веной, Прагой. Наконец, уже во время войны против империалистической Японии ему довелось работать начальником штаба Забайкальского фронта.

Живая связь с войсками постоянно питала и питает ныне творческую мысль М. В. Захарова. Как на войне, так

и после нее Матвей Васильевич много лет служил под началом Р. Я. Малиновского, и они являли собой завидный пример сработанности друг с другом.

Семена Павловича Иванова можно характеризовать как человека очень твердого и решительного, хорошо понимающего свое место в управлении войсками и никогда никому не позволяющего посягнуть на его права. В годы войны Семен Павлович успешно руководил штабами Юго-Западного, Воронежского, 1-го Украинского, Закавказского и 3-го Украинского фронтов, а затем штабом Главкома советских войск на Дальнем Востоке. Курская битва, Днепр, Венская операция и наступление в Чехословакии — таковы некоторые вехи, отмечающие его боевой путь. Хотя он много лет провел на штабной работе и познал все ее тонкости, я осмелюсь тем не менее утверждать, что склонность к командной деятельности преобладает у него над всеми другими.

В. В. Курасов являлся начальником штаба, так сказать, классического типа. Это спокойный, чрезвычайно вдумчивый, тактичный генерал, склонный к научной разработке вопросов, возникающих перед штабом, и умеющий отлично сочетать теорию с практикой. На войне у него установилось тесное содружество с И. Х. Баграмяном, которое весьма высоко оценивалось нами, генштабистами. Все данные по операциям 1-го Прибалтийского фронта мы получали не только в срок, но и в хорошем исполнении. После войны Владимир Васильевич длительное время стоял во главе Академии Генерального штаба.

Чем-то сродни Курасову и по характеру, и по стилю работы генерал Г. К. Маландин. Это был тоже очень уравновешенный, всегда корректный человек, необычайно скромный и душевный. До самозабвения отдавался работе и умел ее выполнять, какой бы сложной она ни была. Герман Капитонович пользовался в Генштабе большим уважением за свою пунктуальность и глубину анализа обстановки. Он тоже вырос в крупного военного ученого и стоял во главе Академии Генштаба.

Почти полной противоположностью Курасову и Маландину по складу характера являлся М. С. Малинин. Он был очень нетерпелив и горяч. К. К. Рокоссовский отлично понимал сильные стороны своего начальника штаба,

блестяще знавшего службу (с Малининым ему довелось работать еще в 16-й армии, потом на Донском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах) и умел ослабить его недостатки. В свою очередь Михаил Сергеевич всегда старался действовать в унисон с командующим. В итоге же штаб, возглавляемый Михаилом Сергеевичем, неизменно был в числе лучших, люди там работали очень дружно и слаженно.

А. П. Покровский, стоявший во главе штабов Юго-Западного направления, Западного и 3-го Белорусского фронтов, осуществлял свою фронтовую деятельность удивительно ровно. Казалось, он обладал каким-то особым секретом, позволяющим достигать планомерности и строгого порядка в работе при любых условиях. А «секрет» этот заключался только в больших знаниях и опыте Александра Петровича, в его организаторском искусстве, хотя, как мне кажется, он всегда больше работал с документами, чем с людьми.

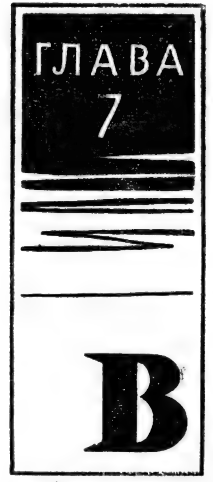
Л. М. Сандалов начал войну в роли начальника штаба 4-й, затем 20-й армий, а в последующем был начальником штаба Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов. Его самообладание, рассудительность, умение сочетать пребывание в войсках с работой в штабе были хорошо известны всем. Всегда выделялся он и как специалист по штабной документации. Надо особо отметить также, что Леонид Михайлович очень волевой человек, сумевший найти свое место в жизни после тяжелой личной трагедии, в результате которой он преждевременно выбыл из боевого строя.

Список лиц, пробывших в должности начальника штаба фронта от шести месяцев до полутора лет, насчитывает почти два десятка фамилий. К числу таких относятся А. И. Антонов, П. И. Бодин, И. Х. Баграмян, В. Р. Вашкевич, Н. Ф. Ватутин, Г. Ф. Захаров, М. И. Казаков, Б. А. Пигаревич, М. М. Попов, Л. С. Сквирский, Г. Д. Стельмах, М. Н. Шарохин, А. Н. Крутиков, А. И. Кудряшев, А. И. Субботин, С. Е. Рождественский, Л. Ф. Минюк, Ф. П. Озеров, И. А. Ласкин. Из этой плеяды многие были выдвинуты на командные должности. В частности, И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Г. Ф. Захаров, М. М. Попов стали командующими фронтами; М. И. Казаков и М. Н. Шарохин до конца войны командовали армиями.

На долю некоторых пришлось возглавлять фронтовые штабы менее шести месяцев. Это В. С. Голушкевич, В. М. Злобин, П. П. Вечный, И. С. Варенников, А. А. Забалуев, С. И. Любарский, Д. Н. Никишев, И. Т. Шлемин, А. П. Пилипенко, В. Я. Колпакчи.

А генерал-полковник И. В. Смородинов, генерал-лейтенанты Е. Г. Троценко и Ф. И. Шевченко являлись начальниками штабов Дальневосточного и Забайкальского фронтов, когда эти фронты не вели еще боевых действий.

Всех этих людей мы помним и считаем ближайшими своими товарищами. Они разделили с работниками Генштаба многие радости и огорчения, успехи и неудачи.

ПЕРЕД КУРСКОЙ БИТВОЙ

Где и как решать главные задачи летней кампании: обороняться или наступать? — Предложение Г. К. Жукова.— Мнение командования Центрального фронта.— Гибкий план Н. Ф. Ватутина.— Решение Ставки от 12 апреля 1943 года.— Фронт стратегических резервов.— План «Кутузов».— Наметки плана контрнаступления.— Воздушные операции.— Три предупреждения войскам.— Противник переходит в наступление.

Весной 1943 года основное внимание Ставки и, конечно, ее рабочего органа — Генерального штаба сосредоточилось на положении в центре стратегического фронта.

К концу марта положение сторон в районе Курска стабилизировалось. Прекращение своего наступления противник мотивировал впоследствии началом весенней распутицы. Но дело было совсем не в ней. Хотя врагу и удалось отбросить наши войска от Харькова, все же общий итог зимней кампании был для него крайне неблагоприятным: силы немецко-фашистской армии ослабли и в данный момент она не имела возможности продолжать более или менее успешно крупные наступательные операции. Стратегическая инициатива по-прежнему находилась в наших руках. Реванш за Сталинград не состоялся.

Естественно, вставал вопрос относительно перспектив борьбы на ближайшее время. В Генеральном штабе отнюдь не исключали новых попыток противника вернуть себе военное счастье. Однако для этого ему требовались дополнительные силы, которые надо еще было перебросить с запада и накопить за счет призыва резервов. А если мы провалим эти попытки и нанесем врагу два-три новых удара, равных по своим результатам Сталинграду? Никто не сомневался, что тогда будет достигнут окончательный перелом в ходе войны и гитлеровская военная машина окажется перед лицом полной катастрофы. Верховный Главнокомандующий верил в это больше других, но, памятуя об уроке, полученном под Харьковом, проявлял осторожность.

События все очевиднее развивались в благоприятном для нас направлении. Благородные цели войны обеспечивали Советской Армии всемерную поддержку всего нашего народа. На территории СССР, захваченной врагом, шло дальнейшее развертывание партизанской борьбы. Значительно сильнее и организованнее стало также сопротивление оккупантам в странах Западной и Юго-Восточной Европы. Немецко-фашистские войска потерпели серьезное поражение в Ливии и Триполитании, разгоралась война в Тунисе. Союзническая авиация наносила удары по промышленным центрам Германии и Италии.

При всем том наша армия обладала теперь богатейшей техникой, не уступавшей ни по качеству, ни по количеству боевым средствам врага. Конечно, как всегда на войне, техники было меньше того, чем хотелось бы, но время, когда она распределялась крохами, ушло безвозвратно, и уже странным казалось, что когда-то Сталин сам поштучно распределял противотанковые ружья, минометы, танки.

Сейчас все было иначе. Но заботы партии и правительства о дальнейшем техническом оснащении Советских Вооруженных Сил не ослабевали. Наоборот, в предвидении новых решающих сражений они возросли. Руководителей Генерального штаба все чаще вызывали в Ставку совместно с представителями оборонной промышленности и конструкторами для решения неотложных вопросов по наращиванию темпов производства военной продукции и улучшению боевых качеств наших самолетов, танков, артиллерии. А в самом Генштабе основательно разрабатывались такие проблемы, как завоевание господства в воздухе или прорыв глубокой траншейной обороны противника с последующим развитием успеха, очень тщательно продумывались способы применения крупных масс артиллерии, авиации, танков.

При подготовке очередных операций обязательно предусматривалось всестороннее политическое обеспечение действий войск. Высокий моральный дух, характерный для личного состава нашей армии с первых дней войны, рос и далее. Люди мужали, день ото дня крепла их вера в мудрость партии, в нерушимость советского строя. Победа под Сталинградом окрылила всех — от солдата до маршала. И политические работники всячески стремились закрепить этот подъем, этот порыв. Трудно

было не оценить их важной роли в осуществлении любого из наших оперативных планов. Боевое содружество между штабами и политорганами еще более упрочилось.

Мне приходилось соприкасаться чаще всего с начальником Главного политического управления секретарем ЦК партии Александром Сергеевичем Щербаковым. Мы встречались почти ежедневно. Ему я докладывал о положении на фронтах и проекты сводок Совинформбюро. Однажды выезжал с ним вместе на Западный фронт. И постепенно эти чисто деловые отношения переросли у меня в чувство глубокой личной симпатии. Принципиальный, энергичный, строгий в делах, Александр Сергеевич был вместе с тем простым и задушевным человеком. Не могу забыть последнего своего разговора с ним. Происходил этот разговор ранним утром в самый канун победы над гитлеровской Германией. А. С. Щербаков позвонил мне из больницы:

— Говорю с вами тайком от врачей. Они запретили мне заниматься какими бы то ни было делами. Скажите поскорей, что там у нас делается?

Я не мог отказать ему и коротко доложил все существенные новости.

— Вот спасибо, — поблагодарил он. — И у меня дела идут на поправку. Скоро выйду работать.

Но дни его были уже сочтены. 12 мая 1945 года в возрасте 44 лет А. С. Щербаков скончался, озаренный великой нашей победой, для которой положил так много сил и здоровья...

На фронтах же партийно-политическое руководство олицетворялось в первую очередь членами военных советов. Это были люди, умудренные громадным житейским и политическим опытом. В довоенное время почти все они стояли во главе обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик.

Член Военного совета делил с командующим всю полноту ответственности за состояние и боевую деятельность войск, участвовал в разработке оперативных планов, заботился о том, чтобы каждая операция была бы обеспечена материально. Вместе вызывались они и в Ставку. Но при всем том главной задачей члена Военного совета являлось поддержание у личного состава крепкого морального духа. Он выступал в качестве организатора всей партийно-политической работы в войсках. На него

замыкалось политуправление фронта, в его компетенцию входила расстановка партийных кадров, через посредство которых обеспечивалась передовая роль на поле боя каждого коммуниста и комсомольца.

В широкий круг обязанностей членов военных советов входило также обеспечение правильных взаимоотношений войск с населением прифронтовой полосы, участие в восстановлении Советской власти на территории СССР, освобожденной от оккупации, и поддержание контактов с местными органами власти за пределами страны, когда наши войска перешагнули государственную границу.

Считаю нужным оговориться, что речь здесь идет о первом члене Военного совета, и только о нем, в отличие от которого другие члены Военного совета, скажем начальник штаба или командующий артиллерией, выполняли свои прямые должностные обязанности.

За годы войны на высоком посту первого члена Военного совета фронта состояло немногим более 40 человек. Трое из них — А. А. Жданов, А. С. Желтов и К. Ф. Телегин занимали этот пост почти с самого начала и до самого конца боевых действий. В течение двух и более лет являлись первыми членами военных советов фронтов В. Н. Богаткин, П. И. Ефимов, К. В. Крайнюков, Д. С. Леонов, Л. З. Мехлис, И. З. Сусайков, Н. С. Хрущев, Т. Ф. Штыков. От шести месяцев до двух лет состояли в этой должности двенадцать человек — Ф. Е. Боков, Н. А. Булганин, Д. А. Гапанович, К. А. Гуров, А. И. Запорожец, И. И. Ларин, В. Е. Макаров, М. В. Рудаков, Н. Е. Субботин, А. Н. Тевченков, А. Я. Фоминых, Ф. А. Шаманин. Менее полугода работали П. К. Батраков, Ф. Ф. Кузнецов, М. А. Бурмистенко, Н. Н. Клементьев, Г. Н. Куприянов, А. Ф. Колобяков, А. И. Кириченко, В. М. Лайок, П. И. Мазепов, П. К. Пономаренко, Е. П. Рыков, П. И. Селезнев, Н. И. Шабалин, И. В. Шикин, Е. А. Щаденко.

На флотах эти кадры были еще стабильнее. В течение всей войны пост первого члена Военного совета на Северном флоте занимал А. А. Николаев, а на Тихоокеанском — С. Е. Захаров. Почти столько же являлся членом Военного совета Краснознаменного Балтийского флота Н. К. Смирнов. На Черноморском флоте более двух военных лет служил в этой должности Н. М. Кулаков.

Но вернемся, однако, к основному предмету настоящей главы — оперативным вопросам, решавшимся в Генеральном штабе весной 1943 года. Окончательного перелома в войне невозможно было достичь без создания сильных и разнообразных резервов. Работа в этом направлении велась огромная. Если на 1 марта Верховное Главнокомандование имело в своем резерве всего четыре армии (24, 62, 66 и 2-ю резервную), то в течение марта число таких армий увеличилось до десяти. На 1 апреля в резерве Ставки находились: 24, 46, 53, 57, 66, 6-я гвардейская, 2-я и 3-я резервные общевойсковые армии, да еще две танковые — 1-я и 5-я гвардейская.

В то же время Генеральный штаб неослабно следил за противником. Данные о нем носили несколько противоречивый характер. И разведчики, и операторы сходились на том, что у него появились признаки осторожности, иногда переходящей в нерешительность. Тем не менее в районе Орла, Белгорода и Харькова он по-прежнему сохранял ярко выраженные авиационно-танковые ударные группировки, мощь которых все время наращивалась. Это обстоятельство расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага.

В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года. На сей счет было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами.

Вопрос «где» не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть только один — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления даже при условии успешных наших действий не сулили Советским Вооруженным Силам таких перспектив, как Курская дуга. К такому выводу в конечном счете пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами.

Второй вопрос — как решать главные задачи войны —

был более сложным. Ответы на него последовали не сразу и далеко не одинаковые.

8 апреля Г. К. Жуков, находившийся в то время на Воронежском фронте, писал Верховному Главнокомандующему:

«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

А. М. Василевский разделял эту точку зрения.

И. В. Сталин своего мнения не высказал, а распорядился о созыве в Ставке 12 апреля специального совещания для обсуждения плана летней кампании. К этому сроку Генштаб обязан был выяснить соображения командующих фронтами относительно возможного характера действий и вероятного направления ударов немецко-фашистских войск. В данном случае Верховный изменил своему всегдашнему принципу — «не увлекаться прогнозами за противника». Обстановка требовала того.

— Пишите запрос командующим, — приказал мне Антонов в ночь на 10 апреля, когда мы вернулись из Ставки после очередного доклада.

На это было достаточно всего нескольких минут. Запрос мы сформулировали очень коротко:

«Прошу к 12.4.43 г. сообщить Вашу оценку противостоящего противника и возможные направления его действий».

Подписал эту телеграмму А. И. Антонов.

К назначенному сроку командующие фронтами и начальники штабов подтвердили прежнее положение противника, и все выразили твердую уверенность, что враг непременно будет наступать на курском направлении. При этом командование Центрального фронта высказывалось за упреждение противника, считало возможным и необходимым разгромить его орловскую группировку, пока она еще не подготовилась к наступлению. Начальник штаба фронта М. С. Малинин писал в Генштаб 10 апреля:

«К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также и к созданию необходимых запасов противник может присту-

пить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья. Следовательно, перехода в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 года.

В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие мероприятия: объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орел через Ливны на Касторное, захватить важнейшую необходимую для нас железнодорожную магистраль Мценск, Орел, Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог».

Военный совет Воронежского фронта с предложениями о действиях наших войск не спешил. Но в отношении противника высказывался тоже достаточно ясно.

«Намерение противника нанести концентрические удары: из района Белгород на северо-восток и из района Орел — на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород, Курск.

В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту с тем, чтобы затем действовать в северном направлении. Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, а именно: после концентрических ударов из района Белгород и Орел он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы. С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы».

А в конце доклада делался следующий вывод:

«Для крупного наступления противник сейчас не готов еще. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с. г., а вероятнее всего, в первых числах мая... Частных атак можно ожидать в любое время».

Вечером 12 апреля на совещании в Ставке в результате тщательного анализа обстановки все сошлись на том, что наиболее вероятной целью летнего наступления немецко-фашистских войск будет окружение и уничтожение главных сил Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге. В последующем не исключалось развитие успеха в восточном и юго-восточном направлениях,

в том числе на Москву. По этому поводу И. В. Сталин проявил особое беспокойство.

В итоге было решено основные наши усилия сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь противника в оборонительной операции, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром. Во избежание неожиданностей признавалось нужным создать глубокую и прочную оборону на всем стратегическом фронте, особо же мощную — на курском направлении.

На случай, если гитлеровское командование не предпримет наступления в ближайшее время, а оттянет его на длительный срок, предусматривался другой вариант — переход советских войск к активным действиям, не ожидая ударов противника.

После этого совещания Генеральный штаб вплотную занялся разработкой плана летней кампании и важнейших ее операций. И тут-то уже 21 апреля в Ставку поступили запоздалые соображения командования Воронежского фронта. Оно тоже высказалось за преднамеренную оборону с последующим переходом в контрнаступление, допуская, однако, и возможность нанесения нами упреждающего удара, если враг не будет наступать длительное время. Формулировка будущих задач давалась в общем очень гибко.

Работая над планами летней кампании 1943 года, нужно было, как говорится, семь раз отмерить — раз отрезать. Наступать немедленно мы тоже не имели возможности. Да и для того чтобы сорвать наступление противника, следовало тщательно подготовиться: пополнить и сосредоточить войска, резервы, подвезти боеприпасы, накопить горючее. Считалось, например, что перед крупной операцией только авиационного горючего необходимо иметь до 20 заправок. Чтобы создать такие запасы воздушным армиям, пришлось временно отказаться даже от действий по вражеским аэродромам и коммуникациям.

25 апреля Ставка рассмотрела состояние дел на Воронежском фронте, против которого находилась наиболее мощная белгородско-харьковская группировка противника. План обороны фронта был одобрен, а срок ее готовности назначен на 10 мая. К наступлению готовность на-

метили не позже 1 июня. Идея упреждающего удара все еще не отбрасывалась, но стояла на втором плане.

Мы примерялись так и эдак. Творческая и большая организаторская работа, необходимая при подготовке всякой операции крупного масштаба, развернулась в полную силу.

К этому моменту окончательно выяснилось, что ни в конце апреля, ни в начале мая противник не сумеет перейти в решительное наступление. Но он тоже не терял времени даром. Как только стабилизировалось положение под Белгородом, немецко-фашистские войска без промедления приступили к созданию глубокой траншейной обороны по типу той, с которой мы столкнулись на Миусе. Это нами учитывалось, и в предвидении наступления с прорывом такой обороны Ставка форсировала формирование артиллерийских корпусов прорыва, пушечных дивизий РВГК, истребительно-противотанковых бригад. В равной мере эти артиллерийские соединения требовались нам и для отражения ударов противника в случае его наступления.

Генеральный штаб осуществлял крупнейшее за время войны сосредоточение в район Курска материальных средств и войск. Пришлось пересмотреть возможности железных дорог и увеличить планы перевозок.

Решались и теоретически неясные еще вопросы, вставшие в связи с преднамеренной обороной и последующим переходом в контрнаступление. Их было множество. Как гарантировать успех такой обороны и допустимо ли осуществлять ее меньшими, чем у противника, силами? Нужно ли обладать заранее созданным превосходством в силах? В каком звене иметь это превосходство — в тактическом или оперативном, в армейском или фронтовом? Может быть, лучше всего сосредоточить резервы в руках Ставки и с их помощью в подходящий момент создать решающий перевес сил при переходе в контрнаступление? Следовало решить также, когда и в какой именно момент операции надлежало переходить в контрнаступление — нельзя же было допустить, чтобы враг нанес большой урон нашим обороняющимся войскам. Однако нельзя и спешить, выступать преждевременно, не обескровив противника.

Разрешением всех этих вопросов наряду с Генеральным штабом занялись и командующие фронтами, штабы

фронтов, начиная с Западного и далее к югу. Время было напряженное: подготовка летней кампании переплеталась с текущими делами, теоретическая работа шла рука об руку с практической, взаимно подкрепляя и подпирая одна другую.

Когда о моменте перехода в контрнаступление спросили мнение Верховного, от него последовал такой ответ:

— Это пусть решают сами фронты, исходя из сложившейся обстановки. Генштаб обязан следить лишь за тем, чтобы не нарушилось взаимодействие и не было бы большой паузы, в течение которой враг может закрепиться на достигнутых им рубежах. Очень важно также своевременно ввести в дело резервы Ставки.

Ни у кого не существовало сомнений, что в оборонительных действиях главную роль будут играть Центральный и Воронежский фронты. Не исключалось участие в этом Брянского и Юго-Западного фронтов. Г. К. Жуков и Р. Я. Малиновский были даже убеждены, что Юго-Западный фронт непременно подвергнется ударам противника. И так как там не имелось собственных достаточно сильных резервов, настаивали на необходимости расположить за его стыком с Воронежским фронтом армию или по крайней мере танковый корпус из резервов Ставки.

Тщательный анализ оперативных приемов, применявшихся противником в прошлых кампаниях, заставлял иметь в виду и еще одно обстоятельство: обеспечивающие или отвлекающие действия он мог развернуть в полосах любого из наших фронтов на южном крыле. А потому Ставка и Генеральный штаб уже к 20 апреля проверили состояние обороны прифронтовых полос почти повсеместно и, конечно, выявили при этом много всяческих недостатков. 21 апреля Сталин подписал на сей счет особые директивы всем фронтам, кроме Ленинградского и Карельского.

Поскольку дело шло к окончательному перелому в ходе войны, советское Верховное Главнокомандование проявляло повышенную заботу о своих стратегических резервах — их размещении, порядке применения. К идее создания специального резервного фронта Ставка обратилась еще в начале марта, а 13 марта, как уже сказано, такой фронт был сформирован в составе трех общевой-

сковых армий (2-й резервной, 24-й, 66-й) и трех танковых корпусов (4-го гвардейского, 3-го и 10-го). В апреле объединение это значительно усилилось. В его состав вошли дополнительно три общевойсковые армии (46, 47 и 53-я), одна танковая армия (5-я гвардейская), еще один танковый корпус (1-й) и два механизированных корпуса (1-й и 4-й). В разное время фронт этот именовался по-разному: то Резервным (с 10 по 15 апреля), то Степным военным округом, то, наконец, Степным фронтом (с 9 июля по 20 октября). Как увидит читатель несколько позже, в этой смене названий был определенный смысл, но принципиальная сущность стратегических резервов оставалась неизменной. Ставка и Генеральный штаб не предполагали вводить их в дело на оборонительном этапе задуманной операции. Стратегическим резервам отводилась решающая роль при переходе в контрнаступление. Однако И. В. Сталин считал, что на всякий случай Степной военный округ надо заранее поставить на центральном направлении в затылок действующим фронтам, имея в виду возможность использования его и для решения оборонительных задач, если к тому вынудит обстановка. 23 апреля Степному военному округу были даны следующие указания, которые надлежало выполнять одновременно с доукомплектованием и обучением личного состава:

«На случай перехода противника в наступление раньше срока готовности войск округа иметь в виду прочно прикрыть направления: 1) Ливны, Елец, Раненбург; 2) Щигры, Касторное, Воронеж; 3) Валуйки, Алексеевка, Лиски; 4) Ровеньки, Россошь, Павловск; 5) Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово».

Одновременно силами местного населения под руководством партийных организаций до 15 июня подготавливался к обороне так называемый государственный рубеж. Он проходил по левому берегу Дона на Воейково, Лебедянь, Задонск, Воронеж, Лиски, Павловск, Богучар. Степной военный округ изучал этот рубеж и готовился занять его при первой необходимости. Производилась также рекогносцировка нашего старого оборонительного рубежа — Ефремов, Борки, Алексеевка, Беловодск, Каменск на Северном Донце.

В результате позади действующих фронтов в полосе

наиболее вероятного наступления противника создавалась оборона глубиной до 300 километров. На этом пространстве наши стратегические резервы должны были уничтожить врага в случае его прорыва. В то же время Степному округу предписывалось: «Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции, к прорыву оборонительной полосы противника, а также к производству мощных контратак нашими войсками, к противодействию массированным ударам танков и авиации».

Такие задачи в принципе не соответствовали понятию о военном округе, и именно поэтому 9 июля он был переименован в Степной фронт. В состав его вошли: 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко, 47-я армия генерал-лейтенанта А. И. Рыжова[1], 53-я армия генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, 5-я гвардейская армия (бывшая 66-я) генерал-лейтенанта А. С. Жадова, 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, 5-я воздушная армия генерал-лейтенанта С. К. Горюнова, 4-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, 1-й гвардейский механизированный корпус, 7, 3 и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса.

Глубокая многополосная оборона действующих фронтов, расположение за ней сильных стратегических резервов и, наконец, создание по Дону государственного оборонительного рубежа безусловно обеспечивали нам возможность при всех обстоятельствах остановить противника. Но это не являлось еще достаточной гарантией полного поражения немецко-фашистских войск. Для такой гарантии продолжали изыскиваться новые возможности.

С этой целью мы не раз обращались к Западному и Брянскому фронтам. Предполагалось, что наступательные действия противника будут иметь здесь менее крупный масштаб, чем на Центральном и Воронежском фронтах. Вместе с тем орловская группировка врага, по нашим предположениям, непременно должна была стать активной участницей решающего наступления немецко-фашистских войск под Курском. Ожидалось, что ее введут в сражение, когда ударные силы уже исчерпают свои на-

[1] С 13 июля 47-й армией стал командовать генерал-лейтенант П. М. Козлов, а с 4 августа ее возглавил генерал-лейтенант П. П. Корзун.

ступательные возможности и гитлеровское командование будет вынуждено преодолевать кризис операции. Вот этому-то и требовалось всячески воспрепятствовать. В тот момент когда придет время ввода орловской группировки в сражение, ее следовало разгромить соединенными усилиями Западного и Брянского фронтов. А потому нами заблаговременно разрабатывалась наступательная операция на этом направлении, начало которой ставилось в зависимость от критического момента сражения на Курской дуге. Такая операция, безусловно, являлась дополнительной и очень важной гарантией общего успеха советских войск. План ее получил условное наименование «Кутузов».

В целом ход грядущих событий рисовался нам следующим образом. При наступлении противник основную ставку сделает на танки и авиацию. Пехоте отводится второстепенная роль, так как она слабее, чем в прошлые годы.

Расположение его ударных группировок позволяло предвидеть действия по сходящимся направлениям: орловско-кромской группировки — на Курск с севера и белгородско-харьковской — на Курск с юга. Вспомогательный удар, разрезающий наш фронт, считался возможным с запада из района Ворожба между реками Сейм и Псел на Курск.

Нацеливая таким образом свои танковые войска, авиацию и пехоту, немецко-фашистское командование могло, очевидно, рассчитывать на окружение и разгром в короткий срок всех наших армий, занимавших оборону по Курской дуге. Предполагалось, что противник планировал на первом этапе наступления достигнуть рубежа Короча, Тим, Дросково, а на втором этапе — нанести удар во фланг и тыл Юго-Западному фронту через Валуйки, Уразово. Допускалось, что навстречу этому удару будет проводиться наступление из района Лисичанска на север в направлении Сватово, Уразово. Не исключались также попытки немцев овладеть рубежом Ливны, Касторное, Старый и Новый Оскол с захватом важной для нас железной дороги на Донбасс. После этого неизбежна, конечно, перегруппировка неприятельских сил, с тем чтобы выйти на рубеж Лиски, Воронеж, Елец и организовать оттуда удар в обход Москвы с юго-востока.

К 8 апреля против Воронежского и Центрального фронтов враг сосредоточил 15—16 танковых дивизий с 2500 танками. Кроме того, у него имелось здесь значительно большее количество пехотных дивизий. Силы эти непрерывно возрастали. На 21 апреля Н. Ф. Ватутин насчитывал уже только перед Воронежским фронтом в районе Белгорода до двадцати пехотных и одиннадцать танковых дивизий.

В соответствии с этими данными и предположениями советского Верховного Главнокомандования постепенно вырисовывались контуры оперативных планов каждого из фронтов, привлекавшихся к участию в стратегической операции под Курском.

Военный совет Воронежского фронта докладывал, что в основу всей его практической деятельности на ближайшее время положено:

«а) построение глубокой обороны, для чего не только подготавливается ряд рубежей, но эти рубежи теперь же заняты войсками. Это не должно позволить противнику произвести оперативный прорыв;

б) организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны, особенно на важнейших танкоопасных направлениях, для чего тщательно отрабатываются планы ПТО, создаются эшелонированные в глубину противотанковые районы, возводятся инженерные противотанковые препятствия, минные поля как перед передним краем, так и в глубине, используются огнеметные средства, подготавливается огонь артиллерии, РС и удары авиации на направлениях возможного движения танков противника. На большую глубину подготавливаются оперативные заграждения. Во всех частях и соединениях имеются противотанковые подвижные резервы;

в) организация надежной противовоздушной обороны путем создания укрытий для боевых порядков, маскировки и массированного использования зенитных средств на важнейших направлениях. Однако наиболее эффективным способом ПВО явится уничтожение авиации противника на аэродромах и уничтожение запасов горючего, для чего своевременно необходимо использовать авиацию всех фронтов, а также авиацию дальнего действия;

г) подготовка и осуществление маневра как основы успеха в обороне.

Приняты меры к обеспечению маневра противотанковыми средствами, артиллерией, частями РС, танками, вторыми эшелонами и резервами с тем, чтобы на направлениях атак противника быстро создавать еще большую плотность и глубину обороны, быстро накапливать силы для производства контрударов и достигать превосходства сил для перехода в контрнаступление».

Аналогичная работа проводилась и на Центральном фронте. Находившийся там в качестве представителя Ставки Г. К. Жуков доносил Верховному Командующему:

«Оборона 13-й и 70-й армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерией и плотностью... Я считаю, что Романенко[1] надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя ИПТАП и двумя минометными полками или артполками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, когда нужно, может довольно плотной группировкой перейти в наступление».

Все такие запросы Ставка тщательно рассматривала и, не в пример прошлому, имела теперь возможность удовлетворять их почти полностью. К этому времени наша страна обладала уже слаженной военной экономикой. Металлургия, энергетика и машиностроительная промышленность Урала, Западной Сибири и Казахстана предоставляли широкую базу для производства необходимого фронту вооружения и боевой техники. В мае 1943 года в каждой стрелковой роте появился взвод автоматчиков. Автоматы стали поступать также в танковые и механизированные войска.

Одновременно с подготовкой обороны продумывались и взвешивались все детали контрнаступления. Особую заботу Ставки и Генерального штаба составлял выбор направления главного удара. Думали над этим основательно и не сразу пришли к лучшему решению.

Первоначально многих заинтересовало предложение командования Воронежского фронта: сосредоточить глав-

---

[1] П. Л. Романенко в то время командовал 48-й армией.

Н. Ф. Ватутин

Группа офицеров Генерального штаба, работавшая с А. М. Василевским при выездах его на фронт. Сидят (слева направо): А. С. Беляцкий, А. Н. Орехов, М. М. Потапов, А. Н. Строгий, С. А. Лялин; стоят: И. М. Гусев, А. М. Хромов, И. Ф. Колобов, А. С. Орлов, Б. Д. Смирнов

Впереди — Киев. 1943 год

В Пластунской дивизии. Декабрь 1943 года. Над окопом — К. Е. Ворошилов и П. Н. Метальников (справа от Ворошилова).

ные усилия южнее Курска и бить в направлении Харьков, Днепропетровск, стремясь овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях — на меридиан Черкассы, Николаев. По мнению Военного совета фронта, именно здесь контрнаступление позволяло «достичь решающих для исхода войны результатов». Оно вывело бы из строя группу армий «Юг» — наиболее активную в то время силу немецко-фашистского командования, лишало бы противника богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепропетровск. Кроме того, мы приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили бы выход последних из войны. В операции предлагалось использовать Воронежский, Юго-Западный, Южный, а на заключительном этапе и Центральный фронты с соответствующим усилением за счет резервов Ставки.

Идея разгрома южного фланга противника была заманчивой. Но этот план все-таки отвергли. Он не затрагивал центр советско-германского фронта и главное, западное стратегическое направление, не обезвреживал основную группировку противника — группу армий «Центр», которая в этом случае угрожала бы флангам наших важнейших фронтов, оставлял в стороне направление на Киев, весьма важное в политическом, экономическом и чисто военном отношениях.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Советской Армии к столице Украины — важному экономическому центру страны — давал большие стратегические результаты. При этом достигалось все, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленялся фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий «Юг», так (что особенно важно!) и правому крылу группы армий «Центр». Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят. Первая его часть — разгром белгородско-харьковской

группировки противника — оформилась в виде плана межфронтовой операции под условным наименованием «Румянцев».

С ударом на Киев хорошо увязывался уже известный читателю оперативный план «Кутузов», то есть наступление силами Западного и Брянского фронтов прямо на запад с целью разгрома орловской группировки и последующего овладения Белоруссией, а затем вторжения в Восточную Пруссию и Восточную Польшу. Напомню, что, по расчетам Генштаба, двинуть эти два фронта предполагалось лишь в тот момент, когда противник по уши завязнет в глубоко эшелонированной обороне Центрального и Воронежского фронтов. Так это и осуществлялось на практике: Западный и Брянский фронты перешли в наступление 12 июля — через семь дней после удара противника по Центральному и Воронежскому фронтам, а Центральный фронт начал наступательные действия лишь 15 июля.

Но все это — дело будущего. А пока войска противника, так же как и наши, закапывались в землю. В высших же неприятельских штабах и ставке Гитлера шла лихорадочная подготовка так называемой операции «Цитадель». На нее враг возлагал большие надежды. Она должна была закончиться разгромом войск Центрального и Воронежского фронтов и возвратить в руки немецко-фашистского командования стратегическую инициативу. Ради этого к линии фронта подтягивались новые войска, вооружение, боевая техника, особенно танки и авиация.

Сложилось своеобразное положение: обе стороны старательно совершенствовали свои оборонительные сооружения и в то же время готовились к наступлению. Приоритет в отношении последнего мы добровольно отдавали противнику.

Наша оборона не была, однако, пассивной. В предвидении наступления противника мы провели крупные воздушные операции. Первая из них длилась на протяжении целой недели — с 6 по 13 мая. В ней участвовала авиация Калининского, Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Удары наносились главным образом по аэродромам, на которые базировались 4-й и 6-й воздушные флоты немцев. Одно-

временно решались и другие задачи, в частности дезорганизовалось движение на железных и автомобильных дорогах.

Первый массированный удар наших бомбардировщиков и штурмовиков застал противника врасплох и потому был очень эффективен: удалось уничтожить более 200 неприятельских самолетов при самых минимальных потерях с нашей стороны. Результаты повторных ударов оказались, конечно, скромнее, поскольку возросло противодействие. Тем не менее лишь за три дня (6—8 мая) противник потерял, по нашим данным, около 450 самолетов.

Вторая воздушная операция проводилась месяц спустя — с 8 по 10 июня. К ней привлекались силы только трех воздушных армий — 1, 2 и 15-й, а также дальняя авиация. Цель была прежняя. Однако на этот раз внезапности не получилось, и операция в целом прошла менее успешно. Но в общем итоге за май и первую декаду июня потери противника в самолетах превышали цифру 700. А это являлось уже серьезным ослаблением его ударной группировки.

Таким образом, термин «стратегическая пауза», часто употребляемый в литературе для характеристики этого периода, является весьма условным. Где ж тут пауза, если мы наступали на Северном Кавказе и вели крупные воздушные операции?

Последние навели Генштаб и Ставку на некоторые важные выводы. Мы окончательно убедились, что уничтожение авиации противника на аэродромах возможно только при определенных условиях и полное достижение господства в воздухе немыслимо без больших воздушных сражений. Решающую роль в осуществлении этой задачи должна играть истребительная авиация. А положение у нас с истребителями продолжало оставаться трудным, их все еще не хватало. К тому же истребительная авиация была разбросана по всем фронтам и не могла быть использована массированно для завоевания господства в воздухе на важнейшем направлении.

Все это было доложено И. В. Сталину вместе с некоторыми итогами грандиозного воздушного сражения на Кубани. Он немедленно созвал совещание компетентных лиц для выяснения наших возможностей по дальнейшему увеличению производства самолетов-истребителей и более рациональной организации истребительной авиации. Дол-

жен сказать, что плоды этого совещания мы пожали очень скоро: истребителей стало выпускаться больше, а главное использование их заметно улучшилось.

В начале мая переход противника в наступление приобрел совершенно реальный характер.

Разведка доносила, что Гитлер намерен собрать руководящий состав своих вооруженных сил для окончательного решения вопроса о наступлении на советско-германском фронте. Такой сбор действительно состоялся 3—4 мая в Мюнхене — городе, ставшем когда-то колыбелью нацистской партии. В течение этих двух дней план операции «Цитадель» подвергся последним уточнениям и был утвержден. Теперь полагалось смотреть в оба. Внезапность удара противника при той плотности танков и авиации, которую он имел против нашей Курской дуги, могла стоить нам очень дорого.

С начала мая 1943 года Генеральный штаб пользовался любым подходящим случаем, чтобы напомнить штабам фронтов о необходимости быть начеку. От имени Ставки им предлагалось, в частности, воздержаться от сложных внутренних перегруппировок войск, влекущих за собой хотя бы кратковременное ослабление боевой готовности.

8 мая 1943 года по разным каналам в Генеральный штаб поступили сведения о том, что наступление противника на орловско-курском и белгородско-харьковском направлениях возможно 10—12 мая. Доложили об этом А. М. Василевскому, который в то время находился в Москве. Он уже имел указание от И. В. Сталина — дать предупреждение войскам, как только в том появится необходимость. Тотчас же в адрес командующих Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами была направлена следующая телеграмма:

«По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на орловско-курском или на белгородско-обоянском направлении, или на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска, как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить

готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Получение подтвердить. О принятых мерах донести».

Вслед за тем особую телеграмму направили командующему Степным военным округом. Ему предписывалось: «Всемерно ускорить доукомплектование войск округа и к утру 10.5 все наличные войска округа иметь в полной боевой готовности как для обороны, так и для активных действий по приказу Ставки».

Эту телеграмму тоже подписал А. М. Василевский, но впереди своей поставил еще и фамилию Сталина. Так практиковалось у нас в тех случаях, когда текст документа докладывался И. В. Сталину по телефону или содержание его было согласовано заблаговременно. В последнем случае Верховному Главнокомандующему докладывалась на утверждение копия при очередной нашей поездке в Ставку.

К. К. Рокоссовский вскоре донес, что для срыва наступления противника на орловско-курском направлении организована контрподготовка. В ней будут участвовать вся артиллерия 13-й армии и авиация 16-й воздушной армии. Впоследствии и на Воронежском фронте тоже была спланирована контрподготовка.

Однако наступление врага 10—12 мая не состоялось. Он, видимо, не был еще готов. Гитлер стремился как можно больше насытить свои войска новыми танками и самоходными орудиями, а вооружение это поступало медленно.

В переносе срока наступления Н. Ф. Ватутин усмотрел колебания противника. У командующего Воронежским фронтом возникла мысль, что при создавшемся положении целесообразно нанести упреждающий удар. Член Военного совета Н. С. Хрущев поддержал его. Соображения эти обсудили в Москве, однако Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов и Оперативное управление Генштаба высказались против них, и в конечном счете они были отвергнуты Ставкой.

Через десять дней, 19 мая 1943 года, Генеральный штаб получил новые достоверные, как нам тогда казалось, данные о том, что враг намечает начать наступление в период 19—26 мая. Текст второго предупреждения

тем же фронтам подготовил А. И. Антонов, и после доклада по телефону Верховному Главнокомандующему в 3 часа 30 минут ночи на 20 мая оно было отправлено адресатам. Как и в первый раз, их обязывали не ослаблять бдительность и боевую готовность войск, в том числе авиацию, разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его действительные намерения.

В предвидении решающих событий Ставка уделяла огромное внимание войскам, оборонявшимся на Курской дуге. Ее представители — маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский почти все время находились там и работали не только в штабах, но и на переднем крае.

В частности, 21 мая Г. К. Жуков вместе с командующим войсками Центрального фронта К. К. Рокоссовским и командармами И. В. Галаниным, Н. П. Пуховым и П. Л. Романенко были на переднем крае 13-й армии, где ожидался главный удар орловской группировки немецко-фашистских войск. Они просмотрели оборону противника, понаблюдали за его действиями и сделали вывод, что непосредственной угрозы наступления пока нет. Посоветовались с командирами дивизий. Те подтвердили то же самое. По общему мнению, враг, видимо, не мог перейти в наступление до конца мая.

А. М. Василевский находился в это же время на Западном, а затем на Брянском фронтах. Он тоже внимательно анализировал состояние войск противника и также пришел к заключению, что в ближайшие дни наступать они не смогут.

В напряженном ожидании прошел весь май. В Генштаб поступали данные о массовых переброcках с запада на восток вражеских танков. Однако, кроме сведений о концентрации войск, никаких других признаков подготовки немцев к переходу в наступление не было.

Начался первый летний месяц. Немецко-фашистское командование обычно приурочивало к этому периоду самых коротких ночей и отличной летной погоды наиболее активные действия своих войск. Повторится ли то же самое в 1943 году? И не ошиблись ли мы в оценке намерений противника? Если, паче чаяния, ошиблись, кто знает, какие еще могут быть последствия?

И. В. Сталин проявлял некоторую нервозность. И пожалуй, именно в силу этого однажды в Ставке разразилась буря. Туда поступило сообщение о засылке на Курскую дугу самолетов-истребителей с негодной обшивкой. Сталин сделал тогда вывод о небоеспособности всей нашей истребительной авиации. Этот случай подробно описан А. С. Яковлевым в его замечательной книге «Цель жизни» [1]. Дело, к счастью, оказалось не столь серьезным и относительно быстро уладилось.

Были и другие дни больших волнений.

6 июня, например, анализируя обстановку, Оперативное управление обратило внимание на несколько странное поведение противника. У нас возникли сомнения относительно дислокации его танковых дивизий. Выяснилось, что такие же сомнения гложат и Антонова. Договорились о проверке истинного расположения танков врага через штабы фронтов. В тот же день за подписью Антонова разослали телеграмму следующего содержания:

«Сейчас нам чрезвычайно важно знать, остается ли группировка танковых соединений противника прежняя или она изменена. Поэтому поставьте задачу всем видам разведки определить местонахождение танковых дивизий противника».

Срок дали пять суток. По истечении его штабы прислали успокоительные заверения — на фронте все попрежнему, группировка танков врага не изменилась. Значит, все было в порядке.

Г. К. Жуков и А. М. Василевский между тем не покидали войск. С утра и до утра, выкраивая лишь немногие часы для тревожного отдыха, они работали с командующими фронтами и армиями, с командирами соединений. Тяжелый труд представителей Ставки разделяли и генштабисты, составлявшие их импровизированные штабы. В то время особенно тщательно отрабатывалось взаимодействие на стыках Воронежского и Юго-Западного, а также Западного и Брянского фронтов. Командование войсками Брянского фронта принял М. М. Попов — один из видных наших военачальников, возглавлявший в начале войны Северный (Ленинградский) фронт, а затем командовавший армиями и занимавший пост заместителя командующего на Сталинградском и Юго-Западном

---

[1] См. А. Яковлев. Цель жизни, стр. 329—332.

фронтах. В новую должность и в обстановку А. М. Василевский ввел его, как говорят, прямо на местности.

Истек и июнь 1943 года... Наша оборона давно была готова к отражению удара противника. Завершалось уточнение последних деталей контрнаступления.

Сталин распорядился, чтобы Г. К. Жуков оставался на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов. Василевскому же было предложено направиться на Воронежский фронт.

И тут в Генеральный штаб опять (уже в третий раз) поступили данные о том, что противник наконец готов к активным действиям.

В 2 часа 15 минут 2 июля Антонов доложил Сталину по телефону написанное им третье предупреждение войскам. Оно гласило:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля.

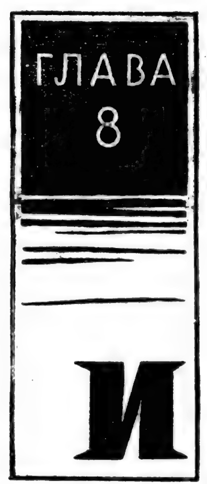
Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника».

Сталин утвердил текст без изменений. По его указанию копию этой телеграммы направили Г. К. Жукову, Н. Н. Воронову, А. А. Новикову и Я. Н. Федоренко.

Все были уверены, что уж теперь-то враг не отложит намеченного удара. И как известно, на рассвете 5 июля немецко-фашистские войска действительно перешли в наступление.

ОТ КУРСКА ДО КИЕВА

«Цитадель» рухнула.— Трудности под Орлом.— Конец Мценского узла.— 3-я гвардейская танковая маневрирует.— Диалог Гитлера с генералом Варлимонтом.— Окружать или не окружать?— «Полководец Румянцев».— Угроза под Ахтыркой.— Сталин Ватутину: «Прошу не разбрасываться, не увлекаться...» — Букринский вариант.— Наша ошибка.—Верховный меняет свое решение.— Киев освобожден.

Итак, с утра 5 июля началась Курская битва. Враг двинул вперед свои главные силы: на орловско-курском направлении — семь танковых, две моторизованные и одиннадцать пехотных дивизий, на белгородско-курском — десять танковых, одну моторизованную и семь пехотных дивизий. Всего, по нашим данным, в наступлении участвовало семнадцать танковых, три моторизованные и восемнадцать пехотных дивизий противника.

Выполняя тщательно, но шаблонно разработанный план «Цитадель», гитлеровское командование сосредоточило эти силы на узких участках фронта. Расчет был предельно прост: прорвать нашу оборону одновременно с двух противоположных сторон Курского выступа и встречными, или, как тогда говорили, концентрическими, ударами с севера и юга в общем направлении на Курск отрезать, а затем уничтожить располагавшиеся здесь советские армии.

Мы не дали застигнуть себя врасплох. Наши войска были готовы не только к отражению этих ударов, но и к нанесению ответных мощных контрударов. Ценой огромных потерь врагу удалось лишь вклиниться в нашу оборону.

На орловско-курском направлении глубина вклинения составила всего 9 километров, на белгородско-курском — от 15 до 35 километров. Потом войска Центрального и Воронежского фронтов сами перешли в наступление и повернули вспять измотанные, обескровленные неприятельские дивизии. Еще до того как было восста-

новлено положение, занимаемое сторонами до 5 июля, в наступление включились также Западный и Брянский фронты: прорвав немецко-фашистскую оборону, они всесокрушающей лавиной устремились в сторону Орла.

24 июля, когда в Генштабе готовился приказ Верховного Главнокомандующего об итогах оборонительного этапа Курской битвы, мы долго не могли найти достаточно выразительных слов для оценки сделанного. Тут сдавало самое пылкое воображение. И в конце концов родились такие строки:

«Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и геройства бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков».

Сейчас это звучит как-то очень обыденно, выглядит, может быть, почти штампом. Но тогда казалось, что нам наконец удалось найти то, чего мы искали. Эти слова гремели набатом, в них отражался накал яростной борьбы, непреодолимое стремление всего советского народа сломить отчаянное и, как нам верилось, последнее наступление немецко-фашистских завоевателей.

Советское Верховное Главнокомандование оценило результаты оборонительного этапа битвы под Курском как свидетельство полного провала неприятельского плана летнего наступления. В приказе отмечалось, что на сей раз окончательно разоблачена «легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают победы, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

Последующие дни принесли советским войскам новые блестящие победы, а врагу — сокрушительное поражение. Итоги Курской битвы достаточно известны, но, как мне думается, некоторые ее детали нуждаются в дополнительном освещении. Я не собираюсь полемизировать здесь с другими авторами, а хочу только сообщить отдельные факты, позволяющие более точно судить, например, о роли и месте в этой битве 3-й гвардейской танковой армии, о боевых усилиях наших войск при освобождении Белгорода и Харькова, о форсировании Днепра под Букрином.

Начну по порядку.

12 июля 1943 года под неизвестной дотоле Прохоровкой развернулось величайшее танковое сражение. Стальной клин гитлеровской армии наткнулся на советские танки. Коса нашла на камень. Настал кризис немецкого наступления на Курской дуге.

В тот же день севернее Орла началась операция «Кутузов». В ней, как уже отмечалось, участвовали войска Западного и Брянского фронтов.

Еще при подготовке этой операции остро стоял вопрос об усилении Брянского фронта танками. Оборона противника была здесь очень сильной, с большим количеством долговременных огневых точек. Пехота никак не могла одолеть ее без непосредственной поддержки бронесредств.

Как ни подсчитывали, менее чем двумя танковыми корпусами было не обойтись. Г. К. Жуков, лично выезжавший на место, доложил об этом Сталину, и фронт такое усиление получил. Однако для развития успеха танков опять не хватало. Тогда-то и заговорили о 3-й гвардейской танковой армии. Она формировалась в полосе фронта неподалеку от Плавска. В состав её входили два танковых и один механизированный корпуса да плюс еще отдельная танковая бригада. Командовал армией генерал-лейтенант П. С. Рыбалко.

Наступление Брянского фронта развивалось относительно медленно, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 километра у тылового рубежа по реке Олешня совсем затормозилось. Здесь сидели войска так называемой мценской группировки противника, составлявшей как бы клин между главными силами Западного и Брянского фронтов. Этот клин серьезно осложнял межфронтовое взаимодействие. Особенно трудно приходилось Брянскому фронту, который являлся своего рода связующим звеном в системе трех фронтов. Наступая на Орел с востока, он должен был своим правым флангом совместно с войсками Западного фронта громить врага под Болховом. В то же время главными силами ему надлежало содействовать Центральному фронту, который с 15 июля приступил к уничтожению противника в районе Кромы. Силы раздваивались и постепенно иссякали. Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь.

Доложили И. В. Сталину. Он согласился передать туда 3-ю гвардейскую танковую армию, одобрил предложения Генштаба по части ее задач. Тем не менее директива пока не отдавалась.

— Нужно узнать мнение командующего фронтом, — сказал Сталин и сам позвонил по телефону генералу М. М. Попову.

В разговоре с ним Верховный Главнокомандующий, оценивая положение под Орлом, подчеркнул, что важнейшей задачей Брянского фронта является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии А. В. Горбатова на реку Ока. Затем он сообщил свое решение о передаче фронту 3-й гвардейской танковой армии, которая должна нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В. Я. Колпакчи. Ввести танки Рыбалко в сражение Верховный рекомендовал как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться. Но в то же время предостерег:

— Их можно погубить, если двинуть прямо на Орел. В уличные бои в таком крупном городе танковую армию втягивать не надо. После того как будет обеспечено продвижение главных сил фронта, лучше направить ее на Кромы в интересах левого соседа.

М. М. Попов принял эти указания к немедленному исполнению, и мы тут же по телефону отдали приказ П. С. Рыбалко о передаче его армии в состав Брянского фронта.

3-я гвардейская танковая армия умело и скрытно совершила марш и сосредоточилась в тылах Брянского фронта. Днем 19 июля, сразу же после того как пехота прорвала оборону противника, начали действовать передовые ее части, а затем и главные силы. Представитель Ставки Н. Н. Воронов доложил, что ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв осуществлен своевременно и достаточно организованно.

Бой подтвердил сведения, добытые разведкой: в полосе действий нашей танковой армии оборонялись части 2-й и 8-й танковых, 36-й моторизованной и 262-й пехотной дивизий противника. Они оказали ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, к исходу дня войска П. С. Рыбалко форсировали реку Олешня и, углубившись на 10—20 километров, успешно преодолели тыловой обо-

ронительный рубеж немцев. Создались выгодные условия для удара в тыл мценской группировки. Отход неприятеля из-под Мценска и по всей линии нижнего течения реки Олешня, можно сказать, был предрешен.

В ночь на 20 июля об этом докладывалось Ставке. Мы в Генштабе очень опасались, что танковой армии не удастся сохранить организованность действий, поскольку маневр предстоял сложный и сопротивление противника пока не ослабевало. Взвесив, однако, все «за» и «против», положились на искусство и опыт П. С. Рыбалко и М. М. Попова. В 2 часа была подписана и отправлена весьма срочная директива. Адресовалась она представителю Ставки Маршалу артиллерии Н. Н. Воронову и командующему Брянским фронтом генерал-полковнику М. М. Попову. Привожу ее в выдержках.

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ближайшей задачей Брянского фронта иметь разгром мценской группировки противника и выход 3-й армии на р. Ока.

Для этого 3-й танковой армии Рыбалко с утра 20.7 нанести удар в направлении Протасова, Отрада, к исходу дня 20.7 перерезать шоссейную и железную дороги Мценск, Орел и, развивая в течение 21.7 наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Горбатова завершить уничтожение мценской группировки противника и освободить город Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3-ю танковую армию Рыбалко направить на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое, Орел и содействовать 63-й армии Колпакчи в выходе ее также на р. Ока.

3. В дальнейшем 3-й танковой армии Рыбалко перерезать железную дорогу Орел, Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть городом Орел.

Если овладение городом Орел не будет соответствовать обстановке, 3-й танковой армии Рыбалко двигаться дальше на запад в направлении Кромы».

В этой основной части директивы точно воспроизводились указания И. В. Сталина, отданные по телефону еще 17 июля. Выполнение их уже началось и протекало вполне успешно.

В ночь на 20 июля противник оставил Мценск. При-

крывая свой отход, он бросил с утра против главных сил Брянского фронта, в том числе против танковой армии, большое количество авиации. Но наступление не останавливалось. К 17 часам того же дня танковая армия перерезала в районе Каменево шоссе Мценск — Орел, выдвинулась к железной дороге и реке Оке. Войска 3-й общевойсковой армии вышли к Оке на следующий день, сменили здесь танкистов и завязали бои за овладение переправами.

21 июля, выполняя директиву Ставки, 3-я гвардейская танковая армия повернула к югу, на Становой Колодезь, в полосу 63-й армии. Для наступления на новом направлении П. С. Рыбалко использовал свой второй эшелон: 12-й танковый корпус и 91-ю танковую бригаду. Корпуса же, наступавшие до того в первом эшелоне танковой армии, встали вслед за ними. Такая перегруппировка сил была разумной и по своему характеру вполне нормальной. Кстати сказать, П. С. Рыбалко неоднократно практиковал это и позже при одновременных действиях войск на нескольких иногда противоположных направлениях. В данном случае, правда, армия действовала на противоположных направлениях не одновременно, а последовательно, но перегруппировка все-таки требовалась, и командующий осуществил ее правильно, хотя и в трудном варианте.

Танкисты успешно справились со своей новой задачей. Они сломили сопротивление противника в районе Станового Колодезя и на всем южном фланге Брянского фронта, после чего 3-я гвардейская танковая армия была переподчинена Центральному фронту и направилась под Кромы.

Таков фактический ход событий. На фоне их довольно странно выглядят утверждения о том, что в операции «Кутузов» 3-я гвардейская танковая армия «использовалась для сковывания противника на большом фронте» [1] и что маневры ее с одного направления на другое определялись только решениями М. М. Попова [2]. Факты свидетельствуют, что П. С. Рыбалко все время действовал по четкому плану, утвержденному Ставкой, и танковая ар-

---

[1] Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Отечественной войне. Сборник 3. Воениздат, 1944, стр. 3, 29.

[2] Там же, стр. 17, 19, 21; История БТ и МВ СА, том I, изд. Академии БТ и МВ, 1953, стр. 286, 287.

мия с честью выполнила свои задачи. Действия ее оказали решающее влияние на развитие наступления войск Брянского фронта и сыграли отнюдь не маловажную роль в успешном исходе всей операции по разгрому орловской группировки противника.

С операцией «Кутузов» у меня связаны очень неприятные воспоминания личного плана. В один из дней ее, явившись вместе с А. И. Антоновым на обычный доклад в Ставку, я, как всегда, разложил на столе карты по каждому фронту в отдельности и одну сводную. Доклад несколько затянулся, но проходил в спокойной обстановке. Так как тут же следовало решить ряд вопросов по использованию танков, И. В. Сталин пригласил Я. Н. Федоренко. Тот вошел и, не дожидаясь конца нашего доклада, стал раскладывать свои ведомости, справки, списки и другие документы поверх моих карт. Отвечая на вопросы Верховного Главнокомандующего, Яков Николаевич не всегда сразу находил нужные данные, перекладывал бумаги с места на место, выложил на стол и свой видавший виды портфель, чего мы никогда не делали.

Когда с докладом по обстановке все было закончено, я сложил карты и, перед тем как покинуть кабинет Верховного, еще раз, по выработавшейся уже привычке, внимательно осмотрел стол. Там оставались только документы Федоренко.

В Генштабе, как всегда, меня дожидались начальники направлений и отделов. По приезде из Кремля я немедленно же возвращал им все их документы и давал короткие указания, что нужно сделать. На этот раз, однако, два начальника своих карт не получили — в моем портфеле их не оказалось, в том числе самой главной — сводной.

Первой мелькнула мысль о том, что карты случайно захватил Федоренко. Звоню по телефону. Выясняется, что из Кремля он уже возвратился, но с документами еще не разобрался.

— Анатолий Алексеевич! — обратился я к Грызлову. — Срочно выезжайте к Федоренко, вместе с ним осмотрите все его хозяйство вплоть до сейфа. Может быть, карты там.

Грызлов помчался, а я звоню к Поскребышеву. Прошу его посмотреть, не осталось ли чего-либо из наших

документов в кабинете Верховного. Нет, говорит, стол там чистый, и все разошлись.

Грызлов тоже вернулся ни с чем: у Якова Николаевича карт наших не оказалось.

Доложил о пропаже Антонову. Тот посоветовал Верховному пока не докладывать, может быть, карты найдутся.

В тот же день вторично поехали в Ставку, и, как условились, о происшествии — ни слова. Сталин тоже ничего не сказал.

Вернулся в Генштаб. Тут — никаких перемен: карты как в воду канули. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений в том, что они у Сталина. Ведь, кроме Ставки, я никуда не отлучался.

Дольше молчать было нельзя. На следующий день во время очередного доклада у Верховного я улучил удобный момент и твердо заявил:

— Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивленный вид:

— Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

— Не может этого быть, — настаивал я. — Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не бываем. Деться картам некуда. У вас они.

Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нес их, держа за угол, в вытянутой руке и, встряхнув, бросил на стол.

— Нате, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали...

Об этом случае никогда более ни в Ставке, ни в Генштабе никто не вспоминал. Да и надобности в том не было. Он и без того послужил для меня предметным уроком на долгие годы.

А теперь перенесемся на миг в другую ставку — к Гитлеру. 25 июля 1943 года, то есть на сутки позже нас, там тоже обсуждались результаты провала операции «Цитадель». До нас дошла теперь часть стенографических записей, сделанных на этом совещании, в частности диалог Гитлера с заместителем начальника оперативного

руководства вооруженными силами Германии генерал-лейтенантом Вальтером Варлимонтом.

«**Гитлер.** Кстати, вы читали доклад Сталина, этот вчерашний приказ, где он точно называет количество мотопехотных дивизий, танковых дивизий и пехотных дивизий. Я полагаю, что это дословно точно.

Варлимонт. В отношении «Цитадели»?

Гитлер. В отношении «Цитадели»... У меня такое ощущение, что это означает отбой своего собственного наступления, то есть он представляет дело таким образом, что наш план сорван. Но создается впечатление, что одновременно он обосновывает этим свои решения. Наверное, поступили сообщения, что здесь дело дальше не идет, здесь повсюду произошла задержка, так что он отказался от мысли, что все будет развиваться быстрым темпом дальше. Таково ощущение».

Затрудняюсь сказать, чего больше в этих гаданиях на кофейной гуще — действительных заблуждений или привычного лицемерия. Можно допустить, что зарвавшийся диктатор просто-напросто подбадривал самого себя и своих генералов. Но, как бы то ни было, «ощущения» его на деле оказались пустой иллюзией.

Советские войска, вернувшись на свои прежние позиции, лишь временно приостановили наступление, чтобы подтянуть силы и средства, а затем осуществить новый сокрушительный удар. Это было совершенно необходимо, поскольку замышлялся разгром в самый короткий срок мощной белгородско-харьковской группировки немецко-фашистских войск. Вопрос о том, как добиться этой цели, волновал весь Генеральный штаб.

Опыт показывал, что, по соображениям времени, сложности маневра и другим условиям, далеко не каждую группировку противника выгодно окружать. За окружение немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Белгорода и Харькова, первым, пожалуй, высказался командующий Воронежским фронтом. Сторонники такой же точки зрения нашлись, конечно, и в Генеральном штабе. Но в целом Генштаб придерживался иного взгляда.

Доводов против окружения в данном случае было много. Прежде всего, следовало считаться с силами противника: они были очень велики. Здесь сидели 4-я немецкая танковая армия и так называемая оперативная груп-

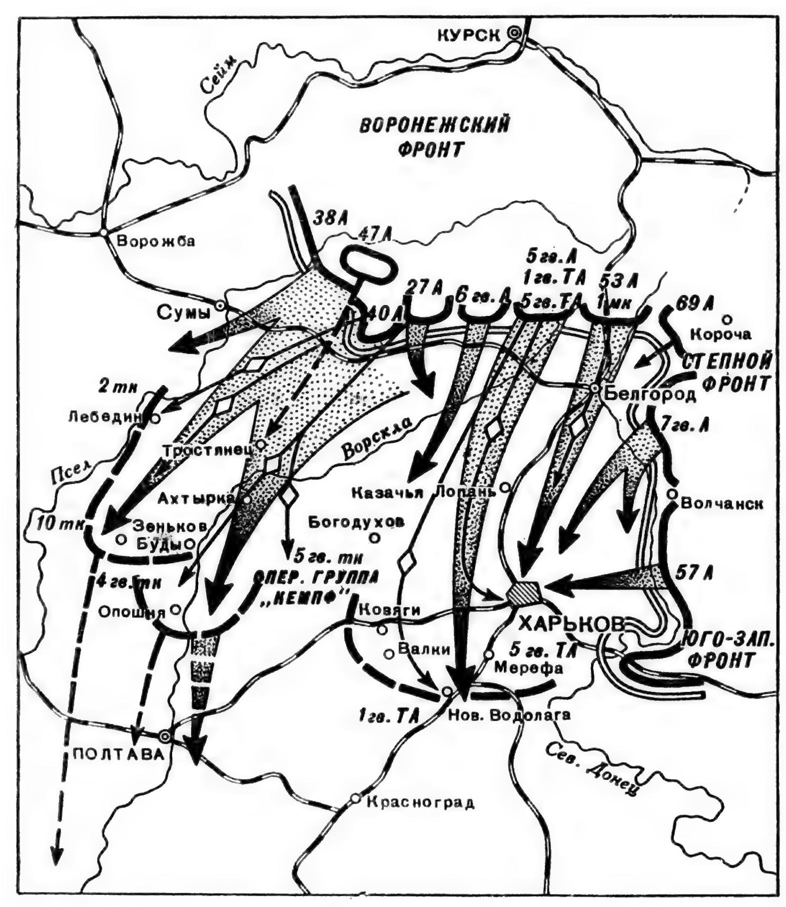
па «Кемпф». В общей сложности — восемнадцать дивизий, в том числе четыре танковые. Полагалось также иметь в виду мощную двухполосную оборонительную систему врага, создание которой началось еще в марте. Первоначально это был исходный рубеж для наступления, а в конце июля его приспособили на случай отражения наших ударов. Основные неприятельские силы располагались севернее Харькова и в случае необходимости могли опереться на этот обширный город, как на своеобразную крепость. Короче говоря, окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской группировки немцев надолго приковали бы к себе большое количество наших войск, отвлекли бы их от наступления на Днепр и тем самым облегчили неприятелю возможность создания новой сильной обороны по правому берегу Днепра.

Думали и о том, чтобы уничтожить белгородско-харьковскую группировку последовательно, начиная с отсечения основных ее сил к северу от Харькова. На первый взгляд это представлялось возможным, если наступать по сходящимся направлениям, примерно из района Сум на юго-восток и из Волчанска — на запад. Но, чтобы выполнить такую задачу, надо было иметь в Сумах и Волчанске уже готовые для удара войска, а этим мы не располагали. Для осуществления ударов из Сум и Волчанска требовались большие перегруппировки сил и, конечно, длительное время. Времени же нельзя было терять ни минуты, пока враг не привел себя в порядок, пока у него не прошло состояние шока после провала «Цитадели». Следовательно, такой вариант тоже никак не отвечал моменту войны.

Много раз прикинув и взвесив различные предложения, в Генеральном штабе пришли к окончательному выводу: белгородско-харьковскую группировку немецко-фашистских войск первым делом надо изолировать от притока резервов с запада, для чего необходимо использовать имеющиеся в готовности к северу от Белгорода две танковые армии, взломать и дезорганизовать с их помощью всю неприятельскую оборону, расчленить ее глубокими ударами и только после этого уничтожить противника по частям. Задуманная таким образом новая операция получила условное наименование «Полководец Румянцев».

Бои фактически не прекращались, нашему переходу в контрнаступление не предшествовала длительная пау-

за, а потому и отработка плана этой операции отличалась своеобразием. Протекала она преимущественно в войсках, непосредственно на местности. 27 июля, напри-

Операция «Полководец Румянцев»

мер, маршал Жуков встретился с командующим 53-й армией генералом Манагаровым и в тот же день донес: «Отработал с ним решение по «Румянцеву».

Кроме представителей Ставки в этом деле активно участвовали Военные советы Воронежского, Степного и

Юго-Западного фронтов. 1 августа Г. К. Жуков прибыл в Москву, согласовал с И. В. Сталиным основные положения плана, после чего фронты сразу же поставили задачи армиям и операция началась.

О каком-либо едином письменном или графическом документе с планом операции «Полководец Румянцев» мне ничего не известно. Его не было. Ставка и Генеральный штаб подразумевали под этим условным наименованием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством.

Целью действий являлся разгром противника в районе Белгорода и Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспретить отход противника из Донбасса на запад. В совокупности все это сулило нам большие оперативные выгоды.

Фактически операция началась 3 августа, но только 5 и 6 числа, когда были уже освобождены Томаровка, Александровка и Белгород, представитель Ставки совместно с командующими Воронежским и Степным фронтами доложил Верховному Главнокомандующему уточненные планы наступления по каждому фронту в отдельности. Ставка утвердила их 6 и 8 августа. Это, собственно, и является документальной основой плана операции «Полководец Румянцев».

Операция делилась на два этапа. Сначала намечалось нанести поражение немецко-фашистским войскам севернее, восточнее и южнее Харькова, что составляло 1-й ее этап. А затем, на 2-м этапе, предусматривалось освобождение самого Харькова, и этим, по существу, завершалась вся Курская битва.

Поскольку операция «Полководец Румянцев» являлась в то время главной, действия советских войск на других направлениях, в частности в Донбассе, всецело согласовались с ней, приспосабливались к ее интересам. За этим особо наблюдал А. М. Василевский, представлявший Ставку на Юго-Западном и Южном фронтах.

Подсчитав возможности Воронежского и Степного фронтов, Ставка распорядилась изъять с 8 августа из состава Юго-Западного фронта и передать в Степной 57-ю армию генерала Н. А. Гагена для удара в обход Харь-

кова с юга. Остальными же силами Юго-Западному фронту предписывалось совместно с Южным фронтом разгромить донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино. Тем самым окончательно оформился состав сил и определились задачи войск по операции «Полководец Румянцев».

Основные силы Воронежского и Степного фронтов составляли шесть общевойсковых армий (6-я и 5-я гвардейские, 53, 69, 7-я гвардейская и 57-я), две танковые (1-я и 5-я гвардейская) и две воздушные армии (2-я и 5-я). Ударами с севера, северо-востока и востока им предстояло уничтожить противника на подступах к Харькову. При этом танковые армии и один отдельный танковый корпус предназначались для того, чтобы расколоть вражескую группировку с севера на юг в направлении Богодухов, Валки, Новая Водолага и перехватить все пути отхода противника из Харькова на запад и юго-запад.

Одновременно наносился второй, тоже очень сильный удар двумя общевойсковыми армиями (40-й и 27-й) и тремя танковыми корпусами (10-м, 4-м гвардейским и 5-м гвардейским) в общем направлении на Ахтырку. Этим обеспечивались наши главные силы с запада и изолировался район Харькова от притока резервов противника. Стык с Центральным фронтом обеспечивался, кроме того, 38-й армией и танковым корпусом. 47-я армия, состоявшая во втором эшелоне Воронежского фронта, выдвигалась за правым его флангом в направлении Тростянец, откуда можно было действовать в зависимости от обстановки или на Зеньков, или на юг через Ахтырку.

В итоге выполнения задач 1-го этапа операции, то есть после разгрома врага на подступах к Харькову, создавалась новая группировка наших сил, обеспечивающая достижение конечной цели операции. Вместе с тем часть войск должна была находиться в готовности для нанесения удара на Полтаву.

Понятно, что такой замысел требовал максимального сосредоточения сил фронтов на избранных направлениях от начала до конца операции. Генеральный штаб тщательно следил за этим.

На четвертый день наступления выявилось, что 5-я гвардейская армия А. С. Жадова и 1-я танковая армия М. Е. Катукова действуют с нарушением принципа массирования сил. При докладе обстановки в ночь на

7 июля мы обратили на это внимание Верховного Главнокомандующего. В результате командующему Воронежским фронтом пошло следующее указание:

«Из положения войск 5-й гв. армии Жадова видно, что ударная группировка армии распылилась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов [1] приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к 1-й танковой армии Катукова».

В тот момент сосредоточение усилий войск приобрело исключительную важность, поскольку сражение под Харьковом вступало уже в решающую фазу. В ночь на 10 августа из Москвы последовала новая телеграмма, на этот раз адресованная представителю Ставки Г. К. Жукову. В ней говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа».

Вскоре обе танковые армии устремились к указанным рубежам. А Степной фронт тем временем выходил к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Враг попадал в крайне тяжелое положение.

Далее, однако, обстановка получила несколько неожиданное развитие. Противник срочно стал сосредоточивать в район сражения свои резервы (в основном танковые дивизии), намереваясь приостановить наше наступление и не допустить разгрома оперативной группы «Кемпф» и 4-й танковой армии. Командование Воронежского фронта недооценило нависающей угрозы, даже, правильнее сказать, проглядело ее. Продвижение наших войск продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов. Неприятель использовал это и нанес мощные контрудары: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18—20 августа — из района западнее

---

[1] Так тогда условно именовался И. В. Сталин.

Ахтырки. Всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточенных боев 17—20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировке противника ухудшились.

Такой вывод сделал А. И. Антонов, докладывая обстановку Верховному Главнокомандующему в ночь на 22 августа.

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал мне Сталин. — Копию пошлете товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

— «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций».

За этим последовала пауза — Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании, был продиктован целый абзац:

— «Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам».

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: «и бить их по частям». Затем диктовка продолжалась:

— «При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги; затем он ударил по открытому флангу соединений 6 гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка и, наконец, используя вашу беспечность, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4 и 5 гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника».

Верховный опять остановился, прочитал написанное, зачеркнул слова «используя вашу беспечность» и затем продолжил:

— «Я еще раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это вы можете сделать, так как у вас есть достаточно средств.

Прошу не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче — ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали неосуществимыми».

По окончании последнего абзаца Сталин пробежал его глазами опять-таки из-за моего плеча, усилил смысл написанного, вставив после «Прошу не» слово «разбрасываться» и приказал вслух повторить окончательный текст.

— «Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата...» — прочел я.

Верховный утвердительно кивнул головой и подписал бумагу. Через несколько минут телеграмма пошла на фронт.

Должен, однако, отметить, что к моменту издания этой директивы обстановка уже изменилась, контрудар противника был отбит. Действия правого крыла Воронежского фронта стали более организованными, и попытки противника приостановить наше наступление провалились.

Этим не замедлил воспользоваться И. С. Конев. Его войска штурмом взяли Харьков. 23 августа в 21 час Москва салютовала доблестным войскам Степного фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий, освободившим при содействии Воронежского и Юго-Западного фронтов второй по величине город Украины.

С ликвидацией харьковской группировки противника закончилась и Курская битва, знаменовавшая новый исторический этап на пути к нашей полной победе над фашистской Германией. Впереди был Днепр.

Наступательные действия Советских Вооруженных Сил летом 1943 года характеризовались нарастающим размахом. Удары следовали один за другим, захватывая все более широкое пространство. Это диктовалось необходимостью разгрома немецко-фашистских войск сразу на двух направлениях, что затрудняло противнику возможность переброски сил с одного фронта на другой.

Наступление к Днепру началось на западном направлении. Ключевыми районами являлись здесь Смоленск и Рославль.

Войска Западного и часть сил Калининского фронта развернули Смоленскую наступательную операцию задолго до окончания Курской битвы — 7 августа 1943 года. Старейшим из наших фронтов — Западным — командовал тогда Василий Данилович Соколовский — военачальник очень осторожный, предпочитавший семь раз отмерить, прежде чем раз отрезать. В грозное время битвы за Москву он был бессменным начальником штаба этого же фронта, потом принял от Г. К. Жукова командование и в марте 1943 года успешно осуществил нелегкую операцию по ликвидации так называемого ржевско-вяземского выступа. В Курской битве войска Западного фронта своим левым крылом содействовали разгрому орловской группировки противника, а затем двинулись на Смоленск. В результате упорной борьбы во взаимодействии с соседями им удалось овладеть Смоленском и к концу сентября выйти на подступы к Гомелю, Могилеву, Орше и Витебску.

С середины августа двинулись в наступление армии Юго-Западного и Южного фронтов. В их задачу входило освобождение Донбасса и южных областей Левобережной Украины. Затем опять усилились удары Воронежского и Степного фронтов — настал срок вызволения из-под гнета оккупантов древнего Киева и Правобережной Украины.

В Генеральном штабе понимали глубину и величие происходящих событий. Мы отдавали себе ясный отчет

в необходимости как можно быстрее и полнее реализовать результаты грандиозной победы под Курском. Уже не являлось секретом, что гитлеровцы создают мощный оборонительный рубеж по рекам Молочной, Днепру и Сожу. Нельзя было позволить врагу отвести туда свои войска и встретить нас во всеоружии. Фактор времени и на сей раз приобретал решающее значение. С учетом этого и планировалась операция, ее сроки и темпы.

Наступление советских войск к Днепру и бросок их за Днепр на главном, киевском направлении предстояло начать в сентябре. Согласованные с Генштабом соображения Воронежского фронта, под которыми подписался и маршал Жуков, были готовы к 8 сентября и представлены Верховному Главнокомандующему в виде плана, оформленного на карте. Наступать фронт намеревался кратчайшим путем и по необходимости прямолинейно. Чтобы растянуть войска противника и рассредоточить его внимание, наши армии выходили к реке одновременно во всей полосе наступления. 38-я армия должна была захватить переправы в пригороде Киева — Дарнице. Чтобы она не запоздала с этим, три ее дивизии подготавливались к переброске автомобильным транспортом. Исходным для всего Воронежского фронта служил рубеж — Недригайлов, Веприк, Борки, Опошня. Расстояние до Днепра в 160—210 километров предполагалось преодолеть за семь-восемь суток с 18 по 26—27 сентября. Среднесуточный темп наступления — 20—30 километров.

В интересах быстрого и решительного сокрушения противника в состав первого эшелона фронта были включены 3-я гвардейская танковая армия и три отдельных танковых корпуса — 5-й гвардейский, 2-й и 10-й.

Форсирование Днепра и дальнейшее развитие наступления намечалось с ходу южнее Киева в крутой излучине реки, обращенной в нашу сторону. Там располагались населенные пункты Малый и Большой Букрин, а потому и плацдарм, захваченный здесь впоследствии, назывался букринским. Не мешало бы, конечно, наметить и второй вариант преодоления Днепра в районе Киева на случай неудачи наступления с букринского плацдарма. Но ни Генеральный штаб, ни командование фронта своевременно этого, к сожалению, не сделали.

С рассветом 22 сентября к букринской излучине вырвался передовой мотострелковый батальон

3-й гвардейской танковой армии и успешно форсировал Днепр. К сожалению, других войск, которые можно было бы использовать для немедленного расширения захваченного плацдарма, здесь не оказалось. Зато соседняя справа 40-я армия К. С. Москаленко захватила несколько меньший по размерам плацдарм в районе Ржищева. На остальных участках фронта наши намерения пока не осуществились.

Чтобы облегчить форсирование Днепра, трудное во всякой обстановке, планом предусматривалось выбросить на правый берег сильный воздушный десант — две бригады. В задачу десанту ставилось захватить и удерживать до подхода главных сил плацдарм по рубежу Ржищев, Мижиричь, Мошин, Черкассы. Это составляло около 110 километров по фронту и 25—27 километров в глубину, что, конечно, превосходило возможности двух воздушно-десантных бригад.

Десантирование производилось в ночь на 24 сентября. Одна бригада была выброшена целиком, другая частично. При этом из-за недостаточной подготовки последовала целая серия роковых ошибок: десант рассеялся по весьма обширному району, из-за потери ориентировки часть десантников попала в расположение своих войск, часть — в воду Днепра, а остальные оказались над марширующими вражескими дивизиями. Задачи своей они не выполнили.

Преодоление Днепра нашими главными силами теперь усложнялось. На рассвете 24 сентября враг сосредоточил против ржищевского и букринского плацдармов несколько дивизий, в том числе одну танковую.

Тщательно проанализировав сложившуюся обстановку, мы в Генеральном штабе сошлись на том, что наступление с букринского плацдарма вряд ли может рассчитывать на успех. Внезапность была утрачена. Неприятельское сопротивление возросло. Местность здесь крайне неудобна для действий танков — очень овражистая, сильно всхолмленная. На такой местности можно было хорошо скрыть войска, но маневр их был затруднен. Тут-то все и поняли, что нельзя было ограничиваться одним вариантом форсирования Днепра, следовало иметь их несколько.

25 сентября Г. К. Жуков тоже докладывал И. В. Сталину о трудностях наступления с букринского плацдар-

ма, об остром недостатке боеприпасов и высказал мнение о необходимости захвата нового плацдарма. Его точка зрения целиком совпала с мнением Генштаба. Верховный Главнокомандующий не стал опровергать наших доводов, но и не согласился с ними. Сталин сказал:

— Еще не пробовали наступать как следует, а уже отказываетесь. Нужно осуществлять прорыв с имеющегося плацдарма. Неизвестно пока, сможет ли фронт создать новый.

Его очень раздосадовала неудача с использованием в операции воздушнодесантных войск. В специальном приказе по этому поводу отмечалось: «Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими трудностями». Оставшиеся полторы бригады десантников были изъяты у фронта и переданы в резерв Ставки.

Более обнадеживающими оказались действия 38-й армии. Она вышла к Днепру в точно заданном районе непосредственно против Киева и несколько южнее его, имея главную группировку на своем левом фланге. Форсировать Днепр перед самым Киевом было слишком сложно. Противник имел здесь сильное предмостное укрепление. С разрешения командующего фронтом командарм Н. Е. Чибисов незамедлительно начал перебрасывать силы к северу от Киева и 27—29 сентября захватил там два небольших плацдарма — один в районе Сваромья, другой — у Лютежа. В последующем их удалось соединить и расширить до 15 километров по фронту и до 10 в глубину. Этому району и суждено было стать главным при освобождении Киева.

Неоднократные попытки наступления в октябре с букринского плацдарма заканчивались безрезультатно. Верховный был очень недоволен этим, укорял командование Воронежского фронта и представителя Ставки в нерешительности действий, ставил в пример им командующего Степным фронтом И. С. Конева, войска которого успешно форсировали Днепр в районе Кременчуга и к югу от него. Наконец поздно ночью на 25 октября Сталин решил перегруппировать 3-ю гвардейскую танковую армию к северу от Киева и подписал соответствующую директиву. Она гласила:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии...

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта [1] с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом».

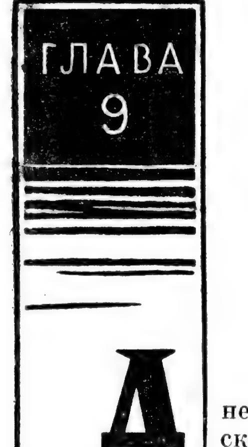
К участию в Киевской операции привлекались 60-я армия генерала И. Д. Черняховского, 38-я, которой к этому времени стал командовать К. С. Москаленко и 3-я гвардейская танковая П. С. Рыбалко. Действия с букринского плацдарма продолжались оставшимися там войсками с задачей притянуть на себя возможно больше сил противника и при благоприятных условиях прорвать его фронт.

Наступление севернее Киева началось 3 ноября 1943 года. 3-я гвардейская танковая армия перегруппировалась туда скрытно, и немецкое командование оказалось застигнутым врасплох. 6 ноября утром мать городов русских — древний Киев избавился от оккупации.

Наступление 1-го Украинского фронта успешно развивалось далее. Контрудары противника отражались с большими для него потерями. В течение десяти дней киевская группировка немецко-фашистских войск подверглась полному разгрому. Наши армии вышли на рубеж Чернобыль, Малин, Житомир, Фастов, Триполье, который стал исходным для последующих операций.

---

[1] 20 октября произошло переименование фронтов: Воронежский стал называться 1-м Украинским, Степной, Юго-Западный и Южный — соответственно 2, 3 и 4-м Украинскими.— *Прим. автора.*

ПОЕЗДКА В ТЕГЕРАН

Новое задание.— С поезда на самолет.— Перед нами столица Ирана.— Дополнения к плану «Оверлорд».— Рузвельт поддерживает Сталина.— Наши обязательства перед союзниками.— Карта Черчилля по Югославии.— Тегеранские контрасты.— Планирование кампании на первую половину 1944 года.— От наступления по всему фронту к системе чередующихся ударов.

Днем 24 ноября 1943 года А. И. Антонов сказал мне:

— Будьте готовы к отъезду. Возьмите карты всех фронтов и прихватите шифровальщика. Куда и когда поедете, узнаете позже.

Вопросов мы привыкли не задавать. Все было ясно и без того — предстоит какая-то важная поездка.

В два часа ночи за мной заехал нарочный из Кремля. Я доложил А. И. Антонову, взял портфель с картами, и мы тронулись в путь.

На улицах ночной Москвы, занесенных снегом и по-военному темных, было безлюдно. Лишь изредка встречались патрульные в полушубках и валенках.

Ехали быстро. Маршрута мне не сообщили. Занимая в машине заднее сиденье, я пытался ориентироваться, вглядываясь в улицы и переулки сквозь неплотно зашторенное боковое стекло. Наконец определил: едем к Киевскому вокзалу. Скоро он остался позади.

На Можайском шоссе, где в то время высокие серые громады новых зданий соседствовали с приземистыми домиками прошлого столетия в один-два этажа, машина прибавила ход. Промелькнуло еврейское кладбище. Москва закончилась.

Проделав несколько замысловатых поворотов после Кунцева, мы наконец выехали к железной дороге на какую-то незнакомую мне воинскую платформу. На путях темнел поезд. Сопровождающий подвел меня к одному из вагонов и коротко бросил:

— Поедете здесь.

В вагоне, кроме меня, никого не было. Проводник показал купе. Мелькнуло предположение: «Видимо, мне предстоит сопровождать на фронт кого-то из Ставки».

Вскоре за окном послышался скрип снега под ногами. В вагон вошли К. Е. Ворошилов и еще два человека. Климент Ефремович поздоровался и сказал:

— К вам явится комендант поезда. Скажите ему, где и на какое время нужно будет сделать остановку поезда, чтобы к одиннадцати часам собрать данные об обстановке по всем фронтам и доложить их товарищу Сталину. В последующем будете докладывать, как в Москве, три раза в сутки...

Поезд тронулся. В вагоне я опять остался один. Потом появился комендант и сообщил, что едем мы по маршруту на Сталинград. Договорились с ним быстро: в 9 часов 40 минут будет Мичуринск, там следует остановиться на полчаса и немедленно подключить линию телефона ВЧ.

— Все будет сделано, — заверил комендант и удалился.

Я посидел немного, погасив свет. За окном мелькали телеграфные столбы, проплывали темные перелески и заснеженные пригорки. Изредка виднелись неясные силуэты селений.

Начались размышления: «Зачем едем в Сталинград? Что мы там будем делать, когда война идет уже за Днепром?.. Очевидно, цель поездки — не Сталинград...»

Взобрался, по привычке, на верхнюю полку и лег спать. Верхняя полка — мой давний и надежный друг. Она всегда спасала меня от многих дорожных неудобств, выпадавших на долю тех, кто ехал внизу. Мне всегда было искренне жаль людей, которые по старости или по каким-то другим причинам не могли взобраться наверх.

Засыпал я в те годы мгновенно. А проснулся, когда сквозь окно пробивался уже ненастный день. Часы показывали 8. Прошел по вагону. Охрана в тамбуре и проводник бодрствовали.

Захватив портфель, я перешел в салон, где стоял телефон ВЧ. Разостлал на столе карты. По прибытии в Мичуринск сразу же соединился с А. А. Грызловым. Он, как всегда, был наготове. Получив от него все необходимые данные, нанес обстановку на карты.

Около 10 часов в салон зашел Климент Ефремович. Оказывается, я разбудил его своими разговорами по ВЧ.

— Ну и громко же вы кричите, — посетовал он. — Что там на войне?

Я кратко доложил, не разворачивая карт. В тот период войска 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов вели тяжелые наступательные бои в районах Идрицы, Городка, Витебска, не имея сколько-нибудь существенного продвижения. Застопорился и Западный фронт, вышедший тоже к Витебску и на подступы к Могилеву. Значительно лучше обстояло дело в полосе Белорусского фронта. Здесь наши войска под командованием К. К. Рокоссовского обошли Гомель, освобождение которого ожидалось с часу на час, развивали наступление на Жлобин и на полесском направлении.

Сложное положение складывалось на 1-м Украинском фронте. После овладения Киевом его войска захватили обширный район до рубежа Малин, Житомир, Фастов, Триполье. 17 ноября был освобожден Коростень. И тут противник локализовал наши успехи. Он перегруппировался, ввел свежие резервы и перешел в контрнаступление, нанося удары в направлении Киева под самый корень нашей группировки. Особенно сильный нажим оказывали немецкие танки в районах Житомира и Фастова. 19 ноября враг овладел Житомиром, а 25-го ему удалось окружить Коростень, где продолжала героически бороться 226-я стрелковая дивизия 60-й армии.

В полосах 2-го и 3-го Украинских фронтов шли трудные наступательные бои на кировоградском, криворожском направлениях и западнее Запорожья.

В 11 часов начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик пригласил Ворошилова в салон Верховного Главнокомандующего. Я остался у себя, предупредив Власика, что готов доложить обстановку. Минут через пять за мной пришли.

Кроме Сталина и Ворошилова в салоне находился Молотов. Верховный спросил, есть ли что нового на фронтах. Нового было немного, и меня вскоре отпустили.

Вечером собирал обстановку уже в Сталинграде. Затем приготовился к «выгрузке» — сложил карты в портфель и ждал только команды. Однако ее не последовало. Из поезда никто не выходил, и через полчаса мы поехали дальше.

К. Е. Ворошилов, И. Е. Петров и Л. А. Владимирский на Керченском полуострове (январь 1944 года). Слева от Петрова — командир главного морского десанта Главацкий. Крайний справа — командир вспомогательного десанта Алексеенко

А. И. Антонов (сидит) и С. М. Штеменко

На командном пункте 65-й армии. За столом слева Г. К. Жуков, справа П. И. Батов и К. К. Рокоссовский

В дни операции «Багратион». За столом (слева направо): В. Е. Макаров, А. М. Василевский, И. Д. Черняховский

Когда меня вновь потребовали к Сталину, я застал у него тех же лиц. Все сидели за накрытым к обеду столом.

Обстановку я докладывал по миллионке. Затем передал Верховному несколько просьб и предложений с фронтов, полученных через А. И. Антонова. Сталин разрешил все просьбы, утвердил предложения и пригласил меня обедать.

Обедали часа полтора. Разговор все время шел о какой-то предстоящей конференции с участием Рузвельта и Черчилля. Мне о ней ничего не было известно.

Минула ночь. Настал новый день. Заведенный порядок оставался неизменным. Три раза ходил на доклад в вагон Сталина. Проехали Кизляр, Махачкалу. К вечеру прибыли в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали, и мы отправились на аэродром.

На летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В. Г. Грачева. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, второй — полковник Грачев. Через полчаса пойдут еще две машины с группой сотрудников МИДа.

А. А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

— Генерал-полковники редко водят самолеты, — сказал Сталин, — мы лучше полетим с полковником.

И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

— Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку, — сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу.

Я не заставил себя ждать. Во втором самолете полетели А. Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две — по бокам, одна впереди и выше.

Я доложил о положении на фронтах. Обстановка у Коростеня стала еще более тяжелой. Вот-вот наши войска должны были оставить его. По всему чувствовалось, что противник намерен пробиться к Киеву и сбросить наши войска с завоеванного здесь плацдарма...

Тегеран появился примерно через три часа. Там нас встречал генерал-полковник Аполлонов, посланный заранее для организации охраны советской делегации. Вместе с ним были какие-то штатские, которых я не знал; всего человек пять-шесть. К самому самолету подкатил автомобиль. В него сели Сталин и другие члены правительства. Автомобиль резко набрал скорость. За ним устремилась первая машина с охраной. Я поехал во второй машине.

Скоро мы были в нашем посольстве.

Советское посольство занимало несколько зданий в хорошем парке за надежной оградой. Неподалеку располагались здания английской миссии под охраной смешанной бригады англо-индийских войск. На значительном удалении от нас помещалось американское посольство.

Меня с шифровальщиком разместили на 1-м этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку в парк, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

— Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли устроить их где-то получше?..

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ.

28 ноября, уже на закате солнца, открылась конференция руководителей трех великих держав. Она проходила в отдельном здании на территории советского посольства. Мне тоже выдали пропуск туда, и я им пользовался. Охрану здания нес международный караул: на каждом из постов стояли три часовых — по одному от СССР, США и Англии. Сменяли их три разводящих.

В общем, это был особый и, надо сказать, довольно занятный церемониал.

Вскоре по приглашению Сталина Рузвельт совсем переселился на территорию советского посольства. Диктовалось это соображениями безопасности: прошел слух, что на президента США готовится покушение.

Советская делегация держалась на конференции очень уверенно. По разговорам, которые мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наши намерены решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули. Сталин неоднократно заставлял меня уточнять количество дивизий противника и его сателлитов на советско-германском и германо-союзнических фронтах.

Данные эти были использованы уже в первый день работы конференции. Они являлись своего рода козырем в руках советской делегации, когда дело коснулось сокращения сроков войны, неотложного открытия второго фронта, или, как говорили союзники, выполнения плана «Оверлорд». Цифры, характеризовавшие соотношение сил, били Черчилля не в бровь, а в глаз, дезавуируя все его попытки подменить второй фронт второстепенными операциями. Опираясь на цифры, Сталин показал, что в 1943 году из-за пассивности союзников немецкое командование сумело сосредоточить против нашей армии новые ударные группировки. И тут же было сообщено об осложнении обстановки на советско-германском фронте, в том числе даже о Коростене и в целом о положении дел под Киевом.

Одним из центральных на конференции был вопрос о том, что считать вторым фронтом и где его следует открыть. Советская делегация буквально вынудила британскую делегацию признать, что операция «Оверлорд» должна представлять собой главную операцию союзников, что начинать ее надо не позже мая будущего года и проводить непременно на территории Северной Франции. Чтобы отстоять эту правильную точку зрения, Сталину пришлось провести краткий, но исчерпывающий критический разбор возможностей наступления союзников против Германии с других направлений. Наиболее подробно был рассмотрен вариант операций в Средиземном море и на Апеннинском полуострове, где союзные войска подходили к Риму.

Операции на Средиземном море рассматривались Советским Верховным Командованием как второстепенные, поскольку там противник располагал относительно малыми силами и театр этот находился далеко от территории Германии. Что же касается Итальянского театра, то советская делегация считала его очень важным для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море, но совершенно неподходящим для ударов непосредственно по гитлеровской Германии: Альпы закрывали путь к границам фашистского рейха.

Не подходили для вторжения в Германию и Балканы, куда прежде всего были обращены взоры Черчилля.

Советские представители предложили своим западным союзникам глубоко обоснованный в военном отношении вариант осуществления трех взаимосвязанных операций, полностью соответствующих сути и масштабам настоящего второго фронта: главными силами действовать по плану «Оверлорд» в Северной Франции, вспомогательный удар наносить в Южной Франции с последующим наступлением на соединение с главными силами и, наконец, в качестве отвлекающей использовать операцию в Италии. При этом достаточно подробно излагался наиболее целесообразный порядок взаимодействия названных операций по времени и задачам.

Особо было сказано относительно высадки союзников на юге Франции. Трудности здесь предвиделись значительные, но эта операция очень облегчила бы действия главных сил. Резюмируя советскую точку зрения по поводу Южной Франции, Сталин заявил:

— Я лично пошел бы на такую крайность.

Сталина, как известно, поддержал Рузвельт, и советское предложение о сроках операции «Оверлорд», а также о вспомогательных действиях на юге Франции было принято. Такое решение несомненно способствовало укреплению антигитлеровской коалиции трех великих держав, означало торжество идей их совместной борьбы.

На протяжении всего срока работы конференции я занимался своим делом: регулярно три раза в день собирал по телеграфу и телефону ВЧ сведения об обстановке на фронтах и докладывал их Сталину. Как правило,

доклады мои слушались утром и после заседания глав правительств (а заседали они обычно по вечерам).

Почти ежедневно А. И. Антонов передавал мне проекты распоряжений, которые необходимо было скрепить подписью Верховного Главнокомандующего. После того как Сталин подписывал их, я сообщал об этом в Москву, а подлинники документов собирал в железный ящик, хранившийся у шифровальщика.

Один или два раза Сталин сам разговаривал с Антоновым. Был также случай, когда он лично связывался с Ватутиным и Рокоссовским и выяснял у них возможности ликвидировать контрнаступление противника под Киевом. Особенно его интересовало мнение Рокоссовского, фронт которого должен был оказать содействие фронту Ватутина на мозырском направлении.

Меня, как начальника Оперативного управления, живо интересовало, конечно, взаимодействие Советской Армии с войсками союзников в будущих операциях. Этот вопрос был поставлен Сталиным в беседе с Черчиллем 30 ноября и в тот же день, на третьем заседании глав правительств, сформулирован в виде обязательства СССР. В заявлении главы советской делегации по этому поводу не исключалась возможность, что для союзных войск наибольшая опасность будет существовать не в начале действий по плану «Оверлорд», а уже в ходе операции, когда немцы попытаются перебросить часть войск с восточного фронта на западный. Однако, забегая несколько вперед, я должен сказать здесь, что, верная принятым на себя союзническим обязательствам, Советская Армия предприняла в 1944 году такие решительные действия, которые не только не позволили противнику снять войска с восточного фронта и перебросить их на запад, а, наоборот, вынудили Гитлера снимать дивизии с запада и бросать их на восток.

Не без трений решался вопрос о назначении главнокомандующего союзными войсками на западе. Лицо, выдвигаемое на этот пост, должно было нести всю полноту ответственности за подготовку и проведение операции «Оверлорд». Без персональной ответственности за столь важное дело неизбежны были серьезные срывы, а то и полный провал задуманного. Это отлично понимали все участники конференции и в конечном счете договорились назначить главнокомандующим американского генерала Эйзенхауэра.

В итоге работы Тегеранской конференции успешно разрешились и другие очень важные аспекты проблемы второго фронта, в частности вопрос о силах союзников, которые будут брошены на континент. Черчилль определил численность войск вторжения в миллион человек или около этого.

Там же, в Тегеране, наши союзники заручились принципиальным согласием советской стороны объявить войну империалистической Японии после поражения гитлеровской Германии.

Помню, как много хлопот доставила мне карта Югославии, переданная И. В. Сталину У. Черчиллем. Сыр-бор загорелся из-за того, что данные британского премьера по этой стране не сошлись с данными, приведенными на конференции главой советской делегации.

В полдень 30 ноября карта поступила ко мне с категорическим приказом: «Проверить». Никаких материалов по Югославии под рукой не было. Пришлось срочно связываться с А. А. Грызловым. Тот продиктовал мне самые последние сведения о положении дел в Югославии. Выяснилось, что карта Черчилля была менее точной, чем наша. Но Сталин, насколько мне известно, в дальнейших своих беседах с Черчиллем уже не возвращался к этой теме.

Запомнилась мне также церемония передачи Почетного меча, присланного королем Англии в дар Сталинграду. 29 ноября Черчилль от имени короля вручал меч И. В. Сталину. На этом торжественном акте присутствовал и Рузвельт. Сюда же были приглашены члены делегаций всех трех стран, служащие нашего посольства, советские офицеры и солдаты. Черчилль произнес короткую речь. Сталин принял и поцеловал меч.

Во время конференции Черчиллю исполнилось 69 лет. По этому случаю в английской миссии был дан большой обед. Виновник торжества, не выпуская изо рта традиционной сигары, сидел за столом, имея справа Рузвельта, а слева Сталина. Перед ним стоял огромный пирог с горящими свечами по числу прожитых лет. В честь Черчилля было произнесено тогда немало тостов, в том числе и Сталиным.

В обычные же дни работы конференции главы правительств и члены делегаций обедали по очереди то у Ста-

лина, то у Рузвельта, то у Черчилля. Обеды эти были очень поздними (по московскому времени почти в 20 часов), когда мы успевали уже и отужинать. Рузвельт не всегда задерживался после обеда. Чаще он сразу же удалялся в свои апартаменты, а Сталин и Черчилль подолгу вели так называемые «неофициальные беседы». Зато Рузвельт любил встречаться со Сталиным в полдень, до заседания конференции, и эти их встречи немало способствовали успеху официальных переговоров.

В один из дней И. В. Сталин ездил с визитом к шаху Ирана. Во дворце был прием. Шах, в свою очередь, приезжал с визитом к Сталину. Здесь я впервые увидел молодого, стройного, довольно красивого человека в военной форме, каким был тогда шах. Он подарил Сталину искусно вытканный большой ковер. Говорили, что основа этого ковра состояла из серебряных нитей.

Мне, понятно, очень хотелось посмотреть Тегеран. И однажды такой случай представился. Служащие посольства предупредили, что появляться на тегеранских улицах в советской военной форме не следует. Кто-то принес мне плащ и шляпу. Я облачился в них поверх военного обмундирования. Плащ был длинен. Шляпа не лезла на голову, но я сделал с ней что мог и в обличье заправского детектива отправился на машине в путешествие по вечернему Тегерану. Непривычно было видеть ярко освещенные центральные улицы, разноцветные огни реклам. Поражали контрасты: великолепие дворцов знати с пышными садами и парками, со множеством цветов и ужасающая нищета на окраинах столицы, где закрытые чадрой женщины брали воду прямо из грязных арыков.

Поездка моя длилась каких-нибудь полтора часа. И я, конечно, видел Тегеран только мельком.

Обратный путь в Москву по окончании конференции был проделан прежним порядком: на самолете Грачева — до Баку и поездом — до Москвы. Я, по обыкновению, собирал и докладывал обстановку. Разговоры, естественно, вращались вокруг конференции.

Через несколько дней из теплой осени мирного Ирана мы прибыли опять в военную зиму родной Москвы.

После Тегеранской конференции каких-то особых указаний Генеральный штаб не получал. Однако все зада-

ния, исходившие из Ставки, были явно рассчитаны на то, чтобы наши союзнические обязательства в связи с перспективой открытия второго фронта выполнялись в полном объеме. Основное место в этих заданиях, естественно, занимал разгром гитлеровской военной машины и более скромное — подготовка к войне с Японией.

Конечно, мы не забывали, что природа антигитлеровской коалиции противоречива и таит в себе всякие неожиданности. Особенно много сомнений порождал обусловленный на Тегеранской конференции срок открытия второго фронта. Ведь еще там, в Тегеране, он подвергался всевозможным оговоркам со стороны союзников. Поэтому и Ставка и Генштаб следовали девизу: на союзников надейся, а сам не плошай!

Среди множества вопросов, определявших в ту пору практическую работу Генштаба, возникал и такой: нужны ли поправки к плану зимней кампании, разработанному в сентябре 1943 года?

Если говорить о политической цели предстоящих операций советских войск, то она состояла прежде всего в полном освобождении нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Под их пятой находилась теперь только 1/3 ранее оккупированной советской земли. В предстоящем году Советской Армии надлежало быть готовой к выполнению великой интернациональной миссии — подать руку помощи народам других стран. Во имя этого требовалось провести наступательные операции еще более могучего размаха, чем в минувшем году. Старое испытанное правило — бить врага непрерывно, не давать ему передышки — оставалось в силе.

Однако чрезвычайно длительное наступление уже сказывалось на состоянии наших войск: они утомились, требовали пополнения людьми и вооружением. В ходе осенних и зимних боев 1943 года враг ввел в дело сильные резервы, и ему удалось временно создать для нас угрозу на Украине, затормозить наше наступление в Белоруссии, отбить удары на подступах к Прибалтике. Немецко-фашистское командование стремилось любой ценой стабилизировать положение на фронтах. Обстановка, таким образом, существенно изменилась, и старые решения уже не годились.

Ставка и Генеральный штаб отчетливо понимали, что при всех обстоятельствах мы не можем упускать из своих

рук стратегическую инициативу, не должны позволить врагу перевести борьбу в позиционные формы. Требовались новые серьезные перегруппировки войск, в первую очередь на Украине.

Одновременность наступления Советских Вооруженных Сил на всем фронте от Балтики до Черного моря, являвшаяся характерной чертой осеннего плана 1943 года, теперь практически была невозможна. Военная действительность вынуждала отказаться от одновременного наступления и заменить его более соответствующими новому моменту мощными последовательными операциями, или, как тогда говорили и писали, стратегическими ударами.

При определении объекта такого удара, количества и характера участвующих в нем сил и средств, времени его осуществления и взаимодействия с другими подобными операциями Генеральным штабом учитывалась прежде всего та группировка немецко-фашистских войск, которая подлежала разгрому. К началу 1944 года враг имел отчетливо выраженное сосредоточение сил в районе Ленинграда, на Правобережной Украине, в Крыму и в Белоруссии. Разгром каждой такой группировки означал бы создание брешей в обороне противника, закрыть которые он мог главным образом за счет маневра силами с других участков фронта, поскольку стратегических резервов у него недоставало. Оперативных объединений немецкое командование в резервах, как правило, не имело, а действовало корпусами и дивизиями разного типа, преимущественно танковыми.

Чтобы пробивать вражеский фронт, ломать его на большом протяжении и воспрещать восстановление, советская стратегия должна была в свою очередь предусмотреть возможность создания более мощных, чем у немцев, группировок войск. Каждой такой группировке следовало придать ярко выраженный ударный характер за счет дальнейшего повышения роли танков, артиллерии и авиации. Требовались крупные массы резервных объединений и соединений, которые позволили бы нам в короткий срок и внезапно для врага создавать решающий перевес в силах на избранных направлениях. Для распыления же резервов противника наиболее целесообразно было чередовать наши операции по времени и проводить их по районам, значительно удаленным друг от друга.

Все это предусматривалось в планах кампании первой

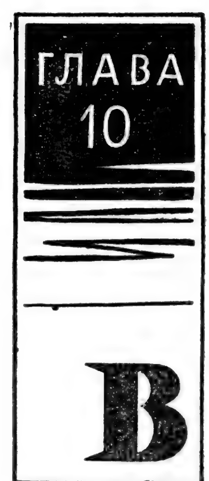
половины 1944 года. Кроме того, в них учитывалось принятое на Тегеранской конференции обязательство — «к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах».

Время начала намеченных операций определялось прежде всего готовностью наших сил к действиям. Были и другие соображения по тому или иному району боевых действий, например, необходимость «разблокирования» Ленинграда, подрыв политических позиций Германии в Финляндии и Румынии. Все это тоже учитывалось при планировании.

Главный удар, как и ранее, намечался на Правобережной Украине. Здесь предстояло разгромить армии Манштейна и выходом к Карпатам 1-го и 2-го Украинских фронтов рассечь фронт противника. В то же время войска 3-го Украинского фронта должны были громить его никопольско-криворожскую группировку. Под Никополем с ними взаимодействовал и 4-й Украинский фронт, который затем переключался на разгром 17-й немецкой армии в Крыму.

Раньше всех по плану кампании (12 января) переходил в наступление 2-й Прибалтийский фронт. Потом (14 января) к нему присоединились Ленинградский и Волховский. Совместная операция этих трех фронтов именовалась тогда «1-м ударом». 10 дней спустя (24 января) начиналось наступление на главном направлении — на Правобережной Украине. Действия наших войск здесь носили название «2-го удара». В марте — апреле предполагалось нанести «3-й удар»: освободить Одессу силами 3-го Украинского фронта, а затем разгромить противника в Крыму вторжением туда войск 4-го Украинского фронта. Вслед за этим планировалось наступление на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

Такая система «ударов», разнесенная по месту и времени, вполне оправдала себя. Враг вынужден был перебрасывать силы то на одно, то на другое направление, в том числе на далекие фланги, растрачивая их по частям.

В КРЫМУ

Замысел и варианты операции.— Предложение А. М. Василевского.— Окончательное решение.— Вместе с К. Е. Ворошиловым — в Приморскую армию.— Керченский плацдарм.— Переговоры с моряками, протокол за десятью подписями и реакция на это И. В. Сталина.— Пластуны.— Доблесть десантников.— Неожиданная замена командующего армией.— С докладом в Ставку.— Снова в Крыму.— Финал на Херсонесе.

В начале октября 1943 года советские войска находились на рубеже Старая Русса, Пустошка, Усвяты, подошли с востока к Витебску, Орше и Могилеву, почти вплотную приблизились к Полесью и Киеву. Далее фронт проходил в основном по Днепру, на правом берегу которого был захвачен ряд плацдармов, и по реке Молочной. В планах Ставки, готовившей разгром противника к северу от Полесья, в районе Киева и в большой излучине Днепра, несколько особняком стоял вопрос об овладении Крымом. На подступах к полуострову с севера вывел свои войска Ф. И. Толбухин (Южный фронт) и в ближайшей перспективе ему надлежало преодолеть Перекоп. А Северо-Кавказский фронт под командованием И. Е. Петрова 9 октября завершил освобождение Таманского полуострова. Воды морей, омывающих Крым, контролировали корабли Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

В Оперативном управлении Генерального штаба были внимательно рассмотрены замыслы и варианты действий по освобождению Крыма. Вспомнили историю, опыт борьбы М. В. Фрунзе с Врангелем в 1920 году. Мнения разделились. Одни предлагали Крым пока не брать, а только блокировать, изолировав там значительные силы противника и в то же время высвободив большую часть своих войск для действий на других направлениях. Сторонников этой точки зрения мы в шутку звали «изоляционистами».

При таком способе действий враг угрожал бы из Крыма тылу наших фронтов, наступавших за Днепром. У него оставалась бы база для активных действий по коммуника-

циям в Северной Таврии, побережью Черного и Азовского морей, нефтепромыслам Северного Кавказа. Имелись и другие слабые стороны в позиции «изоляционистов». Поэтому их точка зрения была забракована в принципе и предпочтение отдано овладению Крымом, полному разгрому засевшего там противника.

Теперь следовало решить, каким образом брать полуостров. Первоначально и тут не было единства взглядов.

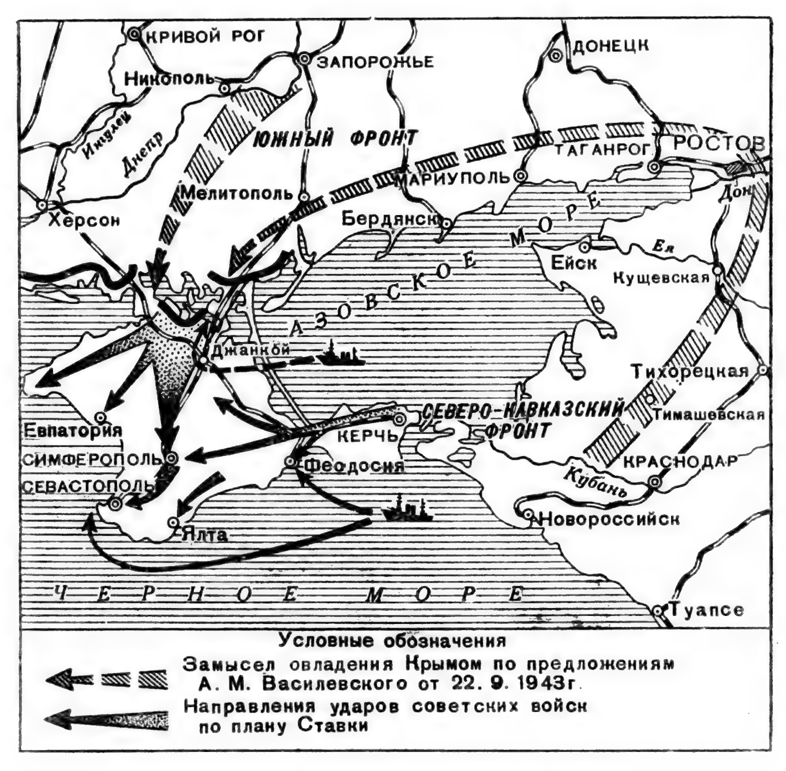
22 сентября по запросу Ставки А. М. Василевский доложил свои соображения на этот счет. Его замысел состоял в том, чтобы войска Южного фронта одновременно с обходом Мелитополя с юга быстро захватили Сиваш, Перекоп, а также район Джанкоя и ворвались бы в Крым, как говорится, на плечах противника. Для этого предлагалось усилить Южный фронт за счет Северо-Кавказского. Кроме того, в районе Джанкоя должен был выбрасываться воздушный десант, а Азовской военной флотилии вменялось в обязанность высадить там же морской десант с целью выхода в тыл противнику, оборонявшему Сиваш, и нанесения удара в северном направлении, навстречу войскам Южного фронта.

План этот был хорош тем, что предусматривал значительное массирование сил на избранном для удара направлении. Но он требовал больших перегруппировок войск, которые не могли остаться не замеченными противником. К тому же обрекалось на пассивность керченское направление, что позволяло противнику снять оттуда большую часть своих войск и бросить их на усиление джанкойского направления.

Правда, Северо-Кавказскому фронту, прежде чем наступать на Крым, надо было еще форсировать пролив и захватить плацдарм на Керченском полуострове. Это, конечно, составляло самостоятельную и далеко не простую операцию. Однако такая игра стоила свеч. Большинство авторитетов в Генеральном штабе стояло за проведение предварительной операции по захвату плацдарма в районе Керчи с тем, чтобы потом навалиться на Крым с двух направлений.

Чем дальше, тем больше вопрос о Крыме приобретал практический смысл. К концу октября войска Южного фронта уже преодолели мощный рубеж обороны противника на реке Молочной, а в начале ноября овладели Перекопским перешейком и плацдармами на южном берегу

Сиваша. 17-я немецкая армия оказалась блокированной на полуострове. В это же примерно время, с 1 по 11 ноября, по решению Ставки Северо-Кавказский фронт во взаимодействии с силами флота провел десантную операцию и

Соображения по освобождению Крыма

захватил плацдарм северо-восточнее Керчи. Плацдарм был невелик, но при хорошей организации боевых действий он мог послужить трамплином для последующего развития наступления в Крыму. Ненужный теперь Северо-Кавказский фронт с 20 ноября перестал существовать. На базе его и за счет 56-й армии, действовавшей в Крыму, была создана Отдельная Приморская армия. Возглавил ее генерал И. Е. Петров.

Все, как говорится, стало на свое место, и Верховный Главнокомандующий обязал нас заняться разработкой плана действий с Керченского полуострова.

— Задачу по овладению Крымом надо решать совместным ударом войск Толбухина и Петрова с привлечением Черноморского флота и Азовской флотилии, — сказал он. — Пошлем к Петрову товарища Ворошилова. Пусть посмотрит и доложит, как это лучше сделать. Штеменко поедет с ним от Генштаба.

Сталин всегда отдавал предпочтение докладам с места событий.

До того мне не приходилось близко соприкасаться с Ворошиловым, хотя, как и все военные, я много был наслышан о нем. Поэтому командировку в Крым воспринял с повышенным интересом.

Из Москвы мы выехали в вагоне К. Е. Ворошилова. Климента Ефремовича сопровождали два помощника — генерал-майор Л. А. Щербаков и полковник Л. М. Китаев. Со мной, как обычно, ехал шифровальщик. На месте к нам должны были присоединиться еще несколько офицеров Генштаба.

Уже при первом знакомстве с Ворошиловым по пути в Крым я имел возможность убедиться, что это очень начитанный человек, любящий и понимающий литературу и искусство. В его вагоне оказалась довольно большая и со вкусом подобранная библиотека. Как только мы исчерпали самые неотложные служебные вопросы и сели за ужин, Климент Ефремович поинтересовался, какие оперы я знаю и люблю. Мною были названы «Кармен», «Риголетто», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Чио-Чио-сан».

— Эх, батенька, — засмеялся Ворошилов, — этого же очень мало.

И начал перечислять названия оперных произведений, о которых до того я даже не слышал.

— А кого из композиторов вы предпочитаете? — продолжал наступать Ворошилов.

Ответить на такой вопрос было нелегко. Я никогда не считал себя тонким знатоком музыки, хотя относился к ней далеко не безразлично, посещал и оперу и концерты. Вместе с моим другом Григорием Николаевичем Орлом, будучи еще слушателями Академии бронетанковых войск, мы подкопили денег и приобрели себе патефоны, а затем

всю зиму добывали пластинки. В то время это было трудное дело. Почти каждое воскресенье поднимались спозаранок и отправлялись с одним из первых трамваев в центр города, чтобы захватить очередь в каком-нибудь магазине, торговавшем записями оперных арий в исполнении Козловского, Лемешева, Михайлова, Рейзена или пластинками с голосами певцов оперетты Качалова, Лазаревой, Гедройца и других популярных тогда артистов. Очень нравились нам и романсы, народные песни, а также наша советская песенная музыка.

Рискуя оконфузиться перед К. Е. Ворошиловым, я тем не менее рассказал ему все это без утайки. Мой собеседник сочувственно улыбнулся и заметил только, что музыка всегда украшает жизнь, делает человека лучше.

«Экзамен» по литературе прошел более успешно. Я не только ответил на заданные мне вопросы по отечественной классике, но показал и некоторую осведомленность в отношении произведений западноевропейских писателей прошлого и современности.

По вечерам Климент Ефремович просил обычно Китаева читать вслух что-нибудь из Чехова или Гоголя. Чтение продолжалось час-полтора. Китаев читал хорошо, и на лице Ворошилова отражалось блаженство.

На разрушенную и сожженную в недавних боях станцию Варениковскую наш поезд прибыл с рассветом. Там встретили нас И. Е. Петров и член Военного совета В. А. Баюков.

— Везите прямо на плацдарм, — приказал К. Е. Ворошилов, и вся наша группа заняла места в автомашинах.

Ехали быстро. Скоро миновали Темрюк. Тамань — по определению Лермонтова, «самый скверный городишко» — осталась в стороне. Без происшествий прибыли на косу Чушка.

— Здесь не задерживайтесь, пожалуйста, коса под обстрелом, — предупредили нас.

Небезопасно было и в проливе, через который мы шли к берегам Крыма на бронекатере. Когда-то, еще в мирное время, мне не раз доводилось наблюдать, как вот этим же путем колхозники Кубани транспортировали на лодках неправдоподобно огромные арбузы. Гребцы медленно, будто

бы даже лениво опускали и поднимали весла. Ритмично постукивали уключины. Ярко сияло солнце. Все дышало покоем и благополучием. Хотелось самому лечь на дно лодки и без конца смотреть в ласковую голубизну неба.

Не то было теперь. Наш катер, поднимая бурун, рвался вперед по холодному и неприветливому проливу. Справа и слева от нас в разных направлениях сновали большие и малые «плавсредства» с боевыми грузами и ранеными. Противник систематически обстреливал пролив артиллерийским огнем и нередко бомбил с воздуха находившиеся в нем суда.

Мы вполне оценили предусмотрительность И. Е. Петрова, подославшего для нас бронекатер. А командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин летел на «короле воздуха» — По-2. Он считал такой способ переправы на Малую землю наиболее надежным, хотя в небе все время сновали немецкие истребители. Позднее я и сам убедился в преимуществах этого способа. Мне несколько раз довелось перебираться на тот берег пролива на По-2. Летели обычно метрах в пяти над водой, и истребители противника не могли ничего сделать с нами. Очевидно, они даже не замечали нас.

А пока что с бронекатера мы с опаской поглядывали на едва видимый силуэт горы Митридат. Там располагались наблюдательные пункты противника, просматривающие Керченский пролив.

Рулевой уверенно вел корабль. Столь же уверенно он ошвартовался, и мы ступили на берег.

Крымская земля!.. Она представлялась нам когда-то источником здоровья и радости, краем благоухающих садов и золотых пляжей, сокровищницей неповторимых памятников культуры разных времен и многих народов. Я ее знал, правда, главным образом с другой стороны. Почти пять лет военной службы в Севастополе оставили в моей памяти не только и даже не столько лазурное море и золотые пляжи, сколько зной степей и неприютность гор, в походах через которые довелось просолить не одну гимнастерку.

Вот и теперь перед нами был мрачноватый каменистый берег, круто уходивший вверх. Кругом — ни деревца, ни кустика. Только следы недавних боев — воронки от бомб и снарядов. И как-то не хотелось верить, что нам здесь

принадлежит пока лишь это, а весь Крым — еще в руках врага и за его освобождение придется положить немало человеческих жизней.

Глубина плацдарма Отдельной Приморской армии не превышала 10—12 километров. Правый фланг фронта упирался в Азовское море, левый подходил к северо-восточной окраине Керчи. Рельеф местности сильно пересеченный. Сложные гряды холмов обрывисто падали к самому морю. Командные высоты оставались у противника. Оттуда хорошо просматривался передний край нашей обороны, и только небольшая гряда холмов прикрывала обрывисто падавший к морю берег Керченского пролива.

Плацдарм был изрыт вдоль и поперек: траншеи, землянки, ходы сообщения, блиндажи переплетались в причудливую сеть. Здесь находились главные силы Отдельной Приморской армии — два ее корпуса (11-й и 16-й) и резерв. А всего девять дивизий и две стрелковые бригады. Переброшена на плацдарм и некоторая часть танков, артиллерии, даже авиация; первый наш аэродром приютился у самого моря в районе Опасной.

К. Е. Ворошилову, мне и всем, кто прибыл с нами, отвели три землянки на обращенном к проливу скате одной из высот. Метрах в шестистах от нас — бревенчатый домик командарма Ивана Ефимовича Петрова. Под домиком небольшое и не очень надежное убежище. Вокруг в блиндажах расположился штаб Приморской армии.

Работу начали сразу же. К. Е. Ворошилов заслушал доклады И. Е. Петрова и командующего Черноморским флотом Л. А. Владимирского. На следующий день побывали в двух стрелковых корпусах: в 11-м у генерал-майора Б. Н. Аршинцева и в 16-м у генерал-майора К. И. Провалова. Неугомонный Климент Ефремович не ограничился только тем, что услышал от командиров корпусов и увидел сам с их НП. Он рвался в окопы, на передний край, хотя, по правде говоря, делать там ему было нечего. Отговорить его от этого не удавалось.

— Никогда под пулями не кланялся и врага не боялся, — парировал он все наши доводы. — А если кто считает, что там и без нас обойдутся, может со мной не ходить.

После этого попробуй задержаться на НП или в штабе. Все, конечно, пошли в дивизии и полки первого эшелона.

В тот год на Керченском полуострове зима стояла холодная. Морозы достигали десяти градусов. Свирепый ве-

тер налетал то с севера, то с востока. Обжигал лицо, выжимал из глаз слезы и подгонял каждого в землянку либо блиндаж. С моря низко тянулись косматые тучи, проливаясь на мерзлую землю мелким частым дождем или низвергая колючую крупу. А по ночам над проливом вставала мглистая стена тумана, которая только с рассветом нехотя уплывала вдаль.

Как-то мы зашли в одну из солдатских землянок и еще с порога ощутили температуру, близкую к той, что бывает в хорошей бане. Посреди землянки стояла раскаленная докрасна железная печка, и в ней действительно бушевало пламя. Немолодой домовитый сержант четко приветствовал нас и гостеприимно пригласил «поближе к огоньку».

— Откуда ж дрова берете? — поинтересовались мы. С топливом на плацдарме было плохо: дрова подвозили через пролив только для варки пищи.

— А тут, поблизости, — ткнул сержант через плечо почерневшим от копоти большим пальцем правой руки, — дом кирпичный стоял... Вот им и топимся.

Мы дружно рассмеялись. Подумалось, что хозяин землянки намеревается с ходу «выдать» нам какой-то старый солдатский анекдот для всеобщего увеселения. Кому из нас не доводилось слышать, как бывалый солдат суп из топора сварил! Но вот чтобы он кирпичный дом в топку пустил — этакой диковины мы еще не знали. С интересом повернули головы к рассказчику. Но сержант вдруг смолк. Он знал службу и безмолвно «ел глазами начальство». Потом неторопливо приоткрыл дверцу печки, и мы увидели, что в ней действительно горят кирпичи. Самые натуральные кирпичи!

Кто-то даже ахнул от неожиданности. Начались расспросы: как да почему?

Сержант кивнул на стоявшее в углу землянки ведро. Там тоже лежали кирпичи, залитые доверху керосином. Через несколько часов после такой ванны они становились вполне готовыми к употреблению в качестве топлива.

— Не чета, конечно, настоящим дровам, — пояснил сержант. — Неудобства есть: прикурить, скажем, трудновато. Полено-то возьмешь из огня — и дух от него лесной идет и цигарка в целости. А кирпич, он вишь как полыхает. Ну ничего, управляемся. Горе только, когда на сырец нападешь: раз погорел и рассыпался. А настоящие кирпичи — те долговечны; погорит, погорит, а ты их опять в

керосин, а из керосина снова в печку. Так и идет по кругу...

В другой землянке обогревались иначе. Здесь стояли саперы — люди высокой технической культуры. Они использовали трофейные противотанковые мины: выплавляли из них тол и жгли его в печке. Он горел ровным пламенем и без дыма. Соседи допытывались у саперов, чем они топятся, но те секрета не раскрывали. Командир взвода только жаловался, что трофеи скоро кончатся и тогда придется добывать мины из немецких заграждений. Охотники на это дело имелись.

В полках нам приходилось бывать много раз, и всегда мы возвращались оттуда с зарядом оптимизма и бодрости.

В первые недели пребывания у И. Е. Петрова наше главное внимание отводилось разработке плана освобождения Крыма, совместной операции войск Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской флотилии. Выявилось полное единство взглядов в отношении задач и методов ведения этой операции. Сухопутчики, моряки и летчики пришли к общему выводу: прорвав оборону противника на керченском плацдарме, основными силами надо развивать успех в глубину Крыма на Владиславовку, Карасубазар и тем самым содействовать успеху войск Южного фронта на главном направлении — с Перекопа, но одновременно частью сил следовало наступить и вдоль Южного побережья. Этот план и доложили в Ставку.

После тщательного изучения обстановки мы согласились с мнением командующего Приморской армией о необходимости предварительной частной операции. Дело в том, что наш передний край на плацдарме в большинстве своем был крайне невыгоден ни для перехода в наступление, ни для удержания занимаемых позиций. Противник, как уже отмечалось, располагался на господствующих высотах, хорошо наблюдал и мог поражать прицельным огнем чуть ли не всю глубину нашей обороны.

Провели тщательную рекогносцировку местности, рассчитали силы и средства, определили время на подготовку. 22 декабря К. Е. Ворошилов при участии И. Е. Петрова и Л. А. Владимирского рассмотрел план действий. Планом предусматривалось прорвать немецкую оборону на правом фланге плацдарма. Для обеспечения успеха прорыва и

захвата командных высот, которые трудно было атаковать в лоб, а также для отвлечения внимания, сил и средств противника с направления нашего главного удара намечалось высадить из Азовского моря в ближайшем тылу немецких войск с удаления четырех-пяти километров от нашего переднего края тактический морской десант.

На первых порах все с этим согласились. Однако при решении вопросов взаимодействия и взаимного обеспечения операции возникли затруднения. В то время как И. Е. Петров отводил флоту первостепенную роль в обеспечении наступления всем необходимым, Л. А. Владимирский полагал, что привлечение флота к морским перевозкам и высадке тактических морских десантов для него задача второстепенная. Достаточных сил на это он не выделял. Переправу войск и грузов Отдельной Приморской армии командование Черноморского флота пыталось переложить на плечи только Керченской военно-морской базы, которая никак не могла справиться с таким делом.

И. Е. Петров резко высказал свое неудовольствие по этому поводу и заявил К. Е. Ворошилову, что вопросы взаимодействия с флотом нужно решить капитально и в соответствии с принятым в наших Вооруженных Силах порядком. Климент Ефремович приказал созвать совещание и там покончить со всеми спорами, добившись единого понимания задач и способов их решения. Состоялось оно 25 декабря в штабе Азовской военной флотилии, в Темрюке. От Отдельной Приморской армии на совещание прибыли И. Е. Петров, его заместитель генерал-лейтенант К. С. Мельник, члены Военного совета генерал-майоры В. А. Баюков и П. М. Соломко. Черноморский флот представляли вице-адмирал Л. А. Владимирский и член Военного совета контр-адмирал Н. М. Кулаков. Присутствовали также заместитель Наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенант И. В. Рогов, представители Азовской военной флотилии и 4-й воздушной армии. Председательствовал К. Е. Ворошилов.

Дебаты между И. Е. Петровым и Л. А. Владимирским разгорелись здесь еще жарче. Причем командующий Приморской армией показал полную осведомленность в отношении сил и средств флота в районе расположения своих войск и добился ясности насчет обязанностей и ответственности флота по перевозкам. В то же время на совещании

были уточнены задачи армии, согласованы сроки и порядок всех совместных мероприятий по обеспечению операции.

В конце совещания я зачитал проект ежедневного доклада в Ставку, где проведенное обсуждение представлялось как обычное подготовительное мероприятие накануне предстоящей операции. Однако К. Е. Ворошилов решил иначе: он предложил оформить особый протокол по взаимодействию армии с флотом, записав туда все, что возлагалось на флот и что на армию, а затем скрепить все это подписями ответственных представителей каждой из заинтересованных сторон. Всего на протоколе, по определению К. Е. Ворошилова, должно было красоваться десять подписей, включая его собственную и мою.

К этому времени я уже отлично знал работу Ставки и отношение ее членов, особенно И. В. Сталина, к порядку решения важных вопросов. На моей памяти бывали случаи, когда в Ставку поступали документы за многими подписями. Верховный Главнокомандующий резко критиковал их, усматривая в таких действиях нежелание единоначальника или Военного совета взять на себя ответственность за принятое решение или, что еще хуже, их неверие в правильность собственных предложений.

— Вот и собирают подписи, — говорил он, — чтобы убедить самих себя и нас.

Верховный требовал, чтобы все представляемые в Ставку документы подписывали командующий и начальник штаба, а наиболее важные (например, ежедневные итоговые донесения и планы операций) скреплялись бы тремя подписями: к первым двум добавлялась еще подпись члена Военного совета.

Я откровенно высказал Клименту Ефремовичу свои опасения насчет предложенного им протокола и просил, чтобы этот документ подписали по крайней мере не более трех лиц. Но Климент Ефремович расценил это как неуважение к присутствующим, как попытку присвоения коллективно выработанного решения. Он настоял на своем, и документ был подписан десятью персонами. Назвали его так: «Протокол совместного совещания военных советов Отдельной Приморской армии (генерал-полковник Петров, генерал-майор Баюков, генерал-майор Соломко и генерал-лейтенант Мельник) и Черноморского флота (вице-адмирал Владимирский и контр-адмирал Кулаков) с участием

Маршала Советского Союза тов. Ворошилова К. Е., начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника тов. Штеменко, заместителя Наркома военморфлота генерал-лейтенанта тов. Рогова и главного контролера по НКВМФлоту Наркомата госконтроля инженер-капитана 1 ранга тов. Эрайзера — по вопросу перевозок войск и грузов через Керченский пролив».

Когда лестница подписей была наконец заполнена, я еще раз заявил, что поступили мы неправильно и уж мне-то обязательно попадет за такое отступление от правил оформления важной оперативной документации. Климент Ефремович только посмеялся над этим. Протокол послали. При очередном разговоре по телефону с Антоновым я узнал, что Сталин и впрямь очень бранил нас за этот документ.

В тот же день из Москвы было получено сообщение об утверждении плана основной операции Отдельной Приморской армии. Из резервов Ставки И. Е. Петрову была передана 9-я Краснознаменная пластунская дивизия, сформированная из кубанских и терских казаков. Командиру ее генерал-майору П. И. Метальникову командующий армией сразу же поставил задачу готовить личный состав к наступательным действиям. Для этого была подобрана соответствующая местность на материке с точным воспроизведением обстановки плацдарма: переднего края противника и наших окопов, боевых порядков и расстояний между отдельными их элементами.

Мы несколько раз бывали на занятиях в этой дивизии. При первой поездке Климент Ефремович потребовал, чтобы все отправились туда верхом. Я пытался воспротивиться, доказывал, что совершенно ни к чему трястись на коне 20 километров, теряя драгоценное время. Но тщетно. Климент Ефремович заявил, что у меня недостает понимания психологии казаков. Пришлось ехать. Кое-как на случайных, плохо выезженных лошадях мы добрались до цели, а обратно возвращались уже в автомашинах. Но потом в течение нескольких дней некоторые, как говорится, не могли прийти в норму. Да и сам Климент Ефремович в дальнейшем отказался от такого способа передвижения.

Не сразу решился вопрос о методах использования этой дивизии в бою. Предлагалось, например, чтобы пластуны ночью бесшумно подползли к первой траншее немцев (на

то они и пластуны!), ворвались в нее без выстрела, уничтожили противника холодным оружием, а затем бы уже открывался огонь по глубине обороны и начиналась нормальная атака.

Этот метод был чреват всякими неожиданностями. Атаковать неподавленную артогнем оборону немцев, подползая к ней на животе, являлось делом весьма рискованным. Даже в случае успешного захвата первой траншеи современная оборона не могла рухнуть. Все равно требовалась артиллерийская подготовка, а затем нужно идти в атаку. Наиболее же вероятно, что романтичный маневр целой дивизии ползком будет своевременно обнаружен противником и сорван с большими для нас потерями.

Однако сторонники этого метода действий твердо стояли на своем. Тогда мы испробовали его на занятиях, после чего всем стало ясно, что атаковать надо обычным способом. Пластуны пластунами, а времена таких атак давно прошли. Теперь была не Крымская война.

Пластунская дивизия всем своим видом радовала глаз. Подразделения — полнокровные. Бойцы — молодец к молодцу. Много бравых стариков добровольцев с Георгиевскими крестами на груди. Одеты все с иголочки в бешметы и кубанки.

Формировалась она по инициативе И. В. Сталина и под его личным наблюдением. Он вызывал к себе П. И. Метальникова, слушал его доклад о ходе формирования. Использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки. Отсюда, конечно, проистекали дополнительные заботы, но в последующем своими боевыми делами дивизия с лихвой окупила их. Она блестяще проявила себя при освобождении Крыма. С честью прошла до конца войны.

С большой тщательностью готовилась и частная операция, особенно высадка морских десантов. Было решено, что основу главного десанта составят специально подобранные солдаты и офицеры 166-го гвардейского стрелкового полка, во главе с командиром того же полка гвардии подполковником Г. К. Главацким, который был хорошо известен как опытный и бесстрашный человек, отлично ориентирующийся в боевой обстановке. Про таких говорят, что они прошли огонь и воду. В данном случае это

было правильно в буквальном смысле. На груди Главацкого блестела Звезда Героя Советского Союза. Кроме 166-го полка ему подчинили 143-й отдельный батальон морской пехоты, под командованием тоже опытного и отважного капитана Левченко, и роту разведчиков. Всего в десанте насчитывалось более 2000 человек.

Второй, вспомогательный десант был поменьше. Численность его не превышала 600 человек. Командовал им майор Алексеенко.

Ответственность за подготовку десантов, их посадку на суда и обеспечение перехода по морю возложили на контр-адмирала Г. Н. Холостякова. Десантники усиленно тренировались, занимались с утра до ночи.

Трудно было с десантными судами. Пришлось собирать рыбацкие сейнеры, многие из которых требовали ремонта. Тут же укомплектовывались команды этих судов и обучались действиям в составе колонны и при высадке десанта на берег.

Не менее напряженная работа велась на плацдарме. 11-й и 16-й гвардейские корпуса усилили разведку противника, сосредоточивали запасы, пополнялись людьми и техникой. И. Е. Петров целыми днями, а порой и ночами пропадал в войсках. Только под Новый год он вернулся раньше обычного и пригласил нас к себе в домик на ужин. Пришли туда и ближайшие помощники командарма. Вместе мы отметили успехи наших Вооруженных Сил в уходящем, 1943 году и по-братски пожелали друг другу, чтобы наступающий, 1944 год был еще более счастливым. Климент Ефремович послал поздравление командирам корпусов и дивизий, командованию Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

А потом все опять пошло своим чередом. Начало наступления было назначено на утро 10 января.

Зимние дни вообще коротки, а 9 января, всецело поглощенные последними приготовлениями к операции, мы даже не заметили, как стемнело. До нанесения удара по противнику оставалось еще много времени. Посадка десанта должна была начаться в 20 часов. Но нетерпение взяло верх.

— Идемте на наблюдательный пункт, — предложил К. Е. Ворошилов.

Наблюдательный пункт И. Е. Петрова располагался примерно в 2 километрах от переднего края, на высоком обрыве у самого Азовского моря. В светлое время отсюда просматривался участок побережья, где предстояла высадка главного десанта, а сейчас ни зги не видно. Небо завалило тяжелыми тучами.

— Как на море? — поинтересовались мы у представителя флота.

— Обещают малую волну, — ответил он. Затем, помолчав, прибавил: — Тем не менее все может статься. Море — это стихия...

Поглядывая на часы, мы ждали срока выхода десанта из кордона Ильича. Командиры корпусов на плацдарме давно доложили о полной готовности к наступлению. А Холостяков пока помалкивал. Но мы-то знали, что моряки — народ точный: молчат, значит, все идет по плану.

На этот раз, однако, дело явно затянулось. Была уже полночь, когда Петрова попросили наконец к аппарату. Десант пошел...

Через полтора-два часа последовал новый доклад: волнение на Азовском море усилилось до четырех-пяти баллов. Это значило, что условия перехода десанта к месту высадки ухудшались.

Как по команде, все мы вышли посмотреть море. Оно тяжело ухало, бросая валы на берег. Четыре-пять баллов — совсем немного для океанских великанов, но для многих утлых суденышек, которые доставляли десант, такая волна могла быть губительной: они шли в темноте, переполненные людьми.

Петров был бледен, но внешне спокоен. Запросили Холостякова, как идут дела. Ответ успокаивал — никаких сигналов бедствия от десанта не поступило.

Когда стрелка часов подошла к сроку высадки десанта, командующий артиллерией вопросительно взглянул на И. Е. Петрова. Тот в свою очередь посмотрел на Ворошилова, и оба отрицательно покачали головами — не время, пока не высадился десант, нужно подождать.

Уже забрезжил поздний январский рассвет. И тут вдруг на высотах, назначенных для захвата силами десанта, загремели выстрелы. Вразброд ударила немецкая артиллерия. Десант был там. Он подошел незаметно для противника, и подполковник Главацкий, не дожидаясь подхода последних судов, начал атаку.

Атаковали внезапно и свирепо. Без выстрелов и криков «ура» ворвались в траншеи. Враг опомнился, когда десантники уже снимали на высотах его пулеметы.

Теперь заговорила и наша артиллерия. А затем пошли в наступление выделенные для этой операции силы из состава стрелковых корпусов, сосредоточенных на плацдарме.

Между тем десантные суда продолжали подходить к месту высадки. Не все из них смогли вплотную причалить к берегу. Зачастую матросы и солдаты прыгали прямо в море, высоко поднимая оружие. Некоторых волна захлестывала с головой. Они с усилием выползали на берег и, припав к земле, обнимали ее руками, чтобы не унесло обратно, а затем переводили дух, вскакивали и карабкались на высоты, где их товарищи уже схватились с врагом врукопашную.

Прошло еще три долгих часа. Из стрелковых корпусов поступали сдержанные доклады. По всему чувствовалось, что атака развивается плохо, а на отдельных участках захлебнулась совсем. Петров приказал сосредоточить артиллерийский огонь на тех районах, где наметился наш успех. Но противник держался прочно.

О десанте было известно, что он продолжает вести бой на высотах, захватил там две вражеские зенитные батареи, много стрелкового вооружения и до 60 пленных. Гряда высот, по существу, в его руках. Десантники осмотрелись, подтянули силы, организовали оборону.

Но после полудня положение усложнилось. Противник начал контратаки десанта со стороны Рыбпрома, молочной фермы и Грязевой пучины. Его авиация непрерывно бомбила боевые порядки десантников. В 19 часов на поле боя появились «фердинанды», но и они оказались бессильны: наши подразделения оставались на своих местах. Все контратаки противника были отбиты с большими для него потерями.

В течение ночи немецкие автоматчики неоднократно пытались проникнуть в тыл десанта, но тоже каждый раз отбрасывались назад.

Длительное время не было вестей от майора Алексеенко. Наконец объявился и он. Майор сообщил, что вспомогательный десант задачу выполнил, нужная нам высота захвачена и одна из наших стрелковых дивизий соединилась с ним.

А вот с десантом Главацкого части 11-го гвардейского стрелкового корпуса соединиться не сумели. За сутки они продвинулись всего на один-два километра. На второй день бои продолжались. С нашей стороны была введена дивизия второго эшелона. Противник тоже подбросил резервы. Немецкая авиация опять обрушилась на позиции, занятые десантом. Начался ожесточенный артиллерийский обстрел. Против десантников пошли танки. Бойцы Главацкого вынуждены были бить их только наверняка — боеприпасы подходили к концу.

После полудня замысел врага определился вполне. Немцы стремились отрезать десант от моря, окружить и уничтожить его. И. Е. Петров приказал Главацкому прорываться навстречу 11-му корпусу. Десантники и на этот раз действовали очень решительно. К исходу дня они соединились с нашими главными силами, передали им захваченные высоты и были затем выведены в резерв 55-й гвардейской стрелковой дивизии.

В итоге этих боев положение на правом фланге армии несколько улучшилось, но не настолько, как хотелось бы. Климент Ефремович нервничал. А тут еще одна из штурмовых эскадрилий Черноморского флота, взаимодействовавшая с 11-м гвардейским стрелковым корпусом, по ошибке сбросила бомбовый груз на своих. Обошлось, правда, без потерь. Мы с полковником Китаевым в то время находились на корпусном НП и не только наблюдали всю эту картину, а и сами побывали под ударом.

15 января спозаранок отправились осмотреть захваченные морским десантом высоты. Солдаты только что начали там оборудование нового армейского НП — отрыли щели, котлованы для пунктов управления. Работы шли в основном ночью.

Здесь же встретили командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Аршинцева. Он тоже перенес наблюдательный пункт ближе к переднему краю и сам перебирался туда. У нас к нему вопросов не было, и Аршинцев, не задерживаясь, проследовал своим путем. А в 15 часов 30 минут его уже не стало. При очередном артналете противника в блиндаж, где находились сам генерал, командующий артиллерией корпуса полковник А. М. Антипов, начальник разведки подполковник Т. П. Лобакин и помощник начальника оперативного отдела майор А. П. Меньшиков, произошло прямое попадание

тяжелого снаряда. Накат не выдержал, снаряд разорвался внутри помещения. Все, кроме тяжело раненного Меньшикова, погибли.

В тот день вражеская артиллерия буквально неистовствовала. К вечеру, когда мы находились у Петрова, ею была разрушена и землянка Климента Ефремовича, при этом погиб стоявший у входа часовой. Наши тоже не остались в долгу: сильные артиллерийские и авиационные удары по боевым порядкам, пунктам управления и ближайшим тылам противника следовали один за другим. По ночам непрерывно действовал женский полк ночных бомбардировщиков По-2, входивший в состав 4-й воздушной армии.

Мы находились на плацдарме уже месяц. Все это время продолжалась подготовка основной операции по освобождению Крыма: накапливались боеприпасы, вводилось в строй пополнение, во вторых эшелонах не прекращалась боевая учеба войск. И вдруг в Варениковскую прибыл специальный поезд, а с ним — новый командующий Отдельной Приморской армией генерал А. И. Еременко. Без всякого уведомления представителя Ставки, не говоря уже о запросе его мнения по такому немаловажному вопросу, И. Е. Петров был освобожден от должности, зачислялся в распоряжение Ставки и вызывался в Москву. Доподлинные причины замены его так и остались неизвестными.

А вскоре затем позвонил А. И. Антонов и передал мне приказание тоже выехать в Ставку с докладом о положении дел под Керчью. Видимо, события последних дней сильно обеспокоили Сталина. Климент Ефремович оставался на месте.

Докладывал я в присутствии только членов Ставки да А. И. Антонова. Петрова не пригласили. Сталин усомнился было в целесообразности проведенной Приморской армией частной операции. Я постарался, как мог, мотивировать ее необходимость.

Когда речь пошла о делах в Приморской армии, Верховный вспомнил наш протокол с десятью подписями и опять начал браниться:

— Колхоз какой-то. Вы там не голосовали случайно?.. Ворошилову такое можно еще простить — он не штабник, а вы-то обязаны знать порядок. — Затем, обращаясь уже

к Антонову, кивнул в мою сторону: — Надо его как-то наказать за это.

Антонов промолчал.

Еще раз вернувшись к операции по освобождению Крыма, Сталин приказал вызвать в Ставку А. М. Василевского и К. Е. Ворошилова для окончательного решения всех вопросов по ее плану, а потом Клименту Ефремовичу поехать на главное направление к Ф. И. Толбухину, и там на месте, с участием Александра Михайловича, отработать взаимодействие войск.

О Петрове не было обронено ни звука. Размышляя потом над этим, мы в Генштабе пришли к выводу, что ограниченные результаты частной операции и раздоры с командованием флота посеяли у Сталина сомнения в отношении Ивана Ефимовича. Его заменили перед самым началом большой операции, когда Отдельная Приморская армия, по существу, была уже подготовлена к ней. Воспользоваться плодами своего труда И. Е. Петрову не пришлось, а операция прошла успешно.

В мае, после освобождения Крыма, многие из участников операции были награждены. При этом И. В. Сталин опять вспомнил наш злополучный протокол. Обнаружив в списках представленных к наградам мою фамилию, он сказал А. И. Антонову:

— Награду Штеменко снизим на одну ступень, чтобы знал наперед, как правильно подписывать документы.

И синим карандашом сделал жирную пометку.

С 14 по 23 мая 1944 года мне снова довелось быть в Крыму. На сей раз в качестве представителя Ставки я должен был помочь в разработке плана обороны полуострова, очищенного от противника, и организовать вывод в резерв Верховного Главнокомандования 2-й гвардейской и 51-й армий. Дело было срочным, поскольку на 22—23 мая в Ставке намечалось обсуждение плана «Багратион» — операции по разгрому вражеских войск в Белоруссии и в отношении резервов нужно было иметь точные данные.

Работать, как всегда, приходилось от зари до зари, которые в мае почти сходятся. Особенно сложно было с перевозкой войск. На сосредоточение их автотранспортом к железнодорожным станциям не хватало горючего. Рас-

пределением вагонов и паровозов в Крыму всецело распоряжался тогда заместитель Наркома внутренних дел Серов. Брать их у него приходилось с боя. Основные станции погрузки находились в районах Херсона и Снигиревки, куда войска следовали преимущественно пешим порядком. Генералы и офицеры моей группы организовали прикрытие этих станций с воздуха, позаботились о сохранности переправ через Днепр.

Оборона Крыма всецело возлагалась теперь на Отдельную Приморскую армию. С ее новым командующим генералом К. С. Мельник мы уточнили до деталей подготовленный штабом армии план. Очень много помог нам при этом начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов. Для прикрытия западной и южной части побережья Крыма от Турецкого вала до Керченского пролива общей протяженностью свыше 700 километров имелось всего десять дивизий, две стрелковые бригады и одна бригада танковая. Здесь было над чем поломать голову.

Встретилась и другого рода трудность — из Отдельной Приморской армии начали растаскивать кадры. Из трех командиров корпусов два получили новые назначения. Были отозваны также и командующий артиллерией, начальник отдела укомплектования. Вот-вот должны были убыть армейский интендант, начальник продовольственного снабжения, начальник штаба тыла, начальник разведотдела. С ведома Ставки мы прекратили это, а на вакантные должности немедленно были назначены заместители убывших. Почти все они оказались людьми опытными, знающими свое дело.

Побывали мы и в Севастополе у командующего Черноморским флотом адмирала Ф. С. Октябрьского. Согласовали вопросы взаимодействия сухопутных войск с флотом.

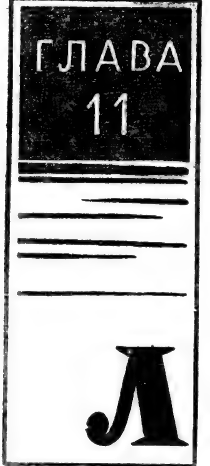
Предмет особых забот составляли немногочисленные части ПВО. Враг ведь не прекратил еще авиационные налеты на Крым. Случались дни, когда он одновременно бомбил железнодорожные станции Джанкой, Курман-Кемельчи, Биюк-Ойлар, Ташлык-Таир, Евпаторию. Правда, результаты этих бомбардировок были весьма незначительны.

Как-то вместе с С. С. Бирюзовым и И. Н. Рыжковым я собрался лететь из Сарабуза в район Сапун-горы, где располагался штаб Отдельной Приморской армии. Бирюзов рекомендовал заглянуть по пути на мыс Херсонес; там разыгрался финал битвы за Крым. Полетели мы на трех

самолетах У-2. Погода стояла отличная, противника в воздухе не было. Внизу по дорогам медленно тащились серо-зеленые колонны пленных, бежали наши грузовики. Вдруг за Бахчисараем самолет Бирюзова неожиданно стал снижаться. Выждав, когда он благополучно сел прямо на поле, мы тоже сделали круг и приземлились рядом. Выяснилось, что отказал мотор. Делать было нечего: оставили самолет и пешком направились к шоссе. Там остановили машину Отдельной Приморской армии и на ней добрались на Херсонес, где нас уже поджидал К. С. Мельник.

Перед нами предстало поле недавнего побоища. Мыс буквально был забит немецкими танками, автомашинами, пушками, минометами. Повсюду — следы огня советской артиллерии и авиации. В балках и на обрывистых береговых склонах — множество складов с различными запасами. Трупы людей убраны, но в воздухе стоял смрад. Насколько хватало глаз, море было покрыто вздувшимися и лопнувшими от жары конскими тушами, медленно переваливавшимися на волнах. Противник сам уничтожил всех своих лошадей, дотянув до края нашей земли...

Вскоре мы вернулись в Москву. Там нас ждали новые неотложные дела, связанные с подготовкой операции «Багратион».

«БАГРАТИОН»

Итоги зимнего наступления 1943 года и прогнозы на будущее.— Разделение Западного фронта.— И. Д. Черняховский и И. Е. Петров.— Оперативная маскировка.— Г. К. Жуков координирует деятельность 1-го и 2-го Белорусских фронтов.— А. М. Василевский на 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах.—Артиллерия и танки в Белорусской операции.— Удары с воздуха.— Особенности управления войсками.— Конец — делу венец.

Ломая все старые теоретические представления о влиянии на боевые действия зимы и весенней распутицы, наши войска в результате решительного наступления к середине апреля 1944 года вышли на рубеж Чудского озера и реки Великой, на подступы к Витебску, Орше, Могилеву, Жлобину, пробились к Ковелю. Главные силы украинских фронтов вырвались на просторы древней Волынской земли и в предгорья Карпат, овладели Тернополем и Черновицами, нацелились на Яссы и Кишинев. Вскрылись направления на Люблин, Львов и Бухарест, дав Советской Армии возможность воздействовать на фланги и тылы основных группировок противника.

Все это расценивалось в Генеральном штабе весьма положительно. Однако мы не сомневались, что сопротивление врага, несмотря на то, что он понес большие потери и остро нуждался в восстановлении сил, не только не ослабнет, а станет еще более ожесточенным. Нужно было наращивать наши удары, не позволяя гитлеровским генералам перегруппировать силы и организовать прочную оборону.

В общем выгодное для нас оперативно-стратегическое положение, сложившееся к лету 1944 года, оставалось все же весьма сложным. Продолжать наступление на Украине и в Молдавии пока не представлялось возможным, поскольку на львовском, ясском и кишиневском участках фронта столкнулись мощные и почти равные по силам группировки войск. Все шесть наших танковых армий были втянуты здесь в борьбу против основной массы не-

мецких танков. Войска устали, снабжение их нуждалось в серьезном улучшении. Внезапность действий исключалась. Если бы на этих направлениях мы попытались наступать немедленно, нам предстояла бы длительная кровопролитная борьба в невыгодных условиях и с сомнительным исходом.

Не сулил пока больших перспектив и выход наших войск непосредственно к границам Прибалтики. Здесь тоже нельзя было рассчитывать на внезапность действий. Противник ожидал наступления крупных сил Советской Армии и принимал необходимые меры для его отражения. Он располагал преимуществами маневра по внутренним операционным линиям — хорошо развитой железнодорожной сети и шоссе, в то время как для наших танков существовало много препятствий. Местность явно не благоприятствовала нам. Серьезные трудности возникали и в смысле сосредоточения войск, их снабжения. Ставка была убеждена, что в сложившейся обстановке Прибалтика не может быть главным направлением наших усилий.

Не сулил многого и Север. Там разгром противника мог привести только к выводу из войны Финляндии. Но при этом не создавалось опасного положения непосредственно для Германии.

Несколько иная обстановка складывалась на западном направлении севернее и южнее Полесья. Образовавшийся в ходе боевых действий так называемый «Белорусский балкон» прикрывал путь нашей армии на Варшаву. Он мог служить плацдармом для фланговых ударов противника в случае наступления советских войск к границам Восточной Пруссии и в равной мере угрожал нашему флангу и тылу на юго-западном направлении — контрдействиями отсюда могло быть сорвано наступление на Львов и в Венгрию. Кроме того, из Белоруссии можно было осуществлять авиационные налеты на Москву. Наконец войска противника, занимавшие «Белорусский балкон» и имевшие возможность быстро маневрировать по хорошо развитым железнодорожным линиям и шоссейным дорогам, сковали здесь весьма крупные силы Советской Армии. Все эти обстоятельства, естественно, заставляли рассматривать наступление в Белоруссии с целью разгрома располагавшейся там крупной группировки противника как важнейшую нашу задачу.

Решать ее мы уже пробовали, но безуспешно. Неоднократные попытки Западного фронта наступать в районе Витебска и Орши были малорезультативными, а оплачивались они очень дорогой ценой. «Белорусский балкон» оборонялся прочно.

Южнее Полесья дело шло лучше: наши войска значительно продвинулись вперед и вышли на люблинское и львовское направления, однако силы их истощились. Развитие удара здесь было возможно лишь при условии подхода крупных резервов из глубины страны и местных перегруппировок.

Следовательно, чего-либо радужного в Белоруссии и на Западной Украине на первый взгляд тоже не вырисовывалось. Но при более внимательном изучении обстановки напрашивались все же некоторые обнадеживающие выводы. Генштаб считал, что главная причина наших неудач севернее Полесья заключалась не столько в прочности вражеских позиций, сколько в грубых нарушениях некоторыми командирами и штабами правил организации, обеспечения и ведения наступления. Этого можно и нужно было избежать в будущем. Что же касается львовского направления, то там, повторяю, для достижения цели требовалось прежде всего усиление и пополнение войск 1-го Украинского фронта.

Итак, где же наносить решающий удар? Новый и новый анализ сложившейся стратегической обстановки все более убеждал нас в том, что успех летней кампании 1944 года надо искать именно в Белоруссии и на Западной Украине. Крупная победа в этом районе позволяла наиболее коротким путем вывести советские войска на жизненно важные для третьего рейха рубежи. А вместе с тем создавались и более выгодные условия для нанесения мощных ударов по войскам противника на всех других направлениях, в первую очередь на южном, где уже сложилась сильная группировка наших войск.

Особое значение приобретал вопрос о сроках и порядке действий. Противник не должен был получить времени на подготовку резервов, восстановление своих потрепанных дивизий и упрочение обороны на важнейших направлениях. Начинать летнее наступление следовало без длительной паузы и в то же время требовалось иметь в виду необходимость больших перегруппировок войск.

Эти предварительные соображения Генштаба получили

затем конкретное воплощение в замысле летней кампании и плане ее, а также в ряде организационных мероприятий.

Наиболее заметным из последних было разукрупнение Западного фронта. Предварительно на место выезжала авторитетная комиссия ГКО. Она внимательно разобралась в прошлых неудачах фронта. Помимо ряда субъективных причин, были выявлены и объективные. Зимой 1944 года Западный фронт имел в своем составе пять общевойсковых армий, а в общей сложности 33 стрелковые дивизии, три артиллерийские, две пушечные, две зенитно-артиллерийские и одну минометную. Кроме того, у него была воздушная армия и находились в подчинении танковый корпус, девять отдельных танковых и восемь артиллерийских бригад, одна бригада гвардейских минометов, два укрепленных района и другие специальные соединения и части. Решать свои задачи фронту приходилось на четырех операционных направлениях — Витебском, Богушевском, Оршанском и Могилевском, в результате чего усилия распылялись, а маневр войсками из-за крайней ограниченности рокадных дорог был скован. Противник же, как уже говорилось, обладал хорошими дорогами, связывавшими Витебск, Оршу, Могилев, что позволяло ему быстро перебрасывать подкрепления на угрожаемое направление и парировать наши удары.

Генеральный штаб предложил Ставке разделить Западный фронт на два и тем приблизить управление к войскам, сделать его более действенным. Одновременно предполагалось усилить оба новых фронта резервами.

Верховный Главнокомандующий запросил на этот счет мнение ряда командующих фронтами и с некоторыми из них имел личный разговор по ВЧ. Такая беседа состоялась, в частности, с командующим Белорусским (впоследствии 1-м Белорусским) фронтом генералом армии К. К. Рокоссовским, войска которого находились на бобруйском направлении. Рокоссовский высказался за передачу ему из состава 1-го Украинского фронта армий, оказавшихся в Полесье и под Ковелем. По его мнению, это должно было улучшить взаимодействие и маневр при наступлении на бобруйском и люблинском направлениях. После очень критического разбора всех «за» и «против» Ставка согласилась с ним. Положительно решился вопрос и о разделении Западного фронта. На его базе были созданы 3-й и 2-й Белорусские фронты. В состав последнего

передавалась также 50-я армия с 1-го Белорусского фронта. Командовать новыми фронтами назначались соответственно генерал-полковник И. Д. Черняховский и генерал-полковник И. Е. Петров. Распределение между ними стрелковых дивизий, артиллерии, танков, авиации и всего военного имущества бывшего Западного фронта должно было производиться при участии представителя Ставки.

В качестве такового я выехал из Москвы вместе с моим товарищем по академии Иваном Даниловичем Черняховским. К вечеру 14 апреля мы прибыли в местечко Красное, где до того располагался командный пункт Западного фронта. Там нас уже поджидал Иван Ефимович Петров. Он был известен в наших Вооруженных Силах как вдумчивый, осторожный и в высшей степени гуманный руководитель с весьма широкой эрудицией и большим войсковым опытом. Имя его неразрывно связывалось с героической обороной Одессы и Севастополя.

В отличие от Петрова И. Д. Черняховский тогда еще не пользовался широкой популярностью. Но он отлично зарекомендовал себя на посту командующего армией, имел основательную оперативную подготовку, превосходно знал артиллерию и танковые войска. Был молод (38 лет), энергичен, требователен и всей душой отдавался своему суровому и трудному делу.

Мы сразу же приступили к работе и в течение нескольких дней решили все организационные вопросы. Управление бывшего Западного фронта целиком перешло к Черняховскому, и он оставил свой КП в Красном, а И. Е. Петрову пришлось формировать фронтовой аппарат заново и перебираться в район Мстиславля.

Перед тем мы втроем тщательно разобрались в обстановке и оценили возможности каждого из фронтов. Было ясно, что разгром витебской, оршанской и могилевской группировок противника следовало осуществлять одновременно. Требовалось также тесное взаимодействие с 1-м Белорусским фронтом, в задачу которого входила ликвидация противника в районе Бобруйска. Эти четыре группировки составляли единое целое, входили в состав главных сил группы армий «Центр» и являлись хребтом гитлеровской обороны в Белоруссии.

Вся мощь неприятельских войск концентрировалась здесь в основном в тактической зоне, что вообще было характерно для немецкой обороны того периода. Практи-

чески это означало, что при прорыве позиций врага надо иметь большое количество артиллерии, с тем чтобы надежно подавить и разбить его именно в тактической зоне. Однако нужно было воздействовать и на резервы в глубине, какими бы слабыми они ни являлись. Поэтому мы обсуждали и вариант глубокого удара сильным танковым кулаком в направлении Борисова, Минска, чтобы сокрушить резервы противника до того, как он введет их в бой. Такой удар, по нашим прогнозам, должен был играть решающую роль для развития операции в высоких темпах на всех, в том числе и бобруйском, направлениях.

Но танковой армии ни один из трех Белорусских фронтов не имел. Ее надо было просить у Ставки. Условились, с такой просьбой обратится И. Д. Черняховский, а Генштаб поддержит его.

После того как было решено, где сосредоточить главные усилия в летнюю кампанию 1944 года, на повестку дня сразу встал вопрос о сроках действий. Ориентировочные расчеты показали, что до начала наступления в Белоруссии понадобится некоторая оперативная пауза для перегруппировки войск, накопления и подвоза необходимых материальных средств, особенно боеприпасов и горючего. Было ясно, что все это неминуемо вызовет огромное напряжение в работе железных дорог. Транспортные трудности являлись тоже одной из причин неизбежности перехода к временной обороне.

Оборона рассматривалась Генеральным штабом не как самоцель, а как вынужденная мера, которая позволит нам хорошо подготовиться к решительному наступлению. Предполагалось также, что переход к обороне на всем советско-германском фронте в сочетании с оперативной маскировкой дезориентирует противника относительно истинных намерений советского командования.

В середине апреля, при первом докладе этого предложения в Ставке, И. В. Сталин с ним не согласился. Он был настроен продолжать наступательные действия.

— Подумаем еще, — сказал Верховный, хотя отлично знал, что многие командующие фронтами возражают против частных операций, как правило, мало успешных.

Только на следующий день И. В. Сталин дал согласие перейти к обороне на северо-западном и западном

направлениях. Директивы на сей счет были отданы 17 и 19 апреля. В отношении же остальных фронтов Верховный Главнокомандующий приказал не спешить и, как он выразился, «переводить их в оборону постепенно», по мере приостановки наступления. Практически они получили указание о переходе к обороне только 1—7 мая. Следует подчеркнуть, что во всех случаях содержание этих указаний было пронизано духом подготовки к наступлению. Ставка требовала:

«1. Организовать тщательное повседневное наблюдение за противником с задачей выявить его систему обороны и огня вплоть до отдельной огневой точки, минометной и артиллерийской батареи. Все последующие изменения в положении противника своевременно учитывать и наносить на разведывательные схемы и схемы целей.

2. В целях маскировки системы обороны, группировки своих огневых средств и накопления боеприпасов сократить огневую деятельность артиллерии, минометов и стрелкового оружия, назначив для ведения огня специально выделенные огневые средства. Все огневые позиции, пристрелянные противником, сменить.

Ведение огня разрешить только с временных или запасных огневых позиций.

Установить на единицу действующего вооружения, особенно крупного калибра (120-мм минометов, 122- и 152-мм гаубиц), жесткий суточный лимит расхода боеприпасов».

Разработка общего оперативного замысла, а затем и плана действий в летней кампании 1944 года велась в Генеральном штабе на основе предложений командующих фронтами, которые знали обстановку до деталей.

Военный совет 1-го Белорусского фронта видел свою задачу в разгроме немецко-фашистских войск, занимавших обширный район—Минск, Барановичи, Слоним, Брест, Ковель, Лунинец, Бобруйск. По достижении цели операции намечался выход наших армий на рубеж Минск, Слоним, Брест, река Западный Буг, в результате чего прервались бы все основные железнодорожные и шоссейные рокады противника на глубину до 300 километров, а значит, и нарушилось бы взаимодействие его оперативных группировок на западном направлении.

Операция предстояла сложная. По мнению командующего К. К. Рокоссовского, она не могла осуществляться одновременно всеми силами фронта, поскольку оборона противника восточнее Минска являлась весьма устойчивой и прорывать ее в лоб было опрометчиво. Поэтому предлагалось проводить операцию в два этапа. На первом (продолжительностью до 12 дней) силами четырех армий левого крыла фронта предстояло как бы подрубить устойчивость вражеской обороны с юга. Для этого намечалось разгромить противостоящего противника и захватить позиции по восточному берегу реки Западный Буг на участке от Бреста до Владимир-Волынского, обойдя таким образом правый фланг группы армий «Центр». На втором же этапе мыслились уже одновременные действия всех войск фронта по разгрому бобруйской и минской группировок противника. Опираясь на захваченные позиции по Западному Бугу и обеспечивая свой левый фланг от контрударов с запада и северо-запада, левофланговые армии фронта должны были главными силами из района Бреста прорваться в тыл врага на Кобрин, Слоним, Столбцы. Одновременно с этим наносился бы и второй удар — правым крылом фронта из района Рогачев, Жлобин в общем направлении на Бобруйск, Минск. Для выполнения этих задач с учетом перегруппировок требовалось по крайней мере 30 дней. Успех же обходного маневра гарантировался только при условии усиления обходящего левого крыла фронта одной-двумя танковыми армиями.

Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте. Перед командующим фронтом вставали весьма сложные вопросы руководства действиями войск на разобщенных Полесьем направлениях. В Генштабе даже думали, не разделить ли в связи с этим 1-й Белорусский фронт на два? Однако К. К. Рокоссовский сумел доказать, что действия по единому плану и с единым фронтовым командованием в данном районе более целесообразны. Он не сомневался, что в этом случае Полесье окажется фактором, не разъединяющим действия войск, а объединяющим их.

К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в район Ковеля необходимые силы и средства, особенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел

К. К. Рокоссовского осуществлен не был. Однако сама идея о направлении ударов и последовательности действий войск, обусловленная в значительной степени разделявшим 1-й Белорусский фронт огромным массивом лесов и болот, была использована Оперативным управлением Генерального штаба при последующем планировании операций.

Г. К. Жуков, назначенный к тому времени на должность командующего 1-м Украинским фронтом, взамен погибшего Н. Ф. Ватутина, также прислал свои соображения о дальнейших наступательных действиях. По окончании ликвидации проскуровско-каменец-подольской группировки противника и после занятия Черновиц он намеревался разгромить врага в районе Львова и вывести свои войска на государственную границу. В ближайшую задачу главных сил фронта входило овладение на правом крыле Владимир-Волынским, в центре — Львовом, а на левом крыле — Дрогобычем. Последующая задача состояла в освобождении от немцев района Перемышля. В основе замысла львовской операции лежал опять-таки обходный маневр.

Однако и эта операция тогда тоже не была осуществлена главным образом из-за недостатка сил. Но рациональные зерна замысла командующего не пропали. Детальная оценка возможного развития обстановки при наступлении выявила теснейшую взаимосвязь левофланговых армий 1-го Белорусского и войск 1-го Украинского фронтов, что оказало решающее влияние на порядок и сроки проведения здесь летних операций.

В второй половине апреля в Генеральном штабе свели воедино все соображения по поводу летней кампании. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь почти одновременно не менее пяти-шести фронтов. Дальнейшее изучение существа дела определило, однако, целесообразность проведения самостоятельной большой операции на львовском направлении, а также операций на выборгском и свирско-петрозаводском направлениях.

Теперь летняя кампания вырисовывалась в такой последовательности. Открывал ее в начале июня Ленинградский фронт наступлением на Выборг. Затем подключался Карельский фронт с целью разгрома свирско-петрозаводской группировки противника. В итоге этих операций должен был выпасть из борьбы финский партнер гитлеров-

ской Германии. За выступлением Карельского фронта без промедления следовали действия в Белоруссии, рассчитанные на внезапность. Затем, когда гитлеровское командование уже поймет, что именно здесь происходят решающие события, и двинет сюда свои резервы с юга, должно было развернуться сокрушительное наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. Разгром белорусской и львовской группировок противника составлял содержание главного удара Советских Вооруженных Сил в летнюю кампанию 1944 года. В это же время предполагалось проводить активные действия силами 2-го Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий «Север», которая, несомненно, сделает попытки обеспечить устойчивость соседа справа — группы армий «Центр». И наконец, когда в результате всех этих могучих ударов враг понесет поражение, можно считать обеспеченным наступление на новом направлении — в Румынию, Болгарию, Югославию, а также в Венгрию, Австрию, Чехословакию.

В таком виде наметки плана летней кампании были доложены Ставке уже к концу апреля и послужили основой при формулировании в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего политических целей Советских Вооруженных Сил. Этот праздничный приказ призывал войска очистить от врага всю землю нашей Родины и вызволить из гитлеровской неволи братские народы Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы.

Приступая к подготовке Белорусской операции, Генштаб хотел как-то убедить гитлеровское командование, что летом 1944 года главные удары Советской Армии последуют на юге и в Прибалтике. Уже 3 мая командующему 3-м Украинским фронтом было отдано следующее распоряжение:

«В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми — девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков, орудий и оборудование района; в местах размещения макетов танков и ар-

тиллерии выставить орудия ЗА, обозначив одновременно ПВО всего района установкой средств ЗА и патрулированием истребителей.

Наблюдением и фотографированием с воздуха проверить видимость и правдоподобность ложных объектов... Срок проведения оперативной маскировки с 5 по 15 июня с. г.»

Аналогичная директива пошла и на 3-й Прибалтийский фронт. Маскировочные работы он должен был осуществлять восточнее реки Череха.

Противник сразу клюнул на эти две приманки. Немецкое командование проявило большое беспокойство, особенно на южном направлении. С помощью усиленной воздушной разведки оно настойчиво пыталось установить, что мы затеваем севернее Кишинева, каковы наши намерения.

Своего рода дезинформацией являлось также оставление на юго-западном направлении танковых армий. Разведка противника следила за нами в оба и, поскольку эти армии не трогались с места, делала вывод, что, вероятнее всего, мы предпримем наступление именно здесь. На самом же деле мы исподволь готовили танковый удар совсем в ином месте. Людьми и техникой в первую очередь укомплектовывались те танковые и механизированные соединения, которым предстояло в скором времени перегруппироваться на белорусское направление.

Приняты были меры и к обеспечению тайны наших намерений. К непосредственной разработке плана летней кампании в целом и Белорусской операции в частности привлекался очень узкий круг лиц. В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: первый заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими. В войсках развернулись работы по совершенствованию обороны. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике. Вся устная агитация была нацелена на прочное удержание занимаемых позиций. Работа мощных радио-

станций временно прекратилась. В учебно-тренировочные радиосети включались только маломощные передатчики, располагавшиеся не ближе 60 километров от переднего края и работавшие на пониженной антенне под специальным радиоконтролем.

Весь этот комплекс мер оперативной маскировки в конечном счете оправдал себя. История свидетельствует, что противник был введен в глубокое заблуждение относительно истинных наших намерений. К. Типпельскирх, в то время командовавший 4-й немецкой армией, писал впоследствии, что генерал Модель, возглавлявший фронт в Галиции, не допускал возможности наступления русских нигде, кроме как на его участке. И высшее гитлеровское командование вполне с ним соглашалось, считая, однако, что наш удар в Галиции может сочетаться с ударом в Прибалтике. Развертыванию же советских войск перед группой армий «Центр» отводилось второстепенное значение.

Всю первую половину мая 1944 года шла черновая работа над планом летней кампании. Еще и еще раз уточнялись детали наступления в Белоруссии. В силу недостатка резервов пришлось отказаться от предложения К. К. Рокоссовского о наступлении через Ковель с разворотом в тыл противнику западнее Полесья. Сосредоточились на урезанном варианте операции севернее припятских лесов и болот. Перед тем мы снова запросили соображения командующего 1-м Белорусским фронтом, указав на перспективу подчинения ему 28-й армии и 9-го танкового корпуса.

К. К. Рокоссовский и его штаб разобрались во всем и доложили нам свои соображения к 11 мая. Целью операции для 1-го Белорусского фронта они считали разгром жлобинской группировки гитлеровцев, а в дальнейшем — развитие успеха на Бобруйск, Осиповичи, Минск. При этом главные силы фронта наносили не один, а два одновременных удара равной мощи: первый — по восточному берегу реки Березина с выходом на Бобруйск, второй — по западному берегу, в обход Бобруйска с юга. Применение двух одинаковых по силе главных ударов, во-первых, дезориентировало противника, было для него внезапным, во-вторых, лишало его возможности противодействовать

нашему наступлению с помощью маневра. Вспомогательные действия намечались в направлении Слуцк, Барановичи.

Особое значение Рокоссовский придавал непрерывности наступления. Чтобы исключить тактические, а в дальнейшем и оперативные паузы, предполагалось уже на 3-й день операции, когда только что будет прорвана тактическая оборона немцев, ввести в полосе 3-й армии 9-й танковый корпус для развития успеха на бобруйском направлении. При подходе же 3-й и 48-й армий к реке Березина, в стыке между ними, намечалось пустить свежую 28-ю армию с задачей овладеть городом Бобруйском и продолжать наступление на Осиповичи, Минск.

Действуя таким несколько необычным для того времени способом, командующий войсками 1-го Белорусского фронта намеревался рассечь противостоящие силы неприятеля и разгромить их поочередно, не стремясь, однако, к немедленному окружению. Оперативное управление Генерального штаба учло эти соображения.

К 14 мая разработка Белорусской операции закончилась. Все было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты. Текст писался от руки генералом А. А. Грызловым, и 20 мая, после нескольких дней раздумий, его скрепил своей подписью А. И. Антонов.

Много размышляли, как назвать этот план, но до самого момента представления Верховному Главнокомандующему он так и не получил никакого наименования. И. В. Сталин предложил именовать его «Багратионом» в честь выдающегося нашего соотечественника, прославившего русское оружие в борьбе против иноземных захватчиков в 1812 году.

По первоначальному варианту плана «Багратион», цель операции состояла в том, чтобы ликвидировать выступ неприятельской обороны в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на рубеж Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника, охват флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием успеха по сходящимся направлениям на Минск. Все силы четырех наших фронтов — трех Белорусских и 1-го Прибалтийского — нацеливались на группу армий «Центр». Обеспечение операции с севера и юго-запада осуществлялось незначительной частью войск.

На направление главного удара срочно подтягивались резервы Ставки. В первых числах июня здесь должны были сосредоточиться две армии, высвободившиеся в Крыму: 51-я — юго-восточнее Гомеля и 2-я гвардейская — в районе Ярцева.

Главные силы, участвовавшие в наступлении, подразделялись на две группы. В группу «А» входили 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты, всего 39 стрелковых дивизий, два танковых корпуса, один кавалерийский корпус, шесть артиллерийских дивизий (в том числе две дивизии гвардейских минометов). Группу «Б» составляли 2-й Белорусский фронт и правофланговые армии 1-го Белорусского фронта, а всего 38 стрелковых дивизий, один танковый и один механизированный корпуса, три артиллерийские дивизии (из них одна дивизия гвардейских минометов).

В общей же сложности против 42 неприятельских дивизий (по нашим тогдашним несколько заниженным подсчетам), оборонявшихся в белорусском выступе, должны были наступать 77 наших стрелковых дивизий, три танковых корпуса, один механизированный, один кавалерийский, шесть дивизий ствольной артиллерии и три дивизии гвардейских минометов.

Генеральный штаб полагал, что такие силы гарантируют нам выполнение замысла операций. Однако вскоре выявилось, что количество дивизий противника несколько превышает наши данные, а слабый 2-й Прибалтийский фронт не в состоянии надежно сковать войска группы армий «Север», и потому последняя может нанести чрезвычайно опасный для нас фланговый удар в полосе своего соседа справа — группы армий «Центр». По мере уточнения сил и средств противника план пришлось корректировать. Неизбежность этого мы в какой-то степени предвидели. Для того ведь, собственно, и намечалось организовать обсуждение плана с командующими фронтами примерно за месяц до начала наступления, с учетом последних данных обстановки и тенденций ее развития на ближайшее время.

Важнейшим элементом плана всякой операции являлся ее замысел. По плану «Багратион» замышлялось полное уничтожение основных сил противника, оборонявших-

ся в Белоруссии. Этот вопрос неоднократно и всесторонне обсуждался с начальником Генерального штаба А. М. Василевским и с первым заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым. Мыслилось, что разгром значительной части наиболее боеспособных неприятельских войск будет достигнут уже в период прорыва обороны, первая полоса которой была особенно насыщена живой силой. Поскольку противник резервировал свои войска мало, возлагались большие надежды на первый огневой удар по его тактической зоне. С этой целью фронтам и давалось такое большое количество артиллерийских дивизий прорыва.

Что же касается способов дальнейших действий, то они вырисовывались по-разному. Никаких сомнений не вызывал район Витебска. Здесь оперативное положение советских войск, глубоко охвативших этот укрепленный центр, делало наиболее целесообразным окружение с одновременным дроблением и уничтожением вражеской группировки по частям. Применительно же к другим направлениям термин «окружение» не употреблялся. В отношении способов действий, так же как и в операции «Румянцев», проявлялась большая осторожность. Опыт, добытый в битве под Сталинградом и других крупных сражениях, свидетельствовал, что окружение и ликвидация окруженного противника связаны с расходом большого количества войск и боевой техники, с потерей длительного времени. А любое промедление на столь широком фронте наступления, как в Белоруссии, давало врагу возможность подвести резервы и парировать наши удары. Учитывалось и то, что своеобразная лесисто-болотистая местность, на какой развертывалась Белорусская операция, не позволяла создать сплошное кольцо окружения.

В данной конкретной обстановке прежние методы ликвидации противника мы считали неподходящими. Нужно было придумать что-то новое. Родилась, в частности, такая идея: нанеся поражение основной массе войск противника в тактической глубине его обороны мощным артиллерийским и авиационным ударом, отбросить их остатки с оборудованных позиций в леса и болота. Там они окажутся в менее благоприятных условиях: мы будем бить их с фронта, с флангов, с воздуха, а с тыла помогут партизаны. По результатам это было равнозначно окружению, и мы считали такой метод действий безусловно выгодным.

Особое место при разработке плана «Багратион» занимал вопрос о темпе наступления. Известно, что высокие темпы продвижения наступающих войск воспрещают или затрудняют противнику организацию и ведение планомерных оборонительных действий. В конечном счете это приводит обороняющегося к полной потере инициативы и окончательному разгрому. Но для того чтобы наступление шло в высоком темпе, необходимы подвижные силы, а их у нас в период разработки плана Белорусской операции почти не было. Все наши танковые армии по-прежнему находились на южном крыле советско-германского фронта. К тому же мы отлично понимали, что на очень трудной лесисто-болотистой местности Белоруссии можно применить относительно небольшое количество подвижных войск, главным образом в виде отдельных танковых полков, бригад и корпусов, в лучшем случае — одной танковой армии.

Включение танковой армии в состав наступающей группировки, несомненно, могло придать операции гораздо большую стремительность. И Генеральный штаб решил просить об этом при обсуждении плана в Ставке.

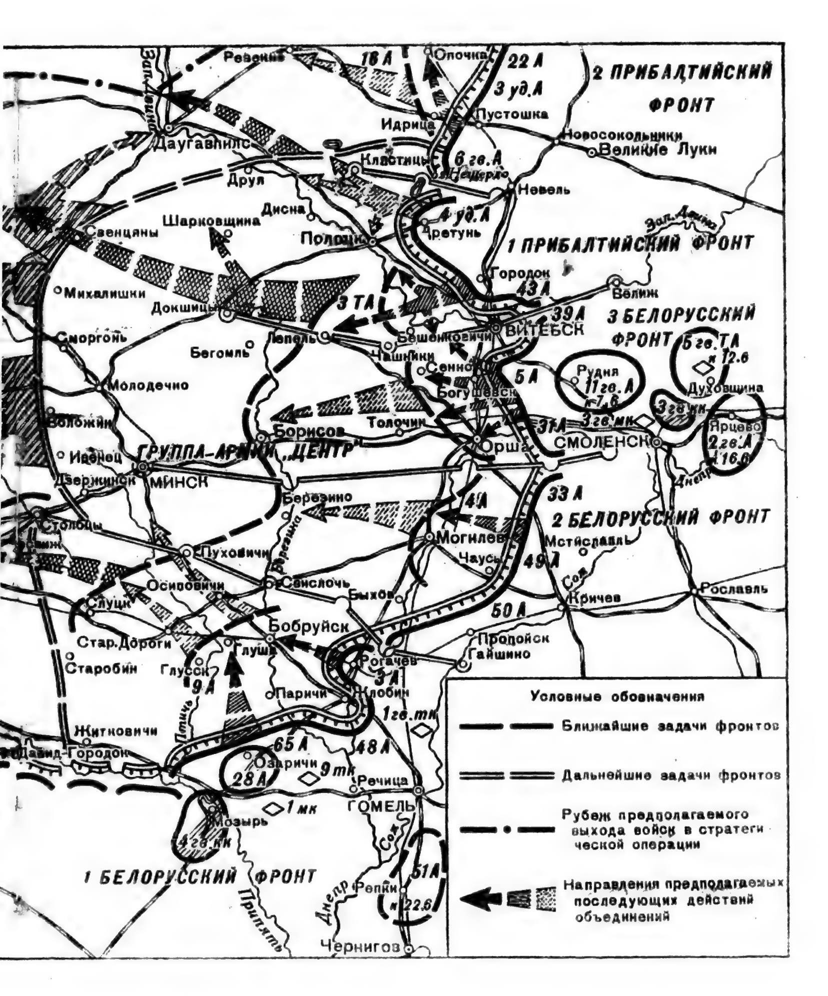
В Ставке план обсуждался 22 и 23 мая с участием Г. К. Жукова, А. М. Василевского, командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта И. Х. Баграмяна, командующего войсками 1-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского, членов военных советов этих же фронтов, а также А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, М. П. Воробьева, И. Т. Пересыпкина и работников Генштаба во главе с А. И. Антоновым. И. Д. Черняховский отсутствовал по болезни. И. Е. Петрова, как действовавшего на вспомогательном направлении, в Ставку не вызывали.

В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции — окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий «Центр». Генеральный штаб, как уже отмечалось, не хотел употреблять слово «окружение», но нас поправили. Окружению должен был предшествовать одновременный разгром фланговых группировок противника — витебской и бобруйской, а также его сил, сосредоточенных под Могилевом. Тем самым сразу открывался путь на столицу Белоруссии по сходящимся направлениям.

Операция

По ходу обсуждения замысла уточнялся состав ударных группировок фронтов, решались вопросы усиления их подвижными войсками. Была, в частности, удовлетворена и наша просьба об использовании на главном направлении 3-го Белорусского фронта одной танковой армии: туда перебрасывалась 5-я гвардейская. Глубину и темп операции предполагалось увеличить также за счет ввода в

«Багратион»

действие общевойсковых армий из резерва Ставки. Начинать наступление решили 15—20 июня.

И. Х. Баграмян предложил направить усилия 1-го Прибалтийского фронта главным образом на обеспечение операции от возможного контрудара со стороны группы армий «Север». С ним согласились. Задача фронта была несколько изменена. Теперь уже не предусматривалось непосред-

ственное его участие в окружении противника восточнее Минска. Он должен был наступать в обход Полоцка с юга, отсекая главные силы группы армий «Север» от неприятельских войск, действовавших на центральном участке. Кроме того, обеспечение операции с севера предлагалось решать за счет активных действий 2-го Прибалтийского фронта.

Южный фланг нас беспокоил меньше. Полесье надежно прикрывало его, ограничивая контрманевр противника только ударом из глубины. К тому же в ходе операции «Багратион» должно было начаться наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. Выделять крупные силы для обеспечения этого фланга не было никакой необходимости.

На 2-й Белорусский фронт возлагалась задача сковать как можно больше вражеских войск и не позволить гитлеровскому командованию использовать их для противодействия обходному маневру 3-го и 1-го Белорусских фронтов. У Ивана Ефимовича Петрова имелся в этом отношении достаточный опыт, и за него мы тоже были спокойны.

И. Д. Черняховский прибыл в Москву после болезни — 24 мая. Вместе с ним приехал и член Военного совета В. Е. Макаров. Привезенный ими план фронтовой операции рассмотрели лично Г. К. Жуков и А. М. Василевский и в основном одобрили его. Однако днем 25 мая при докладе плана в Ставке было предложено спланировать для 3-го Белорусского фронта два одновременных удара — на богушевском и оршанском направлениях. В течение ночи над этим трудились И. Д. Черняховский, В. Е. Макаров и начальник направления полковник В. Ф. Мернов. В новом графическом плане операции было показано также усиление фронта 5-й гвардейской танковой армией и еще одной артиллерийской дивизией прорыва.

Перед рассветом Черняховский, Макаров и я поехали на «Дальнюю дачу» Сталина по Дмитровскому шоссе. Верховный Главнокомандующий выслушал наш доклад и утвердил план без замечаний.

После этого нас всецело поглотили заботы о материальном обеспечении наступления в Белоруссии. Со всех сторон на белорусское направление устремились многочисленные железнодорожные эшелоны с войсками, вооруже-

нием, техникой и другими военными грузами. День ото дня ширилась переброска двух армий из Крыма. Мы всячески старались сохранить это в тайне. Еще 21 мая командующему 4-м Украинским фронтом была направлена телеграмма, предписывавшая соблюдать строжайшие меры скрытности железнодорожных перевозок. Запрещалась служебная переписка по этому поводу, почти полностью прекращались командировки офицеров и генералов в Москву. На остановках эшелоны немедленно оцеплялись сильными патрулями и люди выпускались из вагонов лишь командами. Линейным органам ВОСО и работникам НКПС никаких данных, кроме номера, присвоенного эшелону, не сообщалось.

К началу перегруппировки 5-й гвардейской танковой армии обнаружилось, что из ее состава на месте хотят изъять часть танков и полки самоходной артиллерии. Желание фронта было, конечно, понятно, но ослаблять армию никак не входило в расчеты Генерального штаба. В связи с этим 2-му Украинскому фронту была дана следующая директива:

«5-ю гвардейскую танковую армию отправить в составе корпуса Вовченко и корпуса Кириченко со всем наличием людей, материальной части и имущества. Оба корпуса должны иметь не менее 300 танков».

Осуществляя перегруппировку войск и накапливая для предстоящего наступления необходимые материальные средства, мы все время испытывали чувство тревоги за железнодорожный транспорт. Он был сильно перегружен и мог подвести нас. Мысль о своевременном завершении железнодорожных перевозок гвоздем сидела в мозгу работников Оперативного управления Генерального штаба. О наших опасениях не один раз докладывалось Сталину. Но Верховный полагался на Наркома путей сообщения и, как вскоре выяснилось, явно переоценил возможности последнего. Железные дороги к сроку своей задачи не решили, из-за чего начало операции пришлось отложить на несколько суток.

Параллельно с гигантской работой по сосредоточению войск и запасов для наступления в Белоруссии мы продолжали, конечно, совершенствовать оперативную сторону плана летней кампании в целом. Генеральный штаб рассмотрел соображения по Выборгской и Свирско-Петрозаводской операциям, представленные соответственно

командованием Ленинградского фронта во главе с генералом армии Л. А. Говоровым и командованием Карельского фронта, возглавлявшегося генералом армии К. А. Мерецковым. Как уже говорилось раньше, действиями этих двух фронтов, в благоприятном исходе которых никто не сомневался, должно было начаться победоносное шествие Советской Армии летом 1944 года. Затем эстафета побед вручалась войскам на главном — белорусском направлении и в ходе их наступления — армиям 1-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева.

Масштабы активных действий советских войск должны были непрерывно нарастать таким образом, чтобы наше наступление превратилось к концу лета в разрушающую все преграды стремительную лавину, перед которой не могла бы устоять военная машина третьего рейха. Наше правительство не делало из этого секрета для своих союзников. 30 мая оперативные замыслы Советского Верховного Командования в окончательном виде легли на карту Генерального штаба, 31 числа того же месяца были отданы соответствующие директивы фронтам, а уже 6 июня И. В. Сталин написал У. Черчиллю:

«Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск».

В этом письме содержалась точная и достаточно подробная характеристика наших оперативных замыслов.

Вслед за директивой о наступлении в Белоруссии на фронты сразу же выехали представители Ставки. Прежде всего им надлежало убедиться, правильно ли понята эта директива, всем ли командующим ясны задачи, не толкуются ли они каждым по-своему. Затем представители Ставки должны были вместе с командованием и штабами фронтов выработать наилучшие способы применения наличных сил и средств, организовать взаимодействие и в дальнейшем строго контролировать исполнение утверж-

денного плана. В обязанность им вменялось также оказание помощи фронтам в материально-техническом обеспечении операции.

На Г. К. Жукова возложили координацию деятельности 1-го и 2-го Белорусских фронтов. А. М. Василевского направили на 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, где командующие не имели еще достаточного опыта организации и ведения фронтовых операций большого размаха. Черняховский до того вообще не командовал фронтом. Поэтому Александр Михайлович, обладающий не только талантом крупного военачальника, а и качествами воспитателя, был здесь наиболее полезен.

Меня во главе группы офицеров Генштаба послали на 2-й Белорусский фронт. Положение мое оказалось несколько своеобразным: с одной стороны, я был подчинен представителю Ставки Г. К. Жукову, а с другой — пользовался правом напрямую связываться с начальником Генерального штаба и решать с ним все вопросы по ходу подготовки операции.

Наряду с выполнением многих других обязанностей мне предстояло ввести в курс дела только что назначенного взамен И. Е. Петрова нового командующего фронтом Г. Ф. Захарова и помочь ему, по крайней мере на первых порах. В состав моей группы включили генерал-полковника Я. Т. Черевиченко, главным образом для организации контроля за ходом боевой подготовки войск.

Замена И. Е. Петрова была произведена по личному распоряжению И. В. Сталина. Однажды, когда мы с Антоновым приехали в Ставку с очередным докладом, Верховный Главнокомандующий сказал, что член Военного совета 2-го Белорусского фронта Л. З. Мехлис пишет ему о мягкотелости Петрова, о неспособности его обеспечить успех операции. Мехлис доложил также, что Петров якобы болен и слишком много времени уделяет врачам. Для нас это оказалось полной неожиданностью. Мы знали Ивана Ефимовича как самоотверженного боевого командира, целиком отдающегося делу, очень разумного военачальника и прекрасного человека. Он защищал Одессу, Севастополь, строил оборону на Тереке. Мне пришлось неоднократно бывать у него в Черноморской группе войск, на Северо-Кавказском фронте, в Отдельной Приморской армии, и я был убежден в его высоких командирских и партийных качествах. Видимо, у Сталина было какое-то

предвзятое отношение к Петрову. Только в январе Ивана Ефимовича отстранили от командования Отдельной Приморской армией, в мае назначили с повышением на 2-й Белорусский фронт, а через полтора месяца опять сняли, чтобы еще через два месяца — 5 августа того же 1944 года — вновь назначить на пост командующего фронтом. Теперь уже 4-м Украинским. К чести Петрова надо сказать, что он мужественно перенес это и на любом посту отдавал Родине все, что имел,— знания, опыт и здоровье.

Преемник Ивана Ефимовича на 2-м Белорусском фронте генерал-полковник Г. Ф. Захаров был человеком весьма своенравным и не в меру горячим. Я очень опасался, что он начнет по-своему трактовать уже утвержденный Ставкой план операции, осложнит отношения с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. Н. Боголюбовым, работником опытным, но тоже очень вспыльчивым.

На мою долю выпала нелегкая задача как можно безболезненнее провести смену командующих. На фронтовом командном пункте в моем присутствии И. Е. Петров лично доложил обстановку и план предстоящих действий.

В состав фронта входили тогда три общевойсковые армии: 33-я, которой командовал генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин, 49-я под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина и 50-я армия генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Воздушной армией командовал генерал-полковник авиации К. А. Вершинин. Фронтовое управление было вполне сколоченным; костяк его составляли генералы и офицеры, прошедшие большой боевой путь и хорошо знавшие свое дело.

Учитывая психологическое состояние И. Е. Петрова, можно было ожидать, что он в своем докладе не поскупится на мрачные краски, допустит преувеличение трудностей. Это мне казалось нежелательным, так как могло породить у нового командующего чувство неуверенности. Но ничего подобного не случилось. Все шло нормально. Петров докладывал правдиво. Для него и в данном случае превыше всего были интересы дела, а личная обида отодвигалась на задний план.

Никаких неясностей относительно задач фронта или способов их решения в ходе доклада не возникло. Да и как они могли возникнуть, если еще полмесяца назад со

2-го Белорусского фронта в Ставку были присланы хорошо продуманные соображения. Цель наступления вырисовывалась четко — разгромить могилевскую группировку противника и выйти на Березину. Направление главного удара и участок прорыва были избраны в принципе верно — из района Дрибин, Дедня, Рясна в обход Могилева с севера в расчете разъединить противостоявшие неприятельские войска и уничтожить их по частям. В ходе развития удара предполагалось захватить плацдарм на западном берегу Днепра севернее Могилева и овладеть городом.

Генеральный штаб не согласился тогда лишь с группировкой сил фронта и несколько усложненным маневром при прорыве обороны противника. Получалось так, что 49-я армия должна была наносить не только главный удар, но еще и вспомогательный — на Бординичи, Горбовичи, Слободку. Другие армии действовали на своих направлениях. В итоге создавалось опасное для исхода операции раздробление сил фронта, чего, конечно, допускать не следовало. Поэтому в директиве Ставки от 31 мая фронту прямо предлагалось иметь на главном направлении не менее 11—12 дивизий со средствами усиления и нанести один общий удар. Таким путем достигалось необходимое массирование усилий фронта, обеспечивавшее прорыв обороны противника на всю ее глубину.

При передаче фронта новому командующему Петров сказал и об этом без всяких обиняков, даже подчеркнул очевидную целесообразность поправки, внесенной Ставкой. После его доклада были заслушаны начальник штаба, командующие родами войск, начальники служб. Тут же Иван Ефимович распрощался со всеми и отбыл.

На следующее утро новый командующий знакомился с войсками. Вместе мы выехали в 49-ю армию и просмотрели на позициях по одному полку в 290-й и 95-й стрелковых дивизиях. Оба полка производили благоприятное впечатление: были укомплектованы почти до штата, личный состав имел неплохую выучку. Однако поражало почти полное отсутствие в боевых подразделениях людей, отмеченных правительственными наградами. Орденов и медалей не получили даже те из солдат, сержантов, командиров взводов, рот и батальонов, которые воевали с первого дня войны, не раз проявляли героизм и имели по нескольку ранений. А вот в тылах награжденных наблю-

далось многовато. Я, конечно, постарался сделать все что мог для исправления этой несправедливости.

А Захаров, как мы и ожидали, не замедлил объявить, что до него здесь все было плохо и ему-де придется долго исправлять чужие грехи. Тут же с ходу он пытался опротестовать направление главного удара в подготовляемом наступлении. Внешне доводы его казались вполне логичными: зачем, мол, заставлять войска форсировать в ходе наступления реку Проню, если у соседней 50-й армии имеется уже готовый плацдарм? Захаров настаивал на перенесении усилий фронта в полосу 50-й армии, не дав себе труда побывать на местности. А местность в районе плацдарма господствовала на стороне противника и никак не позволяла нам в полную меру использовать главную ударную силу — артиллерию. На участке же прорыва, намеченном Петровым и одобренном Генеральным штабом, артиллерия имела возможность надежно подавить всю тактическую зону неприятельской обороны, чем вполне компенсировалась необходимость форсирования реки. Да и без того Проня не представляла здесь собой серьезной преграды. Лишь после того как были изложены все эти соображения и в категорической форме заявлено, что решение, утвержденное Ставкой, менять без ее ведома нельзя, Захаров скрепя сердце сдался.

Второй неприятный срыв произошел у него 7 июня. В этот день на командном пункте И. Т. Гришина было созвано совещание командиров корпусов и дивизий. Имелось в виду заслушать их доклады по обстановке и поставить некоторые задачи по подготовке войск и органов управления к наступлению.

Собрались в большой палатке госпитального типа. Все с повышенным интересом приглядывались к новому командующему. Г. Ф. Захаров уловил это и начал совещание с подробного рассказа своей биографии, особенно налегая на боевую практику. Потом вдруг без заметного повода пустился в рассуждения об отличии строевого совещания от собраний. Слово «строевого» было произнесено с подчеркнутым пафосом, и затем прозвучала такая тирада:

— Здесь говорить буду я, а вам надлежит только слушать и записывать мои указания.

Тут же командующий потребовал показать, на чем кто собирается вести записи. Поднялись руки с листками и потрепанными блокнотами. Г. Ф. Захаров распорядился

немедленно раздать заранее заготовленные рабочие тетради и довольно пространно объяснил их значение.

Вооружившись тетрадями, все, естественно, приготовились записывать указания, но таковых не последовало. Вместо указаний командующий стал поднимать участников совещания и поочередно задавать каждому вопросы по уставам, по тактике общевойскового боя. Многие смешались, отвечали невпопад. Захаров взвинчивался все больше и больше, перешел на грубости. Атмосфера накалилась. Нужно было принимать какие-то меры. Поскольку совещание длилось уже достаточно долго, я предложил сделать перерыв.

Пока командиры, выйдя из палатки, курили и сдержанно обменивались впечатлениями, мы с Захаровым успели объясниться. Я постарался убедить его, что продолжать в таком духе и тоне не следует. После перерыва он повел себя по-иному. Говорил дельно и действительно дал ряд важных указаний по подготовке к прорыву неприятельской обороны.

Вскоре почувствовалось, что, несмотря на все шероховатости первой половины совещания, между командующим и аудиторией начинает устанавливаться контакт. Командиры успокоились и слушали его внимательно. Но когда в качестве образца для подражания без каких-либо оговорок была названа «Памятка по прорыву обороны», составленная и применявшаяся в боях за Крым, люди опять заволновались. И это понятно: ведь в Таврии местность типично степная, ровная, как стол, позиции сторон на фронте 2-й гвардейской армии, которой командовал там Захаров, сходились почти вплотную. В такой обстановке «Памятка» резонно рекомендовала стремительным броском преодолевать расстояние до траншей противника вслед за перемещением артиллерийского огня. Но здесь-то, в Белоруссии, перед нашим передним краем лежала низменная пойма реки Прони почти в два километра шириной, и только за ней располагался противник, скрытый к тому же лесом. Такое пространство броском не проскочишь. Здесь не годились методы действий, оправдавшие себя в Таврии.

Волнение присутствующих не ускользнуло от внимания командующего. Он поправился: к использованию любого опыта следует, мол, подходить творчески. «Памятку», привезенную из Крыма, раздавать не стали, и закончилось совещание вполне нормально. В последующем Г. Ф. Заха-

ров сам с пристрастием следил за тем, чтобы способы действий войск всегда отвечали условиям обстановки, согласовывались с ее особенностями.

Выбор наиболее целесообразных способов действий войск в предстоящем наступлении стал предметом особых забот командиров всех степеней. Над этим размышляли в каждом штабе. Много потрудились в этом отношении и представители Ставки.

Г. К. Жукова, например, в течение по крайней мере двух недель с утра до ночи занимал вопрос, как лучше разделаться с противником в районе Бобруйска? В поисках ответа Георгий Константинович выехал на правое крыло 1-го Белорусского фронта севернее Полесья и вместе с К. К. Рокоссовским собрал на совет командармов П. И. Батова, А. В. Горбатова, П. Л. Романенко, С. И. Руденко. Приглашены были также командующий артиллерией фронта В. И. Казаков и командующий бронетанковыми войсками Г. Н. Орел. Изучив характер местности и систему неприятельской обороны, все сошлись на том, что если из последней выхватить здесь обширный кусок и после прорыва окружить немцев, то обнажится основание всей их группировки в Белоруссии, и она рухнет полностью. Но решиться на такое можно было лишь при полной уверенности, что окружение удастся осуществить в короткое время и в еще менее продолжительный срок противник окажется ликвидированным. В других случаях операция грозила затянуться, а это повлекло бы за собой тяжелые последствия.

Представитель Ставки поработал на местности в полосе каждой армии, еще и еще раз примериваясь и рассчитывая различные варианты операции, пока, наконец, не было признано окончательно, что наилучшим способом решения задачи 1-го Белорусского фронта будет окружение противника в районе Бобруйска с последующим уничтожением окруженных. Этот мучительный вопрос разрешился, можно считать, только 19 июня.

То же происходило и на других направлениях, в частности на 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах, где работал А. М. Василевский. Он с такой же тщательностью изучал обстановку в полосе каждой армии.

Специальному рассмотрению подверглись способы при-

менения различных родов войск. Особое внимание было уделено артиллерии и авиации. Ведь по замыслу операции от них требовалось нанесение такого огневого удара по тактической зоне обороны немцев, который позволил бы нам быстро вырваться на оперативный простор.

Над тем, как лучше провести артиллерийскую подготовку атаки, думали все — от представителя Ставки и командующего фронтом до командиров рот и батарей. Всеми путями уточнялись наиболее важные цели, рассчитывались возможности различных артиллерийских систем и приемы ведения огня, определялись условия и содержание взаимодействия артиллерии с авиацией, танками, пехотой.

Появились оригинальные приспособления. В частности, на 2-м Белорусском фронте была сконструирована так называемая летающая торпеда, очень простая по замыслу. На реактивный снаряд М-13 с помощью железных обручей крепилась деревянная бочка обтекаемой формы. Внутрь бочки заливался жидкий тол. Общий вес такого устройства достигал 100—130 килограммов. Для устойчивости в полете к хвостовой его части приделывался деревянный стабилизатор. Стрельба производилась из деревянного ящика с железными полозьями в качестве направляющих. Ящик этот помещали предварительно в котлован и придавали ему нужный угол возвышения. При желании торпеды можно было запускать сериями по пять — десять единиц одновременно.

9 июня мы провели опытную стрельбу. Выпустили 26 торпед одиночным порядком и сериями. Дальность их полета достигала 1400 метров, а взрывы были такой силы, что в суглинистом грунте образовались воронки по шесть метров в диаметре и до трех метров глубиной. Командование фронта считало целесообразным применить в процессе артподготовки по крайней мере 2000 этих устройств. Но перед тем требовалось добыть столько же реактивных снарядов М-13, в которых очень нуждались все фронты. Пришлось опереться на авторитет Генштаба. В результате снаряды были получены и самодельные торпеды успешно дополнили мощь нашего огневого удара по обороне противника.

Немало поломали голову и над использованием танков. Местность была трудной для них. Леса и болота ограничивали маневр. На этом основании многие решили, что при-

менять здесь танковые войска можно только мелкими подразделениями в качестве непосредственной поддержки пехоты. Определилась реальная опасность раздергивания танковых корпусов. Допустить этого мы не могли. В Генеральном штабе существовало твердое убеждение, что для развития успеха операции непременно надо массировать танковые удары на большую глубину.

Самые насущные нужды 28-й и 48-й армий в танках непосредственной поддержки пехоты были удовлетворены за счет отдельных танковых полков и самоходной артиллерии. Корпуса же удалось сохранить, и в последующем они с большой эффективностью действовали на бобруйском и слуцком направлениях.

Правильно был решен вопрос и в отношении 5-й гвардейской танковой армии. Она представляла собой сильное объединение с опытным составом командиров и бойцов. Возглавлял армию П. А. Ротмистров. Первоначально намечалось задействовать ее сразу после прорыва тактической обороны противника для развития успеха на оршанском направлении, которое тогда рассматривалось как основное. Но 17 июня, при обсуждении у Верховного Главнокомандующего доклада А. М. Василевского по плану действий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, оршанское направление было признано малоперспективным. Возникла мысль о возможности применения танковой армии севернее Орши в полосе 5-й общевойсковой армии, где немцы имели менее сильные позиции. Здесь танки предполагалось ввести в сражение также после прорыва тактической обороны противника. Право выбора наиболее целесообразного варианта их использования закрепили за представителем Ставки, а время передачи танковой армии в распоряжение фронта определялось Генеральным штабом и утверждалось лично Верховным Главнокомандующим. Таким образом, до окончательного выяснения вопроса, где лучше и когда именно применять танковую армию, она оставалась в руках Ставки.

На 2-м Белорусском фронте развитие успеха операции должно было осуществляться иными средствами. Крупных танковых соединений он не имел. Однако тщательное изучение задачи показало, что без подвижной группы ему не обойтись. Она требовалась прежде всего для того, чтобы в решающий момент прорваться на западный берег Днепра, севернее Могилева, захватить там плацдарм и удержи-

вать его до подхода основных сил 49-й армии. Мы опасались, что в противном случае враг может закрепиться по Днепру, усилив оборону отходящими войсками.

И подвижная группа была создана. В состав ее вошли: одна стрелковая дивизия, две танковые бригады, одна истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и небольшие специальные подразделения. Возглавил все это заместитель командующего 49-й армией генерал А. А. Тюрин. В ходе операции ему действительно удалось протолкнуть свою группу вперед. Она форсировала Днепр в районе Добрейки и во взаимодействии с 4-й воздушной армией успешно отразила контратаки противника, способствуя наступлению всей ударной группировки фронта.

С авиацией мы связывали очень большие надежды буквально на всех направлениях. Подготавливая наступление в условиях лесисто-болотистой местности, нельзя было не предвидеть, что с началом преследования врага артиллерия наша отстанет. Ведь отдельных маршрутов для нее не имелось: хочешь не хочешь, а при смене огневых позиций пользуйся дорогами, до крайности забитыми другими войсками. Это почти неизбежно влекло за собой ослабление артиллерийской поддержки при развитии успеха. Компенсировать недостачу артогня могла здесь только авиация.

Еще 7 июня А. М. Василевский совместно с И. Д. Черняховским и заместителем командующего Военно-Воздушными Силами Ф. Я. Фалалеевым разобрал детальный план авиационного наступления. Однако в последующем в него были внесены существенные коррективы, поскольку у Г. К. Жукова зародилась мысль привлечь к участию в разгроме группы армий «Центр» не только фронтовую авиацию, но и дальнюю.

10 июня, по просьбе Георгия Константиновича, Верховный направил в Белоруссию командующего Военно-Воздушными Силами А. А. Новикова. Затем туда же прибыли начальник штаба ВВС С. А. Худяков, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов и его заместитель Н. С. Скрипко. 19 июня под руководством Г. К. Жукова и при участии начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева, а также двух командующих воздушными армиями — С. И. Руденко и К. А. Вершинина был окончательно уточнен маневр всеми наличными авиационными средствами в интересах

1-го и 2-го Белорусских фронтов. Удары с воздуха четко увязывались с действиями артиллерии по времени, целям и этапам наступления. Для 3-го Белорусского фронта дополнительно выделили 350 самолетов дальней авиации.

И все-таки в последующем не обошлось без осложнений. Мне довелось поволноваться за действия авиации на 2-м Белорусском фронте. Оснований для этого оказалось более чем достаточно. Дело, во-первых, в том, что в полосе фронта через огромный лесной массив одинокой нитью тянулось сильно выбитое, но доступное для движения шоссе Могилев — Минск. По нему ожидался отход основной массы разбитых войск противника, и 4-я воздушная армия, безусловно, должна была своими ударами с воздуха создать здесь многочисленные пробки, нанести дополнительный урон немцам в живой силе и технике. Наиболее подходящими для этой цели являлись также переправы через Березину — реку относительно крупную, но бедную мостами. Авиации, разумеется, требовалось много горючего, а его-то как раз и не хватало. Оно находилось на складах в Подмосковье. Его все время обещали подвезти, но до начала операции оставались считанные дни, а транспорты с горючим не появлялись. Они прибыли лишь в самый канун наступления.

Немало волнений доставила и авиация дальнего действия. В принципе с применением ее все было ясно, но на практике получалось иначе. Два маршала — Жуков и Василевский, организовавшие боевые действия справа и слева от 2-го Белорусского фронта, все прибрали к своим рукам. После наших настойчивых просьб Георгий Константинович выделил нам некоторое количество авиации дальнего действия, но только на бумаге. На деле же до самого последнего момента мы не имели возможности даже ставить задач тяжелым бомбардировщикам — их представители в штабе 2-го Белорусского фронта не появлялись. Эта сила, казалось, начисто выпадает из огневого баланса фронта. Однако к началу операции все утряслось: определилось, что 1-й Белорусский фронт перейдет в наступление на день позднее других фронтов, и авиация дальнего действия, запланированная для него, сумела основательно поработать в интересах 2-го Белорусского фронта.

Ставка и Генеральный штаб всеми способами старались до конца искоренить элементы неорганизованности. И нуж-

но сказать, что теперь это удавалось им гораздо легче, чем в прошлом. Люди, управлявшие войсками, день ото дня не только мужали духом, но и совершенствовали стиль командной и штабной работы. Они становились подлинными мастерами своего дела. Повсеместно наблюдался процесс поразительно быстрого профессионального роста офицеров и генералов, развивались их организаторские навыки, углублялось военное мышление. Поэтому все трудности, возникавшие на пути к цели, в конечном счете успешно преодолевались.

На протяжении всего времени подготовки к Белорусской операции наши командиры и штабы сверху донизу пристально следили за противником. Разведчики днем и ночью проводили поиски, добывали «языков». Войска в целом вели непрерывное наблюдение за режимом на вражеских позициях. Операторы стремились проникнуть в тайные мысли неприятеля. Командующий 4-й немецкой армией Типпельскирх был нам известен как хорошо подготовленный генерал. Что он думал? Какие планы вынашивал?

10 июня в районе Могилева партизаны захватили пленного. Он принадлежал к 60-й моторизованной дивизии. На допросе выяснилось, что это соединение прибыло из-под Нарвы и находилось в очень потрепанном состоянии. Дивизия остро нуждалась в доукомплектовании. Расположили ее вдоль магистрали Могилев — Минск. Что это, случайность или противник пронюхал о нашем наступлении и планомерно готовился к отражению его?

Сохранять предстоящие действия в тайне становилось все труднее. Попробуй скрыть перевозки, развертывание, учения войск! И все-таки мы надеялись достигнуть этого.

Появление в полосе 2-го Белорусского фронта новой моторизованной дивизии противника, конечно, обеспокоило нас. Стали еще внимательнее изучать по ежедневным сводкам режим его артиллерийского огня, характер действий вражеской авиации. Все как будто оставалось без существенных изменений. Постепенно по многим признакам мы убедились, что 60-я моторизованная дивизия прибыла сюда просто для пополнения.

Одолевали и другие заботы, в частности обучение войск практическим действиям на своеобразной белорусской

местности, в обстановке, максимально приближенной к боевой. Принцип этот разделялся всеми, но на практике выдерживался не всегда. 11 и 12 июня я вместе с Г. Ф. Захаровым присутствовал на учениях в 32-й и 290-й стрелковых дивизиях. Внешне учения проходили вполне нормально. Бойцы хорошо маскировались, ловко переползали, стремительно с криком «ура!» атаковали «противника». Но при всем том духа подлинного боя не чувствовалось: никто не стрелял, даже мишеней не было. Пришлось вмешаться. Г. Ф. Захаров распорядился, чтобы впредь такого рода учения проводились непременно с боевой стрельбой.

Во фронтовых условиях это не так-то просто. Здесь нет стационарных стрельбищ и полигонов. Но главная сложность даже не в том. Труднее всего максимально приблизить учения к реальной обстановке будущего наступления и в то же время не расшифровывая до срока истинных своих намерений. В организации таких учений на 2-м Белорусском фронте особенно проявил себя Я. Т. Черевиченко — большой любитель и специалист этого дела. Он буквально пропадал в подразделениях, и его помощь оказалась значительной. Затраченные тогда усилия окупились затем с лихвой.

Немецко-фашистские генералы, попавшие в плен под Минском, крайне удивлялись тому, с какой легкостью оказались опрокинутыми там лучшие соединения гитлеровских войск. Для нас же в этом не было ничего удивительного. Такой исход боевых действий прочно закладывался еще в период подготовки удара. До наступления с каждым батальоном из дивизий первого эшелона мы проводили, по крайней мере, по 10 учений. Примерно то же было и на других фронтах. Войска и штабы настойчиво отрабатывали именно те задачи, которые им предстояло решать в бою. Четко организовалось взаимодействие пехоты, артиллерии и танков, причем основной упор делался на батальон и дивизион. Пехотинцы научились «прижиматься» к разрывам снарядов своей артиллерии, а артиллеристы — ставить и перемещать огни, сообразуясь с действиями пехоты и танков. В ходе совместных учений крепла боевая дружба представителей различных родов оружия. Командиры батальонов и дивизионов становились лично знакомыми, а это тоже отнюдь не маловажно для дружной и согласованной боевой работы.

Белорусская операция имела некоторые особенности в отношении управления войсками. Основы управления в оперативном звене вытекали из директивных указаний Ставки от 31 мая: ближайшие задачи в масштабе фронта ограничивались глубиной в 60—70 километров, а последующие не превышали 200 километров. Для 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов последующие задачи вообще определялись только в форме указания о направлении наступления. Теперь это некоторыми осуждается. Отдельные лица считают, что планирование в таком виде не обеспечивало штабу фронта ясного представления о его дальнейших действиях и отрицательно сказывалось на заблаговременной разработке фронтовых мероприятий по обеспечению операции.

В какой-то мере все это так. Но советское высшее командование сознательно не пошло на то, чтобы сразу же ставить войскам задачи на всю глубину стратегической операции. Против этого имелся ряд соображений.

Прежде всего, постановка задач фронтам на большую глубину неизбежно означала бы относительно жесткое использование их сил и средств на избранном направлении, в то время как обстановка диктовала как раз обратное — сохранение всех возможностей для гибкого и быстрого маневра. Ведь замыслом операций предусматривался разгром неприятеля в тактической зоне обороны и окружение крупных вражеских сил лишь после того, как они будут сброшены с позиций. Где, в каком именно месте это должно произойти, можно было только предполагать. Не исключалось, что противник применит маневр с отводом главных сил на новые оборонительные позиции, куда-то в глубину обороны. Как мы теперь знаем, такой вариант действительно обсуждался немецко-фашистским командованием. А это грозило тем, что наш удар пришелся бы по пустому месту, и советскому командованию потребовалось бы полностью перестраивать план наступления. При постановке задач на большую глубину подобная перестройка всегда является более трудной. Следовательно, задачи фронтам надлежало наметить таким образом, чтобы каждый из них имел возможность действовать инициативно, сообразуясь с обстоятельствами. На наш взгляд, этим требованиям вполне отвечала как раз та форма, которую применила Ставка.

Нельзя было не считаться и с тем, что в Белоруссии наши войска уже не один раз терпели неудачи. Их наступления захлебывались где-то у тыловой границы тактической зоны обороны. В предстоявшей операции эта зона была особенно мощной, и нужно было сделать все возможное для того, чтобы внимание и силы войск были сосредоточены в первую очередь на прорыве тактических рубежей. С этой точки зрения ограничение задач первому эшелону фронтов небольшой глубиной также следует признать целесообразным.

Наконец, небольшая глубина фронтовых задач накладывала на командующих фронтами высокую ответственность в отношении предвидения дальнейшего хода событий. При этом Ставка учитывала, что проходившее 22 и 23 мая широкое обсуждение стратегической операции в целом совместно с военными советами фронтов уже дало последним все необходимое для того, чтобы осуществлять подготовку войск строго в духе принятых решений. Командующие фронтами имели полное представление о возможном развитии операции, а значит, могли верно направлять ее и обеспечивать.

К тому же на местах за точным соблюдением буквы и духа директив Ставки наблюдали ее представители, один из которых являлся первым заместителем Верховного Главнокомандующего, а второй — начальником Генерального штаба. Им-то все, что касалось планирования наступления в стратегических масштабах, было известно с исчерпывающей полнотой, а значит, в неотложных случаях они всегда могли дополнить задачи, поставленные фронтом, своими указаниями, что практически и делалось.

Весьма значительную роль сыграли эти же лица в сосредоточении необходимых для наступления войск материально-технических средств. Особенно трудно решался данный вопрос на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах, где должно было вводиться в сражение значительное количество танков, в том числе 5-я гвардейская танковая армия. А. М. Василевский уже 8 июня докладывал в Ставку:

«Прибытие назначенного к Черняховскому задерживается. В частности, у Обухова, который должен был прибыть полностью 5 июня, на сегодня прибыло лишь 50%».

Через три дня Александр Михайлович обратился не-

посредственно к Наркому путей сообщения с просьбой ускорить перевозки и закончить их не позднее 18 июня. Однако 17 числа ему вновь пришлось послать тревожное донесение в Ставку:

«Нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтам войск, а также в подаче некоторых видов снабжения».

Подобная же картина была и на 1-м Белорусском фронте. 11 июня Г. К. Жуков докладывал Верховному Главнокомандующему:

«Продвижение транспортов с боеприпасами для 1-го Белорусского фронта происходит чрезвычайно медленно. В сутки сдается фронту один-два транспорта... Есть основание предполагать, что к установленному сроку фронт обеспечен не будет».

В замедленном темпе подвозились сюда и войска. Опаздывали, в частности, артиллерийская бригада большой мощности и три самоходно-артиллерийских полка. Чрезвычайно задерживался в пути 1-й механизированный Красноградский корпус генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина: к исходу 12 июня прибыло всего пять его эшелонов.

На 2-й Белорусский фронт никак не прибывали до зарезу нужные автобатальоны и авиационное горючее.

Доклады представителей Ставки насторожили И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий запросил фронты, смогут ли они начать операцию в срок. А. М. Василевский ответил ему без обиняков: «Окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог; мы со своей стороны сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные вами сроки».

Сталин, как видно, сумел воздействовать на транспортников. Не удовлетворявший фронты план железнодорожных перевозок был пересмотрен. Транспорт заработал, наконец, в более высоком темпе. Сосредоточение войск ускорилось. Однако срок начала операции пришлось все же перенести с 19 на 23 июня.

С этого числа до конца августа ни на минуту не смолкала великая битва в Белоруссии. Уже в первый ее день оборона противника была прорвана на многих направлениях, и наши армии неудержимо устремились вперед. Однако борьба не отличалась легкостью. Захваченные

пленные показали, что им был дан приказ любой ценой удерживать занимаемые позиции. И они это делали со всей яростью и ожесточением. Но сопротивление врага ломалось, и вал советского наступления катился все дальше на запад.

«Конец приближается... Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского плена» — так охарактеризовал один из видных гитлеровских генералов Зигфрид фон Вестфаль наступление советских войск в Белоруссии[1].

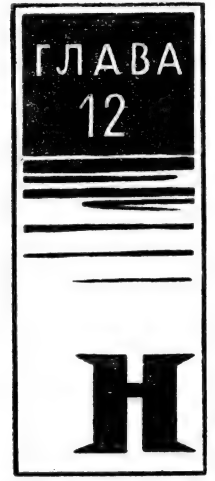
Операция «Багратион» еще раз наглядно показала превосходство советского военного искусства над военным искусством немецко-фашистского рейха. Враг был сброшен с хорошо укрепленных позиций, а затем в считанные дни окружен и уничтожен. В ходе операции наши войска создали три больших очага окружения — в районах Витебска, Бобруйска и Минска. Последний был особенно крупным. Тем не менее и он не приковал к себе на длительный срок значительных сил Советской Армии. Наступление, развернувшееся более чем на тысячекилометровом фронте, проводилось со средним темпом свыше 20 километров в сутки.

Следует также подчеркнуть, что верховное командование противника было введено в заблуждение не только относительно направления главных наших усилий на данном этапе войны. Оно не ожидало и столь большой мощи разящего, как меч, удара.

Длительная и тщательная подготовка операции, проведенная Ставкой и Генеральным штабом в тесном содружестве с командованием фронтов и их штабами, полностью себя оправдала. Глубокий замысел и детально разработанные планы операции явились в руках высшего советского командования одним из средств достижения победы исторического значения.

---

[1] Роковые решения. М., Воениздат, 1958, стр. 258.

НА ПРИБАЛТИЙСКИХ ФРОНТАХ

Возвращаюсь в Москву.— Взгляд в прошлое.— Новые замыслы.— Проблема «Отцы и дети»: поездка с маршалом С. К. Тимошенко.— 3-й Прибалтийский.—В пушкинских местах.—Неудачный доклад К. А. Мерецкова.— Перед решающими операциями.— От берегов Невы до берегов Нарвы.— Л. А. Говоров.— Борьба за Шяуляй и удар на Мемель.— И. Х. Баграмян.— Курляндский загон.

На третий день наступления в Белоруссии, когда наши войска только что прорвали главную полосу обороны противника и устремились в его оперативную глубину, последовал телефонный звонок из Генштаба. Говорил А. И. Антонов:

— Возвращайтесь в Москву. Ваша задача на втором Белорусском фронте выполнена, а здесь много работы.

— Как же так, Алексей Иннокентьевич, — взмолился я, — операция только началась. Дайте хоть какие-то плоды ее вкусить вместе со всеми.

— Пироги и пышки не для нас, — почему-то раздраженно возразил мне Антонов. — Ни о какой отсрочке вашего возвращения и речи быть не может. Это приказание Верховного.

Через несколько минут я связался с Г. К. Жуковым. Просил его вступиться за меня.

— Сочувствую, но помочь не могу, — ответил Георгий Константинович. — Раз приказал Верховный, надо возвращаться...

Сборы были недолги. Самолет Си-47 и его экипаж во главе с майором Бутовским, моим постоянным спутником в командировках на фронт, располагались неподалеку на одном из полевых аэродромов. Через два часа мы вылетели, и поздно вечером 26 июня я был уже в Генштабе. Здесь меня ожидала неотложная работа над планами последующих операций Советских Вооруженных Сил, в частности в Прибалтике.

Должен сказать, что до лета 1944 года для расширения масштабов боевых действий на прибалтийских направлениях не имелось достаточно благоприятных условий. Мы располагали там относительно слабыми силами и средствами, а потому предпринимали только частные операции, и результаты их были весьма скромными.

С расширением масштабов нашего наступления в Белоруссии обстановка резко менялась. Продвижение на главном — западном стратегическом направлении создавало предпосылки для успешных операций в Литве, Латвии и Эстонии. Косвенное, но тоже очень положительное влияние на эти новые операции должны были оказать и наши активные действия на Западной Украине, а в последующем — в Румынии, Венгрии и на территории других стран Балканского полуострова.

Общая благоприятная ситуация дополнялась теперь еще и действиями западных союзников. 6 июня 1944 года они наконец-то высадились в Нормандии и стали расширять захваченный плацдарм. Предполагалось, что в скором времени союзники предпримут широкое наступление на северо-западе Франции.

При разработке плана освобождения Прибалтики не забывался, разумеется, опыт не совсем удачных для нас боев на подступах к ней. Позволю себе поэтому сделать некоторое отступление и вернуться опять к 1943 году.

Исследователи-историки, размышляя над документами той поры, подчеркивают обычно незавершенность операций советских войск на прибалтийских направлениях. Да, наше наступление здесь осенью 1943 и зимой 1944 года действительно не закончилось полным разгромом противника. Нам не удалось отсечь группу армий «Север» и ликвидировать ее.

Естественно напрашивается вопрос: а почему?

В общей форме на него уже отвечено: потому, что на этих направлениях у нас не хватало тогда сил и средств. Причины нехватки читателю тоже известны: ведь именно в то время мы концентрировали главные свои усилия на Правобережной Украине с целью решительного поражения очень сильной и активной группы армий «Юг». Кроме того, было решено продолжать наступление Калининского, Западного и Центрального фронтов.

Успехами на южном крыле и в центре советско-германского фронта предопределялся исход операций и в Прибалтике.

План был в целом правильным, хотя, как выяснилось позднее, в нем не удалось учесть в должной мере возможность подхода резервов противника из глубины Германии и переброску довольно значительных сил с Западного театра. Такие погрешности, конечно, неприятны, но избежать их полностью, по-видимому, нельзя. Это не исключалось даже при той очень неплохой, на мой взгляд, системе работы, какая существовала у нас в годы Великой Отечественной войны.

О том, как разрабатывались планы операций и кампаний в Генеральном штабе, уже рассказывалось. Касался я и того, как они рассматривались и утверждались в Ставке. Но о последнем мне хотелось бы рассказать сейчас поподробнее.

Для обсуждения уже готового плана все члены Ставки собирались обычно в кабинете И. В. Сталина. От военных при этом почти всегда присутствовали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, не считая Антонова, меня и других генералов, представлявших исполнительный аппарат Генерального штаба и центральных управлений наркомата обороны.

Поскольку здесь же решались вопросы обеспечения операций вооружением и техникой, в Ставке нам часто приходилось встречаться с прославленными советскими конструкторами самолетов, танков и артиллерии — А. С. Яковлевым, А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным, А. И. Микояном, Ж. Я. Котиным, В. Г. Грабиным, а также с наркомами Д. Ф. Устиновым, В. А. Малышевым, Б. Л. Ванниковым, А. И. Шахуриным. Военной техникой Сталин занимался лично и ни одного нового образца не пропускал в серийное производство без рассмотрения в Ставке или на заседании Государственного Комитета Обороны.

Обсуждение любого вопроса в Ставке протекало, как правило, в деловой и спокойной обстановке. Каждый мог высказать свое мнение. Сталин никого в особенности не отличал, всех называл пофамильно и только к Молотову обращался на «ты». К нему же самому существовала только одна форма обращения — «товарищ Сталин». Я не помню случая, когда бы Верховный Главнокомандующий

перепутал или забыл фамилию кого-либо из довольно значительного числа людей, являвшихся в Ставку по его вызову.

Заседание, на котором обсуждался план осенне-зимней кампании 1943/44 года, не представляло исключения. Все здесь было, как всегда, и решение последовало четкое: основные людские резервы и материальные средства направить на юг. Прибалтийским фронтам выделялось лишь минимально необходимое. На практике же, как мы знаем теперь, потребности их оказались выше этого минимума.

Немаловажной причиной затяжного характера боевых действий в Прибалтике осенью 1943 и зимой 1944 года являлось и то обстоятельство, что у наступающей стороны хуже были условия для маневра. Враг имел в тылу своей группы армий хорошо развитую дорожную сеть прибалтийских республик. У нас же при подходе к границам Прибалтики дорог было мало и состояние их оставляло желать много лучшего.

Не благоприятствовали наступлению и природные условия — обширные леса, непромерзающие болотные хляби, бесчисленное количество озер и меридионально текущих рек. На такой местности были резко ограничены возможности применения танков, и вся тяжесть борьбы поневоле ложилась на пехоту. Из-за плохой видимости понижалась эффективность артиллерийского огня, требовалось больше боеприпасов, а их не хватало.

По мере развития операции силы сторон все более уравновешивались и борьба принимала форму малорезультативных, но характерных большими потерями лобовых ударов. Ведь с самого начала общая численность группы армий «Север» превышала 700 000 человек. Мы же смогли противопоставить ей около 900 000 человек. Для быстрой победы, да еще в своеобразных природных условиях и при недостатке боеприпасов, этого, конечно, было явно мало.

Никак не способствовало завершенности операций и то, что советские войска атаковали противника, по существу, только на южных и юго-восточных подступах к Прибалтике. Под Ленинградом до января 1944 года пришлось ограничиться действиями местного значения и почти все внимание переключить на подготовку ликвидации блокады города.

Все это, однако, отнюдь не означает, что операции в Прибалтике осенью 1943 и зимой 1944 года прошли бесследно. Наши войска нанесли здесь врагу большие потери, сковали в Прибалтике крупные его силы, отвлекли сюда внимание немецко-фашистского командования с главных направлений. Наконец, эти операции безусловно облегчили достижение очень важной для нас победы под Ленинградом.

Небезынтересно проследить, как складывался и наконец определился окончательно план наших тогдашних действий в Прибалтике.

В то время на дальних подступах к ней, не считая Ленинградского и Волховского фронтов, действовали еще Северо-Западный и Калининский фронты. К границам Латвии и Литвы должен был подойти также Западный фронт. Осенью 1943 года в Генштабе взвешивались возможности нанесения главного удара силами Северо-Западного фронта из района Старой Руссы прямо на запад. Но в итоге определилось, что фронт этот из-за своей слабости, сложной местности и прочной обороны противника задачи своей не решит, разгромить противостоящую ему 16-ю неприятельскую армию не сумеет.

После этого рассмотрели возможность прорыва в полосе Западного фронта с поворотом затем части его сил на север. Таким образом можно было бы свернуть оборону немцев перед Калининским фронтом и вывести последний на Невель, Резекне. Удар Калининского фронта в этом направлении вскрыл бы фланг и тыл противника, а также ослабил сопротивление перед Северо-Западным фронтом, который в этом случае мог бы двинуться вперед. Замысел был очень заманчивым, но и он отпал, так как исходил из успехов Западного фронта, а как раз там день ото дня замедлялись темпы наступления. На глубокий прорыв и развитие действий в сторону одного из флангов надеяться было нельзя.

Существовали и другие варианты, в основе которых лежала одна общая идея: отсечь группу армий «Север» от остальных сил противника на суше и от территории Германии. Для этого один из фронтов должен был наступать вдоль Западной Двины в направлении Полоцк, Даугавпилс (Двинск) и выйти к Риге. Одновременно наме-

чалось дробление прибалтийской группировки противника ударами смежных фронтов и уничтожение ее по частям в условиях почти полной изоляции.

Известное влияние на выбор именно такого способа действий оказало поступление в Генеральный штаб сведений о возможном отходе противника перед Ленинградским, Волховским и Северо-Западным фронтами. Теперь мы знаем, что командование группы армий «Север» действительно вносило предложение об отводе своих войск на рубеж Западной Двины. Однако высшим военным руководством гитлеровской Германии оно было отвергнуто, а настаивавший на таком маневре генерал Линдеман спустя некоторое время уступил место командующего группой генералу Фриснеру. Никакого отхода фактически не состоялось. Противник упорно удерживал занимаемые им позиции и яростно отражал все наши попытки опрокинуть его оборону.

7 октября 1943 года после ожесточенных двухнедельных боев наши войска овладели наконец городом Невель — крупным опорным пунктом и оперативно важным узлом коммуникаций противника. Враг потерял единственную железнодорожную рокаду вблизи линии фронта. Но еще более значительным явилось то, что Невель оказался на стыке двух групп неприятельских армий — «Север» и «Центр». С потерей его затруднялось взаимодействие между этими оперативными объединениями, а в случае дальнейшего развития нашего удара на запад войска противника в Прибалтике могли быть начисто отсечены от своего правого соседа. Естественно, немецкое командование постаралось всячески воспрепятствовать тому, чтобы наш невельский успех перерос в большую победу.

Ожесточенная борьба развернулась и в районе Городка, захват которого открывал перед нами возможность обхода Витебска и всего левого фланга группы армий «Центр» с севера.

Противник отлично разбирался во всех этих тонкостях. На помощь своим сухопутным войскам он привлек сюда дополнительные силы авиации. В воздушном пространстве над Невелем и Городком появились новые соединения бомбардировщиков и истребителей.

Мы со своей стороны тоже приняли некоторые дополнительные меры. К середине октября на идрицком на-

правлении за счет переброски сюда управления и части войск бывшего Брянского фронта, резервов Ставки и соседей был создан новый фронт — Прибалтийский. Во главе его поставили генерала армии М. М. Попова, который незадолго перед тем очень остроумно провел операцию с выходом наших войск через полосу соседа на тылы брянской группировки противника. В результате быстро был освобожден весь массив брянских лесов и сам город Брянск вместе со своим крупным железнодорожным узлом.

Теперь М. М. Попов пытался разгромить идрицкую группировку противника и открыть путь к Риге. С 1 ноября здесь также разгорелись очень трудные бои. Немецко-фашистское командование подтянуло на это направление пять дивизий с других участков фронта. Сопротивление врага резко возросло. Наше продвижение стало исчисляться сотнями метров.

Надо было принимать еще какие-то меры, чтобы изменить положение в нашу пользу. Одной из таких мер являлась перегруппировка войск с идрицкого направления в полосу бывшего Калининского фронта [1]. Предполагалось, что после такой перегруппировки 1-й Прибалтийский фронт отобьет у врага Городок и Витебск, а затем устремится на Полоцк, Двинск, Ригу.

На 1-м Прибалтийском фронте, кроме того, произошли изменения в командовании. С 19 ноября 1943 года командовать им стал генерал И. Х. Баграмян. На следующий же день по вступлении в должность он получил приказ — «покончить с Городком». Но приказ приказом, а взять этот населенный пункт, очень важный для дальнейшего продвижения на Витебск и Полоцк, сразу не удалось. Он был освобожден от оккупантов лишь через месяц, в результате упорных и кровопролитных боев.

И. В. Сталин очень пристально следил тогда за событиями на подступах к Прибалтике. Антонову и мне чаще обычного приходилось ездить к нему с докладом на «Ближнюю дачу». Однажды мы попали туда как раз в обеденное время (обедал Сталин в 9—10 часов вечера, а иногда

---

[1] Калининский фронт с 20 октября 1943 года стал именоваться 1-м Прибалтийским. Тогда же Прибалтийский фронт был переименован во 2-й Прибалтийский.

и позже). Верховный быстро решил все вопросы и пригласил нас в свою столовую. Такое случалось не раз, и память моя зафиксировала некоторые любопытные детали.

Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчины и иных закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей, — и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы.

Позже, уже в бытность мою начальником Генерального штаба, мне приходилось бывать за обеденным столом у Сталина не только в Москве, а и на юге, куда мы вызывались с докладами во время его отдыха. Неофициальный застольный ритуал оставался там точно таким же.

Однако вернемся к операциям в Прибалтике. Зимой 1944 года в Генеральном штабе и Ставке вынашивались новые замыслы в отношении этого района. Ожидалось, что ликвидация блокады Ленинграда изменит здесь положение в лучшую для нас сторону.

Боевые действия Ленинградского и Волховского фронтов по освобождению города Ленина и изгнанию немецко-фашистских оккупантов с территории Ленинградской области завершились к концу февраля. Это была блестящая победа. Ей радовались все прогрессивные люди мира, с волнением следившие за жизнью и борьбой многострадального города. От берегов Невы советские войска шагнули до берегов Нарвы, твердой ногой вступили на землю Эстонской ССР, вышли к Пскову, подступали к Острову.

Действия 2-го Прибалтийского фронта, являвшиеся составной частью операции по деблокированию Ленинграда, протекали менее удачно. Здесь удалось выполнить только первую часть задачи — сковать силы 16-й армии врага и овладеть Новосокольниками. Бои носили очень напряженный характер, но в глубокий прорыв не переросли, и войска остановились в 40—45 километрах к востоку от Идрицы. Южнее 1-й Прибалтийский фронт стоял на подступах к Полоцку и Витебску.

В итоге боевых действий наши войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника. На пути лежал, в частности, Псковско-Островской укрепленный район, который подпирали с юга основные силы 16-й немецкой армии.

Разработкой замысла новых операций по разгрому противника на территории Прибалтики Генеральный штаб занялся с середины февраля. Как всегда, это дело возглавил А. И. Антонов. Я подключился несколько позже, по возвращении из Крыма.

Волховский фронт уже не брался в расчет — 15 февраля его расформировали. Предложение о расформировании исходило от Л. А. Говорова. Он считал, что в интересах единства управления войсками на псковском направлении вся полоса Волховского фронта должна быть передана ему. Ставка с ним согласилась. Но, как оказалось впоследствии, это было ошибкой. Боевая действительность вскоре потребовала на том же примерно участке создать 3-й Прибалтийский фронт.

Обдумывая новые операции в Прибалтике, Генеральный штаб намеревался заставить противника распылить усилия по нескольким направлениям, и в то же время мы старались массировать собственные силы и средства на решающих участках. В соответствии с этим общим принципом главный удар Ленинградского фронта планировался на Нарвском перешейке в направлении Пярну и в обход Тарту с севера. Второстепенный, но тоже достаточно сильный удар этим же фронтом наносился на Псков, откуда предполагалось развить успех в низовье Западной Двины. Наконец, некоторая часть сил должна была наступать в обход Чудского озера с юга на тот же Тарту.

Главный удар 2-го Прибалтийского фронта, как и ранее, нацеливался на Идрицу, Резекне. Вспомогательные удары готовились на Остров и Опочку.

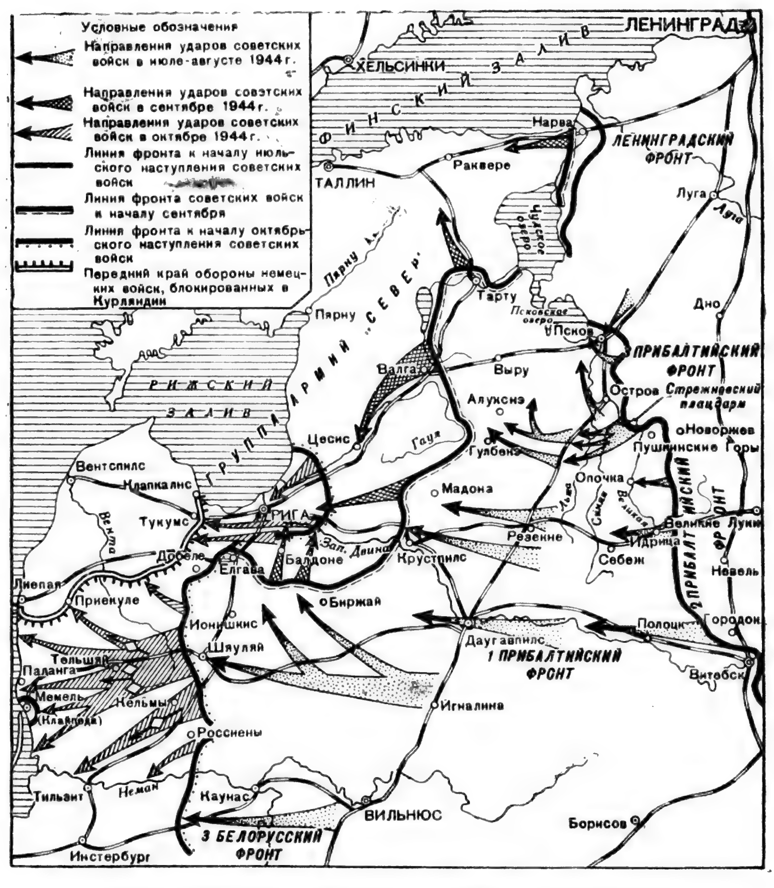
На себежском направлении, примыкающем с юга к идрицкому, замышлялась операция правого крыла 1-го Прибалтийского фронта. Однако главным силам этого фронта предстояло развивать наступление на Витебск.

Объединение усилий на смежных флангах двух фронтов — 2-го и 1-го Прибалтийских — по идее должно было создать перелом под Идрицей и положительно сказаться на ходе всей операции в Прибалтике.

Такое соотношение ударов не только дробило немецкую оборону, но и сулило изоляцию противника в Прибалтике с выходом наших войск к Риге.

В Ставке соображения Генштаба получили полное одобрение, и на основе их уже 17 февраля 1944 года 2-му и 1-му Прибалтийским фронтам были поставлены задачи. Для координации действий этих фронтов Ставка направила в Прибалтику своего представителя Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Меня назначили к нему в качестве начальника штаба. Воспринял я это, прямо скажу, не с восторгом. Во-первых, потому, что прошлые операции в Прибалтике были не очень результативными. И во-вторых, мне было известно скептическое отношение Семена Константиновича к работникам Генштаба. Однако приказ есть приказ. Я еще раз тщательно изучил все материалы, подобрал в помощь себе офицеров и был готов к отъезду.

В назначенный день и час мы собрались на перроне Рижского вокзала. Маршал несколько задержался, и

Боевые действия советских войск в Прибалтике

начальник небольшого специального поезда уже стал нервничать: ведь даже незначительное запоздание при отправлении состава грозило разрастись в пути до нескольких часов, поскольку дорога работала с перегрузкой.

Наконец маршал прибыл. Он был явно не в духе. Холодно поздоровался и прошел в свой вагон. Мы разместились в другом вагоне. Поезд немедленно тронулся.

Через некоторое время меня пригласили к маршалу

на ужин. Ужин этот обернулся очень неприятными объяснениями.

— Зачем тебя послали со мной? — сразу же спросил маршал и не дожидаясь моего ответа продолжал: — Учить нас, стариков, хотите, доглядывать за нами? Напрасное дело!.. Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже дивизии водили в бой, завоевывали для вас Советскую власть. Академии пооканчивали и думаете, что бога за бороду держите... Сколько тебе было лет, когда началась революция?

Я ответил, что к тому времени мне исполнилось лишь 10 лет и, конечно, никакого вклада в революцию мною не сделано.

— То-то! — многозначительно заключил маршал.

Этот разговор привел меня в недоумение. Я подчеркнул, что выполняю только одну задачу, которая ставилась в присутствии С. К. Тимошенко. Других задач не имею, его лично очень уважаю и сам готов учиться у него, а если потребуется в чем-то моя помощь, сделаю все, на что способен.

— Ладно, дипломат, — уже мягче сказал Семен Константинович, — пойдем спать. Время покажет, кто чего стоит.

Вот с таким «ободряющим» напутствием я и приступил к исполнению новых своих обязанностей.

28 февраля мы прибыли в Спичино на командный пункт 2-го Прибалтийского фронта. Генерал армии М. М. Попов создал для нас максимально возможные в боевых условиях удобства: отвел на всех одну хату с вырытыми возле нее щелями.

На следующий день, 29 февраля, С. К. Тимошенко знакомился с обстановкой и уточнял вопросы межфронтового взаимодействия. В Спичино приехал И. Х. Баграмян, к которому я питал чувство глубокой симпатии еще с той поры, когда он был нашим наставником в Академии Генерального штаба. Иван Христофорович вступил в войну начальником оперативного отдела фронта. Потом стал начальником штаба фронта, успешно командовал армией. Любые оперативные вопросы решать с ним было легко и просто. Он быстро договорился обо всем с М. М. Поповым, и оба командующих доложили маршалу,

что их фронты будут готовы начать наступление уже 1 марта. Поскольку этот срок совпадал с плановым и никаких других поправок к плану операции со стороны командующих не последовало, Семену Константиновичу не оставалось ничего, кроме как разрешить наступление.

Некоторые авторы ошибочно утверждают, что 1 марта 1944 года 2-й Прибалтийский фронт перешел к обороне. В действительности события развивались иначе.

1 марта, в 11 часов 20 минут, после артиллерийской подготовки войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов атаковали позиции противника. Результаты первого дня боев в полосе 2-го Прибалтийского фронта были явно неудовлетворительными. Весь этот день мы находились на фронтовом НП и своими глазами видели, как яростно оборонялись немцы, насколько плотным оказался их артиллерийский и пулеметный огонь. Он буквально не давал ходу нашей пехоте.

На 1-м Прибалтийском вначале было наметился некоторый успех, но дальнейшего развития он тоже не получил. Допросом захваченных пленных удалось установить, что противник знал о нашем наступлении и готовился к нему. Систему огня он организовал с учетом наших ударов и многое сумел скрыть от глаз советской разведки. В ходе артподготовки нам не удалось надежно подавить неприятельскую оборону. Не выручила пехоту и авиация, действия которой ограничивала плохая погода. На следующий день повторные наши удары тоже оказались малоэффективными.

Продолжать наступление не было смысла, и его временно прекратили. Нужно было до конца выявить причины неудач и подумать, как лучше организовать дело в будущем. С этой целью утром 3 марта опять все собрались на КП 2-го Прибалтийского фронта. Работали долго и пришли к общему выводу: прорыв очень сильной обороны противника на идрицком направлении не может дать желаемого и скорого результата без большого перевеса над противником в силах и средствах. Здесь были неизбежны значительные потери и огромный расход боеприпасов. Разведка доложила о переброске неприятелем в район Идрицы еще трех пехотных и одной танковой дивизий.

Решено было отсрочить операцию на 8—10 дней. За

это время предполагалось пополнить войска, поднакопить боеприпасов и дождаться подхода 3-го кавалерийского корпуса, выделенного по нашей просьбе для 2-го Прибалтийского фронта.

Все сошлись также на том, что следует отказаться от прорыва на узком участке фронта в лоб идрицкой группировке. Целесообразнее казалось расширить фронт наступления с тем, чтобы выбрать более выгодное обходное направление севернее Идрицы. Свои соображения мы оформили в виде предложений, сопроводили конкретным оперативным планом и в тот же день направили в Ставку. Главный удар 2-го Прибалтийского фронта силами двух армий намечался севернее железной дороги Пустошка — Идрица прямо на запад. Сюда стягивались почти все силы и средства с второстепенных направлений. В частности, на стыке с Ленинградским фронтом оставлялись всего одна дивизия и одна бригада. Удар 1-го Прибалтийского фронта планировался вдоль той же железной дороги из района западнее Невель и тоже силами двух армий.

Через несколько часов из Москвы последовал ответ. Нам предписывалось основной задачей считать выход главными силами 2-го Прибалтийского фронта на левый берег реки Великая севернее Идрицы и разгром общими усилиями двух фронтов идрицкой группировки противника. Ни в коем случае не разрешалось ослаблять стык с Ленинградским фронтом. За 1-м Прибалтийским фронтом оставался по-прежнему удар на Себеж.

Ставка, следовательно, опять привлекала наше внимание главным образом к району Идрицы.

С. К. Тимошенко оказался в очень деликатном положении. Ему было известно, что Военный совет 2-го Прибалтийского фронта еще в январе 1944 года высказался против сосредоточения усилий на идрицком направлении. Доказывалось, что операция здесь не имеет перспектив вследствие плотной группировки войск противника, подвижности его резервов, особенностей местности и ряда других обстоятельств. Военным советом фронта предлагался менее глубокий удар на Новоржев, где можно было затем объединить усилия нескольких армий. И. В. Сталин с этим тогда согласился. Прошло более месяца. Обстановка изменилась. Но мнение у командующего и ряда других руководящих работников фронта осталось преж-

ним. С. К. Тимошенко не мог не считаться с этим, тем более что он сам в какой-то мере солидаризировался с ними на совещании 3 марта. И в то же время ему, как представителю Ставки, надлежало неукоснительно проводить в жизнь ее требования.

Имелась и другого рода сложность. Некоторые командующие армиями долгое время находились в плену предвзятой идеи, будто противник неизбежно сам отойдет за реку Великая. А раз так, зачем губить людей и тратить снаряды? Не лучше ли подождать с наступлением?

После неудачных боев 1 и 2 марта разговоры об отходе немецко-фашистских войск вроде бы прекратились. Противник делом доказал, что он не думает сдавать позиции. Но кто мог поручиться за то, что все, кому следовало организовать наше наступление, твердо в этом убеждены?

Маршал вместе с нами разъезжал из одной армии в другую, целыми днями работал в войсках: проверял их состояние, помогал в работе, убеждал в необходимости разгрома идрицкой группировки. Как и везде, войска здесь были хорошие: воевать умели, дрались смело и уверенно. Все зависело лишь от организации дела.

Я затребовал в свою группу подкрепление. Из Генштаба мне послали еще нескольких офицеров. И с одним из них — полковником Кручининым — произошел очень неприятный случай. Он прилетел на самолете По-2. Летчик предложил садиться не на аэродром, от которого было далеко ехать, а поискать удобное место где-нибудь вблизи КП. Полковник согласился, и они угодили прямо на немецкое минное поле. Каким-то чудом самолет не подорвался. Но при выходе из него летчик был тяжело ранен, а Кручинина благополучно вывели. Самолет же вытаскивали несколько дней.

10 марта наступление возобновилось. Проводилось оно энергично, но результатом были лишь две вмятины в обороне противника — одна в 25, другая в 20 километров по фронту и по 7—9 километров в глубину.

18 марта с утра С. К. Тимошенко еще раз созвал совещание командующих фронтами, членов военных советов и начальников штабов. Проходило оно на командном

пункте Н. Е. Чибисова, в 3-й ударной армии, на стыке двух фронтов. 1-й Прибалтийский представляли И. Х. Баграмян, Д. С. Леонов и В. В. Курасов, от 2-го Прибалтийского присутствовали М. М. Попов, Н. А. Булганин и Л. М. Сандалов. Предстояло обсудить содержание итогового доклада в Ставку и договориться о плане дальнейших действий.

По поручению маршала я сделал краткую информацию о положении на фронтах (больше, как говорят, для порядка, ибо обстановку все прекрасно знали и без того), а затем доложил соображения на будущее, по которым Семен Константинович хотел выслушать мнение фронтового руководства. Высказались оба командующих. В принципе их взгляды не расходились с нашими. Да иначе и быть не могло — ведь мы не раз обменивались мнениями, так сказать, в рабочем порядке. Дело свелось главным образом к уточнению отдельных деталей и дополнительным просьбам, удовлетворить которые могла только Ставка.

После этого Курасов, Сандалов и я ушли в другую хату и сели за донесение И. В. Сталину. Часа через два оно было готово. Зачитали его вслух и подписали.

Верховному Главнокомандующему докладывалось о скромных результатах наступления и наших потерях. Достаточно подробно излагались причины постигшей нас неудачи. При этом указывалось, в частности, что на идрицкое направление противник сумел перебросить с Ленинградского фронта 24-ю пехотную, 28-ю легкопехотную и 12-ю танковую дивизии, а с других участков Прибалтийских фронтов — 132, 290 и 83-ю пехотные дивизии. Не скрывалось и то, что в сложных условиях Прибалтики требовались более тщательная подготовка к наступлению и несколько лучшая организация боя. Для подготовки новой операции на том же идрицком направлении у Ставки испрашивался месячный срок. В числе других просьб наиболее существенными были две: пополнить фронты боеприпасами и довести численность дивизий до пяти-шести тысяч человек.

Со всем этим Ставка согласилась, и мы с еще большей энергией взялись за дело. Семен Константинович уже не проявлял ко мне былой неприязни. Чем больше мы работали вместе, тем теплее становились наши от-

ношения. Как-то вечером за чашкой чая он вдруг сказал:

— Теперь я понял, что ты не тот, кем я тебя считал.

— А кем же вы меня считали? — поинтересовался я.

— Думал, что ты специально приставлен ко мне Сталиным. Смутило, что он сам назвал твою фамилию, когда встал вопрос о начальнике штаба...

В тот вечер проблема «отцов и детей» была разрешена окончательно. Все стало на свои места. Я и раньше действительно уважал этого заслуженного человека, но в полной мере сумел оценить его только в процессе совместной работы в Прибалтике. Искренне было жаль расставаться с Семеном Константиновичем, когда меня вновь отозвали в Генштаб.

В апреле, перед возобновлением наступления в Прибалтике, маршал сам попросил, чтобы я опять взял на себя обязанности начальника его штаба. Меня не отпустили. Я рекомендовал ему моего заместителя генерал-лейтенанта Н. А. Ломова. С. К. Тимошенко принял эту рекомендацию и впоследствии остался доволен работой Николая Андреевича. При встрече со мной по возвращении с фронта маршал очень хвалил Ломова и добавил при этом с обычной своей непосредственностью:

— Оказывается, в Генштабе — хорошие люди...

Апрельское наступление в Прибалтике с рубежа реки Нарвы и восточных подступов к Пскову, Острову, Идриусу, Полоцку и Витебску снова оказалось малорезультативным. Фронты продвинулись незначительно, и поражения противнику, на которое мы рассчитывали, нанести не удалось. На всех действовавших здесь фронтах установилась пауза. Длилась она до июля 1944 года. За это время вопрос о разгроме прибалтийской группировки противника, а также об изоляции всей группы армий «Север» от Восточной Пруссии был рассмотрен в Генштабе заново.

Неприятельская оборона в Прибалтике имела четыре основных узла — Нарвский, Псковский, Островской и Рижский. Здесь и были сосредоточены главные силы группы армий «Север». Основную роль играла, разумеется, Рига, прикрывавшая подступы к Восточной Пруссии.

Такой характер обороны немцев позволял, как нам представлялось, расшатать ее ударами в промежутки, отделявшие один узел от другого, расчленить группу «Север» и уничтожить по частям. Полагались мы и на то, что настанет время, когда противник вынужден будет сам снимать, а вернее, изымать отсюда живую силу и боевые средства для защиты других жизненно важных направлений и районов, а именно берлинского направления и Восточной Пруссии. Зависело это, конечно, от развития нашего успеха на западном стратегическом направлении. Он неминуемо должен был вынудить врага потянуть свои войска из Прибалтики в Восточную Пруссию. Последняя была дорога для немецко-фашистской Германии не только как колыбель оголтелого милитаризма и житница страны. При определенной ситуации Восточная Пруссия становилась плацдармом, нависающим над флангом нашей центральной группировки, и чрезвычайно важным районом базирования вражеского флота.

С этой точки зрения мы давно и пристально присматривались к Шяуляю. Отсюда мог быть произведен поворот наших войск и на север — в сторону Риги, и на запад — в направлении Мемеля. Замысел удара на Ригу в общем виде наметили уже в мае 1944 года на рабочей карте А. И. Антонова с планом «Багратион».

В район Шяуляя, по плану «Багратион», нацеливались основные силы 1-го Прибалтийского фронта, безусловно достаточные для захвата его. В случае же крайней нужды сюда могли быть переброшены резервы Ставки — 51-я и 2-я гвардейская армии. Местность вполне позволяла применить здесь большие массы войск и все рода оружия.

Шяуляй сам по себе являлся крупным узлом коммуникаций, связывающих Прибалтику с Восточной Пруссией, и захват его очень осложнял бы врагу маневрирование. А когда и куда повернуть нам из района Шяуляя, должна была подсказать конкретная обстановка. Принципиально же вопрос решался так: поворачивать войска из Шяуляя туда и тогда, где и когда основные силы противника окажутся скованными и проще будет рассечь его фронт. Никакой информации относительно этого замысла фронтам не давалось.

Повышенное внимание проявил Генеральный штаб к противоположному, северному крылу нашей наступатель-

ной группировки в Прибалтике. Еще в марте мы убедились, что Ленинградский фронт, вобравший в себя войска и всю полосу бывшего Волховского фронта, стал слишком громоздок. В его составе оказалось семь общевойсковых армий, действовавших на четырех важных операционных направлениях — выборгском, таллинском, псковском и островском. Это очень отрицательно сказывалось на управлении войсками. Надо было исправить допущенную ошибку и воссоздать упраздненное фронтовое объединение. С передачей ему южной части своей полосы ленинградцы освобождались от необходимости отвлекаться на обширный псковско-островской участок, могли полностью сосредоточиться в районе Нарвы и на выборгском направлении, где уже планировалась совместная с Карельским фронтом операция по разгрому финских войск.

Предполагался и иной вариант: улучшить положение ленинградцев за счет расширения к северу полосы 2-го Прибалтийского фронта. Но мы уже имели такой опыт. Он тоже не оправдал себя, поскольку Псковско-Островской район представлял самостоятельное целое. Расположенная здесь группировка противника сильно укрепилась и сделала, по существу, три операционных направления: к северу — на Тарту, на Алукснэ, Валгу и к западу — на Алукснэ, Цесис, Ригу. 2-му Прибалтийскому фронту такая дополнительная нагрузка была явно не по плечу. Она неминуемо вела к распылению его усилий и отнюдь не улучшала управление войсками.

Единственно правильным выходом из положения являлось создание нового, 3-го Прибалтийского фронта. И это было сделано 18 апреля 1944 года.

В состав 3-го Прибалтийского фронта вошли 42, 67 и 54-я армии, входившие раньше в Ленинградский фронт, а затем и 1-я ударная армия из 2-го Прибалтийского фронта. Фронтовое управление сформировалось на базе управления 20-й армии. Командующим был назначен генерал-полковник И. И. Масленников, перед тем занимавший пост заместителя командующего войсками Ленинградского фронта. На должность начальника штаба назначили бывшего начальника штаба 20-й армии генерал-лейтенанта В. Р. Вашкевича.

Создавая новое фронтовое объединение, мы отлично понимали, что больших перспектив оно не имеет. В 400 километрах перед ним простиралось уже море. Но и в

пределах такой дальности действий ему предстояло решить весьма значительные оперативные задачи.

Я уже отметил мимоходом, что одновременно с разработкой планов по Прибалтике в начале июня в Генеральном штабе рассматривался план Свирско-Петрозаводской операции Карельского фронта. Нужно было разрушить узел, который приковал к себе значительные силы наших войск. Решение этой задачи ускоряло выход из войны Финляндии и, несомненно, способствовало успеху наших войск в Прибалтике.

Мне не хочется утруждать читателя подробным описанием Свирско-Петрозаводской операции. Это отвлекло бы его внимание от основной темы данной главы. Но не могу, однако, не рассказать здесь об одном любопытном случае, характеризующем в какой-то мере тогдашнюю нашу рабочую обстановку.

Командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков очень хотел при докладе плана операции в Ставке наглядно показать И. В. Сталину, какой сильный укрепленный район противника придется сокрушить. С этой целью он привез в Москву искусно выполненный макет местности и панорамные аэрофотоснимки. Так, думалось Кириллу Афанасьевичу, легче будет объяснить, какие тяжелые предстоят бои, и выпросить у Верховного дополнительные силы, побольше материальных средств.

Мы, хорошо уже изучившие характер И. В. Сталина, пытались убедить Мерецкова, что тащить эти материалы в Кремль не следует: Верховный не любил лишних атрибутов и терпеть не мог прогнозов за противника. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков был на нашей стороне. Однако командующий не согласился.

В Ставке Кирилл Афанасьевич усугубил эту ошибку: свой макет и фотографии он стал демонстрировать до изложения сути плана операции. И. В. Сталин слушал его, прохаживаясь, по обыкновению, вдоль стола. Потом вдруг остановился и резко прервал Мерецкова:

— Что вы нас пугаете своими игрушками? Противник, по-видимому, загипнотизировал вас своей обороной... У меня возникает сомнение, можете ли вы после этого выполнить поставленную задачу.

И тут Мерецков подлил масла в огонь: отложив «игрушки» в сторону, он сразу же стал просить тяжелые танковые полки и артиллерию прорыва. Это уж совсем взвинтило Сталина. Последовала новая резкая реплика:

— Думаете, напугали и мы откроем вам кошель?.. А мы не из пугливых.

Верховный не дал командующему закончить доклад и приказал Генеральному штабу еще раз разобраться с планом предстоящей операции и определить необходимые для нее силы и средства. На другой день тот же план докладывался вторично, но уже в обычном порядке. Сталин не перебивал, почти не сделал замечаний и даже дал некоторые дополнительные средства для прорыва обороны противника. А когда мы уходили из его кабинета, напутствовал Мерецкова такими словами:

— Желаю вам удачи! Сами напугайте противника, а не поддавайтесь ему...

После успешного завершения Свирско-Петрозаводской операции Кирилл Афанасьевич прислал мне два альбома с новыми фотографиями обороны противника (теперь уже поверженной) и по телефону попросил при случае показать их Сталину. Мы с Антоновым решили воздержаться от этого, хотя фотографии были очень красноречивыми и действительно помогали зримо представить, насколько трудную задачу выполнил Карельский фронт.

Альбомы и до сих пор хранятся у меня.

В начале июля 1944 года Генеральный штаб, с учетом мнения И. И. Масленникова, закончил разработку замысла наступательной операции 3-го Прибалтийского фронта. Она являлась, разумеется, лишь частью единого комплекса наших действий в Прибалтике и должна была осуществляться в тесном взаимодействии с Ленинградским, 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами.

Ближайшую задачу нового фронтового объединения составлял разгром псковско-островской группировки противника и освобождение этих старинных русских городов от немецких захватчиков. В последующем ему надлежало овладеть Тарту и Пярну с выходом в тыл неприятельским войскам, оборонявшимся в районе Нарвы.

Соседний справа Ленинградский фронт наносил глав-

ный удар через Нарвский перешеек в направлении Пярну. Он начинал наступление несколько позже 3-го Прибалтийского, имея задачей совместно с ним разгромить противника в Эстонии, овладеть Таллином и частью сил действовать на Тарту.

Сосед слева — 2-й Прибалтийский фронт наступал вдоль северного берега Западной Двины в направлении Мадона, Рига. Его активные действия развертывались раньше операции 3-го Прибалтийского фронта.

Как уже было сказано, в наступление переходил и 1-й Прибалтийский фронт.

6 июля Верховный Главнокомандующий отдал 3-му Прибалтийскому фронту директиву на предстоящую операцию. А примерно через два дня после этого, при очередном нашем докладе в Ставке, мы услышали от Сталина следующее:

— Никто ни разу не был у Масленникова. Командующий это молодой, штаб там тоже молод, и, значит, опыта у них пока недостаточно. Надо было посмотреть на месте, как идут дела, помочь им спланировать и подготовить операцию по овладению Псковом и Островом. Я думаю, пусть туда поедет Штеменко. Справитесь? — повернулся Верховный ко мне.

— Постараюсь, товарищ Сталин.

— Возьмите с собой опытных артиллериста и авиатора. Танков у этого фронта мало, танкист не потребуется.

С минуту подумав, Сталин добавил:

— Хорошо, если бы с вами поехали Яковлев и Ворожейкин.

Так получил я благословение на первую самостоятельную поездку в качестве представителя Ставки.

Хотя спешки не было, вылетели мы к месту назначения уже на другой день. Верховный любил, чтобы его указания выполнялись немедленно.

По прибытии на КП И. И. Масленникова, как положено, заслушали доклады об обстановке. Докладывали начальник штаба В. Р. Вашкевич, потом командующий артиллерией С. А. Краснопевцев, затем командующий воздушной армией Н. Ф. Науменко и наконец начальник тыла. Масленникову по ходу этих докладов задавались вопросы. Рассмотрели его решение и выехали в войска. Понятно, в первую очередь в те, которым предстояло наносить главный удар.

Дольше всего мы работали, пожалуй, на стрежневском плацдарме по западному берегу реки Великой. Он занимал всего восемь километров по фронту, а в глубину имел два — четыре километра. Мал, конечно, но другого не существовало. С различных точек пытались заглянуть отсюда в расположение противника, но немногое разглядели: лес отлично скрывал передний край неприятельской обороны. Еще хуже просматривалась ее глубина.

На плацдарме у нас тоже имелись лесные маски, и это позволяло хоть и тесно, но скрытно разместить здесь войска по крайней мере двух корпусов. Населенные пункты были немногочисленны и являли собой картину полного разрушения. В конце концов, взвесив все «за» и «против», мы окончательно утвердились в мнении, что главный удар следует наносить именно отсюда.

Много переживаний вызывали фронтовые дороги. В сухую погоду над ними висело непроницаемое облако какой-то особенно тонкой лесной пыли пополам с мошкарой, вылезавшей из зеленых чащоб и немилосердно кусавшей все живое. А во время дождей они зияли страшными рытвинами и ямами, заполненными водой. Надрывно урча и раскачиваясь, лавировали между ухабами забрызганные грязью грузовики. Колонны ползли со скоростью черепахи, часто останавливались. Водители, выскочив из кабины, совали под колеса длинные слеги и только им одним известными способами все-таки вызволяли грузы из беды.

О дорогах беспокоились командиры всех степеней. Чего они не предпринимали! В особо труднопроходимых местах прокладывались даже деревянные колеи, и машины шли по ним как по рельсам. Только не зевай — соскользнут колеса с дощатого настила, влезешь в болото по самый кузов.

В большинстве дороги были однопутные, с разъездами на них, но кое-где были и двухпутки. Везде стояли регулировщики. А там, где автомобиль совсем не мог двигаться, выручал гужевой транспорт. Невероятной выносливости лошаденки тащили и тащили повозки, а невозмутимые повозочные на остановках первым делом накашивали им травы, извлекая из-под сиденья всегда готовые для этого косы. О лошадях они заботились больше, чем о самих себе.

После ознакомления с войсками и местностью засели вместе с Военным советом фронта за план операции. Был проделан полный, так сказать, творческий цикл и проведена вся практическая организационная работа.

Противостояла фронту только часть сил 16-й немецкой армии. Враг не был особенно многочисленным, но сидел в обороне прочно, опираясь на укрепленные районы Пскова и Острова. Поскольку лобовое наступление против этих мощных узлов сопротивления не могло обещать успеха, планом операции предусматривался последовательный разгром сначала островской, а затем псковской группировок противника в обход ее с юга с одновременным фронтальным ударом.

Ближайшая задача операции имела в глубину до 120 километров и ограничивалась выходом советских войск на рубеж Остров, Лыэпна, Гулбенэ. Ее намечалось выполнить в два этапа. Сначала силами 1-й ударной армии под командованием Н. Д. Захватаева и 54-й армии под командованием С. В. Рогинского наносилось поражение войскам противника перед стрежневским плацдармом к югу от Острова (главный удар — с плацдарма смежными флангами обеих армий в направлении Курово, Аугшпилс, Малупе). А на втором этапе в дело вступала 67-я армия В. С. Романовского и, используя успех на главном направлении, должна была разгромить вражеские войска, оборонявшиеся непосредственно в районе Острова.

Последующей задачей фронта являлось наступление в направлении Выру. В то же время дивизия правого фланга 67-й армии в обход Пскова с юго-запада и 42-я армия, действовавшая фронтально, не позже 28—29 июля должны были овладеть Псковом. В дальнейшем с рубежа Псков, Выру, Дзени предполагалось наступать в направлении Тарту или Пярну.

План наш был утвержден Ставкой, и начало наступления назначалось на 17 июля. Перед тем мы еще раз объехали армии и корпуса, на месте отрабатывая их задачи в наступлении. Н. Д. Яковлев и Г. А. Ворожейкин усиленно занимались подготовкой артиллерии и авиации. К вечеру, однако, каждый из нас спешил на КП фронта. Там сообща подводились итоги за день и писалось донесение в Москву.

Накануне операции, 16 июля, во всех армиях была

предпринята разведка боем. С рассветом при сильной артиллерийской поддержке разведывательные отряды атаковали противника. В полосе 1-й ударной армии разведчикам удалось ворваться в немецкие траншеи, а через полтора-два часа боя они овладели небольшим населенным пунктом Чашки и закрепились там. Командарм послал на помощь им дополнительные силы пехоты, но дальше продвинуться не удалось. На других направлениях разведывательные атаки успеха не имели. Противник оборонялся упорно.

В ночь на 17 июля мы отправились на наблюдательный пункт командующего 1-й ударной армией генерала Н. Д. Захватаева. Он располагался на стрежневском плацдарме.

Реку Великую пересекли еще затемно. Нужно было поторапливаться: утро ожидалось погожее и во всех отношениях жаркое.

Армейский НП представлял собой систему глубоких щелей на небольшой высотке, перекрытых накатом толстых бревен. Прибыли мы туда с большим запасом времени, но Захватаев уже поджидал нас. Выслушав его короткий доклад, И. И. Масленников и я присели у приборов наблюдения, а Яковлев и Ворожейкин занялись со своими специалистами.

Как всегда в подобных случаях, люди, собравшиеся на НП, заметно напряжены. Переговариваются вполголоса, будто боятся нарушить торжественность момента. Все давно налажено, настроено. И все-таки каждый еще и еще раз что-то проверяет, что-то уточняет. Операторы колдуют над картами. Связисты склонились над своей аппаратурой. Понятное чувство нетерпения заставляет то одного, то другого посматривать в ночную темень, в сторону противника.

Но вот наступила решающая минута, и картина резко меняется. С первыми залпами артиллерии все как-то разом задвигались, громко заговорили.

В воздухе появилась наша авиация. Она воспользовалась хорошей погодой и действовала в то утро безупречно. Взрывы авиабомб слились с грохотом артиллерийских разрывов.

Огневая система противника была подавлена надежно, и пехота уверенно двинулась в атаку. Скоро поступили первые обнадеживающие доклады: наши войска

вклинились в оборону 83-й пехотной дивизии немцев и развивают успех не только в глубину, а и на фланги, «сматывая» вражескую оборону.

Хорошо пошли дела и в 54-й армии. Там оборона противника тоже была прорвана.

Появились пленные. Опросом их удалось установить, что перед фронтом обеих армий находятся 32, 83 и 218-я пехотные дивизии противника да несколько охранных полков, составляющие арьергард основных сил врага, которые начали отход на запад. Сведения об отходе являлись новостью, но отнюдь не неожиданной. Мы не исключали, что немецко-фашистское командование может уклониться от удара, занесенного над его 16-й армией, и попытается встретить советские войска где-то в глубине. В предвидении такого варианта в 1-й ударной и 54-й армиях заблаговременно были созданы подвижные группы, правда, небольшого состава. У Захватаева в подвижную группу вошли один стрелковый полк 85-й дивизии, 16-я танковая бригада и 724-й самоходно-артиллерийский полк. У Рогинского подвижная группа составилась из 288-й стрелковой дивизии и 122-й танковой бригады. Сейчас пришла пора ввести их в дело.

Подвижные группы немедленно начали преследование противника, а нам Масленников предложил перебраться на фронтовой наблюдательный пункт. Мы, однако, отказались от этого предложения. Хотелось лучше чувствовать пульс боя, и мы двинулись вслед за войсками, пообещав возвратиться на НП к ночи.

Путь наш лежал вблизи Пушкинских гор. Здесь, в бывшем Святогорском монастыре, находилась могила великого поэта, а в расположенном неподалеку родовом имении Михайловском он провел более двух лет томительной ссылки. Мы знали об этом с детства и живо себе представляли образ ссыльного поэта, худенькую сгорбленную няню Арину Родионовну, И. И. Пущина и близорукого А. А. Дельвига, навестивших друга в изгнании. Здесь Пушкин создал своих «Цыган», «Бориса Годунова», написал основные главы «Евгения Онегина», много лирических стихов, положенных потом на музыку. Все это стало неотъемлемой частью нашей культуры, без которой и не мыслится русский человек. Как же можно было проехать мимо таких мест! И мы, конечно, завернули туда.

Пушкинские горы удалось освободить несколько ранее начала наступления главных сил 3-го Прибалтийского фронта. Отсюда с позором были выброшены рота карателей, безуспешно гонявшаяся за партизанами, и некоторые подразделения полевых войск противника. Наши саперы успели уже расставить предостерегающие таблички — «мины». Такое предупреждение поджидало нас и на лестнице перед монастырем, и у могилы Пушкина.

Повсюду зияли разрушения. Святогорский монастырь — редкий памятник архитектуры XVI века — был обезглавлен и частично подорван. Внутри монастырских помещений все изломано и разбросано в беспорядке.

В соседнем Михайловском — картина не лучше. Родовой дом Пушкиных, превращенный в музей, сожжен. Домик Арины Родионовны разобран на блиндажи. Вековые деревья Михайловского и Тригорского парков оккупанты наполовину вырубили.

С тяжелым чувством уехали мы отсюда.

А операция продолжала благоприятно развиваться. Войска получили указание ни в коем случае не приостанавливать преследование противника в ночное время.

К полуночи подвижная группа 54-й армии овладела важным узлом дорог Красногородское и не дала возможности арьергардам противника закрепиться на рубеже реки Синяя. Другие наши войска, действовавшие севернее и южнее стрежневского плацдарма, вплотную придвинулись к реке Великой в готовности форсировать ее.

18 июля операция приобрела характер всеобщего наступления в полосе 3-го Прибалтийского фронта. Главные силы 1-й ударной и 54-й армий преодолели рубеж реки Синяя. По-прежнему хорошо действовала авиация. Чувствовалась опытная рука Григория Алексеевича Ворожейкина.

К 18 часам войска Захватаева подошли с юго-востока к Острову, однако неоднократные их попытки взять город успеха не имели: атаки отбивались сильным огнем из многочисленных оборонительных сооружений. Дивизии Рогинского к исходу дня отбросили врага за реку Льжа. Река Великая к югу от Острова была преодолена в тот день повсеместно.

За два дня наступательных боев 3-й Прибалтийский фронт продвинулся вперед до 40 километров, расширив прорыв до 70 километров. В ходе наступления было за-

нято более 700 населенных пунктов, в том числе и такие крупные, как Шанино, Зеленово, Красногородское. Ободряющие вести шли и от соседей — со 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов. Их войска стремительно продвигались к Риге.

19 июля в 22 часа Москва от имени Родины салютовала 3-му Прибалтийскому фронту за прорыв вражеской обороны, а фронт тем временем продолжал упорные бои уже западнее Льжи. К исходу 20 июля удалось перерезать шоссе и железную дорогу Остров — Резекне в районе станции Бренчаниново. Все контратаки противника были отражены с большими для него потерями.

В 3 часа 21 июля по плану фронтовой операции перешла в наступление 67-я армия генерала В. З. Романовского. Она прорвала долговременную оборону противника на островском направлении и при содействии 1-й ударной армии к 12 часам штурмом овладела городом Остров. Это был наиболее сильный опорный пункт обороны немцев на пути к центральным районам Прибалтики, и падение его предрешало дальнейшее развитие операции в обход Пскова. Москва вторично салютовала победителям. А еще день спустя, 23 июля, торжественные залпы и многоцветные ракеты возвестили советским людям об освобождении 3-м Прибалтийским фронтом древнего Пскова. Не скрою, что эти салюты мы прослушали по радио с особым удовольствием.

Ближайшая задача, поставленная фронту, была выполнена. Теперь перед ним открывался путь в южные районы Эстонии и к Риге.

О том, как выполнить последующую задачу, мы думали очень много и в конечном счете решили так: нанося главный удар на Выру, развивать успех южнее Псковского и Чудского озер до линии Алуксне, Валга. Это позволяло нам выйти в тыл тартуской, а затем и нарвской группировкам противника, чем существенно облегчалось наступление Ленинградского фронта через Нарвский перешеек.

Ставка рассмотрела наши предложения и определила, что главный удар в полосе 3-го Прибалтийского фронта следует развивать в направлении Алуксне, Валга, то есть значительно западнее намеченного нами. Таким образом, наша ударная группировка выводилась прямо на крупнейший в Прибалтике узел коммуникаций — Валгу и

должна была отрезать от Риги все силы противника в Эстонии и северной части Латвии. Этот вариант в свое время рассматривался нами, но мы отказались от него, так как считали, что у фронта недостаточно сил.

Доработка плана дальнейшего развития операции 3-го Прибалтийского фронта в соответствии с указаниями Верховного Главнокомандования заняла несколько дней. Войска же продолжали стремительно продвигаться вперед. Коррективы с учетом новых задач вносились по ходу действий.

Наш удар на Валгу быстро сказался на положении правого соседа. Войска Ленинградского фронта успешно прорвали сильно укрепленную оборону немцев на нарвском направлении и, применив обходный маневр в сочетании с фронтальной атакой, овладели городом и крепостью Нарва.

Левый сосед — 2-й Прибалтийский фронт — также успешно наступал в направлении Резекне, Мадона, имея в виду выйти в последующем к Риге. Во главе этого фронта стоял теперь генерал армии А. И. Еременко, переброшенный сюда из Крыма. До этого Андрей Иванович успел покомандовать шестью фронтами. Имя его неразрывно связывалось с героическими делами советских войск под Сталинградом.

На 1-м Прибалтийском фронте все было готово для удара на Шяуляй и Ригу.

Но мне опять не довелось увидеть развязку событий собственными глазами. После того как план операции был окончательно доработан и доложен в Москву, позвонил А. И. Антонов и, как обычно, объявил:

— Ваша миссия закончена, возвращайтесь в Генштаб...

Выше говорилось о намерении советского Верховного Командования отсечь группу армий «Север» от остальных сил противника. Летом 1944 года это стало реальностью.

Во второй половине июля 1-й Прибалтийский фронт из района Паневежис вырвался на шяуляйское направление, а 3-й Белорусский нацелился на Восточную Пруссию. Как тогда было принято говорить, Советская Армия приблизилась к «логову фашистского зверя». Это было

правильно не только в фигуральном, но и в буквальном смысле: за Мазурскими озерами, в районе Растенбурга, глубоко под землей обосновался командный пункт ставки Гитлера «Вольфшанце».

24 июля командующий 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмян определил, что противник отводит свои войска на Крустпилс и далее на Ригу и Митаву (Елгаву). Только против левого крыла фронта немцы еще удерживали занимаемые позиции. Однако и там сопротивление их заметно ослабло. Причиной тому были сильные удары соседнего 3-го Белорусского фронта, выходившего на подступы к Восточной Пруссии.

Предвидения Генерального штаба сбылись: удары нескольких наших фронтов, хорошо согласованные по времени, связали и резко ослабили 18-ю и 16-ю немецкие армии. Они уже потеряли возможность свободно маневрировать. Теперь, как нам представлялось, назрел момент захлопнуть противника в Прибалтике.

Однако и у нас силы поиссякли, а с резервами было не густо. Наступательные действия Советских Вооруженных Сил велись во все возрастающих масштабах. Вслед за Белорусской операцией с небольшим разрывом во времени развернулось крупнейшее по размаху наступление в Западной Украине. Все это требовало резервов, и они быстро таяли. На 1 июля в резерве Ставки имелись всего две общевойсковые армии (2-я и 5-я гвардейские) и одна воздушная (8-я). Отсюда следовало, что наступление в Прибалтике предстояло развивать в основном за счет фронтовых резервов и перегруппировок на главные направления сил и средств с второстепенных участков.

Практически события развивались следующим образом. 25 июля командующий 1-м Прибалтийским фронтом приказал генералу В. Т. Обухову — командиру 3-го гвардейского механизированного корпуса — нанести удар на Шяуляй и к исходу 26 июля овладеть городом. Кроме того, в Шяуляй должны были вступить и войска 51-й армии Я. Г. Крейзера, начинавшие наступление примерно в то же время. Выведенная из резерва Ставки на левый фланг 1-го Прибалтийского фронта 2-я гвардейская армия обеспечивала его действия со стороны Восточной Пруссии.

Шяуляй удалось взять лишь 27 июля.

Получив данные об этом, Ставка Верховного Главнокомандования приказала 1-му Прибалтийскому фронту немедленно повернуть главные силы на Ригу, поскольку именно туда отходили войска противника. Первоначально эти указания были отданы по телефону, а уже на следующий день оформлены в виде письменной директивы. Она гласила:

«Основная задача войск фронта — отрезать группировку противника, действующего в Прибалтике, от ее коммуникаций в сторону Восточной Пруссии, для чего Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

После овладения районом Шяуляй главный удар развивать в общем направлении на Ригу, частью сил левого крыла фронта наступать на Мемель с целью перерезать Приморскую железную дорогу, связывающую Прибалтику с Восточной Пруссией».

И. Х. Баграмян тотчас же направил командиру 3-го гвардейского механизированного корпуса телеграмму следующего содержания: «Благодарю за Шяуляй. Прекратить бой районе Шяуляй. Быстро сосредоточиться м. Мешкучай[1] и ударом на север вдоль шоссе к исходу 27. 7. 1944 г. главными силами овладеть Ионишкис, а сильными передовыми отрядами — Бауска, Елгава».

Наступление корпуса в новом направлении развивалось настолько стремительно, что противник не сумел достаточно организованно противодействовать ему. Тут сказалось, несомненно, и общее неблагоприятное для врага положение в Прибалтике, и особенно его поражение на главных фронтах войны, где советские войска уже форсировали Вислу и Неман. Прежняя спесь была сбита с завоевателей.

Используя успех мехкорпуса, И. Х. Баграмян 28 июля бросил в направлении Елгавы войска 51-й армии. Тогда же двинулась на север и 43-я армия А. П. Белобородова.

Елгава (Митава), являвшаяся основным узлом коммуникаций, связывавших Прибалтику с Восточной Пруссией, была взята с боем уже 31 июля. А передовой отряд 8-й гвардейской механизированной бригады под командованием полковника С. Д. Кремера еще накануне — 30 июля — достиг Тукумса и морского побережья в райо-

[1] Мешкучай находится в 20 километрах северо-восточнее Шяуляя.

не Клапкалнс. Пути противника из Прибалтики в Восточную Пруссию оказались прерванными. По определению самих гитлеровских генералов, в районе Тукумса возникла «брешь в вермахте».

Немалую роль играл во всем этом Маршал Советского Союза А. М. Василевский. С 29 июля 1944 года на него были возложены не только координация, но и руководство операциями 2-го и 1-го Прибалтийских, а также 3-го Белорусского фронтов. В последующем, поскольку центр тяжести борьбы в Прибалтике переместился на рижское направление, Александр Михайлович возглавил руководство боевыми действиями всех трех Прибалтийских фронтов, а ответственность за 3-й Белорусский фронт с него сняли.

Изоляция в Прибалтике угрожала полным разгромом 16-й и 18-й немецких армий. Естественно, что немецко-фашистское командование постаралось заштопать «брешь в вермахте» и восстановить локтевую связь группы армий «Север» с левым флангом группы армий «Центр» в Восточной Пруссии. Для этого в район Шяуляя была двинута 3-я немецкая танковая армия, имевшая задачу прорваться к Риге. Ее натиск отличался крайней ожесточенностью и сочетался с ударами со стороны Риги. Однако противнику не удалось опрокинуть войска 1-го Прибалтийского фронта. Немцы сумели отвоевать только узкий коридор, соединивший Ригу с Тукумсом.

Создавшееся положение не удовлетворяло и нас. Курляндский коридор хоть и был узким, все же позволял врагу маневрировать силами и в случае необходимости вывести группу армий «Север» в Восточную Пруссию по суше. Последствия такого маневра могли быть чрезвычайно неприятными: они существенно осложнили бы ход наших операций в Восточной Пруссии и Польше.

К сожалению, мы не имели тогда возможности немедленно поправить дело. Советские войска были измотаны длительными боями и в целом по Прибалтике не имели необходимого численного превосходства над противником. Очевидно, следовало пополнить их и произвести соответствующую перегруппировку сил, не приостанавливая, однако, наступления, не давая врагу передышки. Именно по этим соображениям в конце июля и в августе 1944 года наша активность в Прибалтике не только не поубавилась, а даже возросла.

Как уже сказано, 24—30 июля Ленинградский фронт осуществил Нарвскую наступательную операцию, освободил Нарву и продвинулся вперед на 20—25 километров. 2-й Прибалтийский фронт с 28 июля по 28 августа проводил так называемую Мадонскую операцию на стыке 18-й и 16-й армий противника. Встретив упорное сопротивление, он очень медленно продвигался в направлении Риги и преодолел за месяц только 20 километров. А с 10 августа началась и до 6 сентября продолжалась Тартуская наступательная операция 3-го Прибалтийского фронта, в результате которой подверглась разгрому довольно значительная группировка 18-й немецкой армии. Войска этого фронта продвинулись до 120 километров на северо-запад и до 70—90 километров на запад, освободив Тарту и ряд других крупных населенных пунктов.

В результате одновременных операций нескольких фронтов положение противника в Прибалтике серьезно ухудшилось. Это засвидетельствовал даже генерал Фриснер, командовавший группой армий «Север», которого как раз в конце июля под благовидным предлогом Гитлер заменил генералом Шернером [1].

Действия в Прибалтике были согласованы с Ясско-Кишиневской операцией советских войск против вражеской группы армий «Южная Украина». Здесь 20 августа 1944 года 2-й и 3-й Украинские фронты, взаимодействуя с Черноморским флотом и Дунайской флотилией, в считанные дни нанесли противнику катастрофическое поражение. В результате 2-й Украинский фронт ворвался в глубь Румынии, а затем развернул операции в Венгрии, на будапештском направлении. 23 августа румынский народ, направляемый Коммунистической партией, сверг фашистскую диктатуру Антонеску. Новое правительство Румынии порвало с гитлеровской Германией и объявило ей войну. 3-й Украинский фронт вступил в Болгарию. Болгарский народ 9 сентября во главе с Рабочей партией тоже покончил с фашизмом, образовал демократическое правительство Отечественного фронта и вступил в войну с Германией. С болгаро-югославской границы началось наступление на белградском направлении. Двинулся вперед на карпатском направлении и восстановленный 5 августа 4-й Украинский фронт.

[1] Ганс Фриснер. Проигранные сражения, Воениздат, М., 1966, стр. 41.

Но вернемся к Прибалтике. Линия фронта получила здесь выгодное для нас начертание. На 29 августа она проходила в 20 километрах западнее Нарвы, далее следовала по западному берегу Чудского озера, захватывала Тарту, озеро Выртс-Ярви, продолжалась по верхнему течению реки Гауя, удалялась на 20 километров западнее Мадоны, огибала Гостини, Поли, Бауску, Елгаву (Митаву), Добеле, Шяуляй, Россиены, Вирбалис. С этой линии из района Тарту можно было наносить удары в тыл группировки врага, продолжавшей сопротивление западнее Нарвы, или вести наступление с целью окончательного разобщения 18-й и 16-й немецких армий. При таком положении наших войск облегчалось сосредоточение усилий трех Прибалтийских фронтов в районе Риги. Наконец, достигнутые результаты позволяли осуществить рывок на запад от Шяуляя и отрезать всю группировку врага в Прибалтике. Большая протяженность фронта вынуждала немецкое командование действовать, как говорится, растопыренными пальцами. Однако силы противника далеко еще не были исчерпаны. В частности, он держал крупную танковую группировку на левом берегу Западной Двины южнее Риги. Кроме того, в Прибалтику прибыло несколько новых пехотных и танковых дивизий, снятых с других, пока еще «тихих», участков советско-германского фронта. Некоторые из них перебрасывались по воздуху. Продолжался также подвоз вооружения и боевой техники.

Советское Верховное Главнокомандование решило полностью завершить освобождение Прибалтики. С этой целью планировались удары Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота в Эстонии, а всех трех Прибалтийских фронтов — в Латвии, особенно в районе Риги. В полосу 3-го Прибалтийского фронта Ставка перебросила недавно выведенную в резерв 61-ю армию, имея в виду использовать ее при необходимости на рижском направлении.

В восточной части Прибалтики была произведена частичная перегруппировка войск: район Тарту был передан в полосу Ленинградского фронта и туда же переводилась 2-я ударная армия. Отсюда подготовлялся удар силами 14 дивизий в направлении Раквере в тыл нарвской группировке противника. В дальнейшем Ленинградский фронт должен был овладеть Таллином.

Задачи других фронтов определились так.

3-й Прибалтийский, которому, кроме 61-й армии, передавались 10-й танковый корпус и 2-я гвардейская артиллерийская дивизия, прорывает оборону противника на двух участках к югу от озера Выртс-Ярви и развивает успех в общем направлении на Цесис, а в последующем — на Ригу.

2-й Прибалтийский уничтожает мадонскую группировку противника, наступая из района Мадона вдоль северного берега Западной Двины на Ригу и частью сил — на Дзербене.

1-й Прибалтийский силами 43-й и 4-й ударной армий наносит удар на Ригу с юга, не допуская отхода противника на запад. В то же время войска его левого крыла, прикрываясь от мемельской группировки противника, должны были наступать на Тукумс, Кемери и отрезать противника от Курляндии.

К этому времени соотношение сил в Прибалтике стало для нас более благоприятным. Обеспечение же операций боеприпасами по-прежнему оставляло желать много лучшего. Советское Верховное Главнокомандование не имело возможности выделить их для всех в достаточном количестве. Приходилось выбирать между Прибалтикой и другими фронтами, и, конечно, в первую очередь снаряды направлялись туда, где решался исход кампании и войны в целом.

Что касается управления боевыми действиями в Прибалтике, то до 1 октября оно осуществлялось на месте А. М. Василевским. С 1 октября на попечении Александра Михайловича осталось лишь два фронта — 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, где предвиделись наиболее важные события. Операциями же Ленинградского и двух других Прибалтийских фронтов с этого дня стал руководить Л. А. Говоров, за которым оставался в то же время пост командующего войсками Ленинградского фронта. Такая несколько необычная форма управления позволяла Ставке сосредоточить все свое внимание на главном стратегическом направлении и в то же время обеспечить надежную координацию боевых действий в Прибалтике.

Леонид Александрович Говоров в то время уже был Маршалом Советского Союза и пользовался в войсках заслуженным авторитетом. Ему принадлежала выдающаяся роль в битве за Москву. Тогда он командовал 5-й ар-

мией, оседлавшей Минскую автостраду. А в 1943 году под его командованием войска Ленинградского фронта во взаимодействии с другими фронтами разорвали блокадное кольцо, мертвой хваткой схватившее город Ленина. Малоразговорчивый, суховатый, даже несколько угрюмый с виду, Говоров производил при первой встрече впечатление не очень выгодное для себя. Но все, кто служил под началом Леонида Александровича, прекрасно знали, что под этой внешней суровостью скрывалась широкая и добрая русская душа.

Решающая операция по разгрому противника в Прибалтике началась 14 сентября одновременно на всех трех Прибалтийских фронтах, а 17 сентября — и на Ленинградском фронте. Однако на главном, рижском направлении успех развивался медленно. Раздробить неприятельскую группировку и на этот раз не удалось. Она отошла с боями на заранее подготовленный рубеж в 60—80 километрах от Риги. Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично, метр за метром выталкивая его.

Такое течение операций не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями. На левом крыле 1-го Прибалтийского фронта противник предпринимал даже контрудары. 16 сентября с рубежа Кельмы, Тельшай там перешла в наступление его 3-я танковая армия и имела временный успех в районе Добеле. Через два дня последовал второй довольно мощный удар по нашим войскам, на этот раз со стороны Риги. Он был парирован. Немцы пробовали повторить его, но тоже неудачно.

Все свидетельствовало о том, что враг стремится во что бы то ни стало сохранить связь группы армий «Север» с Восточной Пруссией, чтобы при необходимости вывести туда по сухопутью свои войска из Прибалтики. Признаки подготовки такого маневра наша разведка уже обнаружила.

Утешаться этим мы, конечно, не могли. Оценивая положение дел в целом, Ставка признала, что операция под Ригой развивается неудовлетворительно, и решила с целью коренного изменения обстановки переместить главные усилия на левый фланг 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя. Там намечалось создать сильную удар-

ную группировку и повести наступление на Мемель. При этом не должна была ослабевать активность двух других Прибалтийских фронтов на рижском направлении и Ленинградского фронта в Эстонии.

К Мемельской операции И. В. Сталин проявил повышенное внимание. Он лично вел переговоры с А. М. Василевским по всем вопросам, связанным с нею: определял состав потребных сил, порядок перегруппировок, заботился о скрытности маневра. Существовали сомнения в отношении ее внезапности. Однако, взвесив все данные, какими располагал Генеральный штаб, Ставка сочла момент вполне благоприятным. В район Шяуляя и к северу от него стали сосредоточиваться четыре общевойсковые армии (4-я ударная, 43, 51, 6-я гвардейская), одна танковая (5-я гвардейская), а также отдельный танковый и отдельный механизированный корпуса. Максимальное расстояние, на которое перегруппировывались войска, не превышало 240 километров. Скрытность перегруппировки обеспечивалась большим количеством маршрутов (более 25) для движения войск и нашим господством в воздухе.

К югу от Риги на место снявшихся оттуда войск 1-го Прибалтийского фронта перемещались армии 2-го Прибалтийского.

Мемельская операция имела своей целью прорвать оборону противника к западу и юго-западу от Шяуляя, разгромить его 3-ю танковую армию и, выйдя к Балтийскому морю на участке Паланга, Мемель, устье реки Неман, тем самым отрезать немецко-фашистским войскам пути отступления из Прибалтики в Восточную Пруссию. Директивой Ставки от 24 сентября эта задача возлагалась всецело на 1-й Прибалтийский фронт. В последующие дни И. В. Сталин лично ориентировал А. М. Василевского и И. Х. Баграмяна, что уничтожение неприятельских войск, отрезанных между Восточной Пруссией и Ригой, будет проводиться силами двух взаимодействующих фронтов — 1-го и 2-го Прибалтийских. К операции привлекалась также 39-я армия 3-го Белорусского фронта. Наступая вдоль Немана, она должна была содействовать 1-му Прибалтийскому фронту.

Перегруппировки и развертывание наших войск противник обнаружил с большим опозданием. Помешать осуществлению замысла Ставки он уже не мог. Мемельская операция началась в назначенный срок — 5 октября — и

развивалась успешно. На второй день наступления в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия. Она сразу устремилась к Паланге и Мемелю.

Противник понял, чем грозит ему этот удар. С утра 6 октября он начал отход из-под Риги через Курляндию в Восточную Пруссию. 3-й и 2-й Прибалтийские фронты перешли в преследование. Однако из-за сильного сопротивления вражеских арьергардов, трудной местности и недостатка боеприпасов темп преследования и на этот раз был очень невысоким.

На шестой день операции 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала В. Т. Вольского вырвалась наконец к морю. В это же время 6-я гвардейская и 4-я ударная армии встали на пути крупных сил группы армий «Север», достигших рубежа Салдус, Приекуле, и в результате тяжелых боев остановили их. Тем самым они прочно обеспечили с севера действия остальных армий 1-го Прибалтийского фронта, которые к 12 октября обложили Мемель и вышли на границу с Восточной Пруссией. Успешно продвигалась на запад и 39-я армия генерала И. И. Людникова.

Противник, не сумевший одолеть 6-ю гвардейскую и 4-ю ударную армии, в конце концов вынужден был оставить неудачные свои попытки прорваться в Восточную Пруссию. Наши удары заставили его перейти к обороне в Курляндии на заранее подготовленных рубежах. Так образовался пресловутый «курляндский загон».

В операции под Шяуляем и Мемелем ярко проявились самобытный полководческий талант И. Х. Баграмяна, его обширные военные знания и большой практический опыт. О нем уже было сказано, однако характеристика Ивана Христофоровича останется незавершенной, если не упомянуть здесь о его внимании к людям, уважении к чужому мнению, личном обаянии, душевности и гостеприимстве. Очевидно, счастливое сочетание всех этих качеств и позволяет ему так естественно вживаться в любой военный коллектив, так уверенно чувствовать себя на любом посту. Уже после войны, будучи начальником Академии Генерального штаба, Иван Христофорович проделал весьма значительную работу по подготовке руководящих военных кадров, а затем, возглавив тыл Советских Вооруженных Сил, внес и продолжает вносить много полезного в

дело обеспечения боевой готовности нашей армии, авиации и флота.

Одновременно с Мемельской операцией продолжалось отвоевание столицы Советской Латвии. Шаг за шагом немецко-фашистские оккупанты отбрасывались с занятых ими позиций. 13 октября Рига была освобождена.

После этого Ставка сочла возможным расформировать 3-й Прибалтийский фронт. Такая директива последовала 16 октября. 1-я ударная армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева и 14-я воздушная армия генерал-лейтенанта И. П. Журавлева отошли в состав 2-го Прибалтийского фронта. 67-ю армию генерал-лейтенанта В. З. Романовского передали Ленинградскому фронту. А 54-я армия генерал-лейтенанта С. В. Рогинского была выведена в резерв Ставки.

Ликвидацией курляндской группировки, насчитывавшей двадцать девять дивизий, много специальных частей и боевой техники, занялись одновременно два Прибалтийских фронта — 1-й и 2-й. 10 октября были обращены на север против 18-й и 16-й немецких армий наши 4-я ударная, 6-я гвардейская, 51-я и 5-я гвардейская танковая армии. В начале ноября к ним присоединилась и 2-я гвардейская, перемещенная с границы Восточной Пруссии. На Немане осталась только 43-я армия.

Повернули против курляндской группировки и войска 2-го Прибалтийского фронта.

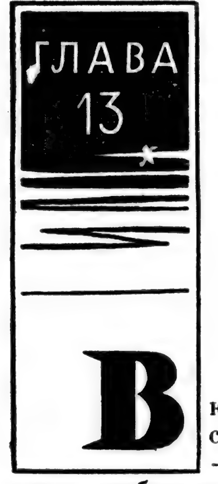
Ставка стремилась поскорее ликвидировать противника в Курляндии, но задача эта оказалась чрезвычайно трудной, и выполнить ее в намеченные сроки не удалось. В конечном счете наши войска блокировали врага на Курляндском полуострове.

Таким образом, боевые действия советских войск в Прибалтике велись на протяжении почти всего 1944 года. Все это время на повестке дня оставалась основная задача: отрезать группу армий «Север», одновременно расчленяя и уничтожая ее по частям. Выполнение этой задачи прошло ряд этапов: в феврале — марте 1944 года было достигнуто необходимое для действий в глубине прибалтийской территории оперативное положение; в июле — ав-

густе советские войска нанесли тяжелое поражение противнику и заняли выгодные рубежи для завершающего наступления; в сентябре — октябре удалось разгромить главные силы группы армий «Север», а остатки их загнать в Курляндию.

Необходимость уничтожения противника в Прибалтике приобрела к этому времени особую остроту, поскольку советские войска вышли на границу СССР с Восточной Пруссией и вскрыли решающие стратегические направления — западное на Варшаву, Берлин и юго-западное — на Будапешт, Вену. Оставлять противнику стратегический плацдарм в тылу наших наступающих фронтов было недопустимо. Вот почему на заключительном этапе борьбы в Прибалтике она и не выходила из поля зрения Генерального штаба и Верховного Главнокомандующего.

При всех сложностях и перипетиях этой борьбы, при всех временных неудачах, сопутствовавших ей, заключительный ее аккорд — блестящая по замыслу и исполнению Мемельская операция несомненно является выдающимся образцом советского военного искусства.

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ

Новый год на даче под Кунцевом.— Отвлечение сил противника в Восточную Пруссию и на юг.— Г. К. Жуков назначается командующим 1-м Белорусским фронтом.— И. В. Сталин берет на себя координацию действий четырех фронтов.— Возможно ли было непрерывное наступление на Берлин? — Как Черчилль разжигал аппетиты у американцев.— Совещание в Ставке 1 апреля 1945 года.— Капитуляция Германии.

Вканун Нового, 1945 года, за несколько часов до полуночи, А. И. Антонов объявил:

— Только что звонил Поскребышев и передал, чтобы мы приехали на «Ближнюю» к половине двенадцатого без карт и документов.

На мой вопрос, что бы это значило, Алексей Иннокентьевич ответил шутливо:

— Может быть, нас приглашают встретить Новый год? Не плохо бы...

Через несколько минут последовал звонок от командующего бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко. Он в свою очередь спросил, не знаем ли мы, зачем и его вызывают на «Ближнюю», причем тоже налегке.

Я сказал, что сами ломаем голову относительно странного приглашения.

В 23 часа вдвоем с Антоновым, как обычно, на его машине мы выехали, продолжая теряться в догадках о цели вызова. Ежедневные наши поездки на доклад к Верховному были, как правило, более поздними, а на праздники нас никогда не приглашали. За годы войны мы и слово-то это забыли.

На даче у Сталина мы застали еще нескольких военных — А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Я. Н. Федоренко, А. В. Хрулева. Потом подъехал С. М. Буденный. Как выяснилось, нас действительно пригласили на встречу Нового года, о чем свидетельствовал уже накрытый стол.

За несколько минут до двенадцати все вместе прибы-

ли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б. Л. Ванникова и В. А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна-единственная женщина — жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главнокомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравицу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

— С Новым годом, товарищи!

Мы взаимно поздравили друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступающем 1945 году. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с кем-то из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С. М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул меха. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К. Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопки пластинок «Барыню». С. М. Буденный не усидел — пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленам и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи военных песен в исполнении ансамбля профессора А. В. Алек-

сандрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи. Первая за время войны встреча Нового года не в служебной обстановке порождала раздумья. По всему чувствовался недалекий конец войны. Дышалось уже легче, хотя мы-то знали, что в самое ближайшее время начнется новое грандиозное наступление, впереди еще не одно тяжелое сражение.

Алексей Иннокентьевич вдруг предложил не возвращаться, как всегда, на службу, а поехать ночевать домой. Новый год начинался как-то совсем по-мирному. И праздничный прием у Верховного Главнокомандующего, и ночевка дома — все это было вопреки режиму, установившемуся в Генштабе во время войны.

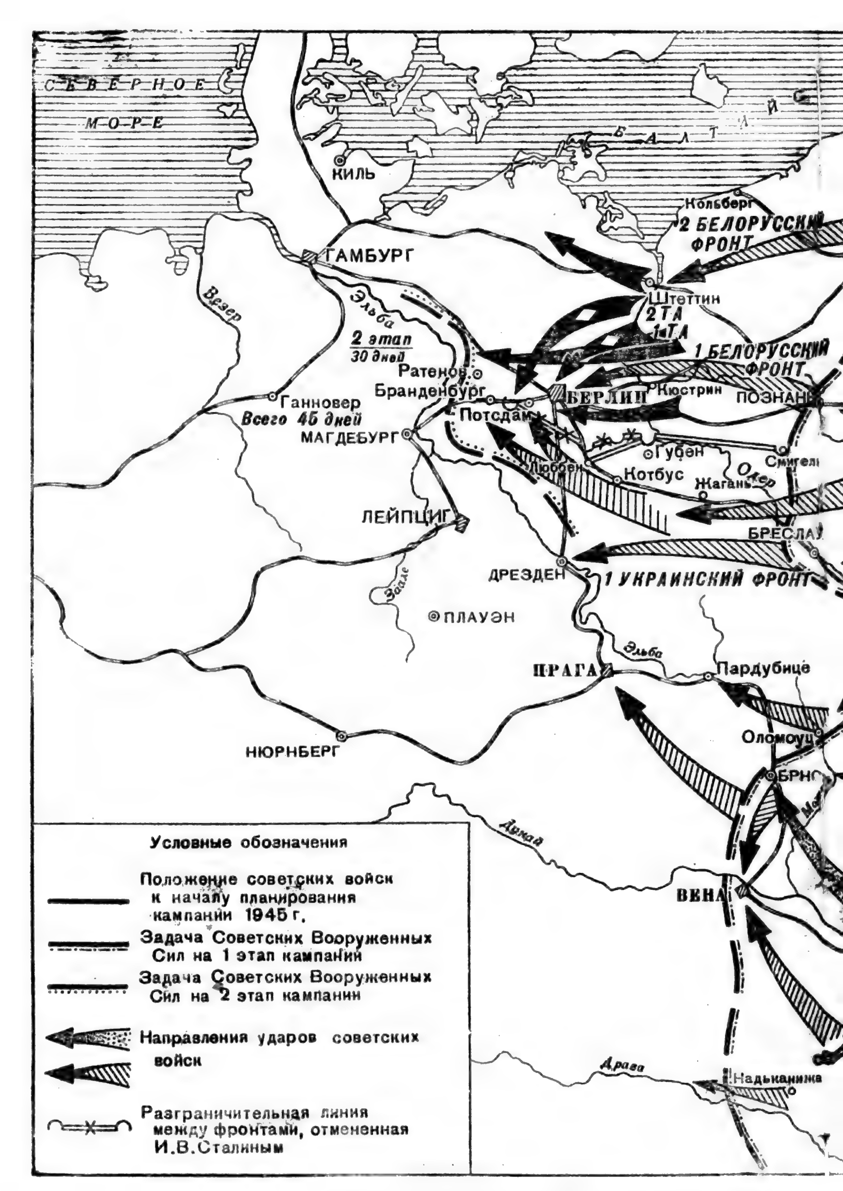
Но облик Москвы все еще был военным. Мы ехали по темным, пустынным улицам, мимо промороженных домов с плотно зашторенными окнами. Лишь кое-где из-за стекол пробивались робкие лучики. Комендантские патрули и дежурные бойцы ПВО уже не так строго взыскивали за подобные нарушения.

Словом, все в ту ночь напоминало, что война приближается к финишу.

Планирование заключительного этапа вооруженной борьбы на советско-германском фронте началось еще в ходе летне-осенней кампании 1944 года. Практические выводы из стратегической обстановки возникли в Генштабе и Ставке не сразу, не в результате какого-то единовременного акта. Они формировались постепенно, в процессе текущей работы.

Итоги беспримерного нашего наступления летом и осенью 1944 года на всех без исключения направлениях были более чем обнадеживающими. Советская Армия разгромила 219 неприятельских дивизий и 22 бригады. Противник потерял в общей сложности 1 600 000 человек, 6700 танков, 28 000 орудий и минометов, 12 000 самолетов. Восполнить эти потери фашистская Германия уже не могла. Велика была и сила морального урона, который потерпел враг.

К концу октября 1944 года советские войска стояли на границе с Финляндией и успешно наступали в северной

План заключительной кампании войны

против гитлеровской Германии

Норвегии, очистили территорию Прибалтики, кроме полуострова Сырвэ и Курляндии, вторглись в Восточную Пруссию до рубежа Гольдап, Августов. К югу от Восточной Пруссии на ряде участков были форсированы Нарев и Висла, захвачены важные плацдармы в районах Рожан, Сероцка, Магнушева, Пулав, Сандомира; впереди простиралось берлинское стратегическое направление. 2-й Украинский фронт выходил на Будапешт. 3-м Украинским фронтом 20 октября была освобождена столица Югославии Белград.

Победы, однако, давались нам нелегко. Дивизии поредели. Темп их продвижения вперед заметно снизился. За счет ослабления некоторых участков своей обороны в Западной Европе Гитлеру удалось осуществить маневр частью сил на восток и создать здесь сплошной и прочный фронт, прорыв которого требовал серьезной подготовки.

Генеральный штаб хорошо понимал всю сложность дальнейшего развития успеха. Условия и перспективы наступления не везде были одинаковы.

Оборона противника в Курляндии отличалась исключительной прочностью. Прорыв ее и разгром трех десятков окопавшихся там дивизий мог обойтись нам чрезвычайно дорого.

Положение в Восточной Пруссии казалось более благоприятным. 3-й Белорусский фронт обладал по сравнению с противостоящим ему неприятелем некоторым превосходством в силах [1]. Исходя из этого, Генеральный штаб полагал возможным при некотором дополнительном усилении наших войск за счет резервов Верховного Главнокомандования нанести мощный удар через всю Восточную Пруссию до устья Вислы на глубину в 220—250 километров. В дальнейшем, однако, пришлось, к сожалению, ограничиться здесь, по крайней мере на первое время, более скромными целями.

---

[1] Немцы имели тогда в Восточной Пруссии: пехотных дивизий — 11, танковых — 2, танковых бригад — 2, кавалерийских бригад — 2, а всего — 17 соединений. В составе 3-го Белорусского фронта насчитывалось: стрелковых дивизий — 40, танковых корпусов — 2, танковых бригад — 5. Итого — 47 соединений. Надо, однако, иметь в виду, что численность личного состава в пехотных дивизиях противника значительно превышала количество людей в наших стрелковых дивизиях. Боевые возможности советских танковых корпусов и танковых дивизий немцев были примерно одинаковы.

Что касается варшавско-познаньского, а также силезского направлений, где решалась, по существу, судьба Берлина, то там ожидалось особо сильное сопротивление. Мы тогда считали, что 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты при максимальном напряжении сил могут провести наступательные операции на глубину не более 140—150 километров.

Зато в полосах 4, 2 и 3-го Украинских фронтов, исходя прежде всего из политических соображений, Генштаб рассчитывал на значительно больший успех. Рисовалась перспектива стремительного прыжка на рубеж Моравска Острава, Брно, на подступы к Вене. Вполне реальным представлялось нам овладение в короткие сроки Будапештом и форсирование Дуная. Значительную часть пехоты противника составляли здесь венгерские дивизии, боеспособность которых, по нашим тогдашним предположениям, могла быть подорвана в корне антивоенными настроениями, нараставшими среди населения, и зверствами фашистов, стремившихся любой ценой удержать Венгрию в фарватере третьего рейха. К сожалению, эти прогнозы не сбылись. Фашистской диктатуре, поддержанной немцами, удалось еще на какое-то время приковать Венгрию к германской военной колеснице. На будапештском направлении с конца октября завязались крайне тяжелые и кровопролитные бои. Против 2-го Украинского фронта действовала вражеская группировка из 39 соединений. Ядро ее составляли семь танковых дивизий (пять немецких и две венгерские). Противник опирался на разветвленную систему хорошо подготовленных укреплений и оказал ожесточенное сопротивление. Борьба за столицу Венгрии затянулась до трех с половиной месяцев.

Весьма ограниченные результаты, достигнутые нами в октябре, свидетельствовали о необходимости дать отдых дивизиям, давно не имевшим смены, перегруппироваться, подтянуть тылы, создать необходимые для прорыва и последующего развития операций материальные запасы. Наконец, надо было на основе оценки сложившейся обстановки выбрать наиболее выгодные направления и разработать планы скорейшего и окончательного разгрома немецкого фашизма. На все это требовалось время.

В самом начале ноября 1944 года в Ставке было всесторонне рассмотрено положение дел в полосах действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украин-

ского фронтов. Перед ними была главная стратегическая группировка противника — группы армий «Центр» и «А», правда, не в полном составе. Необходимым для наступления перевесом сил эти фронты не обладали. Отсюда следовало, что на берлинском направлении наступление продолжать нецелесообразно и надо временно перейти к обороне.

При очередном докладе Верховному Главнокомандующему А. И. Антонов особенно настаивал на этом и просил разрешения подготовить соответствующие директивы. Такое разрешение мы получили. В ночь на 5 ноября 1944 года директива на переход к обороне была отдана 3-му и 2-му Белорусским фронтам. Через несколько дней последовало аналогичное распоряжение войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта.

Последнюю кампанию войны с гитлеровской Германией с самого начала предполагалось осуществить в два этапа. На первом этапе активные действия должны были продолжаться прежде всего на старом, если можно так выразиться, направлении — южном фланге советско-германского фронта в районе Будапешта. Перелом здесь рассчитывали создать выводом в междуречье Тиссы и Дуная в район южнее Кечкемета основных сил 3-го Украинского фронта. Они могли содействовать оттуда 2-му Украинскому фронту ударами на северо-запад и запад. Мы надеялись, что войска этих двух фронтов при тесном взаимодействии получат возможность наступать в высоких темпах и через 20—25 дней достигнут рубежа Банска-Бистрица, Комарно, Надьканижа, а еще через месяц, в конце декабря, выйдут на подступы к Вене. У нас не было сомнений в том, что неотвратимая угроза разгрома южного фланга заставит немецкое командование перебрасывать сюда дополнительные силы с берлинского направления, а это в свою очередь создаст благоприятные условия для продвижения наших главных сил — тех фронтов, которые располагались к северу от Карпат. Генштаб твердо верил, что к началу 1945 года Советская Армия в нижнем течении Вислы достигнет Бромберга, возьмет Познань, овладеет рубежом Бреславль, Пардубице, Йиглава и Вена, то есть продвинется от линии своего октябрьского расположения на 120—350 километров. После этого начинался второй этап кампании, в итоге которого Германия должна была капитулировать.

Таким образом, в первоначальной прикидке замысла, относящейся к концу октября 1944 года, наметилось лишь общее содержание завершающей кампании войны с делением ее на два этапа. Направление главного удара еще не определилось. Идея рассечения стратегического фронта противника и расчленения его группировок пока что не высказывалась.

В интересах более точной разработки замысла Генеральный штаб в начале ноября подвел итоги уже достигнутому нами и сжато сформулировал оценку стратегического положения сторон. Считалось установленным, что Советская Армия одержала победы, решающие исход войны. Завершение борьбы на советско-германском фронте было предрешено в нашу пользу, час окончательного разгрома противника приблизился. Мы превосходили врага не только по численности войск, но и по их выучке, по технической оснащенности. Боевые действия вполне обеспечивались слаженной работой тыла; он оказывал фронту все возрастающую помощь.

Стратегическое положение советских войск и армий других стран антигитлеровской коалиции оценивалось нами как близкое к завершению окружения Германии. Наши удары хорошо согласовывались с действиями союзников в Западной Европе. По существу, Советская Армия и англо-американские силы заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстояло совершить последний стремительный натиск и в короткий срок окончательно сокрушить врага.

Как подтвердили последующие события, эта оценка, положенная в основу при детальной разработке оперативной стороны замысла завершающей кампании в Европе, являлась правильной.

Предварительно замысел очень тщательно обсуждался у А. И. Антонова. Помимо самого Алексея Иннокентьевича в этом участвовали: начальник Оперативного управления, его заместители А. А. Грызлов и Н. А. Ломов, начальники соответствующих направлений. Все соображения, высказанные здесь, уточнялись затем в Оперативном управлении. Там же рассчитывались силы и средства и отрабатывались все другие элементы операции. Наконец, замысел получил графическое оформление: со всеми расчетами и обоснованиями он был нанесен на карту, после

чего еще раз подвергся, можно сказать, придирчивому обсуждению. Как и в прошлом, наиболее детально планировались начальные операции. Дальнейшие же задачи фронтов намечались лишь в общем виде.

В ходе творческих исканий сначала зародилась, а затем окончательно откристаллизовалась общая идея наших действий. Было признано, что центральный участок советско-германского фронта является решающим, ибо удар отсюда выводил наши войска по кратчайшему направлению к жизненным центрам Германии. Но именно здесь находилась и наиболее плотная группировка войск противника. Чтобы создать более выгодные условия для нашего наступления, признавалось целесообразным растянуть центральную группировку немецко-фашистских войск. Для этого мы должны были максимально активизироваться на флангах стратегического фронта. Речь шла уже не только о Венгрии и Австрии, но и о Восточной Пруссии. Энергичное наступление под Будапештом и на Вену требовалось сочетать с наступлением на Кенигсберг.

Мы отлично знали, что в Восточной Пруссии и Венгрии противник проявляет повышенную чувствительность. При сильном нажиме он непременно станет перемещать сюда свои резервы и войска с неатакованных участков фронта. В итоге западное направление, где намечались решающие события, серьезно ослабнет.

Ожидания наши оправдались. В результате наступательных действий советских войск в ноябре — декабре 1944 года враг сосредоточил, по нашим подсчетам, в Восточной Пруссии 26 дивизий (из них семь танковых) и в непосредственной близости к столице Венгрии 55 дивизий (среди которых девять танковых). Как потом стало известно [1], Гитлер тогда считал, что в 1945 году Советская Армия нанесет главный удар не на берлинском направлении, а именно через Венгрию и Чехию. Туда и направлялись поэтому основные силы вермахта. Немецкое главное командование и на сей раз вынуждено было подчиниться нашей воле и на главном для нас участке фронта оставило всего 49 дивизий, в том числе танковых только пять.

---

[1] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Госполитиздат, 1956, стр. 542.

То, что стратегический фронт противника приобрел такую своеобразную форму, когда на флангах сидели сильные группировки войск при относительно слабом и необеспеченном крупными резервами центре, заставляло нас подумать о наиболее целесообразных способах действий на главном направлении. Не следовало ли в этом случае оставить мысль о равномерном продвижении по всему фронту, которое привело бы просто к выталкиванию противника? Не лучше ли прорвать этот относительно слабый центр прямым ударом, расчленить немецкий стратегический фронт и, не теряя времени, развивать наступление на Берлин? При таком варианте действий легче было полностью ликвидировать разрозненные вражеские войска и тем существенно ускорить достижение конечной цели войны. Генеральный штаб остановился на нем. Мы были убеждены, что удар на Берлин надо осуществить возможно скорее и без остановок. Появившиеся совсем недавно толкования, будто Генштаб откладывал вопрос об овладении Берлином на неопределенное время, являются абсолютно беспочвенными. Определенность была полная, и лишь последующие события внесли в наш план свои коррективы.

Не без трудностей проходило уточнение вероятных задач и наиболее целесообразных способов действий каждого из фронтов. Прежде всего пришлось поломать голову в отношении 3-го Белорусского фронта. Группировка противника в Восточной Пруссии была весьма сильной и опиралась на мощные долговременные укрепления, естественные преграды, населенные пункты, приспособленные к обороне. Отсюда враг мог ударить во фланг нашим войскам на берлинском направлении. Следовательно, восточно-прусскую группировку надлежало не только связать боями, но и изолировать от остальных участков стратегического фронта, по возможности раздробить, не позволить ей действовать сосредоточенно.

Такая многосторонняя оперативная задача — связать, изолировать, раздробить — потребовала использования для наступления в Восточной Пруссии по крайней мере двух фронтов: одного — для удара на Кенигсберг с востока и второго — для изоляции восточно-прусской группировки от группы армий «А» на берлинском направлении, а также от стратегического тыла. Глубокий обход Восточной Пруссии с юга и юго-запада одновременно прикрывал

фланг наших войск, нацеленных на Варшаву, Познань, Берлин. Удар по восточно-прусской группировке с востока наиболее сподручен был 3-му Белорусскому фронту, а обходить ее предстояло 2-му Белорусскому.

Для решения же главной задачи — создания бреши в стратегическом фронте противника и стремительного наступления на запад — могли быть использованы уже стоявшие на этом направлении и обладавшие плацдармами на Висле 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты. Их надлежало всемерно насытить танками, прежде всего в виде танковых армий и отдельных танковых корпусов.

В последние три дня октября и в начале ноября 1944 года точно определились направления ударов каждого из фронтов, полосы их наступления, глубины ближайших и последующих задач. Тогда же был примерно подсчитан минимальный срок, необходимый для окончательного разгрома гитлеровской военной машины. Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600—700 километров двумя последовательными усилиями (этапами) без оперативных пауз между ними. На первый этап отводилось 15 дней, на второй — 30. Плановые темпы наступления не были высокими, поскольку в завершающих боях ожидалось ожесточенное сопротивление противника. Действительность и здесь внесла поправку: героические советские войска перекрыли планы.

При уточнении глубины задач учитывалась вся совокупность конкретных условий, в частности особенности местности. Так, например, для 3-го Белорусского фронта, где район боевых действий был очень труден, а противник силен, глубина ближайшей задачи была определена в 50—60 километров. В полосе 2-го Белорусского фронта возможности позволяли планировать ближайшую задачу до рубежа Млавы, Дробина, то есть на 60—80 километров. Глубина ближайших задач для 1-го Белорусского, 1-го и отчасти 4-го Украинских фронтов могла достигать 120—160 километров. А последующие задачи 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, действовавших в равнинных условиях западной Польши, рассчитывались на глубину в 130—180 километров.

Уверенно были прочерчены и направления ударов. 2-й Белорусский фронт наносил два удара: на Мариенбург — отсекающий восточно-прусскую группировку от

других войск противника, и на Алленштайн — рассекающий ее. 1-й Белорусский часть сил должен был двинуть в обход Варшавы, частью же устремиться навстречу войскам 1-го Украинского фронта, громившим кельце-радомскую группировку немцев. Смежные ударные силы 1-го и 4-го Украинских фронтов наступали на Краков. Два южных фронта — 2-й и 3-й Украинские — конечной целью наступательных операций на первом этапе кампании попрежнему имели Вену.

Подготавливая замысел кампании 1945 года, Ставка не собирала командующих на специальное совещание, как это имело место в прошлом (например, при разработке плана «Багратион»). На сей раз ограничились вызовом командующих порознь в Генеральный штаб. С каждым из них обсуждались все детали операций данного фронта, и затем уже согласованные соображения докладывались Ставке.

До 7 ноября и в праздничные дни в Генштабе работали Маршалы Советского Союза Ф. И. Толбухин, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и генерал армии И. Д. Черняховский. После праздника в Ставке состоялось всестороннее обсуждение замысла кампании в целом. Существенных поправок в него внесено не было. Договорились, что на главном направлении наступление начнется 20 января 1945 года, однако планы операций пока не утверждались и директивы фронтам не отдавались.

Через несколько дней Верховный Главнокомандующий определил, что войска, которые будут брать столицу Германии Берлин, возглавит его первый заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. 16 ноября 1944 года Георгий Константинович был назначен на пост командующего 1-м Белорусским фронтом. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский перемещался отсюда на 2-й Белорусский фронт и сменял там Г. Ф. Захарова. Сталин лично известил их об этом по телефону.

Координацию действий всех четырех фронтов на берлинском направлении Верховный Главнокомандующий взял на себя. Вследствие этого отпала необходимость в работе на 3-м Белорусском фронте А. М. Василевского. За ним, как представителем Ставки, было оставлено руководство операциями лишь 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Но 20 февраля 1945 года, после гибели генерала армии И. Д. Черняховского, Александр Михайлович вновь

был возвращен на 3-й Белорусский фронт. Теперь уже в качестве командующего. А на пост начальника Генерального штаба вступил А. И. Антонов.

Итак, 1945 год, с самого его начала, предполагалось ознаменовать одновременными мощными ударами нескольких фронтов на берлинском стратегическом направлении. Удары эти имели целью прорвать и расчленить на части фронт противника, нарушить его коммуникации и связь, дезорганизовать взаимодействие расположенных здесь вражеских группировок и уже на первом этапе кампании уничтожить их основные силы. Тем самым создавались выгодные условия для завершения войны.

Более всего уделялось внимания 1-му Белорусскому фронту. Его войскам предстояло наступать с магнушевского и пулавского плацдармов. Прорыв должен был отличаться стремительностью. А между тем уже само наличие плацдармов в какой-то мере раскрывало перед противником направление наших ударов, и он, конечно, принимал соответствующие контрмеры.

В некоторой связи с этим соседнему слева 1-му Украинскому фронту нужно было развивать наступление не по кратчайшему пути к границе Германии, а забирать несколько севернее — на Калиш. Генеральный штаб полагал, что кратчайший путь для 1-го Украинского фронта не был бы оправдан и по ряду других соображений. Ведь в Польше на этом пути лежал Верхне-Силезский промышленный район с его массивными каменными постройками, приспособленными к обороне. А дальше простиралась немецкая Силезия, где условия для обороны были никак не хуже. В перспективе рисовались затяжные бои, потеря темпа операции и многочисленные неоправданные жертвы. Поэтому после неоднократных обсуждений этого вопроса с маршалом И. С. Коневым Генштаб, а затем и Ставка остановились на варианте наступления в обход Силезии с северо-востока и севера. Таким ударом создавалась неотвратимая угроза тылу противника, располагавшегося перед 1-м Белорусским фронтом, чем существенно облегчалось продвижение наших войск на Познань. Кроме того, в этом случае могли остаться невредимыми все промышленные объекты Силезии. На сохранность Силезского промышленного района Сталин обращал особое внимание

и специально говорил по этому вопросу с командующим 1-м Украинским фронтом И. С. Коневым.

27 ноября в Москву по вызову Ставки прибыл Г. К. Жуков. На основании данных фронтовой разведки он считал, что удар 1-го Белорусского фронта прямо на запад очень затруднителен из-за наличия там многочисленных оборонительных рубежей противника, занятых войсками. По мнению Жукова, скорее всего успех мог быть достигнут при действиях главных сил фронта на Лодзь с последующим выходом на Познань. Верховный Главнокомандующий с таким уточнением согласился. Оперативная сторона решения по начальной операции 1-го Белорусского фронта была несколько изменена.

Это меняло дело и у соседа слева: выход 1-го Украинского фронта на Калиш терял свое значение. Маршалу Коневу указали в качестве основного направление на Бреслау.

Само собой разумеется, что, пока уточнялись планы, подготовка к операции шла своим чередом. Сосредоточивались резервы. Фронты пополнялись всем необходимым.

К концу ноября картина предстоящего наступления определилась полностью, хотя планы операций были утверждены Ставкой только в конце декабря. В последующем в них вносились лишь частные изменения. Наиболее существенная из таких частностей — изменение срока начала операций — была обусловлена критическим положением наших союзников в Арденнах. В середине декабря немцы предприняли там очень энергичные действия, и глава тогдашнего правительства Великобритании Уинстон Черчилль вынужден был взывать о помощи к И. В. Сталину.

Верные своим союзническим обязательствам, советские войска перешли в решительное наступление 12 января. Темпы его, как уже отмечалось, превзошли все наши ожидания. На центральном направлении войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов уже к 24 января достигли рубежа Познань — Бреслау. Основные силы оборонявшейся в Польше немецкой группы армий «Центр» потерпели тяжелое поражение. Остатки их отходили на запад и северо-запад.

Анализ положения, сложившегося к концу января 1945 года, подтверждал ранее сделанный нами вывод о необходимости безостановочного наступления, вплоть до

овладения Берлином. Однако в то время нельзя еще было ставить знак равенства между падением Берлина и полной капитуляцией Германии. Ведь у противника пока сохранялись достаточно сильные группировки войск в Западной Европе, а также в Венгрии. Только в районе Будапешта он имел, по тогдашним нашим подсчетам, одиннадцать танковых дивизий и другие войска, которые в состоянии были продержаться еще какой-то, вероятно недолгий, срок. Мы располагали данными о намерении Гитлера продолжать борьбу в так называемой «альпийской крепости». Знали об этом и союзники; У. Черчилль спрашивал Сталина относительно советских планов на случай, если Гитлер «переберется на юг»[1]. Но в любом случае, конечно, взятие Берлина окончательно подрывало устои третьего рейха.

Чтобы не допустить серьезных просчетов, Ставка и Генеральный штаб, как бывало обычно и ранее, не стали принимать окончательного решения по второму этапу кампании, не посоветовавшись предварительно с командующими фронтами. Когда наши армии вышли на рубеж Познань—Бреслау, Москва запросила мнение командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами относительно характера их дальнейших действий.

26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном, по существу, наступлении вплоть до овладения немецкой столицей. Предполагалось за четыре дня подтянуть войска, особенно артиллерию, собрать тылы, пополнить боевые запасы, привести в порядок материальную часть танковых соединений, ввести в первый эшелон 3-ю ударную армию и 1-ю армию Войска Польского с тем, чтобы 1—2 февраля продолжить наступление всеми силами фронта. Ближайшая задача — с ходу форсировать Одер. Последующая — удар на Берлин. При этом 2-я гвардейская танковая армия должна была охватывать его с северо-запада, а 1-я — с северо-востока.

Днем позже поступило решение командующего 1-м Украинским фронтом. Он тоже намеревался действовать без заметной паузы. Наступление намечалось продолжить 5—6 февраля и к 25—28 февраля выйти на

---

[1] Winston S. Churchill. The Second World War, v. VI, p. 303.

Эльбу, а правым крылом во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином.

Такой же точки зрения держался и Верховный Главнокомандующий. 4 февраля 1945 года на знаменитой Ялтинской конференции он, как вспоминает У. Черчилль, дал весьма оптимистическую оценку обстановки, отметив, что фронт противника прорван и немцы лишь заделывают дыры.

Мнения, следовательно, у всех сошлись на одном — нужно продолжать безостановочное наступление и овладеть Берлином. Фронты получили на сей счет необходимые указания из Москвы и в свою очередь поставили задачи армиям.

Генштаб беспокоила лишь одна деталь: каким образом наступление на Берлин двух фронтов согласовать с указанием Сталина о том, чтобы столицу фашистской Германии брали войска под командованием Г. К. Жукова? После жарких дебатов предложено было утвердить решения обоих командующих фронтами. Ставка с этим согласилась, однако разграничительную линию между фронтами установила на основании рекомендаций маршала Жукова от 26 января: Смигель, Унруштадт, река Фаулеобра, река Одер, Ратцдорф, Фридланд, Гросс Керис, Михендорф. Такая разгранлиния фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице; правое его крыло направлялось на Губен и Бранденбург.

Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение маршала Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — установили разграничительную линию, которая не позволяла этого сделать. Мы рассчитывали лишь на то, что до Берлина еще далеко и нам удастся устранить возникшую нелепость. В ходе операции обстановка сама должна была внести необходимую поправку. Так оно и случилось. Но не в феврале, не в марте и даже не в апреле. Дальнейшее развертывание событий не позволило нам провести наступление на Берлин в задуманные сроки.

1 февраля 1945 года войска 5-й ударной, а вслед за ней и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта совершили бросок на западный берег Одера и частью сил

захватили небольшие плацдармы в районе крепости Кюстрин. Сама крепость осталась, однако, в руках противника. Южнее на Одер вышла 69-я армия, в полосе которой, близ Франкфурта, немцы в свою очередь удерживали плацдарм. Достигла Одера и 33-я армия. Далее следовал небольшой разрыв, а затем уступом к югу позиции по Одеру занял соседний 1-й Украинский фронт.

На этом рубеже советские войска были остановлены.

Оперативное положение складывалось для нас неблагоприятно. Вперед выдвинулся 1-й Белорусский фронт, рвавшийся на Берлин, но не способный в данный момент овладеть им. На берлинском направлении он имел фактически только четыре общевойсковые и две танковые армии в ослабленном составе. Помимо больших боевых потерь две из них (8-я гвардейская и 69-я) вынуждены были оставить часть сил для борьбы с окруженным гарнизоном Познани, а одна (5-я ударная) наряду с наступлением на Берлин продолжала осаду Кюстрина.

Остальные свои общевойсковые армии маршалу Г. К. Жукову пришлось повертывать на север в направлении Восточной Померании, где противник накапливал значительные силы и оказывал ожесточенное сопротивление нашим войскам по мере их продвижения через Польшу. Постепенно у 1-го Белорусского фронта образовался растянутый на сотни километров фланг. Обеспечивали его 3-я ударная, 1-я польская, 47-я и 61-я армии. Притом и у них часть сил была отвлечена на борьбу с окруженными немецкими войсками в Шнайдемюле и других населенных пунктах.

Растянутость фланга не давала возможности создать достаточно мощную ударную группировку на главном направлении, а нарастающее сопротивление противника таило угрозу прорыва его к нам в тыл. Угроза эта становилась еще более реальной потому, что между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами существовал громадный и почти ничем не обеспеченный разрыв.

Г. К. Жуков попытался перегруппировать на главное направление 47-ю армию. Однако враг не позволил осуществить это намерение. Не удалось создать перелома в обстановке и за счет частных операций по разгрому противника на фланге. Все это резко снижало наступательные возможности советских войск, но приказ Ставки об овладении Берлином не отменялся,

Неприятельские силы в Восточной Померании быстро росли. У нас же с каждым днем ряды редели. В 8-й гвардейской армии, например, прошедшей с непрерывными, тяжелыми боями до 500 километров, полки были уже двухбатальонного состава, а в ротах оставалось по 22—45 человек. То же самое наблюдалось и в других наших армиях, нацелившихся на Берлин.

Чрезвычайно трудно было с материальным обеспечением. Войска испытывали острый недостаток в боеприпасах. Снаряды и патроны подвозились со складов, располагавшихся еще восточнее Вислы.

8 февраля 1945 года командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков докладывал Г. К. Жукову:

«Обеспеченность боеприпасами в армии в среднем 0,3—0,5 бк. Ежедневный расход боеприпасов большой...

Автотранспорт армии не в состоянии обеспечить плечо подвоза из района р. Висла.

Погруженные железнодорожные вертушки 2 февраля 1945 года на ст. Соболево до 8 февраля 1945 года на станцию выгрузки армии Шверзенц не прибыли.

Прошу в связи с усилившимися активными действиями противника на плацдарме и продолжающимися боями в г. Познань содействовать в подаче боеприпасов в ближайшие два-три дня».

Одновременно командарм донес: «43-я пушечная бригада дальше двигаться не может. Трактора рассыпались. Ремонт производить невозможно, запасных частей нет».

Подобные же телеграммы следовали из 5-й ударной, 69-й, 33-й армий. Все просили о содействии, о помощи, а возможностей для этого было не так уж много.

Выходили из трудностей по-разному. Та же 8-я гвардейская в боях по расширению плацдарма использовала трофейные вооружение и боеприпасы. Но планировать развитие успеха и овладение столицей врага, надеясь только на трофеи, было бы непростительным легкомыслием.

Нехватка боеприпасов и горючего не позволяла должным образом использовать нашу главную огневую силу того времени — артиллерию. А без нее все попытки наступать заранее обрекались на неудачу.

С выходом советских войск к Одеру изменилась и воздушная обстановка. Немецкая авиация резко повысила

боевую активность, особенно в отношении войск, располагавшихся на плацдармах. Базируясь на стационарный берлинский аэроузел, она могла действовать даже при сильных снегопадах и дождях, совершенно испортивших грунтовые аэродромы, с которых летали основные силы нашей 16-й воздушной армии. К тому же и такие несовершенные базы находились у нас на удалении 120—140 километров от линии фронта. При таком положении фронтовая авиация была не в состоянии оказать необходимую поддержку наземным войскам, тогда как противник в отдельные дни делал более 3000 самолето-пролетов и явно господствовал в воздухе. Отсюда встал ряд неотложных вопросов противовоздушной обороны. Пришлось, в частности, спешно перемещать с других фронтов зенитную артиллерию.

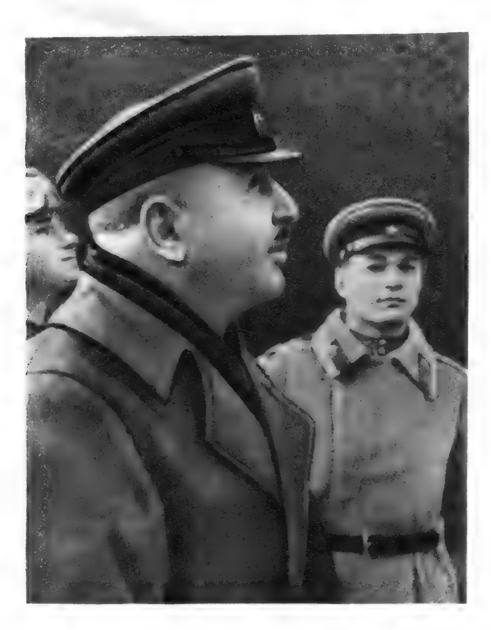
В сложившейся обстановке немцы могли перехватить у нас инициативу и сорвать задуманную операцию. Они внимательно следили за нашими действиями и еще в конце января, когда мы принимали решение о безостановочном наступлении на Берлин, уже приступили к осуществлению некоторых важных контрмер. На Одер, где оборонялись главные силы 9-й армии, были двинуты несколько офицерских школ и резервные соединения. Оборона берлинского направления в целом поручалась ведомству СС, а сам Гиммлер назначался командующим вновь созданной группой армий «Висла». Первоначально в состав этой группы вошли 9-я и 2-я армии.

Дело, конечно, не в том, что Гиммлер стал командующим группой армий: этим немецкое командование не усиливалось, а, скорее, ослаблялось. Главное заключалось в другом: путем экстраординарных мер противнику удалось в короткий срок изменить в свою пользу соотношение сил на берлинском направлении, особенно на его восточно-померанском фланге, и поставить наши войска в крайне невыгодное положение.

Непосредственно берлинское направление обороняла 9-я армия, имея часть сил восточнее Одера. 2-я армия располагалась в Восточной Померании, ведя одновременную борьбу с войсками правого крыла 1-го Белорусского и левого крыла 2-го Белорусского фронтов.

По немецким данным, на 1 февраля в 9-й армии имелось пять пехотных дивизий и одна танковая. 2-я армия включала в себя тринадцать пехотных дивизий и одну

Г. Ф. Захаров с группой генералов и офицеров

И. Х. Баграмян наблюдает за воздушным боем

На пути к могиле А. С. Пушкина

танковую. В резерв группы «Висла» прибывали две пехотные дивизии и одна бригада. К сожалению, в то время мы еще не располагали этими данными и наши выводы о противнике оказались не совсем правильными. По нашим тогдашним подсчетам, перед 1-м Белорусским фронтом имелось всего одиннадцать дивизий и несколько отрядов.

С приближением боевых действий к центру Германии у противника возрастали возможности маневра силами и средствами. Сеть железных дорог и отличных шоссе была здесь весьма плотной. К тому же враг все еще мог в какой-то мере использовать море для перебросок войск из Курляндии. Только в первую декаду февраля морем было доставлено в Померанию несколько соединений из Курляндского загона.

К 10 февраля немцы сформировали новую, 11-ю армию, которая заняла полосу к западу от 2-й армии. С этого момента в группе «Висла» имелось уже 38 дивизий (в том числе 6 танковых) и 6 бригад. К ним следует приплюсовать еще войска, не входившие организационно в группу «Висла», но действовавшие в полосе 11-й и 2-й армий (в последующем на базе их были развернуты две дивизии — «Бервальде» и «Кезлин»).

Возможности противника по наращиванию сил на важнейших стратегических направлениях, в том числе на берлинском, этим, однако, не исчерпывались. На Крымской конференции руководителей трех великих держав 4 февраля 1945 года генерал армии А. И. Антонов привел такие данные:

«а) На нашем фронте уже появились:

из центральных районов Германии	— 9 дивизий
с западноевропейского фронта	— 6 дивизий
из Италии	— 1 дивизия
	16 дивизий

б) Находятся в переброске:
4 танковые дивизии,
1 моторизованная дивизия

5 дивизий

в) Вероятно, будут еще переброшены до 30—35 дивизий (за счет западноевропейского фронта, Норвегии, Италии и резервов, находящихся в Германии).

Таким образом, на нашем фронте может дополнительно появиться 35—40 дивизий» [1].

Если учесть, что многие из этих дивизий противник пополнил личным составом до нормы, а наши дивизии в среднем насчитывали тогда по 4000 человек, если учесть все те трудности, какие испытывали мы с подвозом боеприпасов, горючего и других материальных средств, а также временное господство в воздухе немецкой авиации, становится совершенно очевидным, почему для нас стало невозможным продолжение безостановочного наступления на Берлин. Это являлось бы преступлением, на которое, естественно, не могли пойти ни советское Верховное Главнокомандование, ни Генеральный штаб, ни командующие фронтами.

Как подтвердили дальнейшие события, прогноз Генштаба в основе своей оказался правильным. В феврале 1945 года немецко-фашистское командование действительно располагало крупными силами для обороны Берлина и в случае необходимости могло еще увеличить их. Даже при последнем издыхании фашистский зверь оставался опасным зверем, способным унести в могилу сотни тысяч человеческих жизней. А помимо того, неудача под Берлином грозила обернуться и скверными политическими последствиями.

Одновременно с данными о крупных перегруппировках неприятельских войск Генеральный штаб получил сведения о намерении немецко-фашистского командования воспользоваться невыгодным при обороне положением выдвинувшихся вперед армий 1-го Белорусского фронта и отсечь их встречными ударами на юг — из района Арнсвальде в Померании и на север — с рубежа Глогау—Губен в Силезии. Теперь известно, что этот план отстаивался начальником генерального штаба сухопутных сил Германии Гудерианом и должен был проводиться с молниеносной быстротой, пока мы не подтянули сюда достаточно крупных сил. Уже в последних числах января противник вел практическую работу по согласованию действий войск, привлекавшихся для осуществления такого замысла.

Размеры опасности, возникавшей на правом крыле 1-го Белорусского фронта, всесторонне взвешивались в

[1] Сборник документов «Тегеран, Ялта, Потсдам». Издательство «Международные отношения», 1967, стр. 60.

Москве. На этот счет Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб постоянно вели переговоры с Г. К. Жуковым и его штабом, а также с командующими армиями непосредственно. Для проверки и уточнения данных о замыслах и силах противника на берлинском направлении и в Померании широко использовались и все другие источники информации.

Несколько меньше беспокоила нас угроза со стороны Силезии на стыке 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Там противнику предстояло еще создать ударную группировку, а в момент контрудара он должен был форсировать Одер и совершить довольно рискованный фланговый маневр на север.

Не лишне, мне кажется, еще раз вспомнить здесь и относительно политических маневров фашистской Германии. Ведь именно в это время она активно нащупывала пути для заключения сепаратного мира с США и Англией. Многие из главарей третьего рейха плели сложную паутину переговоров в расчете на то, чтобы поссорить членов антигитлеровской коалиции, выиграть время и добиться от наших союзников сделки с фашизмом за спиной СССР. В такой обстановке, накладывавшей особую историческую ответственность за каждое решение, нельзя было действовать опрометчиво. Ставка, Генеральный штаб, военные советы фронтов снова и снова сопоставляли наши возможности с возможностями противника и в конечном счете единодушно пришли к прежнему выводу: не накопив на Одере достаточных запасов материальных средств, не будучи в состоянии использовать всю мощь авиации и артиллерии, не обезопасив фланги, мы не можем бросить свои армии в наступление на столицу Германии. Риск в данном случае был не уместен. Политические и военные последствия в случае неудачи на завершающем этапе войны могли оказаться для нас крайне тяжелыми и непоправимыми.

В первую очередь следовало сорвать вражеские планы встречных ударов из Восточной Померании и Силезии, быстрее нанести поражение немецко-фашистским войскам, сосредоточенным на флангах. Частными операциями 1-го Белорусского фронта решить такую задачу было немыслимо. Тут требовалось сочетание усилий трех фронтов: 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского. Практически предусматривалось уже 8 февраля

начать операцию 1-го Украинского фронта, в ходе ее разгромить очень сильную группировку противника в Нижней Силезии и тем самым снять угрозу флангового удара с этого направления. Так же незамедлительно 2-й Белорусский фронт должен был повернуть в Восточную Померанию, разгромить там 2-ю немецкую армию и выйти к портам Балтийского моря. Наконец, главным силам 1-го Белорусского фронта, в том числе его танковым армиям, надлежало обрушиться против нависшей над его флангом штаргардской группировки.

Такой план вполне соответствовал задачам момента и был принят Ставкой.

Нижне-Силезская операция 1-го Украинского фронта с самого ее начала развивалась очень успешно. Район Глогау был очищен от противника. После этого задуманный немецко-фашистским командованием встречный удар получиться уже не мог, поскольку враг безвозвратно потерял здесь исходные рубежи, а его силезская группировка понесла серьезное поражение. Дальнейшее продвижение наших войск было остановлено лишь на реке Нейсе.

На 2-м Белорусском фронте дела складывались несколько иначе. Он перешел в наступление 10 февраля, не имея времени для создания достаточно мощной ударной группировки. Силы фронта были разобщены и продвигались вперед медленно. Сказывались, конечно, и последствия прошлых боев. Двадцать шесть его дивизий имели личного состава по три тысячи, восемь дивизий — по четыре тысячи. Исправных танков насчитывалось всего 297. Авиационная поддержка вследствие удаленности значительной части аэродромов была затруднена. Переданная фронту из резерва Ставки 19-я армия находилась еще на марше. В то же время противник, опираясь на заранее подготовленные оборонительные сооружения, используя лесисто-озерную местность, оказал здесь очень упорное сопротивление. К 14 февраля, то есть за пять дней наступления, нашим войскам удалось продвинуться только на 10—30 километров.

1-й Белорусский фронт к этому моменту еще не был готов наступать главными силами и вел ограниченные боевые действия. Угроза же флангового удара из Померании не только не снималась, а, наоборот, день ото дня возрастала.

15 февраля Верховный Главнокомандующий потребовал от Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского доложить соображения относительно дальнейших действий. Рокоссовский предложил развернуть до 24 февраля резервную 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус на левом крыле 2-го Белорусского фронта, с тем чтобы нанести отсюда сосредоточенный удар в направлении Кезлина, выйти на побережье Балтийского моря, разрезав померанскую группировку противника и облегчив тем самым ее последующее уничтожение.

Жуков намеревался силами правого крыла 1-го Белорусского фронта отбросить противника, перерезать его коммуникации на запад и тем помочь своему соседу быстрее выдвинуться к Штеттину. Начать эту операцию намечалось 19 февраля.

И. В. Сталин с предложениями командующих согласился, и фронты приступили к практической подготовке задуманных операций.

События, однако, развернулись по-иному. Уже 17 февраля из района Штаргарда противник предпринял сильный контрудар по войскам 1-го Белорусского фронта и потеснил их к югу на 8—12 километров. Поскольку 2-й Белорусский фронт мог успешно действовать лишь через неделю, не исключалась возможность появления на этом же направлении части сил 2-й немецкой армии. Враг имел реальную возможность использовать ее для развития удара во фланг и тыл нашим армиям, нацеленным на Берлин. Опасность эта еще более усугублялась тем, что 1-й Белорусский фронт как раз в то время производил перегруппировку.

Учитывая создавшееся положение, Г. К. Жуков 20 февраля доложил в Ставку о необходимости временного перехода к жесткой обороне по всему 1-му Белорусскому фронту, в том числе и на Одере. До начала наступления войск 2-го Белорусского фронта он намеревался изматывать врага, а затем частью сил нанести удар на Голлнов, чтобы отрезать немецко-фашистскую группировку в Восточной Померании от остальной Германии. При наличии же успеха у К. К. Рокоссовского предлагалось перейти в наступление всеми силами правого крыла 1-го Белорусского фронта в северо-западном направлении и совместными усилиями со 2-м Белорусским фронтом полностью уничтожить врага в Восточной Померании.

Соображения Г. К. Жукова были внимательно рассмотрены, и Верховный Главнокомандующий утвердил их к исполнению.

Временный переход к обороне на берлинском направлении позволил выделить значительные силы для разгрома противника в Восточной Померании. Боевые действия в этом районе велись с 24 февраля по 4 апреля 1945 года силами двух взаимодействующих фронтов, а на заключительном этапе им содействовал еще и Краснознаменный Балтийский флот.

Все удары противника из района Штаргарда были успешно отражены войсками 1-го Белорусского фронта. Затем, уже 1 марта, правым своим крылом этот фронт двинулся вперед, имея на штаргардско-кольбергском направлении сильную ударную группировку, острие которой составляли 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. Упорное сопротивление немцев было решительно сломлено, и 4 марта в районе Кольберга советские танки вышли к берегу Балтийского моря, отрезав значительную часть восточно-померанской группировки врага. В результате этих и последующих боев оказались полностью разгромленными одиннадцать пехотных, две моторизованные и одна танковая дивизии, входившие в состав бывшей 11-й немецкой армии. Говорю «бывшей» потому, что под конец этих боев 11-я армия была преобразована в 3-ю танковую армию.

В то же время ударная группировка 2-го Белорусского фронта развивала наступление на Кезлин. Противник уже в ходе операции усилил оборонявшуюся здесь 2-ю немецкую армию соединениями, прибывшими из Курляндии, и свежими пополнениями из других районов Германии. Если к началу нашего наступления в ней было тринадцать пехотных дивизий, две танковые дивизии и три бригады, то к 1 марта в ее составе воевало восемнадцать пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, а также пехотная и танковая бригады. Все эти соединения были разбиты наголову. Остатки их пытались было засесть в укреплениях Данцига и Гдыни, используя помощь своего военно-морского флота. Однако советские войска штурмом овладели и этими укреплениями, захватив только в Данциге 10 000 пленных, большое количество вооружения и боевой техники.

4 апреля ликвидация группировки противника в Восточной Померании была завершена. Опасность срыва наступления наших войск на Берлин ударами во фланг и тыл с этой территории Германии теперь совершенно исключалась.

Вынужденная отсрочка Берлинской операции, которой нельзя было избежать, гарантировала нам безусловную победу. Хорошо подготовленная и во всех отношениях обеспеченная, эта операция приобрела действительно сокрушительный характер. Наши последние удары по врагу в апреле — мае 1945 года были неотвратимы, как сама судьба.

Таковы исторические факты.

Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере еще и 1-й Украинский фронт. Причем, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами.

Пришлось вновь вернуться к январской идее — брать Берлин, используя обходящие удары 1-го Белорусского фронта с севера и северо-запада и 1-го Украинского фронта с юго-запада и запада. Встреча войск обоих фронтов намечалась в районе Бранденбурга, Потсдама.

Все свои дальнейшие расчеты мы строили исходя из самых неблагоприятных обстоятельств: неизбежности тяжелых и затяжных боев на берлинских улицах, возможности контрударов немцев по внешней стороне кольца окружения с запада и юго-запада, восстановления неприятельской обороны к западу от Берлина и вытекающей отсюда необходимости продолжать наступление. Допускалось даже такое стечение обстоятельств, при котором наши западные союзники по каким-то причинам не сумеют преодолеть сопротивления противостоящих им вражеских войск и надолго застрянут на месте.

Вопрос относительно действий союзников вскоре, однако, был снят. Медленно и осторожно они двинулись

вперед. В течение февраля и марта союзные армии отбросили противника за Рейн и в отдельных местах захватили плацдармы на его восточном берегу.

Чрезвычайно важные последствия имели боевые действия в западной Венгрии на венском направлении. Гитлер намеревался разбить здесь советские войска, восстановить фронт на Дунае и перебросить высвободившиеся силы, в первую очередь танковые, под Берлин. В этот район сосредоточивались резервы из Италии и Западной Европы, в частности 6-я танковая армия СС.

Пытаясь создать перелом в свою пользу, противник перешел в контрнаступление против 3-го Украинского фронта. В течение десяти дней длилось крайне ожесточенное сражение у озера Балатон. Очередная гитлеровская авантюра, конечно, провалилась, и наши войска сразу же вслед за тем повели наступление на Вену. Ставка заранее предупредила командующего 3-м Украинским фронтом о необходимости сохранить для этого 9-ю гвардейскую армию, не втягивать ее в Балатонское сражение. В то же время с севера на столицу Австрии надвигались войска 2-го Украинского фронта, а 4-й Украинский фронт день за днем вышибал противника из Карпат, Закарпатья и Восточной Чехословакии.

13 апреля Вена была освобождена, и наши войска двинулись дальше на запад. Такое развитие событий не только благоприятствовало нам под Берлином, но и заметно активизировало союзников. Теперь они продвигались в более высоких темпах. Окруженная ими в Руре значительная группировка немецких войск была затем рассечена и вскоре прекратила сопротивление. Основные англо-американские силы, преодолевая слабое противодействие, устремились к Эльбе и побережью Балтики в районе Любека.

Не оставалось никакого сомнения в том, что союзники намерены ранее нас захватить Берлин, хотя по Ялтинским соглашениям столица Германии относилась к зоне оккупации советских войск. Из мемуаров покойного Черчилля теперь известно всем, как он подстрекал на это Рузвельта и Эйзенхауэра. В послании президенту США от 1 апреля 1945 года Черчилль писал:

«Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для герман-

ского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдерживать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»[1].

Но и мы не дремали. У нас в Генеральном штабе к тому времени были уже разработаны все основные соображения по Берлинской операции. В процессе этой работы мы поддерживали теснейший контакт с начальниками фронтовых штабов А. М. Боголюбовым, М. С. Малининым, В. Д. Соколовским (в последующем с И. Е. Петровым), и, как только обнаружились первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день 1 апреля 1945 года план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и все закончить в течение 12—

---

[1] Winston S. Churchill, op. cif., p. 407.

15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя.

Начальник Генштаба счел необходимым еще раз обратить внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами. Было подчеркнуто, что она фактически исключает непосредственное участие в боях за Берлин войск 1-го Украинского фронта, а это может отрицательно сказаться на сроках выполнения задач. Маршал Конев высказался в том же духе. Он доказывал целесообразность нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Сталин пошел на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин,— заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало.

В тот же день И. В. Сталин подписал директиву командующему войсками 1-го Белорусского фронта об операции по овладению Берлином и выходе до конца месяца на Эльбу. Главный удар предлагалось нанести с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий, причем последние следовало вводить в действие лишь после прорыва обороны противника для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока. На главном же направлении надлежало использовать и второй эшелон фронта — 3-ю общевойсковую армию под командованием генерал-полковника А. В. Горбатова.

Директива командующему войсками 1-го Украинского фронта была отдана 2 апреля. Ему предписывалось разгромить вражескую группировку в районе Коттбуса и южнее Берлина, не позднее десятого—двенадцатого дня операции выйти на рубеж Беелитц, Виттенберг и далее по Эльбе до Дрездена. Главный удар фронта назначался

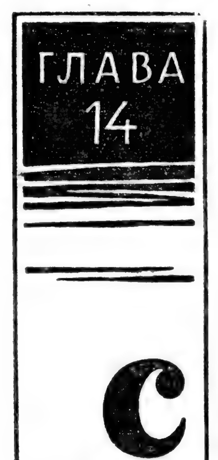
в направлении Шпремберга, Бельцига, то есть на 50 километров южнее Берлина. Танковые армии (их было две — 3-я и 4-я гвардейские) намечалось ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на главном направлении. В качестве дополнительного варианта Ставка предусмотрела возможность поворота танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин, но лишь после того, как они минуют Люббен.

А 6 апреля последовала директива и 2-му Белорусскому фронту. В овладении Берлином непосредственно он не участвовал, но имел очень ответственную задачу — наступать на запад севернее столицы Германии и, разгромив сильную штеттинскую группировку противника, обеспечить всю операцию с этого направления.

В окончательном своем виде замысел и план Берлинской операции, которая должна была подвести вооруженные силы фашистской Германии к черте капитуляции, предусматривали расчленение и окружение противника восточнее немецкой столицы с одновременным уничтожением окруженных войск. Стремительное продвижение Советской Армии на запад имело также целью предотвратить всякую возможность со стороны гитлеровцев создать новый фронт.

На основных направлениях наших завершающих ударов сосредоточивались мощные группировки войск с огромным количеством артиллерии, танков и авиации. Наступление началось в намеченный срок и закончилось полным разгромом противника. 2 мая Берлин прекратил сопротивление, а через 6 дней безоговорочно капитулировала вся фашистская Германия.

Завершающая кампания войны в Европе наиболее ярко продемонстрировала все преимущества наших Вооруженных Сил над гитлеровской военной машиной. Основные ее операции отличались ясностью политических целей, трезвым расчетом и реальностью. Советское стратегическое руководство умело опиралось здесь на опыт, выстраданный в ходе всей войны, в полной мере использовало дарования больших и малых военачальников — командующих фронтами, командармов, командиров соединений, частей и подразделений. Достойными помощниками его были штабы всех степеней, достигшие к тому времени высокого уровня управления войсками.

РАЗГРОМ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

Английский премьер у Верховного Главнокомандующего. — Сосредоточение войск у дальневосточных границ.— Квантунская армия, ее силы и расположение.—Возможна ли внезапность?— Вызов в Ставку Р. Я. Малиновского.— Потсдамская конференция и ее отголоски.— Тайна просачивается за пределы Генштаба.— Час пробил.— Дерзкие действия воздушных десантов.— Капитуляция Японии.

С началом Великой Отечественной войны еще более обострилась обстановка на дальневосточных рубежах нашей страны. Хотя между СССР и Японией имелся договор о нейтралитете, угроза со стороны последней возросла. Крупные силы японских войск сосредоточились в Маньчжурии, выжидая подходящего момента для нападения на Советский Союз, чтобы завладеть Сибирью и Дальним Востоком. Японские милитаристы часто нарушали государственную границу, вторгались в наши территориальные воды и воздушное пространство. Провал наступления немецко-фашистских войск под Москвой несколько охладил их пыл, однако от своих захватнических планов они не отказались. Это доподлинно известно теперь по материалам международного судебного процесса над главными японскими военными преступниками.

Генеральный штаб пристально следил за недобрым поведением соседа. Восточный партнер Гитлера по оси Берлин — Рим — Токио интересовал нас не только как источник непосредственной военной опасности для СССР. «Японская проблема» имела и другое значение: она прямо связывалась с задачей сокращения продолжительности второй мировой войны. Этого требовало истекавшее кровью человечество. Без разгрома империалистической Японии мир на земле был немыслим. Наконец, необходимо было помочь народам Азии, и в первую очередь Китая, сбросить ярмо иностранного ига.

Уделяя главное внимание действующим фронтам, мы никогда не забывали про Дальний Восток. Скажу больше,

в кризисные моменты борьбы с немецко-фашистскими захватчиками заботы о нем удваивались.

Читатель уже знает, что в трудные дни 1942 года у нас была учреждена должность заместителя начальника Генштаба по Дальнему Востоку, а в Оперативном управлении существовало специальное Дальневосточное направление, возглавлявшееся опытным оператором генерал-майором Ф. И. Шевченко.

В июне 1943 года в Оперативное управление был переведен заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майор Н. А. Ломов, а на его место от нас послали генерал-майора Ф. И. Шевченко. Таким образом, Дальний Восток заполучил генерала, знающего не только этот театр, а и взгляды Ставки, требования Генштаба в отношении Дальнего Востока. В то же время Генеральный штаб в лице Н. А. Ломова приобрел специалиста, изучившего до тонкостей всю специфику Дальнего Востока.

Еще до начала войны, в 1938 году, Дальневосточный, а в 1941 году и Забайкальский военные округа были преобразованы во фронты того же названия [1]. Их руководящий командный состав, не имевший боевого опыта, в ходе войны постепенно заменялся генералами и офицерами, повоевавшими против гитлеровской Германии. Так, на пост командующего войсками Дальневосточного фронта был назначен генерал армии М. А. Пуркаев, возглавлявший до того Калининский фронт, а генерала армии И. Р. Апанасенко направили стажироваться на Воронежский фронт. Проходили боевую практику в действующей армии и другие командиры-дальневосточники.

Со второй половины 1943 года, когда на советско-германском фронте произошел коренной перелом в нашу пользу, вся логика вещей вела к тому, что рано или поздно вслед за фашистской Германией должна пасть и Япония. Наши западные союзники стремились как можно скорее вовлечь нас в войну на Дальнем Востоке. Но лишь на Тегеранской конференции, где удалось наконец достигнуть конкретной договоренности об открытии второго фронта в Европе, советская делегация дала принципиальное согласие на вооруженное выступление СССР против

[1] До 1940 года Дальневосточный фронт существовал с непродолжительным перерывом.

империалистической Японии. Притом, однако, было обусловлено, что выступим мы только после поражения гитлеровской Германии.

Не удовлетворившись этим, правящие круги Англии и США продолжали торопить Советское правительство. На первый взгляд могло показаться, что такая политика союзников имела благие цели — скорейшее достижение мира на земле. В действительности же это дало бы совсем иные результаты. Советская страна распылила бы свои военные усилия, отвлекла войска с главного, германского фронта, где противник не был еще добит. А всякая затяжка борьбы против гитлеровской Германии отдаляла конечную победу и на деле означала увеличение продолжительности второй мировой войны. С точки зрения стратегии такой шаг являлся чрезвычайно нецелесообразным, и мы не сделали его.

Летом 1944 года, когда второй фронт был все-таки открыт, союзники еще раз попытались повлиять на решение СССР по японскому вопросу. В конце июня глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Д. Дин обратился от имени начальника штаба армии США к начальнику нашего Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с настойчивой просьбой о всемерном ускорении вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Зная точку зрения Советского правительства, Александр Михайлович твердо заявил, что до окончательного разгрома фашистской Германии об этом не может быть и речи. На аналогичный запрос Черчилля И. В. Сталин тоже ответил, что позиция Советского правительства не изменилась.

Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

— Скоро, видимо, потребуются,— заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор.

Такие расчеты в начале октября были сделаны, а в середине того же месяца Сталин впервые воспользовался ими при переговорах с Черчиллем и Иденом, прибывшими в Москву.

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А. И. Антоновым явились на

обычный доклад в Ставку. Еще в приемной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один — толстой сигарой, другой — неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторым отступлением от порядка, принятого в Ставке. В данном случае фронты представлялись последовательно с севера на юг и обстановка на них излагалась по так называемому сокращенному варианту. Черчилль подошел к столу, внимательно посмотрел разложенные на нем карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра. Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся доложить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась.

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным.— Затем, обращаясь к нам, добавил: — Попробуйте, наверно, это — неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

Переговоры с Черчиллем и Иденом велись вначале без участия военных, но когда опять дело коснулось Дальнего Востока, пригласили А. И. Антонова и Ф. И. Шевченко. Последний был уже генерал-лейтенантом и занимал пост начальника штаба Дальневосточного фронта. Советское правительство подтвердило свое обязательство начать войну против Японии, уточнило, что это произойдет примерно через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии. Такой срок являлся вполне реальным при условии помощи со стороны союзников в создании на Дальнем Востоке двух-, трехмесячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств. Даже частичная подача всего этого союзниками непосредственно в наши тихоокеанские порты значительно облегчила бы перегруппи-

ровки войск, сократила время и объем перевозок из центра страны. Союзники согласились с нашими доводами и взяли на себя часть поставок.

Никаких особых мероприятий в отношении стратегического планирования операций против Японии сразу после октябрьских переговоров 1944 года, сколь мне помнится, не проводилось. Ведь тогда еще не было признаков близкого конца сопротивления немецко-фашистской армии, хотя она и несла тягчайшие поражения одно за другим.

В феврале 1945 года собралась новая конференция руководителей трех союзных держав. На этот раз в Крыму. Наряду с другими важными вопросами на ней окончательно уточнили срок вступления СССР в войну с Японией: через два-три месяца после окончания войны в Европе. Советская делегация выдвинула при этом три условия:

1. Сохранение существующего положения Монгольской Народной Республики.

2. Восстановление принадлежавших России прав, нарушенных Японией в 1904 году: возвращение Южного Сахалина; интернационализация Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур в качестве военно-морской базы СССР; совместная с Китаем эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог.

3. Передача СССР Курильских островов.

Союзники наши условия приняли.

5 апреля Советское правительство денонсировало свой договор с Японией о нейтралитете. Бессмысленно было считать себя связанными этим договором, в то время как японская сторона бесцеремонно нарушала его. Для всех было уже совершенно очевидно, что в течение ближайших 30—40 дней война на западе завершится нашей полной победой. Не могло не видеть этого и японское правительство Судзуки. В интересах своей страны ему полезно было бы подумать о бесперспективности дальнейшего ведения войны на Тихом океане. Заявление СССР о денонсации договора являлось серьезным предупреждением. Однако оно не было принято во внимание. В Японии по-прежнему раздувалась военная истерия под лозунгом — победить во что бы то ни стало. Премьер-министр Судзуки от имени правительства заявил: «Мы будем неот-

ступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны».

Для нас не оставалось ничего, кроме как активизировать подготовку к выполнению своих союзнических обязательств. Верховный Главнокомандующий приказал Генштабу усилить штабы и высший командный состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов, а также Приморской группы, направить туда побольше людей, закаленных в войне против гитлеровской Германии, причем лучше таких, которые служили и на Дальнем Востоке. Одновременно Верховный распорядился планировать и перемещение войск с таким расчетом, чтобы на Дальний Восток в первую очередь следовали армии и соединения, уже воевавшие в условиях, близких к дальневосточным.

Существовавшую на Дальнем Востоке организацию войск решено было не ломать. Дальневосточный фронт оставался в основном в прежнем составе и под командованием М. А. Пуркаева. Приморскую группу подчиняли штабу бывшего Карельского фронта, перебрасываемого на Восток. Командующим назначили Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова.

— Хитрый ярославец найдет способ, как разбить японцев, — сказал при этом Верховный. — Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой.

Для главного, Забайкальского направления требовались руководители с опытом маневренных действий. Как мне помнится, А. М. Василевский, принимавший самое активное участие в разработке планов войны на Дальнем Востоке, первым предложил кандидатуру Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского и во главе его штаба рекомендовал поставить одного из наиболее опытных начальников фронтовых управлений генерала армии М. В. Захарова.

Верховному предложение понравилось. В Ставке за Родионом Яковлевичем давно и прочно укрепилась репутация талантливого полководца, серьезного, спокойного и вдумчивого военачальника. Если уж просит, то обоснованно, доносит, так обстоятельно.

В апреле 1945 года на Дальний Восток потянулись войска и штабы. Первым взял курс на город Ворошилов штаб бывшего Карельского фронта в полном составе.

Отъезд к месту службы нового командующего войсками Приморской группы маршала К. А. Мерецкова несколько задержали, чтобы не раскрыть карты преждевременно. Ведь Кирилла Афанасьевича хорошо знали не только военные.

30 апреля была отдана директива о перевозке 39-й армии генерал-полковника И. И. Людникова из-под Инстербурга в Забайкалье. А когда Германия капитулировала, в далекий путь тронулись и другие прославленные армии: 5-я под командованием генерал-полковника Н. И. Крылова — в Приморскую группу, 53-я во главе с генерал-полковником И. М. Манагаровым и 6-я гвардейская танковая вместе со своим командующим генерал-полковником танковых войск А. Г. Кравченко — на Забайкальский фронт. Туда же, в Читу, направлялись и многие из руководителей бывшего 2-го Украинского фронта, в том числе Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, генерал армии М. В. Захаров, генерал-полковник И. А. Плиев, генерал-лейтенант Н. О. Павловский. В командование 36-й армией, стоявшей в Забайкалье раньше, вступил генерал-лейтенант А. А. Лучинский.

Командовать армиями, располагавшимися в Приморье, выехали: генерал-полковник А. П. Белобородов (1-я Краснознаменная), генерал-полковник И. М. Чистяков (25-я) и генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев (35-я). Заместителями у вновь назначенных командармов почти везде остались прежние командующие. Они отлично знали здешний театр и несомненно были полезны.

В апреле же развернулось обновление материальной части дальневосточных танковых соединений.

А Генеральный штаб тем временем получил указание — окончательно разработать план войны с Японией. Первоначально задача формулировалась в самом общем виде, с одной лишь принципиальной установкой, особо подчеркнутой Верховным Главнокомандующим: войну провести в самый короткий срок.

Это была задача со многими неизвестными.

Мы не знали наверняка, отказалась ли японская военщина от намерения напасть на СССР, убедившись в неотвратимости поражения гитлеровских войск. Возможность нападения отнюдь не исключалась. Критическое положение фашистской Германии безусловно могло активизировать ее азиатского союзника в интересах общей цели. Рас-

положение крупных сил сухопутных войск Японии вдоль советской государственной границы, близость японских воздушных и морских баз к территории СССР позволяли оголтелым милитаристам нанести удар по нашим важным объектам и войскам с крайне тяжелыми для нас последствиями. Отсюда следовало, что планом войны на Дальнем Востоке непременно должно предусматриваться отражение такого внезапного удара. В ходе дальнейших событий необходимость оборонительных действий Советских Вооруженных Сил, конечно, отпала. Тем не менее задача на оборону войскам ставилась, оборона создавалась, и документальные источники отражают эту особенность тогдашних оперативно-стратегических соображений Генерального штаба.

Не был достаточно ясен и план действий японцев в случае нашего наступления. Основными слагаемыми вооруженных сил Японии являлись военно-морской флот и сухопутная армия. Японская авиация представлялась нам относительно слабой. Положение главных группировок сухопутных войск и флота допускало множество комбинаций. В этом тоже следовало разобраться, чтобы создать свой, наиболее рациональный план действий.

Сухопутные войска Японии были разбросаны. В Китае они располагались преимущественно армейскими группировками по всей территории этой огромной страны. То же наблюдалось и в Индокитае. Но особенно распыленными оказались силы японцев на островах Южных морей: там их разъединяли не только морские и океанские просторы, а еще и джунгли и горы на суше. Крупная группировка сухопутных войск с большими потенциальными резервами оставалась на территории японской метрополии. Здесь же находились основные силы флота и авиации. Наши союзники не решались атаковать метрополию и не рассчитывали сделать это в ближайшем будущем.

Наиболее компактной и мощной, полностью готовой к действиям была так называемая Квантунская армия в Маньчжурии под командованием генерала Ямада. Здесь проходили практическую военную школу многие генералы и офицеры Японии.

Мы перебрали несчетное количество вариантов, отыскивая то главное звено, с ликвидацией которого рухнула бы вся система военного сопротивления Японии. Рабо-

тали без особой спешки, поскольку времени имелось достаточно. Николай Андреевич Ломов являлся при этом центральной фигурой, и его уравновешенный характер очень подходил для углубленного анализа обстановки на Дальнем Востоке.

Больше всего нас прельщало, конечно, маньчжурское направление, где размещалась Квантунская армия. С разгромом этой армии была бы уничтожена основная ударная сила сухопутных войск Японии и тем самым подсеклось под корень сопротивление страны. Генштаб, а затем и Ставка постепенно утвердились в этой мысли, и она легла в основу плана войны.

Квантунская армия насчитывала почти миллион человек. Она была лучшей по оснащенности и боевой выучке личного состава. Служба в этой армии являлась свидетельством верности режиму и устоям японского империализма. Ее солдаты и офицеры воспитывались в духе фанатической преданности империи и ненависти к другим народам, прежде всего — к советским людям, а также к населению Монголии и Китая.

До начала войны в Квантунскую армию входили 1-й и 3-й фронты, 4-я отдельная армия и 2-я авиационная армия. С началом боевых действий ее состав дополнили заново созданный 17-й фронт и 5-я авиационная армия.

1-й, или Восточно-Маньчжурский, фронт (3-я и 5-я армии) под командованием генерала Кита располагал десятью пехотными дивизиями и одной бригадой. Он был развернут на границах с Приморьем, имея главные силы на муданьцзянском направлении, выводящем к Харбину и Гирину. Штаб фронта размещался в Муданьцзяне.

3-й фронт (30-я и 44-я армии), которым командовал генерал Усироку, частью сил (две дивизии) дислоцировался поблизости от границы Монгольской Народной Республики, а главную свою группировку (шесть пехотных дивизий, три пехотные бригады и одна танковая бригада) держал в глубине Маньчжурии, в районе Мукдена. Там же находился и штаб фронта.

4-я отдельная армия генерала Уэмура была разбросана на огромном пространстве Северной Маньчжурии

в четырехугольнике Хайлар, Цицикар, Харбин, Сахалян. В нее входили три пехотные дивизии и четыре бригады.

17-й фронт (34-я и 59-я армии) располагался в Корее, штаб имел в Сеуле. Командовал этим фронтом генерал Кодзуки, имевший под своим началом девять пехотных дивизий.

В резерве командующего Квантунской армией находились: одна пехотная дивизия, одна пехотная бригада и одна танковая бригада. Особое назначение получила специально сформированная бригада смертников — разведчиков и истребителей танков. Смертники имелись также и в авиации, и на флоте.

2-я воздушная армия генерала Харада, дислоцированная в центре Маньчжурии, насчитывала почти 1200 самолетов, но боевых из них было немногим более двух сотен. В Корее стояла 5-я воздушная армия, располагавшая 600 самолетами.

Командующему Квантунской армией подчинялись также войска Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и провинции Суйюань; суммарно — до двадцати пехотных дивизий и 14—15 бригад конницы. Не в пример японским войска эти были слабо обучены, плохо вооружены, но общая численность их достигала приблизительно 300 тысяч.

В помощь Квантунской армии японское командование могло двинуть и свой стратегический резерв, находившийся в районе Пекина (две армии, шесть — восемь дивизий).

Стратегическое положение Квантунской армии характеризовалось прежде всего ее удаленностью от метрополии. Связи с Японией не везде были удобными, коммуникации растянуты. В северной и западной частях Маньчжурии остро давала себя чувствовать недостаточная развитость железнодорожной сети. В центральной и восточной части страны основные железнодорожные линии находились в зоне досягаемости советской авиации.

Квантунская армия была как бы охвачена огромной дугой, образуемой на протяжении почти 4500 километров государственными границами Советского Союза и Монгольской Народной Республики. К этому добавлялась еще ненадежность китайского тыла. Население марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного Японией в целях маскировки ее империалистической политики, относилось к оккупантам враждебно. Врагом японских мили-

таристов являлся весь Китай. Положение сложилось так, что и Чан Кай-ши оказался противником Японии, не говоря уже о китайской Народно-освободительной армии.

Генералу Ямада приходилось ориентироваться на Корею, где японцы утвердились давно. Для Квантунской армии Корея была и основным источником питания и операционной базой на случай чрезвычайных обстоятельств. Но и в Корее народные массы люто ненавидели оккупантов. К тому же Корея находилась на значительном удалении от маньчжурской группировки японских войск и относительно легко могла быть отрезана ударом из советского Приморья. Таким образом, куда ни кинь, тыл являлся ахиллесовой пятой Квантунской армии.

В течение многих лет оккупации Китая японские милитаристы усиленно вели фортификационные работы на границах с СССР. Вдоль гористого рубежа с нашим Приморьем имелась линия укрепленных районов, хорошо встроенных в тайгу и горы. За бетонными сооружениями и естественными препятствиями японские генералы чувствовали себя в относительной безопасности. На севере подступы к Маньчжурии прикрывались не только горами Малого Хингана, но и широким Амуром, а на северо-западе — горным хребтом Ильхури-Алинь и отрогами Большого Хингана. Угрюмый горный хребет Большого Хингана со средней высотой над уровнем моря 1000—1100 метров тянется на многие сотни километров в меридиональном направлении по территории самой Маньчжурии. Он то приближается к границе до 50 километров (на солуньском направлении), то уходит от нее на 200—250 километров. А во Внутренней Монголии горы Большого Хингана сочетаются еще и с полупустынным песчаным плоскогорьем, продолжающим расположенную югозападнее пустыню Гоби.

Необходимо, однако, заметить, что в условиях огромных пространств здешнего театра войны у Японии не могло хватить сил для сплошного занятия границы или естественных рубежей. Волей или неволей им приходилось выбирать наиболее вероятные операционные направления. По границе с СССР и отчасти с МНР возводились укрепленные районы, прикрывавшие подступы к главным проходам через горные хребты. На ряде же участков госграницы Маньчжурии с Монгольской Народной Республикой, имевших большую протяженность и открытых

для действий всех родов войск, инженерных сооружений не оказалось и совершенно отсутствовали части прикрытия. Особенно слабыми были гористые и пустынные направления на Долоннор и Чжанцзякоу (Калган) на крайнем правом монгольском фланге. Мы, конечно, учли это при разработке замысла операций.

Вместе с тем занятое Квантунской армией положение давало ей на некоторых участках будущего фронта ряд бесспорных преимуществ. Особенно ощутимо сказывались они на Дальнем Востоке. Как уже отмечалось, граница Приморья на доступных для нашего наступления направлениях была закрыта укрепленными районами и войсками Восточно-Маньчжурского фронта. Они составляли как бы первый эшелон обороны противника. А затем на сравнительно небольшом удалении находились войска 17-го фронта, которые при необходимости тоже могли быть использованы на востоке Маньчжурии. Наша наступательная операция здесь неминуемо выливалась в последовательный прорыв укрепленных районов с форсированием горных хребтов и тайги, то есть в наиболее тяжелый вид наступления, требующий подавляющего превосходства в силах и большого количества мощных средств поражения.

На Маньчжурской равнине за естественными барьерами, укрепрайонами и оборонительными позициями противник свободно мог маневрировать по внутренним операционным линиям, выдвигать войска на угрожаемые участки и развертывать их на выгодных рубежах. Действия по внутренним операционным линиям даже при отходе, если на то вынудит обстановка, предоставляли японцам возможность сохранять компактную группировку войск. Маневр вполне обеспечивался железными и шоссейными дорогами.

Все эти плюсы, имевшиеся у японцев, мы, разумеется, тоже брали в расчет.

Тщательное изучение положения Квантунской армии позволяло Генеральному штабу сделать очень важные предварительные выводы. Прежде всего было очевидным, что в условиях Маньчжурии она вынуждена будет вести военные действия в относительной изоляции от других группировок японских войск. А чтобы относительную изоляцию превратить в полную, с нашей стороны требовалось одновременно с ударами главных сил развернуть

наступление и в тех районах, откуда Ямада мог получить содействие. Это относилось в первую очередь к Корее и до некоторой степени к Южному Сахалину. Важное значение имело бы и наше господство в воздухе. Что же касается форм маневра, то нам уже на этой стадии изучения противника представлялись наиболее подходящими фланговые действия, выводящие наши войска в район Гирин, Мукден. Они отсекли бы всю группировку японцев в Маньчжурии и нарушили бы ее взаимодействие с группировкой войск в Корее и резервами под Пекином. Слабость монгольского фланга Квантунской армии позволяла рассчитывать на выход здесь в тыл противнику.

Характер эшелонирования Квантунской армии свидетельствовал, на наш взгляд, о том, что японское командование при неблагоприятном исходе борьбы в Маньчжурии будет отводить свои войска из северной и западной части района боевых действий на границы с Кореей, создавая таким образом выгодные условия для продолжения операций. Генеральный штаб не ошибся. Такой план у японцев действительно существовал. Однако его не удалось провести в жизнь из-за стремительности и сокрушительности наступления советских войск.

Следует также отметить, что в случае разновременности действий наших ударных группировок у японцев имелась возможность отражать их по частям, перебрасывая войска с одного направления на другое. И отсюда опять-таки нами делались практические выводы.

Очень много проблем вставало перед Генеральным штабом при разработке замысла операций. Достижение победы над Японией в короткий срок предполагало стремительность наступления. Квантунскую армию надлежало разгромить сразу, не допуская ее отхода в глубину Китая или Кореи.

Группировка советских войск, имевшаяся на Дальнем Востоке к апрелю 1945 года, сделать этого не могла. Она предназначалась лишь для решения оборонительных задач. При существовавшем в то время расположении мы имели возможность нанести удары только на муданьцзянском направлении (со стороны Приморья) и на хайлар-цицикарском (со стороны Забайкалья). Но такие удары не приводили к окружению Квантунской армии и

не прерывали ее коммуникаций. Они могли вытолкнуть, но не уничтожить войска противника, что противоречило существу задачи, поставленной Ставкой, и решительному характеру предстоящей операции. При выталкивании враг продолжал бы питать свои войска из глубины, особенно из Кореи, а значит, на быстрое окончание войны рассчитывать было нельзя. Плотность его сил неизбежно возрастала бы за счет подхода резервов. В то же время над правым флангом нашего Забайкальского фронта нависала угроза со стороны укрепленных районов противника на границе с Монгольской Народной Республикой.

Чтобы избежать такого развития событий, воспретить японцам организованный отход, требовалось не только изменить расположение наших сил и выбрать более выгодное направление главного удара. Нужно было еще обеспечить себе условия для наращивания успеха, то есть правильно решить вопрос об эшелонировании сил во фронтах, создать, где нужно, вторые эшелоны. И делать это, конечно, не в ущерб мощи первоначального удара, а за счет дополнительной переброски войск с запада.

Наиболее выгодным рисовалось нам наступление одного из фронтов с территории Монголии при одновременном встречном ударе со стороны Приморья. В этом случае можно было полностью изолировать Квантунскую армию. Притом не отвергались и фронтальные удары с севера через Амур и вдоль Сунгари; они должны были содействовать расчленению и уничтожению японских войск.

Удар со стороны Приморья при всех обстоятельствах требовал прорыва укрепленных районов противника. Наносимый к центру Маньчжурии, он обеспечивал поражение 1-го Японского фронта и выход наших войск непосредственно на Чанчунь, где располагался штаб Квантунской армии.

При наступлении из Монголии нельзя было, конечно, отвлекать силы на неперспективные направления, где противника вообще не имелось. А не было его на крайнем правом фланге, на калган-пекинском направлении, в пустынных просторах. Наступление здесь не сулило нам ничего, кроме бесплодной борьбы с тяготами природы. Следовало руководствоваться испытанным принципом: наносить главный удар там, где он скорее всего даст наиболь-

ший результат, и направлять его туда, где наверняка будет подорвана мощь главных сил врага. Таким требованиям, с нашей точки зрения, вполне отвечало солуньское направление.

Долго думали над группировкой сил. Сколько войск потребуется и какие именно? В каком их построении надежнее гарантируется разгром противника и лучше всего наступать на столь обширных пространствах с преодолением гор, тайги, пустыни, широких рек, укрепленных районов? Когда все эти слагаемые были внимательно изучены, стало ясно, что в Маньчжурии не обойтись без танковой армии, отдельных танковых соединений и конницы. Потребуется флот, в том числе на Амуре и Сунгари. Будет нужна мощная авиация всех видов.

Обсуждался вопрос и о том, где сосредоточить танковую армию, как ее использовать. И опять взоры Генштаба обращались к Забайкальскому фронту, где не было ни полноводного Амура, ни тайги, ни многочисленных укрепленных районов. Танковая армия являлась главным боевым средством, сообщавшим войскам фронта силу удара, высокий темп и обеспечивающим глубину наступления. Правда, в глубине на ее пути высился Большой Хинган, и сама мысль о прорыве танкистов через горы представлялась очень сложной. Однако в необычности применения крупных масс танков таился, как полагал Генеральный штаб, ключ к решению основных задач операции. Мы твердо высказались за применение танковой армии на главном направлении, пролегавшем через Большой Хинган, и обязательно в первом эшелоне оперативного построения фронта.

Мотивировалось это тем, что японцы едва ли ждут здесь такого удара. Позиции их на Хингане, по нашим данным, не были подготовлены, отдельные полевые укрепления занимались относительно слабыми войсками. Горы же мы считали вполне преодолимыми для опытных танкистов. Если упредить противника в овладении имевшимися там проходами, у него не найдется силы, способной противостоять танковой армии.

Не последнее место занимали соображения относительно захвата инициативы. При внезапности удара мощная и стремительная танковая армия могла сделать очень многое и задавала бы нужный тон всей фронтовой операции.

Не простым был вопрос о взаимодействии фронтов, в частности о сроках начала фронтовых операций. Важность его общеизвестна, но в Маньчжурии правильное согласование усилий между фронтами приобретало особое значение вследствие чрезвычайно сложных и далеко не одинаковых условий на различных направлениях.

Очень заманчиво было оттянуть силы японцев из полосы действий Приморской группы. На первый взгляд казалось, что для этого целесообразно пораньше начать наступление Забайкальского фронта. По нашим расчетам, противник мог перебросить туда свои войска из Приморья примерно к десятому дню операции. Вот тут-то и следовало нанести удар со стороны Приморья.

Однако такой вариант имел много скрытых опасностей. Никто не мог поручиться за то, что японское командование непременно станет ослаблять приморское направление, а не использует для отражения нашего наступления из Забайкалья другие войска. В этом случае противник получил бы возможность бить советские фронты, так сказать, в порядке очереди. Кроме того, наши действия в Приморье утратили бы внезапность: враг ждал бы здесь удара и, конечно, принял бы меры, чтобы парировать его.

При таком рассуждении предпочтительнее казалось одновременное наступление фронтов.

В конечном итоге не был отвергнут ни тот, ни другой вариант. По указанию Ставки Генеральный штаб продолжал обдумывать и разрабатывать каждый из них. Ставка полагала, что обстановка перед началом войны сама подскажет наиболее правильное решение возникшей альтернативы.

Наше стремление к внезапности действий очень осложнялось тем, что японцы давно и твердо уверовали в неизбежность войны с Советским Союзом. Достижение стратегической внезапности являлось делом едва ли осуществимым. Тем не менее, раздумывая над этой проблемой, мы не раз возвращались к первым дням Великой Отечественной войны: ее наша страна тоже ожидала, готовилась к ней, однако удар немцев оказался внезапным. Следовательно, и в данном случае не надо было преждевременно отказываться от внезапности.

Внезапность начала войны на Дальнем Востоке зависела прежде всего от сохранения в секрете степени готов-

ности советских войск. С этой целью был разработан и строжайшим образом соблюдался особый режим перегруппировок. Срок начала боевых действий никому, конечно, не объявлялся. Возможность достижения внезапности таилась также и в необычном порядке сосредоточения материальных средств. Мы считали, что враг, хотя и узнает о поставках союзников, все же непременно завысит сроки наших перевозок по единственной в Сибири железной дороге. Ожидалось, что на основе относительно слабой пропускной способности Транссибирской магистрали японцы определят начало войны где-то на осень и, видимо, только к этому времени сами будут полностью готовы к ней.

Полагались мы и на уверенность врага в том, что советские войска не начнут наступления при неблагоприятных погодных условиях. А ведь срок начала военных действий против Японии, согласованный с союзниками — «через два-три месяца после окончания войны с Германией», — падал как раз на очень неудобный с точки зрения формальной военной логики период дождей на Дальнем Востоке. По всем правилам этой логики японское командование должно было ждать удара с нашей стороны несколько позже, когда установится отличная сухая погода. Впоследствии подтвердилось, что Генеральный штаб не ошибся в этих своих предположениях. Японское командование ожидало начала войны в середине сентября.

В интересах внезапности использовалась и местность, о чем частично уже говорилось. Совершенно естественно, что враг не рассчитывал на возможность ударов вообще, а танковых тем более через труднопроходимые горы, тайгу и пустыню. Это относилось прежде всего к монгольскому участку фронта, как бы отгороженному от Маньчжурии и Внутренней Монголии Большим Хинганом и почти безводными степями, примыкающими к Гоби. Горные хребты, таежные заросли, зыбучие пески вопреки все той же формальной логике тоже стали союзниками советского оружия.

Наконец, нельзя не сказать о дерзости и стремительности советского наступления. На первый взгляд это обычные черты любой наступательной операции. Однако нужно учитывать историческое прошлое японских вооруженных сил. В прошлых войнах японская армия обычно

сама наносила первый удар, причем с поразительным вероломством. Так было в 1904 году при развязывании войны с Россией. То же самое повторилось и 7 декабря 1941 года под Пирл-Харбором. В ходе оборонительных действий во второй мировой войне Япония имела дело с противником, осуществлявшим, как правило, чрезмерно осторожное методическое наступление с сильной артиллерийской и авиационной подготовкой и поддержкой. Насколько мне известно, ей не приходилось до того отражать крупных танковых атак. Японская армия привыкла к этой робости и методичности в действиях ее противников, к относительно невысоким темпам наступления. Другой опыт, видимо, игнорировался. Поэтому наряду со стратегической внезапностью мы постарались использовать также все доступные способы оперативной и тактической внезапности, в частности атаки без артиллерийской подготовки и ночные действия. Это тоже в какой-то степени помогло нам завоевать победу.

Незаметно промелькнул май, настал июнь...

В первых числах первого летнего месяца замысел операций против Квантунской армии в общем виде был готов. С соответствующими расчетами его доложили Верховному Главнокомандующему. И. В. Сталин принял все без возражений, только приказал вызвать в Москву маршала Р. Я. Малиновского и генерала армии М. В. Захарова, несколько раньше других командующих фронтами приглашенных на Парад Победы.

Родион Яковлевич и Матвей Васильевич предусмотрительно прихватили с собой начальника Оперативного управления штаба фронта Н. О. Павловского и, получив пять дней на разработку плана фронтовой операции, немедленно приступили к делу. Конечно, в Генштабе они были подробно информированы о стратегическом замысле, составе фронта и сроках сосредоточения войск. Выгрузка последних эшелонов предполагалась 1—5 августа.

18 июня Р. Я. Малиновский представил свой доклад. Как и требовала Ставка, командующий Забайкальским фронтом исходил из необходимости разгромить Квантунскую армию в короткий срок. Полное поражение ее главным силам рассчитывалось нанести в течение полутора-двух месяцев. Делалась, однако, оговорка, что при

благоприятных условиях враг может быть уничтожен значительно раньше.

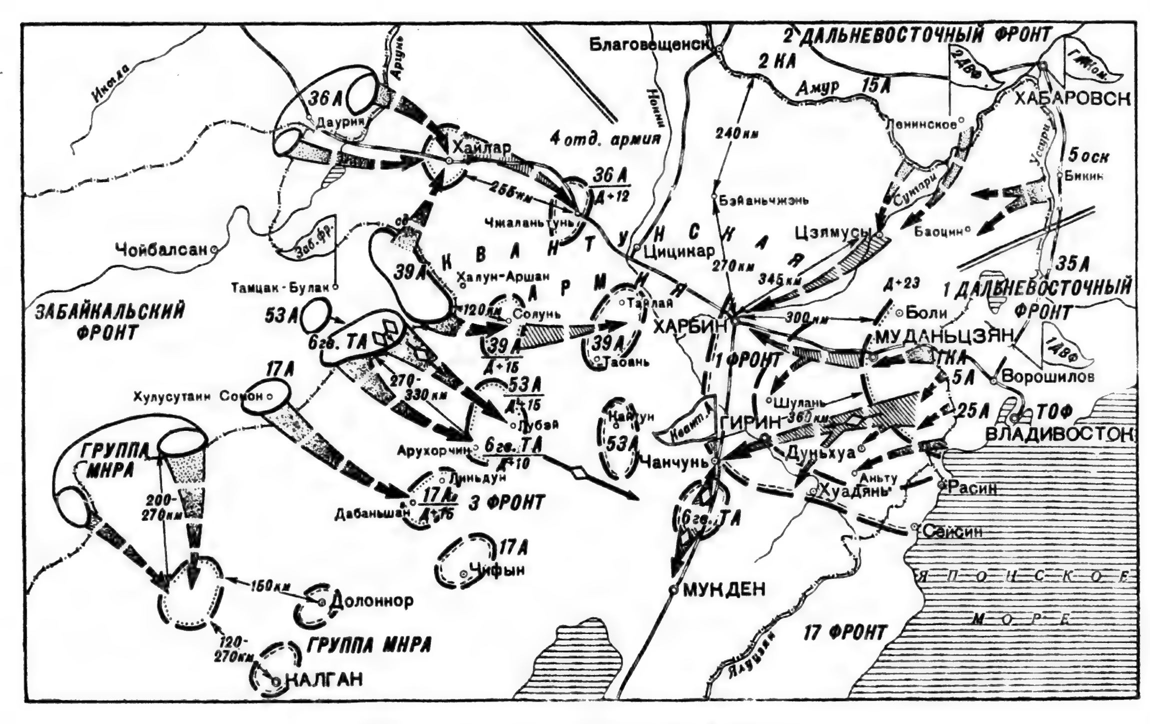
В полосе Забайкальского фронта предвиделась встреча не только с крупными силами японской пехоты, но и с японскими танками, а также с войсками Маньчжоу-Го и князя Дэвана из Внутренней Монголии. «Японцы, — докладывал Р. Я. Малиновский, — предпримут все зависящее от них, чтобы усилить это направление. Следовательно, нужно считать, что они подбросят сюда силы из Северного Китая, равные 7—8 пехотным дивизиям. Всего, таким образом, в первые полтора-два месяца войны Забайкальский фронт может встретить до 17—18 японских дивизий, 6—7 дивизий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии, 2 танковые дивизии».

Взвесив свои возможности при наличии в составе фронта четырех общевойсковых армий (17, 36, 39, 53-й), 6-й гвардейской танковой армии, конно-механизированной группы и 12-й воздушной армии, командующий сделал вывод: «Этих сил... будет достаточно для преодоления сопротивления и, при благоприятных условиях, уничтожения 18—25 дивизий японцев, учитывая наше превосходство в танках и артиллерии».

Наиболее выгодным для нанесения главного удара Р. Я. Малиновский, так же как и Генштаб, признавал направление на Солунь, Сыпингай. Цели мыслилось добиться двумя операциями: первая была рассчитана на овладение Центральной Маньчжурией, вторая завершалась выходом наших войск на границы Маньчжурии с Северным Китаем и освобождением от противника полуострова Ляодун.

Оперативное построение фронта намечалось в два эшелона, причем 6-я гвардейская танковая армия предназначалась «для действий за ударной группой войск фронта». Начало наступления планировалось на 20—25 августа.

Генеральный штаб с этим планом в основном согласился, но в отношении использования танковой армии остался при своем прежнем мнении. Во втором эшелоне она не могла играть ведущей роли при броске фронта через Хинган. Темп ее продвижения на восток регулировался бы в данном случае находящейся впереди пехотой. В то же время этот мощный бронированный кулак, очевидно, терял возможность поддержать пехоту при захвате

Замысел разгрома Квантунской армии

и удержании горных проходов. Нельзя было надеяться и на то, что под прикрытием пехоты танки сумеют прорваться через теснины на Манчьжурскую равнину: попробуй прорвись, когда эти теснины и горные дороги окажутся забитыми самой пехотой и ее обозами. Короче говоря, при таком оперативном построении сил фронта танковое объединение как бы утрачивало свои главные боевые качества.

Доводы Генерального штаба Ставка признала достаточно убедительными. Р. Я. Малиновскому было предложено по прибытии в Забайкалье вернуться еще раз к тем элементам плана, которые являются спорными, дополнительно изучить на местности соображения инакомыслящих и тогда уже принять окончательное решение. Родион Яковлевич с этим согласился и впоследствии внес предложение использовать 6-ю гвардейскую танковую армию в первом эшелоне.

В итоге такой совместной творческой работы со всеми командующими фронтами к 27 июня 1945 года определилось основное содержание стратегического плана советского Верховного Главнокомандования. Намечалось одновременное нанесение трех сокрушительных ударов, сходящихся в центре Маньчжурии: из Монгольской Народной Республики с так называемого тамцакского выступа главными силами Забайкальского фронта, из района юго-западнее Хабаровска — силами 2-го Дальневосточного фронта и из Приморья — основной группировкой войск 1-го Дальневосточного фронта. Цель этих ударов состояла в том, чтобы расчленить войска Квантунской армии, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и уничтожить по частям.

Войска Забайкальского фронта должны были выполнять решающую роль. Их удар нацеливался на жизненно важные пункты врага — Мукден, Чанчунь, Порт-Артур, захват которых решал исход борьбы.

Удар войск 1-го Дальневосточного фронта из Приморья направлялся на Гирин по кратчайшему пути навстречу удару из Забайкалья. Наступление в Приамурье войск 2-го Дальневосточного фронта сковывало противника и способствовало разгрому Квантунской армии.

В таком виде план был наложен на карту А. М. Василевского, назначенного главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и в последующей под-

А. М. Василевский и С. П. Иванов на Дальнем Востоке. 1945 год

М. А. Пуркаев

К. А. Мерецков с группой высшего командного состава 1-го Дальневосточного фронта. 1945 год

Наши в Порт-Артуре

готовительной работе непосредственно на фронтах подвергся лишь незначительным уточнениям. Он отчетливо выразил основную идею советского Верховного Главнокомандования на изоляцию и уничтожение Квантунской армии. На основе этого плана в дальнейшем была разработана директива Ставки об операциях в Маньчжурии.

27 июня К. А. Мерецков получил разрешение отбыть на Дальний Восток. Он покидал Москву несколькими днями раньше А. М. Василевского и Р. Я. Малиновского.

Всем троим в целях соблюдения секретности было приказано снять маршальские погоны.

К новому месту службы Кирилл Афанасьевич следовал под именем генерал-полковника Максимова. И не поездом, как ему хотелось, а самолетом. Сталин опасался, что на железной дороге Мерецкова могут опознать. К тому же Верховный пожелал проверить, сколько времени займет такой полет.

Кирилл Афанасьевич добирался до города Ворошилова в течение 36 часов 55 минут. В воздухе находился 28 часов 30 минут. На место он прибыл 29 июня.

Р. Я. Малиновский, условно именовавшийся генерал-полковником Морозовым, был в Чите 4 июля. Вместе с ним прибыл М. В. Захаров под именем генерал-полковника Золотова. А 5 июля туда же явился и А. М. Василевский, значившийся по документам «заместителем наркома обороны генерал-полковником Васильевым».

Прежде всего Александр Михайлович вручил Р. Я. Малиновскому директиву Сталина на предстоящую операцию. В этом документе обращалось особое внимание на обеспечение бесперебойной работы железных дорог в границах фронта и прикрытие района расположения наших главных сил.

Подготовку совместных наступательных действий войск Забайкальского фронта и монгольской Народно-революционной армии предлагалось закончить к 25 июля. Цель операции — разгром Квантунской армии и овладение районом Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь — должна была достигаться стремительным вторжением в Центральную Маньчжурию при четком взаимодействии с войсками Приморской группы и Дальневосточного фронта. Директива напоминала о необходимости упредить

японцев в овладении Большим Хинганом. Для этого создавалась сильная ударная группировка из трех общевойсковых (39, 53, 17-й) и одной танковой (6-й гвардейской) армий, направлявшаяся в обход Халун-Аршанского укрепленного района на Чанчунь. Требовалось воспретить врагу отход на горный хребет. Ближайшей задачей фронта являлось: разбить противостоявшего противника, форсировать Большой Хинган и на пятнадцатый день наступления выйти главными силами на рубеж Дабаньшан, Лубэй, Солунь. Захват этого рубежа и закрепление за нами Хинганского хребта были важнейшими условиями дальнейшего успешного развития операции.

Сталин не любил неопределенностей и, помня недавние наши споры о порядке использования танковой армии, приказал при подписании директивы включить в нее следующий пункт: «6-й гвардейской танковой армии, действуя в полосе главного удара в общем направлении на Чанчунь, к 10 дню операции форсировать Большой Хинган, закрепить за собой перевалы через хребет и до подхода главных сил пехоты не допустить резервов противника из Центральной и Южной Маньчжурии». Такая формулировка не допускала никаких сомнений относительно места танковой армии в оперативном построении войск фронта. Она могла находиться только в первом эшелоне и должна была вести за собой остальные армии.

Последующую задачу фронта составлял выход главными силами на рубеж Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь, то есть в центр расположения Квантунской армии.

Директивой Ставки определялись также действия войск на вспомогательных направлениях. А завершалась она требованием строжайше соблюдать скрытность всех наших приготовлений. «К разработке плана операции допустить: командующего, члена Военного совета, начальника штаба фронта и начальника оперуправления штаба фронта — в полном объеме. Начальников родов войск и служб допустить к разработке специальных разделов плана без ознакомления с общими задачами фронта. Командующим армиями задачи поставить лично устно без вручения письменных директив фронта. Порядок допуска к разработке плана операции армии установить такой же, как для фронта. Всю документацию по планам действий

войск хранить в личных сейфах командующего войсками фронта и командующих армиями».

Указания по обеспечению скрытности были общими для всех войск Дальнего Востока.

Буквально в первый же день пребывания в Чите А. М. Василевскому пришлось рассмотреть вместе с Военным советом фронта множество организационных вопросов, не терпевших отлагательства. Некоторые из них нельзя было разрешить без срочного вмешательства Москвы. Недоставало, например, угля для железных дорог. Местные ресурсы подошли к концу, и, чтобы не сорвать оперативные перевозки, требовалось получить разрешение на использование государственных резервов, сохранявшихся в неприкосновенности.

Серьезную тревогу внушали темпы накопления боеприпасов. Отгрузку их с заводов и подачу в войска следовало ускорить. Недостаточно быстро шли на фронт транспорты с самолетами.

В войсках ощущалась острая нехватка емкостей для воды. А без нее грозило остановиться наше наступление в пустынных и горных районах Маньчжурии.

Недоставало связистов. Запаздывало комплектование медицинских учреждений. Плохо обстояло дело с ремонтом бронетанковой техники.

Особое беспокойство вызывали положение и состояние 6-й гвардейской танковой армии. День ото дня все больше нарушался график движения железнодорожных эшелонов с ее войсками и техникой. Армия не имела автотранспорта: он остался на месте прежнего ее размещения. Некомплект автомашин только по штатным частям составлял 2274 единицы, а вместе с приданными армии двумя мотострелковыми дивизиями он достигал почти 3000.

В переговорах и совещаниях прошло все 5 июля. В последующие дни А. М. Василевский и Р. Я. Малиновский порознь и вместе побывали на основных операционных направлениях Забайкальского фронта, произвели совместно с командармами детальную рекогносцировку, лично проверили войска. В ходе работы на местах родились многие соображения, предопределившие блестящий успех наступательных операций фронта.

Командующий фронтом внес значительные улучшения в первоначальный план боевых действий.

6-й гвардейской танковой армии он нашел возможным поставить задачу форсировать Большой Хинган не на десятый день операции, как это мыслилось в Генштабе, а не позднее пятого дня. Такой темп наступления в тяжелых горных условиях на первый взгляд казался невероятным, однако в действительности войска не только выдержали его, но и перекрыли.

Значительно сокращался и намеченный ранее срок выхода на Маньчжурскую равнину двух общевойсковых армий. 36-я армия, например, наступавшая на левом фланге фронта, по первоначальному плану должна была занять район Хайлара на двенадцатый день операции, а теперь командующий обязал ее сделать это на десятый день и наступать далее в направлении Чжаланьтуни, Цицикара. 53-й армии было приказано неотступно следовать за танкистами, а значит, и для пехоты продолжительность движения через Хинган сильно сокращалась. Захват Дабаньшана войсками 17-й армии ранее планировался на пятнадцатый день наступления. Теперь же по предложению командарма А. И. Данилова этот срок сократили до десяти дней. А фактически передовые отряды 17-й армии достигли намеченного пункта и разгромили там конницу противника на пятый день операции.

На правом фланге фронта, где действовала конно-механизированная группа монголо-советских войск под командованием И. А. Плиева, тоже ожидалось значительное сокращение сроков выхода к Калгану и Долоннору. Там предстояла и действительно состоялась встреча с 8-й Народно-революционной армией Китая.

Со всеми этими улучшениями плана, предложенными Р. Я. Малиновским после тщательного изучения местных условий, Ставка, конечно, согласилась.

Подобная же работа была проделана и на двух других фронтах — в Приморье и Приамурье. При личном активном участии А. М. Василевского К. А. Мерецков и М. А. Пуркаев, их штабы, политорганы и начальники служб доходили до всего, кропотливо изучали местность, противника, свои войска, уточняли плановые сроки, принимали меры к улучшению материального обеспечения боевых действий. Война предстояла с новым противником, умелым и опасным, на весьма своеобразном и сложном

театре. Необходимо было все рассчитать, ни в чем не допустить ошибок, с максимальной полнотой использовать громадный опыт, приобретенный за четыре года тяжелой борьбы с фашистской Германией.

Вначале в Генеральном штабе особенно не задумывались над формой координации действий фронтов. Она была готова и испытана на протяжении всей войны — это представитель Ставки.

Однако обстановка и задачи, которые предстояло решать органам высшего управления войсками в операциях против империалистической Японии, во многом отличались от тех, что были на Западе. Отдаленность театра от центра страны, его огромные размеры и сложность, разнохарактерность привлекаемых сил и средств создавали дополнительные трудности. На Западе, как правило, соседние фронты наступали параллельно, соприкасаясь между собой. Здесь же, на Дальнем Востоке, благодаря специфическому положению противника, они должны были разгромить его встречными ударами, наступая с трех направлений, при активном содействии флота. Для организации и поддержания четкого взаимодействия между ними требовался достаточно мощный и квалифицированный орган управления.

По-иному вставал здесь и целый ряд задач относительно местного руководства. Самый авторитетный представитель Ставки не имел в отношении их никаких прав. Ему, строго говоря, не подчинялись даже фронты.

Совсем в другом качестве должен был выступить главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. И. В. Сталин повел речь об этом еще в апреле 1945 года, когда впервые объявил А. М. Василевскому о своем намерении послать его на Дальний Восток. Разговор происходил в присутствии А. И. Антонова и меня. В последующем партия и правительство облекли главкома большой властью и дали ему надежных помощников.

Членом Военного совета войск Дальнего Востока Ставка утвердила генерал-полковника И. В. Шикина. На должность начальника штаба главкома, насколько мне известно, И. В. Сталин рекомендовал генерала армии М. В. Захарова. По прибытии в Читу А. М. Василевский имел на сей счет разговор с Матвеем Васильевичем. Тот, однако, согласия не дал и просил учесть, что работа на-

чальника штаба Забайкальского фронта будет более активной. Ставка и лично А. М. Василевский с таким доводом посчитались. Приняли в расчет и то, что М. В. Захаров длительное время работал вместе с Р. Я. Малиновским. По тому же вопросу А. М. Василевский якобы вел переговоры и с генералом армии В. В. Курасовым, но и этот просил его не трогать. Тогда начальником штаба был назначен генерал-полковник С. П. Иванов.

Незамедлительно был сформирован и штаб. В него вошли генералы и офицеры, прибывшие вместе с Василевским, а также группа офицеров Генштаба, работавшая на Дальнем Востоке под руководством генерал-майора Н. Ф. Мензелинцева. Командование Военно-Воздушных Сил сосредоточилось в опытных руках Главного маршала авиации А. А. Новикова, а в штабе главкома имелась лишь небольшая ячейка управления во главе с генерал-лейтенантом Е. М. Белицким. Инженерную службу возглавил генерал-полковник К. Ф. Назаров. Войсками связи управлял генерал-полковник Н. Д. Псурцев. При главкоме имелись также ответственные представители от всех центральных управлений, ведавших материально-техническим обеспечением. С помощью их очень оперативно решались все вопросы, требовавшие рассмотрения в Москве. Эту группу, в составе 52 человек, возглавил заместитель начальника тыла Вооруженных Сил генерал-полковник В. И. Виноградов.

Как показал весь ход событий, такая организация управления вполне себя оправдала.

Вскоре после капитуляции Германии И. В. Сталин имел встречу с видным политическим деятелем США Гарри Гопкинсом. И тогда же Генеральный штаб получил распоряжение подготовиться к новой конференции руководителей союзных держав. Она состоялась во второй половине июля 1945 года, в бывшей резиденции прусских королей — Потсдаме.

Советскую делегацию возглавил Сталин. Из военных в работе конференции участвовали Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, Ф. Я. Фалалеев, С. Г. Кучеров. От Генштаба поехали А. И. Антонов, А. А. Грызлов, Н. В. Славин и М. А. Вавилов с небольшим обслуживающим аппаратом.

Конференция проходила, как известно, без Рузвельта, который скончался незадолго до победы над фашист-

ской Германией. В Потсдам прибыл автоматически вступивший на пост Президента Соединенных Штатов бывший вице-президент Г. Трумэн.

Вторая половина конференции протекала и без Черчилля. Он уступил место Эттли — лидеру лейбористов, одержавших победу на выборах в Англии.

В Потсдаме была прежде всего определена совместная политика стран — участниц антигитлеровской коалиции по германскому вопросу. Соглашения, принятые союзниками, предусматривали демилитаризацию и демократизацию Германии, репарации в пользу стран, потерпевших от фашистской агрессии, установление справедливых государственных границ. Были решены и многие другие вопросы, касавшиеся будущего Германии и мира в Европе.

Уже в первый день работы конференции советская сторона подтвердила нашу готовность выполнить свои обязательства по войне с Японией. Генерал Антонов сделал подробное сообщение относительно советских планов на Дальнем Востоке. Союзники также доложили о своих намерениях, однако об атомной бомбе ничего сказано не было. Только после недели работы Г. Трумэн с ведома Черчилля все-таки поставил И. В. Сталина в известность о том, что в США есть необычайной силы бомба. Это произошло в неофициальной беседе с глазу на глаз, когда участники конференции спешили разойтись после утомившего всех заседания. Но относительно планов применения такой бомбы президент даже не обмолвился.

Позже Алексей Иннокентьевич говорил мне, что Сталин сообщил ему о наличии у американцев новой бомбы очень большой поражающей силы. Но Антонов, как, видимо, и сам Сталин, не вынес из беседы с Трумэном впечатления, что речь идет о принципиально новом оружии. Во всяком случае, Генеральному штабу никаких дополнительных указаний не последовало.

США, Англия и Китай подписали в Потсдаме совместную декларацию, которая в ультимативной форме требовала от Японии безоговорочной капитуляции. Основной смысл документа соответствовал интересам СССР, а потому перед началом войны с Японией наше государство тоже присоединилось к этому заявлению в качестве четвертого партнера.

3 августа, тотчас же по возвращении Верховного Главнокомандующего из Потсдама, маршал А. М. Васи-

левский подробно доложил о ходе подготовки к наступлению. Она близилась уже к завершению. На Забайкальском фронте армии И. И. Людникова и И. М. Манагарова выходили в свои районы сосредоточения, удаленные всего лишь на 50—60 километров от государственной границы МНР с Маньчжурией. Вместе с 6-й гвардейской танковой армией и другими войсками фронта они могли начать военные действия с утра 5 августа.

Другие наши ударные группировки тоже находились в районах сосредоточения или поблизости от них. Наименования фронтов к этому времени были приведены в соответствие с их фактическим положением. Со 2 августа бывший Дальневосточный фронт стал называться 2-м Дальневосточным фронтом, а Приморская группа — 1-м Дальневосточным фронтом. Всего к началу военных действий против Японии мы имели в готовности полуторамиллионное войско, более 26 тысяч орудий и минометов, свыше 5500 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 3900 боевых самолетов.

Полной боевой готовности Тихоокеанского флота также планировалось достичь к 5—7 августа.

А. М. Василевский высказался за то, чтобы переход границы не откладывался далее 9—10 августа. Следовало использовать благоприятную погоду, установившуюся в последние дни в Забайкалье. Она позволяла в полную мощь применить нашу авиацию и танки. В Приморье, правда, продолжались дожди, но они не могли вывести из строя дороги и добротно сделанные аэродромы ВВС. Хуже было с аэродромами флота: те размокли. Однако к 6—10 августа и в Приморье ожидалось улучшение погоды.

Дальнейшая оттяжка начала войны была не в наших интересах еще и потому, что разведка выявила некоторые признаки перегруппировки японских войск в Маньчжурии и Корее. За июль количество дивизий противника возросло там с 19 до 23, а число боевых самолетов — с 450 до 850. При этом пехота усиливалась главным образом на приморском и солуньском направлениях. Эти факты были тревожными. Они могли свидетельствовать, что противник раскрыл наши намерения и готовится их сорвать.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке считал, что 1-й и 2-й Дальневосточные фронты должны начать боевые действия в один день и час с За-

байкальским фронтом. Этим полнее гарантировалась внезапность.

Одновременность действия распространялась, однако, только на сильные передовые части, специально предназначенные для захвата наиболее важных объектов обороны японцев. Она не касалась главных сил фронтов. А. М. Василевский предлагал: основную операцию 1-го Дальневосточного фронта, а следовательно, и его главных сил «в зависимости от развития операции Забайкальского фронта начать через 5—7 суток после начала последней».

Главком просил также срочно направить на Дальний Восток Народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова для координации действий военно-морских сил с сухопутными войсками и предусмотреть дальнейшее усиление фронтов людьми и техникой, особенно танками.

Соображения А. М. Василевского об ускорении начала войны на 1—2 дня против планового, а также порядка вступления в боевые действия 1-го Дальневосточного фронта были внимательно рассмотрены в Генштабе и проверены расчетами. На основе этих расчетов Ставка сопоставила вероятное развитие событий по двум вариантам. В итоге предложение Александра Михайловича о начале войны 9—10 августа оказалось принятым. Но его вариант перехода в наступление войск 1-го Дальневосточного фронта Ставка отвергла. Были опасения, что передовые отряды, какими бы сильными они ни являлись, вряд ли смогут вести бой в одиночку в течение 5—7 суток. Успех передовых отрядов требовалось немедля развивать вводом в дело главных сил.

Решение Ставки сразу передали А. М. Василевскому. Директиву же Верховный Главнокомандующий подписал только 7 августа в 16 часов 30 минут. В ней подтверждались ранее поставленные фронтам задачи. Боевые действия авиации на всех фронтах предлагалось начать с утра 9 августа. В то же утро должны были перейти границу наземные войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов. 2-й Дальневосточный фронт выступал по указанию маршала А. М. Василевского.

Тихоокеанский флот переводился в готовность № 1. Подводные лодки начинали действовать одновременно с авиацией с утра 9 августа.

Будто дурной сон, вспоминается одно действительно чрезвычайное происшествие.

Буквально за несколько дней до начала войны, а точнее 3 августа, в моей утренней почте среди других документов оказалось небольшое письмо, пересланное из редакции газеты «Красная звезда». В газету оно поступило по обычным каналам и внешне ничем не отличалось от сотен других. Однако уже первые его строки нас ошеломили. Оказывается, в завершающий момент подготовки войны с Японией, когда планы ее вполне определились, сроки выступления намечены, маршал Василевский и командующие фронтами день и ночь подтягивают войска на исходные рубежи, сведения об этом, составлявшие глубокий секрет, могли стать или уже стали достоянием противника.

Вот что сообщал неизвестный нам корреспондент товарищ Петров:

«Необычайные обстоятельства заставили меня, старика, написать вам это письмо. В последние дни июля в одном общественном месте, где присутствовали посторонние лица, количеством более двух десятков, один офицер Красной Армии в чине подполковника слишком рьяно хвалился собой и вместе с тем разглашал своего рода военную и государственную тайну. Фамилия его не то Полубь, не то Голубь, имя — Николай Иванович. В настоящее время идет будто бы усиленная подготовка к войне с Японией и для руководства военными операциями против Японии на Дальний Восток отправляется группа офицеров Генерального штаба во главе с маршалом Василевским...»

Далее автор письма просил сделать болтуну нужное внушение: «Пусть он поймет, что интересы нашего государства нам, простым людям, дороже собственного благополучия этого молодого человека. С почтением Петров».

Началось расследование. Человека, о котором сообщал Петров, разыскали быстро. Он оказался из числа лиц, отобранных для работы в аппарате А. М. Василевского. Подтвердилось также, что этот офицер много и громко болтал в компании о своем начальнике — генерале, лично связанном по работе с главкомом войск Дальнего Востока, и некоторых мероприятиях советского Верховного Главнокомандования по подготовке войны с Японией.

Конечно, ему не позволили более работать не только

в аппарате главкома, но и в любом другом штабе. Он был отчислен. Сталину об этом не докладывали.

Письмо нас и огорчило и обрадовало: с одной стороны, оно свидетельствовало о промахах в нашей работе с кадрами, но, с другой, показало, что за сохранностью военной тайны следят миллионы советских патриотов. К счастью, сведения, разглашенные болтуном, не пошли, вероятно, дальше той компании, о которой писал Петров. По крайней мере, к противнику они не попали.

Час начала войны приближался. Волнения по поводу возрастания сил японцев в Маньчжурии продолжались. Однако разведка не докладывала больше ничего тревожного, и можно было уже надеяться, что теперь враг просто не успеет вырвать у нас инициативу действий.

Как раз этот момент ознаменовался варварским актом, предпринятым США вопреки здравому смыслу и военной необходимости: 6 августа на Хиросиму обрушилась первая атомная бомба, а через два дня вторая спалила Нагасаки. Трагедия этих городов не поддается никакому описанию.

Атомная бомбардировка не повлияла, однако, ни на способность Японии продолжать борьбу, ни на наши военные планы.

8 августа японскому послу в Москве было сделано мотивированное заявление Советского правительства о том, что с 9 числа СССР считает себя в состоянии войны с Японией. Тогда же на Дальнем Востоке объявили военное положение.

9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени на Забайкальском фронте начали действовать передовые отряды. А спустя четыре с половиной часа выступили и главные силы, не встречая на своем пути почти никакого сопротивления.

Войска 1-го Дальневосточного фронта пересекли государственную границу в час ночи. В полосе 35-й армии, действовавшей на правом крыле, атаке предшествовал 15-минутный артиллерийский налет. На главном же направлении 1-я Краснознаменная и 5-я армии начали наступление без артподготовки (можно было бы сказать — в полной тишине, если бы над Приморьем не бушевал ливень с грозой). Удар оказался внезапным, и к исходу

дня войска 1-го Дальневосточного фронта углубились на территорию противника до 10 километров, а местами даже более того. В полосе 5-й армии был захвачен Волынский узел сопротивления Пограничненского УРа. Успешно продвигалась и левофланговая 25-я армия.

Одновременность наступления двух охватывающих фронтов удалось выдержать полностью. Теперь у японцев не имелось уже никакой возможности бить наши войска по частям. Оборона их трещала по всем швам, и потребовалось всего несколько суток для того, чтобы гигантский охват Квантунской армии был мастерски завершен...

На 2-м Дальневосточном фронте наступление началось тоже 9 августа в час ночи. Действия его вполне синхронизировались с другими фронтами. Через Амур двинулись передовые отряды 15-й армии и пограничники. Их задачей являлся захват островов и участков противоположного берега реки. Выполнили они ее блестяще, а вслед за тем приступили к форсированию Амура и основные силы армии.

Примерно так же развивалась обстановка в полосе 5-го отдельного корпуса, форсировавшего Уссури.

Корабли Краснознаменной Амурской флотилии вошли в устье Сунгари и завязали бой в укрепленном районе японцев. Торпедные катера на Тихом океане произвели первые атаки кораблей противника.

Авиация в свою очередь наносила удары по японским войскам и другим военным объектам.

Начало войны везде было успешным.

Заботы Генерального штаба сосредоточились теперь на том, чтобы не снижались темпы наступления. Нельзя было позволить противнику прийти в себя и организовать стойкую оборону.

Действия наших войск не давали повода для беспокойства. Уже 12 августа главные силы механизированных корпусов 6-й гвардейской танковой армии перевалили через Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину. Важнейший естественный рубеж, где японцы могли оказать упорное сопротивление, остался позади. Предстояло продолжать движение на тех же скоростях к центру Маньчжурии, к «объекту № 1», как тогда называли Мукден. С падением Мукдена вся оборона японцев в Маньчжурии оказалась бы разрушенной.

Хорошо шли дела и на Дальневосточных фронтах. В Приморье наша пехота один за другим преодолевала укрепленные районы противника, обходя особо сильные очаги сопротивления, дабы не снизить темпа наступления.

Правительство Японии пыталось маневрировать. 14 августа, когда советские армии, преодолев тайгу, горы и пустынные степи, стремительно ринулись по Маньчжурской равнине, оно объявило о своем решении принять условия Потсдамской декларации и безоговорочно капитулировать перед союзниками. Однако никаких приказов на сей счет Квантунской армии, а также другим войскам и флоту не последовало. По донесениям с фронтов, японские дивизии и гарнизоны продолжали борьбу.

Генштаб доложил о сложившейся обстановке Верховному Главнокомандующему. Сталин отнесся к этому довольно спокойно, приказал нам выступить в печати с разъяснением фактического положения на фронтах, а войскам дать указание — продолжать активные боевые действия, пока не состоится реальная безоговорочная капитуляция противника.

16 августа газеты опубликовали сообщение за подписью А. И. Антонова. Начальник советского Генерального штаба разъяснял, что заявление японского императора о капитуляции Японии является только общей декларацией. «Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться...»

А тем временем наступление наших войск развивалось по плану. Не имея возможности остановить его, командование Квантунской армии вынуждено было отдать распоряжение о прекращении боевых действий. Однако и на сей раз не обошлось без хитроумных уловок: в распоряжении том ни слова не говорилось о сдаче войск в плен. Как показал генерал Уэмура, текст, переданный в войска, гласил: «По повелению императора военные

действия прекратить». И больше никаких уточнений, хотя японские солдаты и офицеры годами воспитывались на так называемых самурайских традициях, не допускавших сдачи в плен. Избегая же пленения, они, естественно, продолжали сопротивляться. Мало того, на некоторых участках фронта имели место даже контрудары.

17 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке обратился по радио к командующему Квантунской армией с категорическим требованием — обязать все японские гарнизоны сложить оружие и сдаться в плен. Дальнейшие увертки были уже невозможны. В тот же день японское командование отдало приказ о капитуляции и поставило об этом в известность А. М. Василевского. Но и после того в различных районах Маньчжурии бои продолжались, а на Курильских островах и Сахалине борьба только разгоралась.

Чтобы ускорить фактическую капитуляцию японских войск и предотвратить ненужное кровопролитие, было решено высадить воздушные десанты в ключевых пунктах расположения противника — Харбине, Гирине, Мукдене, Чанчуне и некоторых других городах Маньчжурии и Кореи.

18 августа после 17 часов с аэродрома Хороль поднялись в воздух и взяли курс на Харбин самолеты с первой группой десантников в 120 человек под командованием подполковника Забелина. Десант имел задачу: захватить аэродром и другие важные военные объекты, обеспечить сохранность мостов на Сунгари и удержать их до подхода главных сил 1-го Дальневосточного фронта. С первым эшелоном десанта следовал заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Г. А. Шелахов, назначенный особоуполномоченным Военного совета. В обязанности его входило — предъявить командованию японских войск в Харбине ультиматум о капитуляции и продиктовать ее условия. Точных данных о положении в городе и располагавшемся там советском консульстве не имелось. Было лишь известно, что на Харбин откатывались понесшие поражение под Муданьцзяном главные силы 1-го фронта Квантунской армии, весьма значительные по численности.

Тем не менее советский десант в 19 часов приземлился на Харбинском аэродроме и в считанные минуты занял всю его территорию. Вскоре туда прибыл в сопро-

вождении нескольких офицеров начальник штаба Квантунской армии генерал Х. Хата. Он доложил особоуполномоченному, что японские части в зоне Харбина дезорганизованы и штабом почти не управляются. Г. А. Шелахов потребовал безоговорочной их капитуляции и предъявил следующий ультиматум:

«1. Во избежание бесцельного кровопролития командование советских войск предлагает немедленно прекратить сопротивление и приступить к организованной сдаче в плен, для чего через 2 часа представить данные о боевом и численном составе войск Харбинской зоны;

2. При добровольной капитуляции генералам и офицерам Квантунской армии, до особого распоряжения советского командования, разрешается иметь при себе холодное оружие и оставаться на своих квартирах;

3. Ответственность за сохранение и порядок сдачи вооружения, боеприпасов, складов, баз и другого военного имущества до подхода советских войск полностью несет японское командование;

4. До подхода советских войск поддержание надлежащего порядка в г. Харбине и его окрестностях возлагается на японские части, для чего разрешается иметь часть вооруженных подразделений во главе с японскими офицерами.

5. Важнейшие объекты в Харбине и окрестностях, как-то: аэродромы, мосты на р. Сунгари, железнодорожный узел, телеграф, почтовые учреждения, банки и другие важнейшие объекты подлежат занятию подразделениями десанта немедленно;

6. Для согласования вопросов, связанных с капитуляцией и разоружением всей Квантунской армии на территории Маньчжурии, начальнику штаба Квантунской армии генерал-лейтенанту Хата, японскому консулу в Харбине Ф. Миякава и другим лицам по усмотрению японского командования предлагаю в 7.00 19.8 на самолете нашего десанта отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом».

Хата запросил 3 часа «для подготовки необходимых материалов». Просьба была удовлетворена.

В 23 часа командующий 4-й отдельной японской армией доставил приказ о капитуляции всех японских войск в Маньчжурии, именные списки генералов и сведения о численном составе Харбинского гарнизона. К этому вре-

мени Г. А. Шелахов находился уже в здании советского консульства. Там же был и наш консул Г. И. Павлычев. А десантники заняли все мосты и другие важные объекты города.

19 августа Хата, Миякава и сопровождавшие их японские генералы и офицеры были доставлены на командный пункт К. А. Мерецкова. Туда же прибыл и главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. Он лично продиктовал японцам порядок капитуляции Квантунской армии. Сдача в плен и разоружение всех ее войск должны были закончиться не позднее 12 часов 20 августа.

Пока проходили эти переговоры, советские воздушные десанты высадились еще в нескольких важных пунктах Маньчжурии.

На рассвете 19 августа с Забайкальского фронта прямо в Чанчунь, где располагался штаб Квантунской армии, вылетел особоуполномоченный полковник И. Т. Артеменко. Ему предстояло принять капитуляцию Чанчуньского гарнизона и всех других японских войск, оказавшихся в окрестностях города. Сопровождали полковника пять офицеров и шесть солдат, не считая воздушного эскорта, состоявшего из пяти истребителей.

Над Чанчуньским центральным аэродромом, где располагалось около трехсот самолетов противника, они появились неожиданно. Сделали несколько кругов и пошли на посадку. Советские самолеты заняли взлетную дорожку и некоторое время держали аэродром под прицелом своего оружия. Лишь убедившись, что обстановка не является угрожающей, Артеменко дал условленный сигнал на вылет в Чанчунь десанта, а сам отправился к командующему Квантунской армией.

В кабинете Ямада шло какое-то совещание. Советский офицер прервал его и вручил японцам требование о немедленной и безоговорочной капитуляции. Командующий молчал. Дар речи вернулся к нему только с появлением над городом наших десантных самолетов и бомбардировщиков. Тут Ямада сделал попытку оговорить какие-то свои условия. Как и полагалось по инструкциям, И. Т. Артеменко наотрез отверг их и решительно потребовал немедленной капитуляции. Командующий первым снял саблю и вручил ее особоуполномоченному, признавая себя пленником Советской Армии. Вслед за ним то же самое

проделали и все другие японские генералы, находившиеся в кабинете.

К 11 часам на том же аэродроме благополучно приземлился весь десант во главе с Героем Советского Союза гвардии майором П. Н. Авраменко. Состоял он из офицеров и бойцов 30-й гвардейской мехбригады. Десантники сняли аэродромную охрану противника, заняли круговую оборону и приступили к разоружению японо-маньчжурских войск.

В кабинете же Ямады события развивались своим чередом: японский командующий и премьер-министр Маньчжоу-Го подписывали акт о капитуляции Чанчуньского гарнизона.

Вечером 19 августа над зданием штаба Квантунской армии был спущен японский флаг и поднят советский. Подразделения десанта заняли железнодорожный узел, банк, почту, радиостанцию и телеграф. Из города выводились войска противника. А утром 20 августа в Чанчунь вступили передовые части 6-й гвардейской армии.

Из той же 6-й гвардейской танковой армии 19 августа в 13 часов 15 минут 225 смельчаков десантировались в Мукдене. В качестве особоуполномоченного с этим десантом прибыл начальник политического отдела штаба Забайкальского фронта генерал-майор А. Д. Притула.

События здесь развертывались несколько иначе, чем в Чанчуне. Десантников вышли встречать представитель императора Маньчжоу-Го и начальник японского гарнизона. При осмотре же аэродромных помещений в одном из них обнаружился вдруг и сам «император» Пу И.

Он застрял здесь случайно. Хозяева приказали ему явиться в Японию, но подходящего самолета под руками не оказалось, и «император» со своей свитой сидел на аэродроме в ожидании такового. А тут и подоспели наши десантники.

Пу И сразу же стал просить не выдавать его японцам. Затем пролил крокодилову слезу по поводу угнетенного состояния местного населения в период японской оккупации. А под конец вручил особоуполномоченному послание, завершавшееся таким оригинальным заявлением: «С глубоким уважением к Генералиссимусу Советского Союза Сталину я выражаю ему искренние чувства благодарности и желаю Его Превосходительству доброго здоровья».

Положение в Мукдене было очень сложным. Население города составляло 1 700 000 человек, из них 70 000 японцев (не считая отходившие сюда войска) и около полутора тысяч русских белоэмигрантов. В городе функционировали немецкое консульство и даже «фюрер» немецко-фашистских организаций. На ходу были 180 различных промышленных предприятий, в том числе авиаремонтный и танкоремонтный заводы. Хозяева их — японцы — успели сбежать.

Управиться в таком городе 225 десантникам было просто невмоготу. На следующий день к ним прибыло подкрепление. Но даже и тогда советский гарнизон в Мукдене насчитывал всего тысячу человек, а разоружать ему пришлось 50 000 японских солдат. Инцидентов при этом не произошло, но тревог и забот было по горло.

С 20 августа в Мукдене стала действовать советская военная комендатура во главе с генерал-майором А. И. Ковтун-Станкевичем. Своим приказом № 1 он водворил в городе власть и порядок.

Не обошлось без курьезов. На второй день после занятия Мукдена нашими войсками над самым центром его появился американский самолет и сбросил листовки с обращением командующего американскими войсками в Китае к офицерам японской армии. В листовках говорилось, что американское военное командование, стремясь установить связи с солдатами и офицерами союзных войск, оказавшимися в японском плену, намеревается высадить на Мукденский аэродром своих представителей. Притом оговаривалось, что никаких иных целей эти представители не преследуют, и предлагалось в случае согласия выложить белое полотнище. Наши солдаты полотнище выложили. Американский самолет приземлился. Каково же было удивление прибывших, когда их встретили советские военнослужащие.

Случались «накладки» и у нас. Обстановка в городе была такова, что никто не мог ручаться за безопасность Пу И и его свиты. Во избежание каких-либо неожиданностей десантники сочли за благо сунуть «императора» за решетку под надежную охрану. Доложили А. М. Василевскому. Тот срочно отменил арест и приказал разъяснить всем, как следует обращаться с персонами такого рода.

Имело ли место что-либо подобное в других десан-

тах, сказать затрудняюсь. Зато знаю наверное, что главную свою задачу — ускорить капитуляцию Квантунской армии — все десанты выполнили безукоризненно. Своей беззаветной отвагой, своим мужеством советские десантники повсеместно производили потрясающее моральное воздействие на японских военнослужащих. Дерзкие и четкие действия десантников обеспечили сохранность промышленных предприятий, электростанций, сооружений связи, железных дорог и многих военных объектов, позволили быстро восстановить гражданский порядок, исключили возможность многих политических авантюр.

Как только японские войска в Маньчжурии стали складывать оружие, Ставка приняла решение: на тех участках фронта, где враг капитулировал, боевые действия прекратить. Однако советские армии и дивизии продолжали продвижение в намеченные районы. Впереди действовали сильные передовые отряды. За ними следовали главные силы, которые, собственно, и принимали капитуляцию противника.

Наши войска вступили на территорию Кореи. Морские десанты захватили важнейшие ее порты. Советский солдат пришел на священную для него землю Порт-Артура.

Разгром Квантунской армии стал фактом. Только на Сахалине сопротивление длилось местами до 25—26 августа, а на Курильских островах морские десанты закончили прием сдавшихся в плен японцев лишь в последний день августа.

1 сентября штаб Забайкальского фронта расположился в Чанчуне, в здании, которое ранее занимал штаб Квантунской армии. Плененный генерал О. Ямада в бывшем своем кабинете вынужден был давать показания маршалу Р. Я. Малиновскому, генералам М. В. Захарову, М. П. Ковалеву, А. Н. Тевченкову.

С 22 августа на всей территории СССР, в Маньчжурии и на Сахалине отменили светомаскировку. По вечерам города опять засверкали мириадами веселых огней.

После того как боевые действия закончились, мы в Генеральном штабе получили исчерпывающий ответ на глубоко волновавший нас вопрос: удалось ли нам достигнуть внезапности? Ответ этот дали исторические факты, а подтвердили их пленные японские генералы. Противник

никак не ждал нашего наступления в августе; предполагалось, что оно начнется много позже. Вследствие этого запоздала подготовка оборонительных рубежей не только на забайкальском и приморском направлениях, но и на линии Сыпингай, Мукден, где, по мнению японцев, должны были развернуться главные события. Пленный командующий 4-й японской армией генерал Уэмура показал, что оборудование оборонительных рубежей могло закончиться там только в октябре 1945 года. О незавершенности строительства оборонительных позиций заявил и генерал Симидзу, бывший командующий 5-й армией.

То же нужно сказать относительно реорганизации японских войск. Она не была закончена к началу наших операций.

Очень характерны показания заместителя начальника штаба Квантунской армии генерал-майора М. Томокацу. Оказывается, в штабе армии знали, что с марта 1945 года количество советских войск на границах с Маньчжурией постоянно увеличивалось. Однако конкретные сроки вступления СССР в войну остались неизвестными.

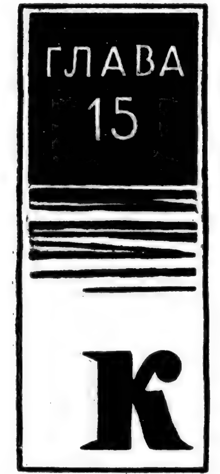
— Для квантунского командования объявление войны Советским Союзом именно 8 августа было полной неожиданностью, — заявил Томокацу.

Внезапность была достигнута и в смысле масштабов, в смысле темпов наступления, а также в направлении ударов.

— Мы не ожидали такого молниеносного наступления русских, — засвидетельствовал Симидзу. — К тому же мы не ожидали, что русские армии пойдут через тайгу.

Следовательно, все то, на что мы надеялись и чего добивались с помощью обширного комплекса мероприятий, целиком себя оправдало.

2 сентября 1945 года японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась. В ней Советский Союз принял на свои плечи решающую долю тягот и выполнил главную роль в разгроме оголтелого милитаризма не только на западе, но и на востоке.

ПОБЕДИТЕЛЯМ И ГЕРОЯМ

Партия и народ славят достойных.— О первых наградах и первых гвардейцах.— Первый поздравительный приказ.— Салюты в Москве, их история и продолжение традиций.— Парад Победы.— Прием в Большом Кремлевском дворце.— Слово о военачальниках.

Каждое дело имеет свой конец. Вот и я подошел к концу своих воспоминаний, охватывающих четырехлетний период войны. И мне очень захотелось завершить их словом о людях, которые грудью своей отстояли Советскую Родину.

Так родилась эта глава, несколько отличная от других. Авторские воспоминания теснейшим образом переплелись в ней с документами, дающими ясное представление о том, как наша партия и правительство достойным образом отмечали боевые заслуги героев и победителей. А заодно прослеживается история некоторых из этих документов, не миновавших Генштаба и в какой-то мере отражающих часть его повседневной работы.

Мы в Генеральном штабе, планируя операции, контролируя их ход и анализируя исход, имели дело с огромными массами войск, с боевыми возможностями крупных оперативных объединений, которые необходимо было наилучшим образом использовать в интересах победы над врагом по всем правилам и законам войны. Кажется, где уж тут заботиться о каких-то отдельно взятых людях. На первый взгляд Генеральный штаб — орган, далекий от солдата и командира-войсковика.

Спору нет, различия в положении и характере деятельности войск и Генштаба есть. И конечно, большие. Но разрыва между ними на практике не было.

Не касаясь здесь философских глубин вопроса о роли человека в войне, должен сказать, однако, что в то время мы, как никогда, остро чувствовали, насколько все наши

замыслы и планы зависят в конечном счете от советского воина, его стремления победить врага. Сквозь точные строки немногословных оперативных сводок и боевых донесений жизнь каждый день напоминала нам об этом. Такие понятия, как «отвага», «мужество», «геройство», воспринимались Генеральным штабом осязаемо, зримо.

24 июня 1941 года решением ЦК ВКП(б) был создан специальный орган информации о положении на фронтах и доблести наших войск. Материалы стекались туда по различным каналам. Одним из таких каналов являлось Оперативное управление Генштаба. Обязав нас заниматься подготовкой материалов для Совинформбюро, партия еще более укрепила наши связи с войсками, приковала наше внимание к человеку, идущему в бой с ее именем на устах и готовому отдать жизнь за свободу и независимость своей родной страны, своего народа.

Несмотря на очень тяжелую обстановку начального периода войны, не был забыт вопрос о награждении героев. Уже за первые бои с немецко-фашистскими агрессорами отличившихся военнослужащих Верховный Совет СССР наградил орденами и медалями, а некоторым из них за особо выдающиеся подвиги было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Однако обычная для мирного времени процедура вручения наград не соответствовала боевой обстановке и массовому характеру героизма. Поэтому Президиум Верховного Совета Указом от 18 августа 1941 года изменил ее. Право вручать ордена и медали от имени высшего органа государственной власти непосредственно в действующей армии, по месту службы награжденных получили военные советы фронтов, флотов и отдельных армий.

Но и эта мера оказалась недостаточной: слишком много времени затрачивалось на прохождение через Москву наградной документации. 22 октября того же года военным советам было предоставлено право не только вручать, а и самостоятельно награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР. В дальнейшем, чтобы не оставить без наград лиц, достойных этого, Указом Президиума Верховного Совета от 10 ноября 1942 года право награждения распространилось на коман-

диров корпусов, дивизий, бригад и полков, а затем и на командующих родами войск.

В первый год войны награждение военнослужащих производилось тремя орденами — Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, а также медалями. Этими орденами за войну в целом состоялось соответственно 8800, 238 000 и 2 811 000 награждений.

Позже возникла потребность особо выделять подвиги бойцов и командиров в борьбе именно с немецко-фашистскими захватчиками. С этой целью 20 мая 1942 года был учрежден новый орден — Отечественной войны I и II степени. Им награждались офицеры и солдаты.

29 июля 1942 года учреждены ордена Суворова и Кутузова, оба трех степеней, и орден Александра Невского. Этими наградами отмечались только командиры, причем статутами орденов было определено, за что и какая категория командиров могла получить такие награды.

За годы войны общее количество награждений составило: орденом Отечественной войны I степени — 324 800, II степени — 951 000, орденом Александра Невского — 40 000, орденом Суворова I степени — 340, II — 2100, III — 3000, орденом Кутузова I степени 570, II — 2570, III — 2200[1].

В октябре 1943 года, когда разгорелись ожесточенные бои за освобождение Украины, был учрежден орден Богдана Хмельницкого тоже трех степеней. Им награждались военачальники, командиры и бойцы Советской Армии, партизанские командиры и рядовые партизаны. Всего этим орденом I степени произведено 200 награждений, II степени — 1450, III степени — 5400.

3 марта 1944 года для награждения военных моряков Президиум Верховного Совета СССР учредил ордена Ушакова и Нахимова, каждый двух степеней, а также медали имени тех же флотоводцев. Статут этих орденов предусматривал награждение ими адмиралов, генералов и офицеров Военно-Морского Флота, а медалями награждались старшины и матросы. Орденом Ушакова I степени за время войны было 30 награждений, II степени — 180, орденом Нахимова соответственно 70 и 450. Медалью Ушакова произведено 14 000 награждений, медалью Нахимова — 12 800.

[1] Здесь и далее количество награждений дается с небольшим округлением.

Среди отличий Великой Отечественной войны особое место занял солдатский орден Славы трех степеней, учрежденный 8 ноября 1943 года. В авиации им награждались также воздушные бойцы в звании младших лейтенантов. Награждение этим орденом производилось последовательно, начиная с III степени. Причем орденом Славы I степени мог наградить только Президиум Верховного Совета СССР. Полными кавалерами ордена Славы стали 2200 человек. Из них трое—И. Г. Драченко, А. В. Алешин, П. Х. Дубинда были, кроме того, удостоены звания Героя Советского Союза. Орденом Славы II степени награждено 46 000 военнослужащих, а III степени — 868 000.

8 ноября 1943 года Президиум Верховного Совета СССР учредил высший военный орден — орден «Победы» для награждения полководцев за успешное проведение боевых операций большого масштаба. Кавалерами этого ордена стали: А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин. Дважды орденом «Победы» награждены А. М. Василевский, Г. К. Жуков и И. В. Сталин.

Интересные процессы раскрывает статистика награждений по годам. В ней ясно просматривается нарастающая победная поступь наших Вооруженных Сил. В первый год войны имело место не многим более 32 700 награждений, в 1942 году — около 395 000. 1943 год, ознаменовавшийся блестящими победами советских войск, характеризуется в то же время огромным скачком числа награждений — до 2 050 000. В 1944 году число это увеличивается еще более и достигает 4 300 000. В 1945 году боевые действия заняли менее 6 месяцев, но число награждений превысило 5 470 000, из них 3 530 000 было произведено приказами командиров полков, то есть непосредственно на поле боя.

А всего за подвиги и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами, по данным на 1 сентября 1948 года, число награждений только орденами превзошло 5 300 000. Звание же Героя Советского Союза получили 11 603 человека, в том числе 76 женщин. Дважды удостоились этой высокой чести 104 военнослужащих и трижды — трое: Г. К. Жуков, И. Н. Кожедуб, А. И. Покрышкин.

Огромное количество людей награждено медалями «За

отвагу» и «За боевые заслуги». Первой из них произведено 4 230 000 награждений, второй — 3 320 000.

Казалось, никто не забыт. По указанию Ставки Народным Комиссариатом Обороны был детально разработан и объявлен специальными приказами порядок награждения за уничтожение неприятельских самолетов и танков, за вынос с поля боя раненых и их оружия, за форсирование рек. Лиц, особо отличившихся при форсировании крупных водных преград, Ставка обязывала представлять к званию Героя Советского Союза и награждению боевыми орденами, включая ордена Суворова и Кутузова. Тем не менее, когда отгремели пушки, выявилось немало скромных тружеников войны, которым еще не воздано должное. В 1946 году за подвиги военного времени было награждено 240 000 человек, в 1947 году — 408 000, в 1948 году — 4000. Работа в этом направлении продолжается до сих пор, о чем свидетельствуют, в частности, награждения, произведенные в 20-ю годовщину победоносного окончания Великой Отечественной войны. Особое уважение оказывается воинам, пролившим кровь в бою. В послевоенный период таких награждено более 840 000 человек.

В 1942 году были учреждены медали: «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда». В 1944 году к ним прибавились еще три: «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья». И наконец, уже после войны, 21 июня 1961 года, появилась медаль «За оборону Киева». Соответственно ими награждено: участников обороны Ленинграда более 930 000, Москвы — 477 000, Одессы — около 25 000, Севастополя — более 39 000, Сталинграда — 707 000, Киева — 62 000, Кавказа — 580 000, Заполярья — свыше 307 000. Кроме того, более 6 716 000 человек награждены медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги».

Специальные медали были выбиты в ознаменование полной нашей победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» награждено около 13 666 000 человек, а медаль «За победу над Японией» получили без малого 1 725 000 человек.

Наконец, более 127 000 особо отличившихся партизан и партизанок, а также организаторов и руководителей партизанского движения были удостоены специальных медалей «Партизану Отечественной войны» I и II степени.

В целом же число наград, которыми отмечены участники Великой Отечественной войны, превышает 35 234 000.

С 1943 года орденами стали награждаться также соединения и части действующей армии и Военно-Морского Флота. Всего за время войны было произведено более 10 900 таких награждений, в том числе орденом Ленина свыше 200, Красного Знамени — 3270, Суворова I степени — 3, Ушакова I степени — 8, Кутузова I степени — 3, Богдана Хмельницкого I степени — 10, Нахимова I степени — 5, Суворова II степени — 676, Ушакова II степени — 13, Кутузова II степени — более 530, Богдана Хмельницкого II степени — 850, Нахимова II степени — 2, Суворова III степени — 849, Кутузова III степени — 1060, Богдана Хмельницкого III степени — 216, Александра Невского — более 1480, Отечественной войны I степени — 7, Красной Звезды — свыше 1740.

Существовали и другие меры поощрения войск за успешные и умелые боевые действия.

Еще в 1941 году в трудных условиях нашего отступления особо отличились четыре стрелковые дивизии — 100, 127, 153 и 161-я. Действуя на главном стратегическом направлении, они неоднократно наносили сокрушительные контрудары по врагу, неистово рвавшемуся к Москве. За эти их подвиги в бою, за организованность, дисциплину и примерный порядок Народный комиссар Обороны приказом от 18 сентября присвоил им гвардейское звание. 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии с того дня стали именоваться соответственно 1, 2, 3 и 4-й гвардейскими стрелковыми дивизиями.

Так родилась советская гвардия.

Для нее был установлен особый порядок прохождения службы. Всему командному и начальствующему составу выплачивался полуторный, а бойцам двойной оклад денежного содержания. Для гвардейцев ввели специальный нагрудный знак, для частей и соединений учредили гвардейские знамена.

В последующем — 16 апреля 1943 года — Ставка определила порядок использования гвардии. Гвардейские дивизии, как наиболее опытные и устойчивые, предназначались для решения важнейших задач в наступательных операциях, а в обороне — для контрударов по противнику. Это было разумно во всех отношениях, а главное — еще больше укрепляло авторитет гвардейского звания, хотя и до того оно являлось символом воинской доблести и высшей честью для войск.

К 1943 году относится и еще одно нововведение в системе поощрений наиболее отличившихся частей, соединений и крупных войсковых объединений. Общеизвестно, что это был год коренного перелома в войне. Уже в самом его начале на важнейших участках советско-германского фронта гитлеровские армии оказались опрокинутыми. В снегах под Сталинградом добивалась окруженная ударная группировка противника. Сокрушив врага под Воронежем, Советская Армия выходила на дальние подступы к Харькову и стучалась в ворота Донбасса. Началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. В ознаменование одержанных побед Ставка предложила Генеральному штабу подготовить поздравительный приказ войскам восьми фронтов.

Этот первый в истории Отечественной войны поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего, датированный 25 января 1943 года, носил несколько общий характер. Отличившиеся соединения в нем не перечислялись, фамилии их командиров и даже командующих армиями, фронтами не указывались. Текст был очень лаконичен:

«В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 км. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном

Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города — Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельников, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов».

Заканчивался приказ призывом, в котором формулировалась ближайшая задача:

«Вперед, на разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!»

Этот документ был опубликован во всех газетах и многократно передавался по радио.

Неделю спустя, а именно в ночь на 3 февраля 1943 года, представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский донесли о полной ликвидации противника, окруженного в районе Сталинграда. Верховный Главнокомандующий приказал отправить им немедля ответную телеграмму. Она была тут же написана и в окончательной редакции выглядела так:

«Поздравляю вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск. Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия».

Утром 3 февраля эта телеграмма по инициативе Генерального штаба без всяких изменений была оформлена как приказ Верховного Главнокомандующего.

Шли дни. Война продолжалась. 5 июля 1943 года наступлением противника начался оборонительный этап знаменитой Курской битвы. К исходу дня 23 июля наши войска отбросили гитлеровцев на прежние рубежи и полностью восстановили первоначальное положение.

Перед очередным докладом Верховному Главнокомандующему у исполнявшего обязанности начальника Генерального штаба А. И. Антонова, как обычно, происходила

оценка обстановки. При этом был сделан вывод: наши оборонительные задачи успешно решены, наступление главных сил немецко-фашистских войск на орловско-курском направлении окончательно провалилось, а вместе с ним похоронен и план всей летней кампании противника. В порядок дня выдвигалась новая задача — разгром основной группировки врага и развитие наступления по планам, намеченным советским Верховным Главнокомандованием.

Все это было доложено И. В. Сталину в ночь на 24 июля, а утром Верховный Главнокомандующий позвонил по телефону в Генштаб и распорядился, чтобы мы срочно подготовили поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Это был третий приказ подобного рода. Проект его мы закончили к полудню. Адресовался он командующим войсками Центрального, Воронежского и Брянского фронтов: генералу армии К. К. Рокоссовскому, генералу армии Н. Ф. Ватутину и генерал-полковнику М. М. Попову.

Около 16 часов Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин был в радостном возбуждении. Он не стал слушать наш доклад об обстановке, которая и без того была уже известна ему, а сразу потребовал зачитать вслух проект приказа.

В самом начале заготовленного нами документа подчеркивался важнейший стратегический результат, завоеванный Красной Армией: «Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска».

Затем коротко сообщалось о противнике: «С утра 5 июля немецко-фашистские войска крупными силами танков и пехоты, при поддержке многочисленной авиации, перешли в наступление на орловско-курском и белгородско-курском направлениях. Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Орла и Белгорода».

Никаких возражений со стороны Верховного Главнокомандующего такое начало приказа не вызвало, и чтение продолжалось:

«...Всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных немецких дивизий.

Сосредоточив эти силы на узких участках фронта, немецкое командование рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа».

Далее говорилось, что немецкое наступление не застало наши войска врасплох, они были готовы не только к отражению натиска немцев, но и к нанесению мощных контрударов. Тут же приводились конкретные цифровые данные:

«Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось лишь вклиниться в нашу оборону на орловско-курском направлении на глубину до 9 км и на белгородско-курском направлении — от 15 до 35 км. В ожесточенных боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимавшееся им до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров».

Когда дело дошло до вывода: «Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся», — Верховный Главнокомандующий остановил чтение и продиктовал следующую вставку: «Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

— Надо об этом сказать, — пояснил он. — Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой все время носятся с этой легендой.

Вслед за тем в приказе шло перечисление отличившихся войск и назывались фамилии командующих армиями. Не похож он был на прошлые приказы и своей концовкой. Мы не могли не помянуть здесь тех, кто во имя победы заплатил жизнью. Приказ заканчивался так:

«Поздравляю вас и руководимые вами войска с успешным завершением ликвидации летнего немецкого наступления.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам руководимых вами войск за отличные боевые действия.

Вечная слава героям, павшим на поле боя в борьбе за свободу и честь нашей Родины!»

Приказ тут же был подписан и передан по радио. В Ставке он понравился. Нам предложили и впредь придерживаться этой формы, то есть адресовать приказ командующим фронтами, показывать фамилии командующих армиями и командиров отличившихся войск, кратко излагать результат сражения. Оставлялась и концовка в честь павших героев. Она совершенствовалась раз от разу и наконец получила такую редакцию:

«Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам!»

Эта же концовка, кроме последних трех слов, вошла и в приказ, посвященный победоносному завершению войны.

5 августа, когда был взят Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

— Читаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинять какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб.

В тот же день, 5 августа, был издан поздравительный

приказ и дан первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Одновременно трем стрелковым дивизиям (5, 129, 380-й) было присвоено наименование Орловских и двум (89-й и 305-й) — Белгородских.

В первом салюте участвовали 124 орудия и дали они 12 залпов. Мы рассчитывали, что так будет и в дальнейшем. Но 23 августа, когда был взят Харьков, стало ясно, что нельзя всех победителей стричь под одну гребенку. Харьков имел очень большое значение, и потому последовало предложение дать в ознаменование его освобождения 20 залпов из 224 орудий. Так мы и поступили.

Салюты с энтузиазмом были восприняты не только населением столицы, но и войсками действующей армии. По нескольку раз на день нам звонили с фронтов и требовали салютов чуть ли не за каждый взятый населенный пункт. Возникла необходимость провести какую-то градацию. Ведь далеко не одно и то же значило освобождение, скажем, Киева и Бердичева, Риги и Шяуляя, Минска и Духовщины.

В дальнейшем Генштаб разработал, а Верховный Главнокомандующий утвердил три категории салютов: 1-я категория — 24 залпа из 324 орудий, 2-я — 20 залпов из 224 орудий, 3-я — 12 залпов из 124 орудий. Разрешение на каждый салют давалось лично Верховным. За редким исключением, Москва салютовала победителям в день изгнания противника из того или иного пункта. Перечень войск и фамилии командиров, которых надлежало отметить в приказе, представлялись командующим фронтом. Приказ готовился Оперативным управлением, причем вступительная его часть, характеризовавшая действия войск, или, как мы говорили тогда, «шапка» приказа, обязательно докладывалась Верховному Главнокомандующему. Обычно это делалось по телефону, и тут же согласовывалась категория салюта.

«Шапки» писали либо генерал-лейтенант А. А. Грызлов, либо я. Особенно набил на этом руку Анатолий Алексеевич. Подправлялись «шапки» только изредка, чаще всего с исторических позиций. Например, в приказ от 27 января 1945 года, отдававшийся по случаю прорыва обороны противника в районе Мазурских озер, Верховный добавил фразу: «считавшейся у немцев с времен первой мировой войны неприступной системой обороны».

Тем самым подчеркивалась значимость одержанной победы.

Салюты по первой категории — 24 залпа из 324 орудий — производились только в случае освобождения столицы союзной республики, при овладении столичными городами других государств и в честь некоторых других особо выдающихся событий. Всего за время войны было 23 таких салюта. Давались они за разгром и изгнание противника из Киева, Одессы, Севастополя, Петрозаводска, Минска, Вильнюса, Кишинева, Бухареста, Таллина, Риги, Белграда, Варшавы, Будапешта, Кракова, Вены, Праги, а также за овладение Кенигсбергом и Берлином. Кроме того, салюты по первой категории давались при выходе наших войск на южную государственную границу 26 марта 1944 года, при выходе на юго-западную границу 8 апреля 1944 года и в честь соединения с англо-американскими войсками в районе Торгау 27 апреля 1945 года. В ходе войны с империалистической Японией было также произведено два таких салюта: один — по случаю разгрома Квантунской армии и второй — 3 сентября 1945 года — в честь полной победы над Японией.

По второй категории — 20 залпов из 224 орудий — Москва салютовала 210 раз. В том числе: при освобождении больших городов — 150 раз, при прорыве сильно-укрепленной обороны противника — 29, по завершении разгрома крупных неприятельских группировок — 7, в честь форсирования рек — 12, при вторжении наших войск в немецкие провинции, преодолении Карпат, захвате островов — 12.

По третьей категории — 12 залпов из 124 орудий — салюты производились 122 раза, главным образом при овладении узлами железных и шоссейных дорог, а также крупными населенными пунктами, имевшими оперативное значение.

В День Победы над фашистской Германией, 9 мая 1945 года, был дан салют 30 залпами из 1000 орудий.

Издавались и такие благодарственные приказы, оглашение которых не сопровождалось салютами. Так было, например, 12 августа 1943 года, когда четыре наши дивизии овладели городом Карачев. Другой такой же приказ был подписан 18 сентября 1943 года. В нем выражалась благодарность 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за прорыв в тыл противника, форсирование ре-

ки Десны и удержание плацдарма до подхода главных сил. Форсирование Днепра было отмечено двумя аналогичными приказами.

Бывало и так: в честь освобождения Киева салют состоялся 6 ноября 1943 года, а через десять дней выяснилось, что фронт не назвал нам пяти отдельных полков (трех минометных, одного пушечного и одного танкового), участвовавших в боях за столицу Украины. Доложили Верховному, и последовало указание дать дополнительный приказ без салюта и всем пяти полкам присвоить наименование Киевских.

За время войны с гитлеровской Германией всего было отдано 373 благодарственных приказа, из них без салютов — 20. По годам они распределялись так: в 1943 году — 55, в 1944 году — 166, в 1945 году до 9 мая — 148. В том же заключительном году войны последовали еще 5 приказов, сопровождавшихся салютами: о Параде Победы — 22 июня, в честь Военно-Морского Флота — 22 июля, в честь Военно-Воздушных Сил — 19 августа, по случаю победы над Квантунской армией — 23 августа и в связи с подписанием акта о безоговорочной капитуляции Японии — 3 сентября.

В 1943 году было пять дней, когда производились по два победных салюта, и два дня — с тремя салютами. В 1944 году насчитывается 26 дней, когда Родина салютовала дважды, 4 дня, ознаменовавшихся тремя салютами каждый, и один день 27 июля, прогремевший пятью салютами (Родина чествовала тогда героев, взявших с боями города Белосток, Станислав, Даугавпилс, Львов, Шяуляй).

1945 год характерен дальнейшим ростом количества салютов. 25 дней было с двумя салютами, 15 — с тремя, 3 — с четырьмя, 2 — с пятью. По пять салютов прогремело 19 января, когда были освобождены города Ясло, Краков, Млава, Лодзь и осуществлен прорыв в Восточной Пруссии, а также 22 января, когда наши войска овладели Инстербургом, Хоэнзальцей (Иновроцлавом), Алленштайном, Гнезно, Остероде.

Наибольшее количество салютов, естественно, пришлось на долю тех фронтов, войска которых победоносно завершали войну на территории гитлеровской Германии или на подступах к ней. Войскам 1-го Украинского фронта Москва салютовала 68 раз, 1-го Белорусского —

46, 2-го Украинского — 45, 2-го Белорусского — 44, 3-го Украинского — 36, 3-го Белорусского — 29, 4-го Украинского — 25.

Как правило, салют давался в честь войск какого-то одного фронта. Но в 27 случаях салюты посвящались сразу трем, четырем, и даже пяти взаимодействовавшим фронтам. А если дело касалось приморского города, в освобождении которого наряду с войсками участвовали боевые корабли, то салютовали и флоту.

Конечно, подготовка благодарственных приказов и организация салютов — обязанность приятная, поскольку она прямо связывалась с победами наших Вооруженных Сил. В общем объеме работы Оперативного управления это занимало далеко не первостепенное место, однако тоже требовало немалых затрат времени и внимания. При подготовке приказа надо было тщательно выверить нумерацию всех соединений и частей, фамилии командиров, ничего не перепутать и не пропустить. А сроки всегда «поджимали» — в нашем распоряжении редко когда имелось более двух часов. Донесения об овладении городами поступали обычно к вечеру, салют надо было дать не раньше, чем наступит темнота (иначе пропадал эффект от ракет), но и не позднее 23 часов. В иные дни салюты следовали один за другим, и тут мы выходили из трудного положения только благодаря высокой работоспособности наших офицеров и генералов, отлично знавших обстановку, нумерацию войск и фамилии командиров. Приказы монтировались обычно в кабинете начальника Оперативного управления, и, пока я докладывал Верховному «шапку», мои ближайшие помощники уже заканчивали подготовку остального текста.

До 30 ноября 1944 года благодарственные приказы адресовались только командующим фронтами. Затем прибавился второй адресат — начальник штаба фронта. Инициатива в данном случае исходила снизу. При подготовке очередного приказа в честь войск 2-го Украинского фронта мы, по обыкновению, стали уточнять отдельные детали у начальника штаба фронта генерал-полковника М. В. Захарова. Матвей Васильевич покритиковал нас за недооценку роли штабов: в приказах, мол, отмечаются заслуги всех, а о штабах нет ни слова. Доложили об этом Верховному Главнокомандующему. Он отнесся к претензии с пониманием:

— Захаров прав. Роль штабов велика. Впредь приказы давать в два адреса — командующему и начальнику штаба.

Так мы и стали делать. Первый такой приказ пошел 2-му Украинскому фронту в тот же день, 30 ноября 1944 года.

С благодарственными приказами и салютами не всегда и не все проходило гладко. Бывали споры — кто взял тот или иной пункт? Случались и недовольства, когда Генштаб отказывал в салюте. Командующие некоторых фронтов, действовавших на местности с незначительным количеством крупных населенных пунктов, настойчиво просили произвести салют за относительно небольшие пункты. Если Генштаб не соглашался, они обращались прямо к Верховному, и тот иногда удовлетворял их просьбы. Так было, например, при освобождении Духовщины. В других случаях, отказав в салюте, Сталин все же отдавал нам распоряжение подготовить благодарственный приказ.

Приказы писались очень тщательно. Верховный Главнокомандующий сам следил за этим и не прощал оплошностей. Однажды он распорядился, чтобы при упоминании городов, когда-то переименованных, обязательно писалось в скобках старое название, например: Тарту (Юрьев, Дерпт). Пришлось специально выделить человека, который занимался такого рода уточнениями. В дальнейшем при освобождении Польши на него же возложили наблюдение за тем, чтобы в приказах отбитые у противника города назывались бы и по-польски и по-немецки.

Первоначально все без исключения части и соединения, упомянутые в благодарственном приказе, получали почетное наименование в зависимости от того города, который ими освобожден. Появились дивизии Воронежские, Курские, Харьковские. Но чем дальше развивалось наше наступление, тем больше освобождалось городов. И сам собой встал вопрос — как же поступать с теми частями и соединениями, на долю которых выпало освобождать по три-четыре города и более. Не присваивать же им по четыре почетных наименования? От Верховного и на сей счет последовали четкие указания: почетное наименование может быть только сдвоенным, скажем 291-я Воронежско-Киевская штурмовая авиаци-

онная дивизия. К многократно отличившимся войскам стали применяться и иные меры поощрения: их либо награждали орденами, либо представляли к гвардейскому званию.

С Верховным мы имели принципиальную договоренность буквально по всем деталям благодарственного приказа. И все-таки из-за спешки при подготовке текста оплошности иногда случались. Помню, в частности, такой случай. Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал «шапку» приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. «Шапку» занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные, я опять пошел в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил «шапку», заголовок написал сокращенно — «Ком. IУФ», упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки.

Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безыменный приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти.

Я собрал карты со стола, вышел и стал ждать А. И. Антонова.

— Плохо дело, — сказал Алексей Иннокентьевич, выйдя из кабинета.

Так как до меня сменилось уже пять начальников Оперативного управления, я знал, чем это пахнет. По правде говоря, чувство было двоякое: с одной стороны, я был опечален, а с другой — обрадован. Отстранение от должности дало бы возможность уйти на фронт. Этого хотели многие из нас, поскольку служба в Генеральном штабе требовала тогда невероятного и притом постоянного нервного напряжения. Да и вообще стремление на фронт было в то время естественным для каждого советского человека.

Злополучную недомолвку в заголовке приказа ни у нас в Генштабе, ни на фронте никто не заметил. Были только вопросы, почему два раза читали приказ. Но мы-то извлекли для себя урок. Всем строго-настрого было приказано не делать никаких сокращений в черновиках, текст и заголовки писать полностью.

Два дня я не ездил в Ставку, и по утрам Верховный не звонил мне, как обычно. Все вопросы, касающиеся Генштаба, он решал теперь только с Антоновым.

На третий день, когда А. И. Антонов поехал с очередным докладом в Ставку, поступило сообщение об освобождении войсками 2-го Украинского фронта какого-то крупного населенного пункта. Мы, как обычно, спешно подготовили «шапку» благодарственного приказа. Я позвонил Поскребышеву и попросил доложить ее Антонову. И почти тотчас же мне позвонил Алексей Иннокентьевич:

— Приезжайте с приказом сами...

Через несколько минут я входил в кабинет Верховного.

— Читайте, — приказал он. — Фамилию не пропустили?

Я прочитал и получил разрешение передавать приказ в эфир. С той поры опять все пошло по-прежнему.

«Салютные приказы», как мы их называли, день ото дня доставляли нам все больше хлопот. Мы едва поспевали писать их. Иногда бывало так, что в радиостудию приказ доставлялся частями. Ю. Б. Левитан читал вторую страницу, а третью еще везли ему. Но и Левитан, и мы как-то выходили из положения. Все заканчивалось хорошо, и вдруг — новая осечка.

Произошла она в самом конце войны, когда дали уже салют за взятие Берлина. В приказе по этому случаю не упомянули фамилию генерала В. В. Новикова. То ли штаб фронта не назвал его, то ли ошиблись мы в Генштабе, но объективно получилось так, что 7-й танковый корпус вроде бы непричастен к овладению столицей Германии. На следующий день В. В. Новиков прислал телеграмму на имя Верховного Главнокомандующего, выражая в ней свое возмущение.

Верховный Главнокомандующий очень бранился. Употребил по нашему адресу несколько нелестных эпитетов. Высказал предположение, что Генштаб, видимо, пропускал фамилии и других командиров. А в конечном счете последовало распоряжение: издать для Новикова отдельный приказ, переслать ему лично, но по радио не передавать и виновных наказать. 4 мая Сталин сам подписал этот приказ за № 11080. В нем говорилось:

«7 гв. танковый корпус генерал-майора танковых войск Новикова, как ошибочно не попавший в приказе Верховного Главнокомандующего в список соединений, участвовавших в овладении Берлином, дополнительно

включить в приказ и представить части корпуса к присвоению наименований Берлинских и к награждению орденами».

В. В. Новиков, видимо, был удовлетворен. Но нам это принесло неприятности — наказали нескольких человек...

В годовщину Октябрьской революции, Первого мая и в День Красной Армии писались особые приказы и также объявлялись для всей страны по радио. В этих приказах военного времени обязательно давалась краткая характеристика положения на фронте, ставились от имени партии и правительства задачи войскам и труженикам тыла на ближайшее будущее, а также воздавалось должное героям войны и труда. Затем появились праздники разных родов оружия: День артиллерии, День танкиста и другие. В эти дни в Москве тоже стали греметь салюты, а теперь советской столице вторят и города-герои.

Салюты с иллюминацией прочно вошли в ритуал наших всенародных праздников.

8 мая 1945 года в Карлсхорсте—пригороде Берлина—был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Гитлеровская военная машина разрушилась. Третий рейх пал. Великая Отечественная война Советского Союза победоносно завершилась.

Ночь на 9 мая мы провели, однако, в тревоге. Выполнят ли фашистские заправилы условия капитуляции или отнесутся к ним так же, как относились в прошлом к другим своим международным обязательствам? К утру эти опасения стали рассеиваться: в Генштаб и в Ставку начали поступать доклады о том, что немецкие войска повсеместно складывают оружие и сдаются в плен. Только в Чехословакии положение оставалось напряженным. Там противник не капитулировал, по-прежнему оказывал сопротивление и пытался отойти на юг и запад. Войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов спешили на помощь восставшей Праге, нанося по врагу мощные удары.

Туда же устремились из-под Берлина две гвардейские танковые армии — 3-я и 4-я. С рассветом они ворвались в столицу Чехословакии. Совместно с пражанами город был полностью очищен от врага в течение нескольких часов. А во второй половине дня в Прагу вступили вой-

ска 4-го Украинского фронта. К вечеру сюда же подошли войска 2-го Украинского фронта. Жалкие остатки вермахта под командованием гитлеровского фельдмаршала Шернера и генерала Велера выбивались из последних сил, и по всему было видно, что конец их недалек.

В Москве же тем временем шло ликование. 9 мая было объявлено всенародным праздником — Днем Победы. Приказ на победный салют мы написали с утра. Вопреки обыкновению, на этот раз для передачи его по радио Ю. Б. Левитан был вызван в Ставку. Отсюда же, из Кремля, в 21 час И. В. Сталин обратился к советскому народу с краткой речью. Он объявил, что капитуляция фашистской Германии стала реальностью, однако не умолчал о сопротивлении группировки Шернера и Велера.

— Но я надеюсь, — прибавил затем Верховный Главнокомандующий, — что Красной Армии удастся привести ее в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом...

Должен заметить, что с конца апреля строгий порядок, существовавший в Ставке на протяжении всей войны, вдруг нарушился. Антонова и меня вызывали туда по нескольку раз в день и в разное время. Многие документы мы исполняли прямо там. Молниеносно развивавшиеся события не укладывались ни в какие рамки.

А со 2 мая, когда был взят Берлин, вся Москва жила необычной, какой-то взбудораженной жизнью. На улицах царило праздничное возбуждение. На Красной площади днем и ночью толпился народ.

Как-то в первые майские дни мы с Алексеем Иннокентьевичем изменили своему правилу и поехали к себе из Кремля через Спасские ворота: хотелось взглянуть на ликующих москвичей. Сколь опрометчивым было это решение, мы осознали лишь тогда, когда автомобиль

наш буквально застрял среди заполненной людьми площади. С криками «ура» нас стали вытаскивать из машины, чтобы «качнуть». Тогда качали всех, кто был в военной форме, и мы, конечно, не составляли исключения. Никакие наши доводы не действовали. Антонова, в конце концов, вытянули, и через мгновение его ноги замелькали высоко в воздухе, а я сидел, обхватив два пузатых портфеля и дрожал за оперативные документы. Только при содействии кремлевской охраны нам удалось пешком вернуться обратно в Кремль и на другом автомобиле уехать в Генштаб через Боровицкие ворота.

Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

— Нужно подготовить и провести особый парад, — сказал он. — Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать; чтоб его подготовить, хватит дней десять — двенадцать.

На другой день в Генштабе закипела работа. Были созданы две группы: одна вместе с Главным политическим управлением готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а вторая всецело занялась парадом. Следовало наметить состав участников парада, разработать весь его ритуал, отличный от обычного, определить форму одежды, сроки подготовки и порядок размещения людей, которые прибудут в Москву с фронтов. Много было и других организационных вопросов, требовавших правильного решения.

Через два-три дня предварительные расчеты были закончены. Как мы ни прикидывали, получалось, что на подготовку парада нужно не менее двух месяцев. Срок этот диктовался главным образом необходимостью пошить более 10 тысяч комплектов парадного обмундирования. Ведь на фронтах, да и в тылу о нем и думать забыли. Ни у кого такого обмундирования, конечно, не сохранилось. Следовало также, хотя бы немного, потренировать людей в хождении строем. Этим тоже не занимались четыре долгих военных года.

На парад мы предлагали вывести по одному сводному полку в 1000 человек от каждого действующего фронта, не считая командиров. Сводный полк должен был представлять все виды Вооруженных Сил и рода войск и выйти на Красную площадь с 36 боевыми знаменами наиболее отличившихся соединений и частей данного фронта.

Всего на парад предстояло вывести 10 сводных фронтовых полков и один сводный полк Военно-Морского Флота при 360 боевых знаменах. Помимо этого, к участию в параде предлагалось привлечь военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Знамя Победы, реявшее на куполе рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно было водружено над столицей гитлеровской Германии, — М. В. Кантария, М. А. Егоров, И. Я. Сьянов, К. Я. Самсонов и С. А. Неустроев.

24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили все это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился.

— Парад провести ровно через месяц — двадцать четвертого июня, — распорядился Верховный и далее продолжил примерно так: — Война еще не кончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что еще — на парад надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать... А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениях. Не ошиблись и на сей раз. После небольшой паузы Верховный объявил:

— Принимать парад будет Жуков, а командовать — Рокоссовский...

В этот же день Н. М. Шверник вручал маршалам Г. К. Жукову, К. К. Рокоссовскому, И. С. Коневу, Р. Я. Малиновскому, Ф. И. Толбухину ордена Победы.

Имена этих выдающихся представителей советского военного искусства прочно вошли в историю Великой Отечественной войны. Под их руководством были разра-

ботаны и практически осуществлены планы блестящих операций, которые завершились в конце концов водружением Знамени Победы над рейхстагом и полным разгромом гитлеровской Германии. У Георгия Константиновича Жукова за время войны к первой «Золотой звезде» Героя Советского Союза, полученной в 1939 году, прибавились еще две. Дважды удостоились этой награды И. С. Конев, К. К. Рокоссовский и Р. Я. Малиновский. Ф. И. Толбухину звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в 1965 году.

О маршале Г. К. Жукове много говорилось во всех предшествующих главах. Но здесь все же следует добавить к сказанному, что это — человек большого полководческого таланта, смелый и оригинальный в своих суждениях, очень твердый в проведении решений в жизнь, не останавливающийся ни перед какими препятствиями для достижения поставленных военных целей. Чувствуя свою правоту в том или ином спорном вопросе, Георгий Константинович мог довольно резко возражать Сталину, на что никто другой не отваживался.

Очень колоритна полководческая фигура Константина Константиновича Рокоссовского. На его долю выпала труднейшая роль в знаменитом Смоленском сражении 1941 года и в оборонительных боях на ближних подступах к Москве. Он командовал войсками Донского фронта под Сталинградом и блистательно завершил ликвидацию окруженной ударной группировки немецко-фашистских войск. Затем под командованием К. К. Рокоссовского войска Центрального фронта стойко выдержали немецкий таран на Курской дуге и в ходе последующего контрнаступления во взаимодействии с другими фронтами разгромили орловскую группировку противника. Он командовал 1-м Белорусским фронтом, действовавшим на главном направлении исторической Белорусской битвы. С его именем связаны победы в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и, наконец, в Берлинской операциях Великой Отечественной войны. Неотразимо личное обаяние Константина Константиновича. Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что его не только безгранично уважали, но и искренне любили все, кому довелось соприкасаться с ним по службе.

Иван Степанович Конев особенно проявил свое военное дарование, когда командовал Калининским, Степным,

а затем 2-м Украинским фронтами. Под его руководством советские войска освободили в 1943 году Харьков и форсировали Днепр, осуществили Кировоградскую операцию. Сверкающей страницей в истории Великой Отечественной войны является Корсунь-Шевченковская операция, от которой тоже неотделимо имя Ивана Степановича Конева. Весьма успешно был проведен им разгром уманской группировки немецко-фашистских войск. Далее следует Львовско-Сандомирская наступательная операция, которой завершилось освобождение Западной Украины и началось изгнание врага с территории Польши. В 1945 году войска 1-го Украинского фронта под командованием Конева во взаимодействии с другими фронтами нанесли тяжелое поражение противнику в Силезии и выполнили поистине историческую миссию в ходе Берлинской операции. Наконец, на заключительном этапе войны Иван Степанович провел стремительную Пражскую операцию, завершившуюся освобождением столицы братской Чехословакии. В военных кругах Конев всегда пользовался репутацией твердого и решительного командующего. Многие из нас по-хорошему завидовали его энергии и активности. При любых обстоятельствах он стремился увидеть поле сражения собственными глазами и очень тщательно готовил каждую операцию. Стараясь вникать во все ее детали, Иван Степанович буквально вгонял в пот своих подчиненных.

Родион Яковлевич Малиновский отличился уже в боях под Сталинградом. В качестве командующего 2-й гвардейской армией он нанес там (совместно с 51-й армией) сокрушительный удар любимцу Гитлера фельдмаршалу Манштейну. В последующем войска под командованием Р. Я. Малиновского изгнали врага из Ростова и, взаимодействуя с войсками Ф. И. Толбухина (Южный фронт), освободили Донбасс. Затем они форсировали Днепр и участвовали в освобождении Правобережной Украины. На полководческом счету Р. Я. Малиновского превосходно проведенная во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом Ясско-Кишиневская операция, победы под Будапештом и Веной, бои за освобождение Чехословакии. Затем, как уже сказано, Родион Яковлевич командовал Забайкальским фронтом — на главном направлении против Квантунской армии.

Федор Иванович Толбухин пришел на командные по-

сты со штабной работы. Как командарм он тоже проявил себя во время Сталинградской битвы и уже с июля 1943 года стал командовать Южным фронтом. Руководил боевыми действиями при прорыве обороны противника на реке Миус и освобождении южного Донбасса, громил врага на реке Молочной и на Сиваше, освобождал Крым. Под его командованием войска 3-го Украинского фронта наголову разбили неприятеля в районе Кишинева, проделали поход на Балканы, освободили Болгарию и совместно с югославскими патриотами очистили от оккупантов Белград. Дальнейший их путь отмечен победой на озере Балатон и успешным наступлением на столицу Австрии. Лично мне Ф. И. Толбухин запомнился как очень добрый человек и, пожалуй, самый скромный из всех командующих фронтами. «Штабная косточка» осталась у него на всю жизнь и порой превалировала над командной. Своим подчиненным он всегда предоставлял возможность проявлять широкую инициативу.

Для нас, работников Генерального штаба, 24 мая 1945 года было едва ли не самым напряженным днем после капитуляции гитлеровской Германии. Сразу после доклада Сталину наших соображений о параде мы засели за окончательную отработку директивы фронтам и еще до торжественного обеда в Кремле успели отправить ее адресатам. Она, по-моему, не обнародовалась ни в одном из печатных трудов, доступных массовому читателю, и потому я позволю себе воспроизвести здесь этот документ полностью.

«Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Для участия в параде в Москве, в честь победы над Германией, выделить от фронта сводный полк.

2. Сводный полк сформировать по следующему расчету: пять батальонов двухротного состава по 100 чел. в каждой роте (10 отделений по 10 чел.). Кроме того, 19 чел. командного состава из расчета — командир полка 1, зам. командира полка 2 (по строевой и по политчасти), начальник штаба полка 1, командиров батальонов 5, командиров рот 10 и 36 чел. знаменщиков с 4-мя ассистентами-офицерами; в сводном полку 1059 чел. и 10 чел. запасных.

3. В сводном полку иметь — шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и одну роту сводную — кавалеристы, саперы, связисты.

4. Роты укомплектовать так, чтобы командирами отделений были средние офицеры, а в составе отделений — рядовые и сержанты.

5. Личный состав для участия в параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена.

6. Сводный полк вооружить: три стрелковых роты — винтовками, три стрелковых роты — автоматами, роту артиллеристов — карабинами за спину, роту танкистов и роту летчиков — пистолетами, роту саперов, связистов и кавалеристов — карабинами за спину, кавалеристов, кроме того, — шашками.

7. На парад прибыть командующему фронтом и всем командармам, включая авиационные и танковые армии.

8. Сводному полку прибыть в Москву 10 июня с. г., имея при себе тридцать шесть боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта и все захваченные в боях войсками фронта боевые знамена соединений и частей противника, независимо от их количества.

9. Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве.

24 мая. 1945 г. Антонов»

К 8 часам вечера руководящий состав Генштаба был приглашен в Кремль. Там, в Георгиевском зале, вместе с военными собрались члены Правительства и Центрального Комитета партии, виднейшие деятели народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства.

Первый тост провозгласили за здоровье красноармейцев, моряков, офицеров, генералов и адмиралов. Второй, под гром оваций, — за партию и ее Центральный Комитет.

Потом был тост за демократическую дружественную Польшу, народ которой первым вступил в вооруженную борьбу с гитлеровскими полчищами. На нашем торжестве присутствовала делегация польских горняков в живопис-

ных костюмах, доставившая в подарок Москве эшелон каменного угля. Польские товарищи подошли к столу президиума, за которым сидели руководители партии и правительства, а также Маршалы Советского Союза, тепло приветствовали их, а затем отлично исполнили хором заздравную песню. Зал наградил исполнителей шумными аплодисментами.

С энтузиазмом был встречен тост за Михаила Ивановича Калинина. Затем последовали тосты за каждого из командующих фронтами, за старейших полководцев Красной Армии — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, С. К. Тимошенко. Не были забыты и руководители славного Военно-Морского Флота, маршалы родов войск, Государственный Комитет Обороны и его Председатель, Генеральный штаб.

Довольно длительные промежутки, отделявшие один тост от другого, заполняла программа превосходного концерта. С эстрады лились наши русские песни. Перед гостями выступали мастера балета и народных танцев.

В заключение поднял рюмку И. В. Сталин и, стоя, обратился ко всем присутствующим:

— Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего за здоровье русского народа.

Зал откликнулся на это криками «ура» и бурной овацией.

— Я пью, — продолжал Сталин, — прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленин-

градской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

Мы считали, что словами Сталина с нами говорит сама партия. И под сводами Кремля вновь загремела овация.

Тот вечер оставил глубокий след в душе каждого из нас. Многое мы вспомнили, многое передумали.

От войны страна переходила к мирному труду. Предстояло одолеть разруху, неустроенность жизни, вернуть здоровье и работоспособность тем, кто искалечен в боях, окружить заботой и вниманием осиротевших детей, овдовевших солдатских жен, матерей, потерявших своих сыновей. Как все это было трудно!

Генштаб уже работал над подготовкой к возвращению в народное хозяйство миллионов воинов.

А на фронтах меж тем приступили к формированию и сосредоточению на станции погрузки сводных полков. Командирами их были назначены: на Карельском фронте генерал-майор Г. Е. Калиновский, на Ленинградском генерал-майор А. Т. Стученко, на 1-м Прибалтийском генерал-лейтенант А. И. Лопатин, на 3-м Белорусском генерал-лейтенант П. К. Кошевой, на 2-м Белорусском генерал-лейтенант К. М. Эрастов, на 1-м Белорусском генерал-лейтенант И. П. Рослый, на 1-м Украинском генерал-майор Г. В. Бакланов, на 4-м Украинском генерал-лейтенант А. Л. Бондарев, на 2-м Украинском генерал-лейтенант И. М. Афонин, на 3-м Украинском генерал-лейтенант Н. И. Бирюков. В боях почти все они командовали корпусами.

Сводный полк Военно-Морского Флота возглавил вице-адмирал В. Г. Фадеев.

Должен сказать, что некоторые фронты с особого разрешения Генштаба имели в сводных полках несколько иное количество батальонов и рот по сравнению с организацией, установленной директивой от 24 мая.

В ожидании прибытия полков почти все швейные фабрики Москвы готовили парадное обмундирование для солдат. На офицеров и генералов заработали многочисленные мастерские и ателье. Подыскивались помещения для расквартирования участников парада. Центральный аэродром был отведен для строевых тренировок.

Разрабатывался план праздничного салюта и иллюминации. Главное политическое управление предложило поднять над Москвой аэростаты с портретами, красными флагами, изображениями орденов Победы и Красной Звезды. Все это размером 18 на 18 метров и должно было подсвечиваться мощными прожекторами. На аэростатах же предполагалось поднять сильные репродукторы.

10 июня парадные расчеты собрались в Москве и приступили к тренировкам. Для принимающего парад и командующего заблаговременно подобрали коней: маршалу Жукову — белого, маршалу Рокоссовскому — вороного. Оба они — старые кавалеристы, так что тренироваться им почти не потребовалось.

Сводные полки привезли с собой очень много знамен разбитых гитлеровских частей и соединений, в том числе даже личный штандарт Гитлера. Выносить их все на Красную площадь не имело смысла. Отобрали только двести штук. Вражеские боевые реликвии должна была нести специально выделенная рота. Договорились, что она понесет их с углом наклона, чуть не касаясь полотнищами земли, и потом под треск десятков барабанов бросит к подножию Мавзолея Ленина.

Выработанный ритуал пытались доложить Верховному, но он и слушать не стал.

— Это — дело военных. Решайте сами, — заявил Сталин.

В дальнейшем подготовкой к параду всецело занялись Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский. Весь церемониал рассматривался ими. Особое внимание проявили они к боевым знаменам, под которыми сводные полки должны были выйти на Красную площадь. Ведь каждое из этих

360 знамен представляло какую-то часть или соединение. За каждым пламенела кровь сражений и простирались многотрудные пути от стен Москвы и Сталинграда, от предгорий Кавказа и колыбели нашей революции города Ленина до Бухареста и Будапешта, Вены и Белграда, Берлина и Праги, до той конечной черты, где подняли руки вверх последние гитлеровские солдаты.

Знамя Победы, водруженное на рейхстаге, приказали доставить в Москву с особыми воинскими почестями. Утром 20 июня начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф. Я. Лисицын на аэродроме Берлина торжественно вручил его Героям Советского Союза старшему сержанту Сьянову, младшему сержанту Кантария, сержанту Егорову, капитанам Самсонову и Неустроеву. В тот же день они прибыли на Центральный аэродром столицы. Здесь Знамя Победы было встречено почетным караулом Московского гарнизона со знаменосцем Героем Советского Союза старшим сержантом Ф. А. Шкиревым и двумя ассистентами, тоже Героями Советского Союза, гвардии старшиной И. П. Панышевым и сержантом П. С. Маштаковым.

В самый канун парада — 23 июня — закончилась Сессия Верховного Совета СССР. Заслушав доклад начальника Генерального штаба А. И. Антонова, она приняла решение о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии. Назначенный на следующий день Парад Победы явился как бы логическим ее завершением. Советский Союз вступал в полосу мира.

С утра 24 июня в Москве накрапывал дождь, но настроение у всех было очень приподнятое. Мы, однако, волновались, сознавая исключительность предстоящего парада. Таких парадов не было за всю историю Советских Вооруженных Сил. Больше того, Красная площадь не видала ничего подобного за 800 лет своего существования.

В 9 часов 45 минут по трибунам прокатилась волна рукоплесканий. Разместившиеся там депутаты Верховного Совета СССР, передовики московских заводов и фабрик, работники науки и культуры, многочисленные гости из-за рубежа приветствовали правительство и членов Политбюро Центрального Комитета партии, только что поднявшихся на Мавзолей. Перед Мавзолеем на особой площадке — советские генералы. Маршал К. К. Рокос-

совский занял место для движения навстречу принимающему парад маршалу Г. К. Жукову.

Бьют кремлевские куранты. С их последним — десятым — ударом подается команда «Смирно!». Четко звучит цокот копыт двух коней, затем голос командующего парадом, отдающего рапорт, и, наконец, всю Красную площадь захлестывают торжественные звуки оркестра.

Начинается объезд войск. На поздравления маршала Г. К. Жукова сводные полки отвечают ликующим «ура». А потом, когда оба маршала возвращаются к Мавзолею, этот боевой клич, все нарастая и нарастая откуда-то из глубины улицы Горького, с Театральной и Манежной площадей, как бы накатывается вновь на Красную площадь.

Сводный оркестр в 1400 человек под управлением генерал-майора С. А. Чернецкого выходит на середину площади и исполняет «Славься, русский народ».

Г. К. Жуков от имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии произносит с трибуны Мавзолея короткую речь и поздравляет с победой всех собравшихся. Радио разносит это поздравление по всей столице, по всей стране. Долетает оно, конечно, и до наших войск в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии. Слушают его и те, кому после победы на западе пришлось отбыть на Дальний Восток.

Торжественный марш сводные полки совершают в том порядке, в каком располагались наши фронты с севера на юг. Первым идет полк Карельского фронта. Впереди — маршал К. А. Мерецков. За ним Ленинградский во главе с маршалом Л. А. Говоровым. Далее — полк 1-го Прибалтийского фронта. Возглавлял его колонну генерал армии И. Х. Баграмян. Перед сводным полком 3-го Белорусского фронта шел маршал А. М. Василевский. Полк 2-го Белорусского фронта вел генерал-полковник К. П. Трубников, заместитель маршала Рокоссовского, полк 1-го Белорусского — генерал-лейтенант И. П. Рослый, а впереди шел заместитель командующего фронтом генерал армии В. Д. Соколовский.

Особой колонной прошли представители Войска Польского. Возглавлял их начальник генерального штаба Польши В. В. Корчиц.

Затем следовал полк 1-го Украинского фронта во гла-

ве с маршалом И. С. Коневым. Фронтовое Знамя нес трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

Полк 4-го Украинского фронта вел генерал армии А. И. Еременко. За ним следовал 2-й Украинский фронт со своим командующим маршалом Р. Я. Малиновским. И наконец, самый южный из фронтов — 3-й Украинский с маршалом Ф. И. Толбухиным впереди. А замыкали шествие сводных полков моряки, возглавляемые вице-адмиралом В. Г. Фадеевым.

Гигантский оркестр сопровождал движение войск боевыми маршами. Марши сменялись, но пауз не было. И вдруг на предельном фортиссимо оркестр смолк. Эта единственная пауза кажется бездонной. Наконец в какой-то настораживающей тишине раздается резкая дробь барабанов, и появляется колонна с двумя сотнями вражеских знамен. Полотнища почти волочатся по мокрой брусчатке. Поравнявшись с Мавзолеем, бойцы делают поворот направо и с силой бросают свою постылую ношу на камни Красной площади.

Трибуны взрываются аплодисментами. Многие из присутствующих кричат «ура». А дробь барабанов все продолжается, и перед Мавзолеем все растет гора предаваемых позору вражеских знамен.

Но вот опять заиграл оркестр. На площадь вступают войска Московского гарнизона. Идет сводный полк Наркомата обороны. За ним военные академии — имени М. В. Фрунзе, артиллерийская, танковая, воздушная и все другие. После академий мимо трибун на рысях проходит конница, стремительно проносятся артиллерия, танки и самоходные орудия.

Парад длился два часа. Дождь лил как из ведра, но тысячи людей, переполнивших Красную площадь, будто и не замечали его. Однако прохождение колонн трудящихся столицы из-за непогоды было отменено.

К вечеру дождь прекратился, на улицах Москвы вновь воцарился праздник. Высоко в небе в лучах мощных прожекторов реяли алые полотнища, величественно плыл сверкающий орден Победы. На площадях гремели оркестры, выступали артисты, возникали массовые танцы.

А на следующий день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада.

Кроме виновников торжества на него были приглашены виднейшие деятели науки, техники, литературы и искусства. В Кремль пришли также стахановцы столичных предприятий, ударники колхозных полей, представители тех, кто ковал оружие для фронта, добывал металл, кормил и одевал нашу армию, наш флот. Всего приглашенных было более двух с половиной тысяч человек.

Как и на прошлом приеме, первый тост был провозглашен за бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота. Затем последовали тосты за Верховного Главнокомандующего, за каждого из командующих фронтами Великой Отечественной войны и их боевых сподвижников: за командующего Карельским фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова и командующих армиями генералов В. И. Щербакова и Л. С. Сквирского; за командующего Ленинградским фронтом Маршала Советского Союза Л. А. Говорова и командующих армиями генералов М. И. Казакова и Н. П. Симоняка; за командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна и командармов И. М. Чистякова, П. Г. Чанчибадзе, Я. Г. Крейзера; за командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского и генералов К. Н. Галицкого, А. П. Белобородова, Н. И. Гусева, Ф. П. Озерова, Т. Т. Хрюкина; за командующего 2-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и генералов В. С. Попова, П. И. Батова, И. Т. Гришина, И. И. Федюнинского и К. А. Вершинина.

Командующие фронтами и командармы, когда называлась их фамилия, подходили к столу правительства и чокались там со всеми. Оркестр на хорах играл в это время туш или марш. Верховный Главнокомандующий почти каждому говорил что-то.

После того как провозгласили тост за командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова и генералов В. Д. Соколовского, В. И. Чуйкова, В. И. Кузнецова, С. И. Богданова, М. Е. Катукова, А. В. Горбатова, П. А. Белова, В. Я. Колпакчи, Ф. И. Перхоровича, С. И. Руденко и те подошли к столу, Сталин отобрал у В. И. Чуйкова рюмку, заменил ее другой — побольше. Василий Иванович чокнулся с Верховным и выпил залпом.

Потом был произнесен тост в честь и за здоровье

командующего 1-м Украинским фронтом маршала И. С. Конева и его командармов — Маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко, генералов Д. Д. Лелюшенко, А. С. Жадова, И. Т. Коровникова, Д. Н. Гусева, В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, В. А. Глуздовского, П. Г. Шафранова, С. А. Красовского, К. А. Коротеева.

После этого к столу правительства выходили командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии А. И. Еременко, генералы К. С. Москаленко, А. А. Гречко, П. А. Курочкин, А. И. Гастилович, В. Н. Жданов.

Чокнулись за здоровье командующего 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского и командующих армиями генералов Г. Ф. Захарова, Ф. Ф. Жмаченко, И. М. Манагарова, М. С. Шумилова, И. А. Плиева, А. Г. Кравченко, С. К. Горюнова.

Наконец, была провозглашена здравица маршалу Ф. И. Толбухину, командующему 3-м Украинским фронтом, и генералам В. В. Глаголеву, С. Г. Трофименко, М. Н. Шарохину, С. С. Бирюзову, В. А. Судец, Н. Д. Захватаеву, Н. А. Гагену.

Должен оговориться, что на торжественном приеме в Кремле присутствовала только часть славной когорты командующих армиями. За время войны на этом ответственном посту лишь в общевойсковых армиях перебывало около 200 человек. Все они, за редчайшим исключением, являлись отлично подготовленными генералами, с большим опытом практической работы в войсках. 66 из них удостоились звания Героя Советского Союза, а одиннадцать имели по две медали «Золотая Звезда». В последующем четверо — А. А. Гречко, Н. И. Крылов, К. С. Москаленко и В. И. Чуйков — стали Маршалами Советского Союза.

Специально следует сказать о командующих танковыми армиями. Такие оперативные объединения появились в Советской Армии с мая 1942 года. В 1944 году число танковых армий достигло шести и осталось неизменным до конца войны. В разное время ими командовали одиннадцать человек: С. И. Богданов, В. М. Баданов, В. Т. Вольский, М. Е. Катуков, А. Г. Кравченко, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Радзиевский, А. Г. Родин, П. Л. Романенко, П. А. Ротмистров, П. С. Рыбалко. Пятеро из них — дважды Герои Советского Союза. Трое после войны удостоены звания Маршала бронетанковых войск, а

П. А. Ротмистров стал Главным маршалом бронетанковых войск.

На должности командующих танковыми армиями подбирали наиболее одаренных, смелых и решительных генералов, которые способны были взять на себя всю полноту ответственности за свои действия и не оглядываться назад. Только такие люди могли решать задачи, возлагавшиеся на танковые армии. Эти армии обычно вводились в прорыв и, действуя в оперативной глубине, в отрыве от главных сил фронта, громили резервы противника, его тылы, нарушали систему управления, захватывали выгодные рубежи и наиболее важные объекты.

Дольше всех командовал танковой армией Павел Семенович Рыбалко. Это был очень эрудированный, волевой человек. В первые послевоенные годы на его долю выпала честь возглавить все наши бронетанковые войска. Он вложил много труда и энергии в их реорганизацию и перевооружение.

К числу незаурядных танковых военачальников относится, несомненно, и Павел Алексеевич Ротмистров. Опираясь на свой богатый практический опыт, приобретенный на поле боя, и обширные теоретические знания, он тоже внес заметный вклад в дело послевоенного развития танковой техники и подготовки командных кадров.

Михаил Ефимович Катуков — самый старейший из ныне здравствующих танкистов. Это — настоящий солдат, большой знаток боевой подготовки и тактики танковых войск. Танковая бригада, которой он командовал в битве под Москвой, первой в Советской Армии получила звание гвардейской. С самого начала и до последнего дня Великой Отечественной войны Михаил Ефимович не уходил с полей сражений.

Дмитрий Данилович Лелюшенко больше известен в наших Вооруженных Силах как общевойсковой командир. Только в марте 1944 года, видимо, за свою энергию, оптимизм, подвижность он был поставлен во главе 4-й танковой армии и с честью прокомандовал ею до окончания войны. Генерал «вперед» — так называли Д. Д. Лелюшенко знавшие его. Дмитрий Данилович почти не сидел в штабе, дни и ночи проводил на передовой, и найти его в боевой обстановке было очень трудно. Помню случай во время боев в Донбассе, когда Верховный Главнокомандующий захотел лично перегово-

рить с Лелюшенко. Генеральный штаб затратил на его розыски чуть ли не сутки, хотя связь со штабом армии была устойчивой. В результате родилась специальная директива, запрещавшая командармам на длительное время покидать свой командный пункт. Даже теперь, на седьмом десятке лет, за генералом армии дважды Героем Советского Союза Д. Д. Лелюшенко не угнаться и молодому человеку на теннисном корте, на волейбольной площадке.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией Семен Ильич Богданов отличался изумительной храбростью. Начиная с сентября 1943 года его армия принимала участие почти во всех решающих сражениях Великой Отечественной войны. Выдающиеся способности проявил Семен Ильич и в послевоенное время — был начальником академии, почти пять лет занимал пост командующего танковыми войсками Советских Вооруженных Сил.

С именем Андрея Григорьевича Кравченко неразрывно связаны все боевые успехи 6-й гвардейской танковой армии, в частности ее беспримерный переход через Большой Хинган.

Особый, так сказать, отряд образовывали командующие воздушными армиями. Всего во время войны в Вооруженных Силах было 17 воздушных армий фронтовой авиации. Длительное время ими командовали: М. М. Громов, С. А. Красовский, Н. Ф. Папивин, К. А. Вершинин, С. К. Горюнов, Ф. П. Полынин, И. М. Соколов, Т. Т. Хрюкин, А. С. Сенаторов, В. А. Виноградов, В. Н. Бибиков, Т. Ф. Куцевалов, С. Д. Рыбальченко, И. П. Журавлев, Н. Ф. Науменко, С. И. Руденко, В. А. Судец. Побывали на этом посту и еще шесть человек: С. А. Худяков, К. Н. Смирнов, Д. Ф. Кондратюк, В. Н. Жданов, Д. Я. Слобожан, И. Г. Пятыхин. А во главе Военно-Воздушных Сил на флотах стояли М. И. Самохин, Н. А. Остряков, В. В. Ермаченков, А. А. Кузнецов, А. Х. Андреев, Е. Н. Преображенский, П. Н. Лемешко.

Повторяю, не все из этих достойных людей смогли присутствовать на торжествах в Кремле, не каждый был назван за праздничным столом, но овации-то наши безусловно относились к каждому. Боевой путь некоторых из

них оказался коротким, однако велик был результат борьбы руководимых ими войск. И, отдавая дань уважения боевым товарищам, я хочу напомнить читателю имена остальных наших командармов. Вот они: М. А. Антонюк, П. Ф. Алферьев, К. Ф. Баранов, И. А. Богданов, А. Г. Батюня, Н. Э. Берзарин, И. В. Болдин, В. И. Вострухов, С. В. Вишневский, И. В. Галанин, В. Ф. Герасименко, К. Д. Голубев, А. М. Городнянский, А. В. Горбатов, А. А. Гречкин, М. Н. Герасимов, В. Н. Долматов, А. И. Данилов, А. Н. Ермаков, Ф. А. Ершаков, М. Г. Ефремов, Е. П. Журавлев, И. Г. Захаркин, А. И. Зыгин, М. М. Иванов, П. А. Иванов, К. С. Калганов, Ф. В. Камков, С. А. Калинин, В. Я. Качалов, К. М. Качанов, Г. П. Коротков, Г. К. Козлов, П. М. Козлов, П. П. Корзун, Н. И. Крылов, В. Д. Крюченкин, Н. К. Клыков, Ф. Д. Кулишев, Д. Т. Козлов, Г. П. Котов, Ф. И. Кузнецов, Ф. Я. Костенко, Т. К. Коломиец, А. С. Ксенофонтов, В. Н. Курдюмов, Г. И. Кулик, В. А. Зайцев, К. Н. Леселидзе, А. И. Лопатин, П. И. Ляпин, И. М. Любовцев, И. И. Людников, М. Ф. Лукин, В. Н. Львов, И. Г. Лазарев, А. М. Максимов, П. Ф. Малышев, К. С. Мельник, Н. А. Москвин, С. К. Мамонов, И. Н. Музыченко, В. И. Морозов, Д. Н. Никишев, Н. Н. Никишин, И. Ф. Николаев, В. В. Новиков, Ф. С. Иванов, Д. П. Онуприенко, М. И. Потапов, П. С. Пшенников, П. Г. Понеделин, Р. И. Панин, К. П. Подлас, В. С. Поленов, М. А. Парсегов, А. В. Петрушевский, М. П. Петров, Ф. А. Парусинов, К. И. Ракутин, Ф. Н. Ремезов, С. В. Рогинский, П. Л. Романенко, В. З. Романовский, А. И. Рыжов, С. Е. Рождественский, И. П. Рослый, Д. И. Рябышев, В. Н. Разуваев, Г. П. Сафронов, В. П. Свиридов, И. Г. Советников, А. В. Сухомлин, П. П. Собенников, Д. М. Селезнев, Г. Г. Соколов, И. К. Смирнов, А. К. Смирнов, В. Ф. Сергацков, М. С. Савушкин, Ф. Н. Стариков, Г. Ф. Тарасов, А. А. Тюрин, Н. И. Труфанов, К. П. Трубников, М. С. Филипповский, А. А. Филатов, П. М. Филатов, В. А. Фролов, Н. В. Фекленко, С. С. Фоменко, Ф. М. Харитонов, А. А. Хадеев, В. А. Хоменко, А. А. Хрящев, А. А. Харитонов, Г. А. Халюзин, М. С. Хозин, Г. И. Хетагуров, В. Д. Цветаев, В. В. Цыганов, Я. Т. Черевиченко, Н. Е. Чибисов, А. И. Черепанов, С. И. Черняк, Л. Г. Черемисов, В. А. Чистов, В. М. Шарапов, Т. И. Шевалдин, В. И. Швецов, И. Т. Шлемин, В. А. Юшкевич, В. Ф. Яковлев.

Свою долю восторженных оваций получили и те, кому в годы войны довелось возглавлять отдельные виды наших Вооруженных Сил, рода войск и важнейшие службы военного ведомства. Вот подошли к столу правительства артиллеристы. Впереди них — высокий подтянутый Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. За ним — маршалы артиллерии Н. Д. Яковлев, М. Н. Чистяков, генералы Г. Е. Дегтярев, Г. Ф. Одинцов, Н. М. Хлебников, М. М. Барсуков, А. К. Сокольский, В. И. Казаков, С. С. Варенцов, Н. С. Фомин, М. И. Неделин.

Вслед за тем мы горячо приветствовали М. И. Калинина, который много помогал нам, военным, понимал нашу работу, являлся пламенным пропагандистом боевых традиций и таких высоких моральных принципов, как доблесть, отвага, чувство воинского долга, верность Родине.

Аплодисментами и заздравной чарой наградили маршалов К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и С. К. Тимошенко, Главного маршала авиации А. А. Новикова, Маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, Народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова.

Вспомнив о Генштабе, назвали А. И. Антонова и меня. Мы тоже подошли к правительству, поздоровались со всеми и выпили за нашу победу.

От души аплодировал зал работникам тыла Красной Армии и их неутомимому руководителю генералу армии А. В. Хрулеву.

Особо отметили заслуги деятелей науки. Они были представлены здесь Президентом Академии наук СССР В. Л. Комаровым, академиками Т. Д. Лысенко, А. А. Байковым, П. Л. Капицей, Н. Д. Зелинским, А. А. Богомольцем, В. А. Обручевым, Л. А. Орбели, И. П. Бардиным, И. П. Павловым, И. М. Виноградовым, И. И. Мещаниновым, Д. Н. Прянишниковым, Н. И. Мусхелишвили, А. И. Абрикосовым.

Подняли бокалы и за представителей передовой конструкторской мысли — А. С. Яковлева, Б. Г. Шпитального, В. Г. Грабина, Ф. В. Токарева, В. А. Дегтярева, С. Г. Симонова, С. В. Ильюшина, А. А. Микулина, А. И. Микояна, С. А. Лавочкина, В. Ф. Болховитинова, А. Д. Швецова, А. Н. Туполева, В. Я. Климова.

Последний тост опять провозгласил Сталин.

Расходились мы из Кремля, когда последние лучи долгого июньского дня еще освещали главы кремлевских соборов. Перед глазами у меня стояла картина праздничного зала, заполненного преимущественно полководцами и военачальниками. Ни один из них не был похож на другого. Но как бы ни были различны их внешние черты, их характеры, стиль работы, опыт, знания, всем им была присуща главная и определяющая черта: они всегда и при любых обстоятельствах оставались горячими патриотами своей Родины и настоящими коммунистами.

С тех пор прошло немало лет. Многое изменилось на нашей планете, в нашей стране и родной армии. Коммунисты же не перестают быть коммунистами. Их лучшие качества как эстафета передаются от отцов сыновьям и внукам, тем, кто с оружием в руках стоит на страже мирного труда советских людей сегодня и будет стоять завтра.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Матвеевич Штеменко
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В ГОДЫ ВОЙНЫ
(Военные мемуары)

Редактор *М. М. Зотов*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *И. Ф. Кузьмин* Корректор *Н. М. Опрышко*

Г-50221. Сдано в набор 26. 9. 67 г. Подписано к печати 17. 4. 68 г.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 13 (Усл. печ. л. 21,32) + 4 накидки Печ. л. $^{1}/_{2}$.
(Усл. печ. л. 0,82). Уч.-изд. л. 22,77.
Бумага типографская № 1. Тираж 200 000. Цена 1 руб.
Изд. № 3/8187. Заказ № 1017

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Штеменко С. М.

Ш88 Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, «Военные мемуары».

416 с. 200 000 экз. 1 руб.

Свою службу в Генеральном штабе автор начал в 1940 году. С 1943 года и до конца войны занимал пост начальника Оперативного управления. Книга дает яркое представление об условиях и содержании работы Генерального штаба в военное время. Читатель вводится в лабораторию стратегического планирования, перед ним раскрывается роль Ставки, Генштаба и командования фронтов в разработке замыслов важнейших операций и кампаний Великой Отечественной войны. Хорошо представлены люди, в том числе видные наши военачальники. Очень богата документальная основа книги.

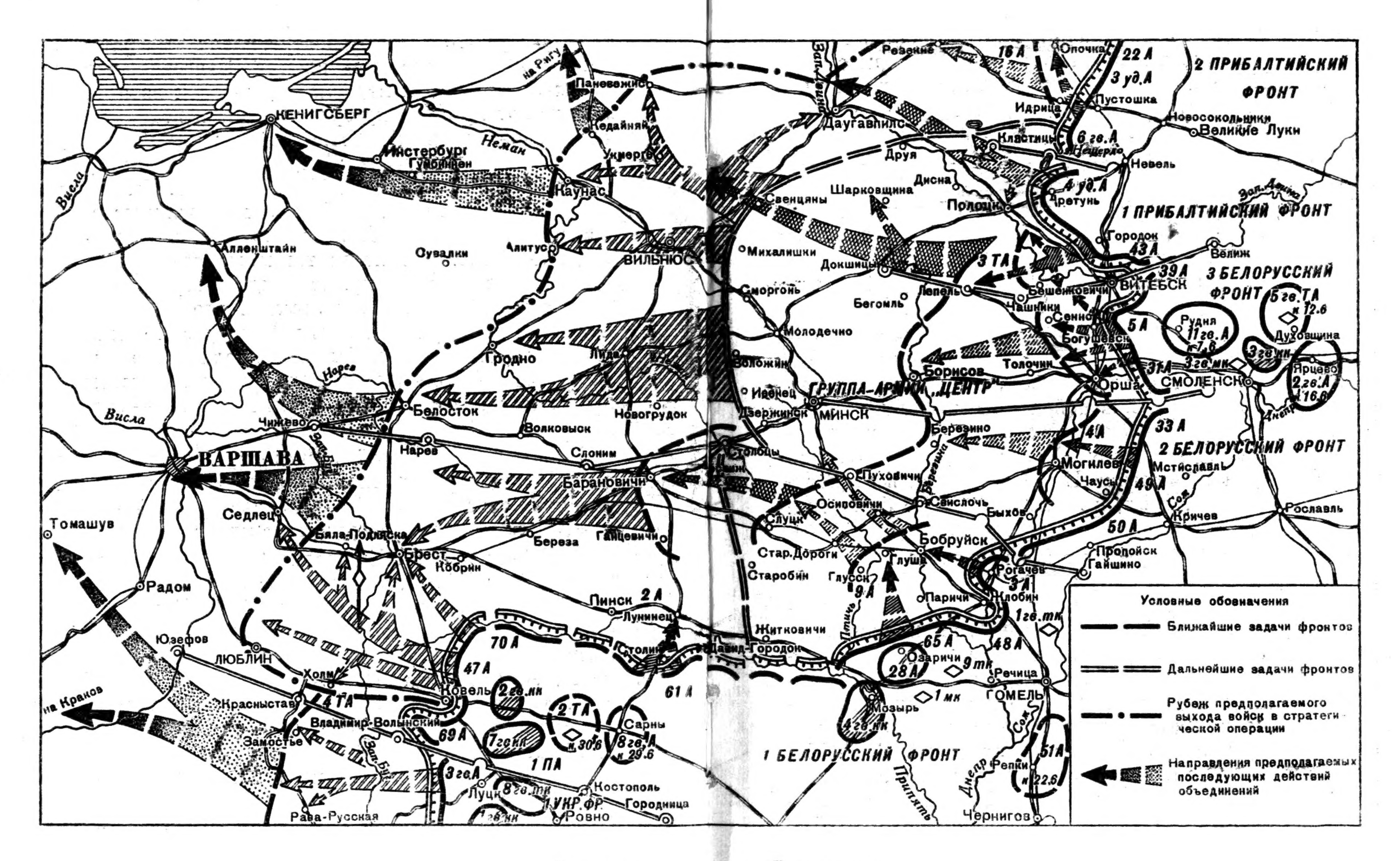
1-12-27

86-67 **9(С)27**

Хоги[illegible] род [illegible]
Лена [illegible]
[illegible]

Комсомольці 80 —
наслідники славних
старших поколінь
8-10 мин

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В ГОДЫ ВОЙНЫ

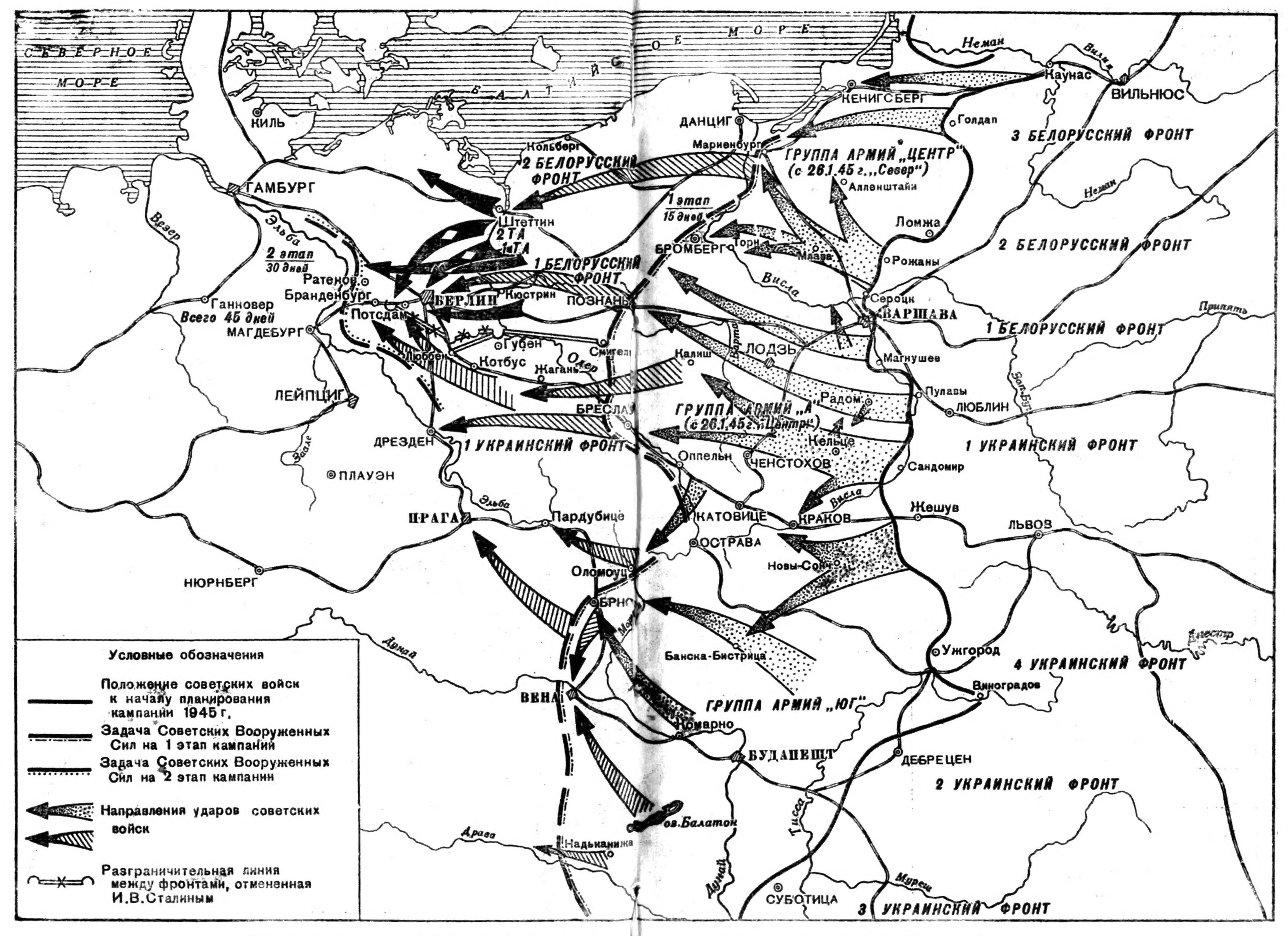

Операция «Багратион»

По ходу обсуждения замысла уточнялся состав ударных группировок фронтов, решались вопросы усиления их подвижными войсками. Была, в частности, удовлетворена и наша просьба об использовании на главном направлении 3-го Белорусского фронта одной танковой армии: туда перебрасывалась 5-я гвардейская. Глубину и темп операции предполагалось увеличить также за счет ввода в

действие общевойсковых армий из резерва Ставки. Начинать наступление решили 15—20 июня.

И. Х. Баграмян предложил направить усилия 1-го Прибалтийского фронта главным образом на обеспечение операции от возможного контрудара со стороны группы армий «Север». С ним согласились. Задача фронта была несколько изменена. Теперь уже не предусматривалось непосред-

План заключительной кампании войны против гитлеровской Германии